

Ольга Иконникова

ОУРЕЧНЫЙ
БИЗНЕС
ПОПАДАНКИ

Annotation

Измена жениха. Сердечный приступ. И вот я уже в другом мире — в теле белокурой красавицы Лорейн Ревияль, которую после смерти отца братья оставили без наследства. У Лорейн есть немощная мать и трое маленьких племянников — детей сбежавшей из дома сестры. А еще — старая избушка да крохотный огород на краю деревни. Не так уж и мало, чтобы начать новую жизнь. Тем более, что в здешних лесах водится растение, поразительно похожее на наши огурцы. Вот только местные отчего-то не используют его плоды в пищу. Возможно, потому, что просто не умеют их готовить? И пусть все считают Лорейн безвольной неумехой, я не намерена сдаваться. Тем более, что рядом с нашим домом — заброшенное герцогское поместье, в оранжерее которого так удобно выращивать огурцы!

- [Огуречный бизнес попаданки](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1 \(два месяца спустя\)](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28. Герцог Клермон](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31. Герцог Клермон](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33. Герцог Клермон](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35. Герцог Клермон](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38. Герцог Клермон](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40. Герцог Клермон](#)
- [Глава 41. Герцог Клермон](#)
- [Глава 42. Герцог Клермон](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48. Герцог Клермон](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53. Герцог Клермон](#)
- [Глава 54. Герцог Клермон](#)
- [Глава 55](#)

- [Глава 56](#)
 - [Глава 57. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 61. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 64. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 72. Герцог Клермон](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Эпилог](#)
-

Огуречный бизнес попаданки

Пролог

— Опять ты хрен добавляешь, — Соня, моя соседка по комнате, недовольно наморщила нос.

— Сережа любит именно с хреном, — улыбнулась я в ответ и положила в банку еще и дубовый лист. — Но специально для тебя я закатаю пару банок без него.

Мои консервированные огурцы обожало всё общежитие, и каждый сентябрь, начиная с первого курса, я делала заготовки не только для себя, но и для однокурсников. Со смородиновым и вишневым листом и укропом, с чесноком, с горчицей, с перчиком — у меня были рецепты на любой вкус. Такие огурцы разве в магазине купишь? Такие умела готовить только моя бабушка. А от нее научилась и я.

— Посмотри за молоком на плите, — попросила я Соню, — сейчас суп сварю, обедать будем.

Готовить я не просто умела, но еще и любила. Я лишилась родителей, когда мне было тринадцать. А бабушка уже тогда сильно болела. Вот и пришлось мне осваивать кулинарию, чтобы кормить и себя, и ее. В тринадцать я научилась варить каши и жарить яичницу, в четырнадцать — тушить мясо и варить супы, в пятнадцать — печь торты и пироги. И с огородом я управлялась не хуже бабушки — свои картошка, огурцы и зелень были для нас большим подспорьем. «И кому только такая невеста достанется?» — вопрошали соседки и настойчиво пытались свести меня со своими сыновьями и племянниками. Но я так и не влюбилась ни в кого до самого второго курса университета.

Сергей Пахомов перевелся в нашу группу из другого вуза. Высокий, темноволосый, а еще умный и начитанный. Нас с ним как-то сразу потянуло друг к другу. Но по-настоящему парой мы стали только через год — уже на третьем курсе. А сейчас, на четвертом, мы не могли дождаться защиты диплома, сразу после которой собирались пойти в загс.

Софья послушно подошла к плите, но смотрела не на кастрюлю, а в телефон.

— Соня, молоко убежит! — крикнула я.

Подруга лениво поболтала ложкой и хмыкнула:

— Ты бы лучше за своим Сережкой так смотрела, как за молоком.

— Что? — не поняла я. — Ты о чём?

Мы с Пахомовым доверяли друг другу на сто процентов. Да и разве могло быть по-другому?

— Ну, до чего же ты наивная, Ларка! — умилилась Соня. — Неужели, до сих пор не заметила, что на него Задорина глаз положила?

Сердце кольнуло, но я постаралась отогнать неприятные мысли.

— Ну, и что, что положила? Пусть себе облизывается на расстоянии.

— Задорина не из тех, кто просто облизывается. Она проглотит и не заметит. И я бы на твоём месте прямо сейчас поинтересовалась, чем твой Сереженька занят. Потому что пятнадцать минут назад, когда я возвращалась из магазина, мы с Кариной ехали в одном лифте. И она нажала на кнопку с цифрой пять.

Пятый этаж был мужским. И именно на нём находилась комната Сережи.

— У него завтра соревнования по волейболу. Он сегодня выспаться хотел, — я старалась говорить как можно уверенней, но голос всё-таки дрогнул.

— Значит, не пойдешь проверять? — не унималась Софья. — Боишься разочароваться? А если нет, так пойди и пригласи его на обед.

Конечно, можно было просто позвонить, но я решила дойти до него сама — всего-то подняться на один этаж. Не потому, что засомневалась, а чтобы Соне доказать, что она не права.

Но дверь Сережиной комнаты мне открыла как раз Карина Задорина. Из одежды на ней была только футболка Пахомова, доходившая ей почти до колен. В нос ударил аромат дерзких дорогих духов.

— Что ты здесь делаешь? И где Сережа?

Я могла и не задавать этот вопрос — ответ был очевиден.

— Сережа пошел в душ. Мы только-только выбрались из постели, — Карина подошла к зеркалу и поправила помаду на припухших, должно быть, от недавних поцелуев губах. — А разве ты не знала, что мы теперь с ним вместе?

Учитывая, что Соня видела ее в лифте только четверть часа назад, я хотела сказать, что они как-то слишком быстро накувыркались в постели. Но не смогла — снова предательски закололо сердце. Сил хватило только на то, чтобы выдохнуть:

— Ты врешь!

— Неужели ты думала, что он на самом деле на тебе женится? — Задорина посмотрела на меня с удивлением. — Что ты можешь ему предложить? Вам же придется мыкаться по чужим углам еще лет десять прежде, чем вы соберете на первоначальный взнос по ипотеке. А мне папа после защиты диплома обещал квартиру подарить — в самом центре Питера, между прочим.

Парировать мне было нечем. Даже самые лучшие борщи и пироги не могли конкурировать с элитной недвижимостью.

— Лара? — услышала я голос Сергея за спиной.

Пахомов стоял в коридоре с мокрой головой и полотенцем на плече. На его обычно светлой коже проступили красные пятна.

— Когда ты собирался мне о ней рассказать? — спросила я.

Но ответил не он, а Задорина:

— Наверно, после защиты диплома, который ты обещала за него написать.

Я вздрогнула. Да, я иногда писала за него контрольные и курсовые — потому что тренировки и соревнования отнимали у него слишком много времени.

Наверно, я побледнела, потому что Сергей резко велел:

— Карина, замолчи!

Но было уже поздно — в глазах потемнело, и я, держась за стену, стала медленно оседать на пол.

— Валидол! Есть у кого-нибудь валидол? — Пахомов уже кричал. — У нее больное сердце! Да вызови же скорую, дура!

Моей последней мыслью в этом мире была мысль об огурцах — о том, что я разложила их по банкам, но рассолом так и не залила.

Глава 1 (два месяца спустя)

— Поскольку шевалье Ревраль не оставил завещания, всё его недвижимое и сопряженное с ним имущество в соответствии с Кодексом законов Арвитании переходит к его старшему сыну Даррену, — нотариус перевернул захрустевшую под его пальцами бумагу и посмотрел на собравшихся поверх золоченых очков. — А вот денежные средства, находящиеся на счете в банке Томпсона (коих оказалось двести пятьдесят золотых) делятся поровну между всеми наследниками мужского пола. То есть, каждый из двоих сыновей покойного получит по половине указанной суммы.

Он замолчал. А мы еще ждали чего-то. И я, и старшая сестра Гертруда, и матушка Табита. Ведь не могло же так оказаться, что нас оставили совсем ни с чем. У шевалье Ревраля были не только сыновья, но и жена, и дочери.

И хотя я уже успела понять, что в Арвитании женщины не имеют почти никаких прав, всё же надеялась, что хотя бы в родной семье мы можем на что-то рассчитывать.

— А как же мы, сударь? — не выдержала Гертруда. — На что будем жить мы?

Она была вдовой и после смерти своего разорившегося мужа вынуждена была вернуться в отцовский дом с тремя детьми. И беспокоилась сейчас не о себе, а о них.

Нотариус развел руками:

— Вы же слышали, сударыня — этот дом и поместье теперь принадлежат вашему брату. Возможно, он позволит вам тут остаться.

А Даррен уже суетился вокруг гостя, предлагая ему отобедать или выпить на дорожку. Но тот отказался, и брат отправился его провожать.

Я посмотрела на матушку, которая притулилась у самого края стола. По ее морщинистым щекам катились слёзы. Она много лет создавала уют в этом доме, но теперь уже не была тут хозяйкой.

Высокая худощавая Чарис — жена Даррена — велела горничной накрывать на стол. И вскоре из принесенной с кухни супницы понесся

по всей столовой запах свежего сырного супа, от которого у меня заурчало в желудке.

— Надеюсь, всё останется так же, как и было при жизни отца? — спросила Гертруда.

— Не думаю, дорогая, — откликнулась Чарри. — Ваш отец вел себя неразумно и лишился того влияния в обществе, которое когда-то имел. Мы с Дарреном хотим это исправить. Простите, матушка, — обернулась она в сторону Табиты, — за то, что вынуждена это сказать. Наверно, вашему мужу было всё равно, как к нему относилось общество, но для нас с Дарреном это важно. Наши сыновья уже взрослые, и нам хотелось бы, чтобы они нашли себе жен в дворянских семьях. А это будет возможно, только если мы изменим наш образ жизни.

При жизни шевалье Ревияля она не решилась бы сказать ничего подобного. Я сама была знакома с ним не больше месяца, но даже за столь короткое время успела понять, что он был благородным и мудрым человеком. Было искренне жаль, что вместе с поместьем Даррен не унаследовал и черты характера своего отца.

По мнению Даррена и его жены месье Ревияль однажды совершил страшную ошибку — много лет назад он влюбился в дочь крестьянина Табиту и ради этой любви пожертвовал своим положением в свете. Когда он женился на любимой, общество отвернулось от него, и двери многих домов, где его прежде привечали, оказались для него закрыты навсегда.

Я, как и остальные члены семьи, присутствовала при кончине Карла Ревияля, и на смертном одре он сказал, что никогда не жалел о своем решении и что его собственная семья всегда была для него важнее, чем мнение чужих людей.

Вот только Даррен и Чарис думали по-другому.

— И что это значит, Чарри? — испугалась Гертруда.

— Что вам придется покинуть наш дом, — невестка воинственно вскинула голову и оглядела всех нас. — У вашей матушки есть домик в деревне, вы можете поселиться там. Мне жаль говорить вам это, но ничего другого не остается. Наши соседи не станут наносить нам визиты и звать нас к себе в ответ до тех пор, пока здесь находится Табита. Вы сами знаете, матушка, что они никогда не сочтут вас ровней себе.

Табита не возразила ей ни словом, только отвернулась к окну, чтобы никому не показывать своих слёз.

— Не смей так говорить! — не выдержала я. — От того, что матушка уедет из этого дома, твой муж не перестанет быть ее сыном.

Я плохо разбиралась в местных законах. Но помимо того, что было прописано в кодексах, были еще и другие законы — законы чести и доброты.

— Лорейн права! — поддержала меня Гертруда. — В наших жилах течет такая же кровь, что и в жилах Даррена.

Я услышала шорох и посмотрела в сторону дверей. Брат старался остаться незамеченным, но его выдала тень. Это было так подло и трусливо, что мне стало не по себе. Он не осмелился сам бросить в лицо матери и сестер все эти мерзкие слова, предпочтя, чтобы их высказала нам его жена.

— Ты забываешь, дорогая, что твой муж был обычным торговцем, — усмехнулась Чарис. — И в твоих детях дворянской крови еще меньше, чем в тебе самой. И ваш отец был вовсе не богат. Оставленных им денег едва хватит на то, чтобы сделать ремонт в гостиной, столовой и бальной зале, где мы намерены принимать гостей. И мы не обязаны содержать твоих сыновей и дочь — у нас есть собственные дети, мы должны думать об их интересах.

— Пусть так, — согласилась Гертруда. — Возможно, я и матушка не заслуживаем вашей доброты. Но ты должна позволить остаться здесь хотя бы Лорейн. Она еще очень молода и может выйти замуж за достойного человека. Клод Дэвис любит ее, и его семья достаточно уважаема в обществе. Надеюсь, с этим ты спорить не станешь?

— Хорошо, — после некоторых раздумий кивнула Чарис. — Лорейн может остаться здесь до свадьбы.

Гертруда бросила на меня подбадривающий взгляд. Она была рада, что позаботилась хотя бы обо мне.

Вот только я бы предпочла, чтобы она не вспоминала о Клоде Дэвисе. Потому что это был не мой жених. Это был жених настоящей Лорейн Ревиль, в тело которой я попала два месяца назад.

Как это случилось, я не знала. Как не знала и что произошло с самой Лорейн. Я просто очнулась в ее теле, когда оно лежало у подножия высокой парадной лестницы в этом доме. И теперь в моей голове боролись друг с другом мои собственные воспоминания и

воспоминания этой белокурой девочки, чье имя я вынуждена была носить. И как же непросто было во всем этом разобраться!

— Лорейн! — Даррен, наконец, решился обнаружить свое присутствие и переступил через порог. — Прибыл Клод Дэвис! Он ждет тебя в гостиной. Поторопись! И если он заговорит о свадьбе, то не смей ему возражать. Уверен, что наш отец не захотел бы, чтобы вы откладывали церемонию из-за того, что срок траура еще не истек. Для всех будет лучше, если ты выйдешь замуж как можно скорей.

— Она это понимает и сама, дорогой, — улыбнулась Чарри. — Этот молодой человек такой авантажный, что перед ним невозможно устоять. Вы будете прекрасной парой, Лора!

Я стиснула зубы и заставила себя промолчать. Но в гостиную я направилась с твердым намерением отказать Клоду Дэвису, если он вздумает заговорить о свадьбе.

Вот только делать этого мне не пришлось. Потому что Клод разорвал помолвку сам.

Глава 2

Жених Лорей Клод Дэвис был среднего роста, светловолосым и обычно улыбочивым — это уже даже я успела заметить. Но на этот раз он отчего-то был хмур.

— Нам нужно поговорить, Лора, — тон его не сулил ничего хорошего.

Я кивнула и хотела закрыть дверь в гостиную. Но вовремя спохватилась. Нравы здесь были совсем другими, и незамужняя девушка не должна была уединяться с мужчиной.

— Говори!

Я была голодна и утомлена разговором и с нотариусом, и с Чарис, и предпочла бы сесть в кресло у камина. Но Клод стоял в центре комнаты как мраморное изваяние, и я встала в двух шагах напротив него.

— Даже не знаю, с чего начать, — замялся он. — По дороге из города мы с отцом встретил господина нотариуса, когда тот ехал от вас. Он сказал, что всё досталось Даррену. И дом, и деньги, и земля. Надеюсь, он хотя бы не откажется дать тебе приданое, которое тебе обещал отец.

Так вот, что его беспокоило — мое приданое! Он пришел, чтобы я успокоила его! Но я не могла, да и не собиралась этого делать.

— Нет, — я покачала головой, — он не даст за мной ничего. У него свои дочери на выданье.

Клод еще больше помрачнел. Он переминался с ноги на ногу и молчал. Словно должен был что-то сказать, но не решался этого сделать. И я сказала это за него сама:

— Ты не женишься на мне, если у меня не будет приданого. Так?

Он выдохнул:

— Я бы женился, если бы не отец! Ты же знаешь, Лора, как я люблю тебя! Но отец мне не позволит! Он и так был против нашего брака, — тут он смутился, не осмеливаясь произнести причину недовольства отца. Но я знала ее и сама — неблагородное происхождение матери Лорейн. — Мне удалось убедить его, когда

шевалье Ревраль сказал, что даст за тобой пятьсот золотых. Он говорил, что положил эти деньги в банк и не станет их тратить!

Пятьсот золотых! Те самые пятьсот золотых, что теперь будут разделены между братьями Лорейн! Значит, на самом деле они предназначались ей самой! Возможно, шевалье собирался сделать соответствующие распоряжения в завещании, но не успел. А быть может, он сказал свою волю Даррену и понадеялся, что тот выполнит ее безо всяких нотариально заверенных бумаг? Я бы не удивилась, если бы это было именно так.

— Ты расторгаешь помолвку? — уточнила я.

— Я не хотел бы, но...

— Расторгаешь? — я была настойчива.

Он кивнул. Теперь он не решался посмотреть мне в глаза. Должно быть, он ожидал от меня слез, а то и истерики.

А я облегченно вздохнула. Правда, постаралась сделать это так, чтобы он не заметил. Я совсем не хотела за него замуж. Хотя настоящая Лорэйн наверняка хотела – Клод был видным парнем. Вот только я была не она!

Я вернулась в столовую, когда супницу уже унесли. Но я еще успела ухватить кусочек куриного мяса и немного тушеных овощей.

— Что сказал Клод? — Чарис сгорала от любопытства.

И я удовлетворила его сполна.

— Он расторг помолвку!

Гертруда охнула и погладила меня по плечу. Даррен нахмурился. А по лицу Чарри пошли красные пятна.

— И ты позволила ему это сделать? — возмутилась она. — Ты должна была воззвать к его совести и заставить выполнить обещание. Вы были помолвлены, и у него есть определенные обязательства перед тобой. Он не может не понимать, что своим решением ставит тебя в неловкое положение! Что станут говорить в обществе?

Меня мало волновало то, что будут говорить в обществе, но если бы я произнесла это вслух, она бы меня не поняла.

— В твоём возрасте у меня были уже двое детей! — сказала она. — Пройдет еще пара лет, и в твою сторону не посмотрит ни один уважающий себя мужчина. Ты так и останешься старой девой, несмотря на всю свою красоту. А всё потому, что твой отец отвергал всех женихов, которые к тебе сватались. Один казался ему

недостаточно благородным, другой — не слишком умным. Ты как младшая дочь была его любимым ребенком. Он считал, что ты заслуживаешь лучшего. А теперь ты останешься ни с чем и вынуждена будешь выйти замуж за какого-нибудь мельника или кузнеца, — она содрогнулась при этой мысли.

И кажется, не только она, потому что ее муж помрачнел еще больше.

— Если вы позволите Лорейн остаться в вашем доме, у нее будет больше шансов выйти замуж за достойного человека, — тихо сказала матушка. Она впервые за этот день подала голос, и едва это случилось, все остальные как по команде замолчали. — Даррен, я не прошу ни за себя, ни за Гертруду, но позаботься хотя бы о своей младшей сестре!

А вот теперь я едва не расплакалась. Я потеряла родителей восемь лет назад, а пять лет назад умерла бабушка. И я даже сама не понимала до этого момента, как сильно я нуждалась в простом человеческом участии — в добром слове, ласковом взгляде, простом пожатии руки.

Я заметила, что Даррен и Чарис переглянулись. Наконец, Чарри кивнула, и ее муж сказал:

— Хорошо, матушка. Лорейн может остаться у нас.

Он кинул подачку с барского плеча и теперь явно ожидал от меня благодарности. И все сидевшие за столом смотрели сейчас в мою сторону.

Я отложила приборы, поднялась из-за стола и поклонилась старшему брату.

— Даррен, Чаррис, благодарю за доброту! Но вынуждена отказаться от вашего любезного приглашения. Я уже приняла решение — я поеду с матушкой и сестрой.

Мне невыносимо было думать, что я останусь в этом душном доме среди людей, для которых важней всего было мнение спесивого, жестокого к слабым общества. Нет, я не хотела иметь с ними ничего общего. Они прекрасно могли обойтись и без меня.

А вот на другой стороне весов находились те, кому я была по-настоящему нужна. Те, кто мог дать мне гораздо больше, чем богатый дом и нарядные платья — тепло, любовь, заботу.

— Ну, что же, сестра, — хмыкнул Даррен, — ты сделала свой выбор. Надеюсь, ты не станешь о нём жалеть.

— И раз уж у нас зашел об этом разговор, — вмешалась Чарри, — то сообщаю вам, что вы должны покинуть поместье завтра после обеда. Полагаю, вам хватит вечера и половины следующего дня, чтобы собраться.

Матушка всхлипнула, а Гертруда охнула. А я заметила, как на губах невестки мелькнула улыбка. Она добилась своего и теперь торжествовала.

— Ты дашь нам хотя бы немного денег, Даррен? — спросила Гертруда.

И в комнате повисла тишина.

Глава 3

Разумеется, никаких денег он нам не дал. Напротив, еще пожаловался на то, что после отца остались некоторые долги, которые теперь придется погашать именно ему.

А Чарис снизошла до того, что велела кухарке дать нам что-нибудь из старой кухонной утвари. Да еще великодушно разрешила нам забрать с собой наши собственные вещи. Впрочем, формально она была права — ничего нашего в поместье РевИАлей уже не было.

Но сполна воспользоваться ее щедростью мы всё равно не могли — Даррен сказал, что в деревню нас отвезет его карета. А выделить нам еще и телегу для доставки поклажи он не мог — все лошади были заняты на сельскохозяйственных работах. А это значило, что с собой мы должны были взять только тот минимум вещей, который мог поместиться на крыше или в багажнике кареты.

Сначала я занялась сбором своей одежды. У Лорейн было немало платьев, но большинство из них прекрасно подходили для прогулок по саду или нанесения визитов, но решительно не годились для деревенской работы. А потому в первую очередь я положила в сундук теплое платье из плотной шерстяной ткани (в таком не холодно будет зимой), пару легких платьев неброских («немарких», как говорила моя бабушка) цветов, а потом, не удержавшись, добавила туда еще два нарядных платья.

Поверх платьев я уложила изрядное количество сорочек и панталон (они были тонкими и занимали совсем мало места), теплую шаль, шерстяной плащ с капюшоном, низенькие, отороченные мехом сапожки. А вот с туфлями вышла засада. Вся летняя обувь Лорейн состояла из нескольких пар тряпочных (бархатных и атласных) туфелек, большая часть которых была стоптана до дыр. В деревне от такой обуви не было никакого толка, но я всё-таки взяла те из них, что были целее.

В комнате Лорейн были и книги, но я, хоть и не без сожаления, не взяла ни одну из них. А вот писчими принадлежностями не пренебрегла, уложив в сундук все листы писчей бумаги, какие смогла найти, и несколько отточенных гусиных перьев. Чернила я тоже взяла,

только класть склянку в сундук я не стала, побоявшись, что в дороге они прольются и испачкают одежду.

Разобравшись с гардеробом, я отправилась на кухню. Кухарка Корнелия встретила меня с распростертыми объятиями.

— Да как же вы, голубушки, станете в деревне-то жить? — запричитала она, и из глаз ее покатались крупные слёзы. — Да что же вы такими рученьками-то делать там сможете? Матушка ваша, конечно, оттуда родом, да только сколько лет-то прошло с тех пор, как она стала женой господина Ревияля. Она уж, поди, напрочь всё позабыла. Да и родители госпожи Табиты умерли много лет назад, и с тех пор в том доме никто не жил. Может, у него и крыша давно провалилась.

Мне стало дурно от этой мысли. Я надеялась, что хотя бы дом находится в пригодном для проживания состоянии.

— Разве матушка не бывала там с тех пор?

— Разумеется, не бывала, — подтвердила Корнелия. — С чего бы жене шевалье ездить в какую-то деревню? Ей следовало вести себя особенно благообразно.

— Так, может, там и вовсе нет никакого дома? — испугалась я. — Мы приедем туда, а там только заросшая травой земля.

— Всякое может быть, — снова кивнула кухарка. — Но если вдруг такое случится, то полагаю, мадемуазель, вам следует вернуться назад. Господин Даррен, каким бы он ни был, всё-таки не чудовище. Уж если у вас не будет крыши над головой, то всяко он не откажется пустить вас в дом.

Она готова была давать мне советы и дальше, но день уже клонился к вечеру, и нам следовало заняться делом.

— Ее милость разрешила отдать вам старый кухонный скарб, но не больше, чем поместится вон в тот сундук.

Я посмотрела в ту сторону, куда она указала. Стоявший у печи сундук был совсем небольшим, а потому местом в нём тоже следовало распорядиться разумно.

На кухне было много всякой посуды: и глиняной, и деревянной в том числе. Но я подумала, что подобную посуду мы сможем найти и в деревне. Кроме того, глиняная посуда могла сломаться по дороге. А вот металлическая — другое дело.

Я выбрала средних размеров чугунок и медный котелок, большую и маленькую сковороды и такие же ножи. Корнелия заметила, что я чураюсь глиняной посуды и посоветовала всё-таки ее взять.

— Я заверну ее в старые полотенца, мадемуазель. Внутри чугунка и котелка много пустого места, и туда можно положить несколько глиняных кружек и деревянных ложек.

Так мы и поступили. Я взяла еще старый половник, скалку, сито и с десяток тарелок разной глубины. А вот вилок на кухне не было — ни старых, ни новых. Слуги обходились ложками, а столовые приборы из серебра, которыми пользовались хозяева, хранились в отдельной кладовой.

Сундук был наполнен до краев. Корнелия закрыла его и пообещала строго-настрого наказать слугам, которые понесут его в карету, обращаться с ним бережно.

Был уже поздний вечер, но когда я возвращалась в свою комнату и шла по темному коридору, я увидела тонкую полоску неяркого света, выбивавшуюся из-под дверей комнаты матушки Табиты. Я тихонько постучала и, получив разрешение, вошла.

Табита сидела рядом с почти пустым сундуком, а вокруг нее на кровати были разложены вещи, с которыми, судя по всему, ей было трудно расстаться. Здесь был портрет Карла Ревиаля, написанный не меньше двадцати лет назад. И пачка старых писем, перевязанных пурпурной лентой. И много предметов, связанных с вышиванием — разноцветных ниток, пялец, иголок и ножниц.

Матушка выглядела растерянной и расстроенной. Ей хотелось взять с собой не только свои вещи, но и то, что напоминало ей о покойном муже. Но уместить всё в одном сундуке было сложно.

Сначала я хотела посоветовать ей взять только то, что действительно могло пригодиться, но потом посмотрела на ее заплаканное лицо и передумала. Я просто помогла уложить всё это в сундук как можно аккуратней. Она забыла про теплую одежду, и я сама нашла ее.

Заглянула я и в комнату сестры. Трудя тоже едва не плакала от досады. Ее сундук уже был полон, но когда я посмотрела, что она положила туда, то я не знала, стоило ли мне расплакаться вместе с ней или рассмеяться.

Там была большая шляпная коробка, светлые шелковые платья, альбомы для рисования и краски.

— Ты не можешь взять это с собой! — сказала я и решительно вытащила из сундука шляпную коробку.

— Не могу? — искренне удивилась она. — Отчего же? Эту коробку не стоит запихивать в сундук — там она может помяться. Я буду держать ее в карете на коленях.

— Что ты станешь носить, когда наступят холода? — спросила я.

— Холода? — переспросила она.

А я впервые задумалась о том, бывает ли здесь зима. Но если бы в Арвитании ее не было, то тогда для чего Лорейн нужны были сапожки с мехом.

Обсудить с Гертрудой эту тему мы не успели — по подъездной аллее под окнами процокали копыта лошади, и сестра бросилась к окну.

— Это же Норман! — воскликнула она и захлопала в ладоши. — Как хорошо, что он приехал! Он непременно что-нибудь придумает! Ты понимаешь, Лора? Возможно, нам не придется уезжать в деревню!

Глава 4

Нормана Ревиаля, еще одного брата Лорейн, я не видела ни разу. Он служил в военной академии в другой части страны и не смог приехать даже на похороны отца. К тому моменту, как его известили о кончине отца, тело Карла Ревиаля, уже было предано земле. Здесь, в Арвитании, еще не изобрели телеграф, и письма доставлялись с помощью обычной и довольно медлительной почты.

Судя по воспоминаниям Лорейн, Норман многим отличался от старшего брата — он был добрым и приятным молодым человеком. Поэтому я не удивилась тому, что Гертруда связывала с его приездом столько надежд.

Мы пришли в гостиную одновременно с Дарреном и Чарис. А спустя мгновение в комнату вошел и сам Норман.

Даже не зная я о том, чем он занимался, я угадала бы в нём военного — по той особой выправке, которая отличала людей этого рода службы. Он был среднего роста, с поджарой фигурой и волосами каштанового цвета.

Он обнял каждого из нас. И для каждого нашел доброе слово.

— Ты расцвела еще пуще прежнего, Лора! — сказал он, когда очередь дошла до меня.

— Только это ей не сильно помогает, — хмыкнула Чарис. — Сегодня ее жених Клод Дэвис разорвал помолвку.

Я метнула в ее сторону сердитый взгляд, а Норман спокойно ответил:

— Ну, что же, значит, этот молодой человек не слишком умён и нам не следует сожалеть о том, что это случилось. Уверен, Лорейн найдет кого-то гораздо более достойного.

Чарри демонстративно закатила глаза, но промолчала.

— Надолго ли ты приехал, братец? — спросила Гертруда. — Матушка, должно быть, уже легла спать, но я сейчас ее разбужу.

Но Норман удержал ее:

— Не нужно ее беспокоить. Мы поговорим с ней утром. Увольнительную мне дали на неделю, но поскольку в дороге я провел

два с половиной дня и столько же мне потребуется на дорогу обратно, я смогу пробыть тут не более двух дней.

— Стоило ли проделывать такой путь ради одной ночи в родном доме? — хмыкнул Даррен.

— Мне хотелось вас повидать. К тому же я должен навестить могилу отца. Я не смог присутствовать на его похоронах, но мне хотелось бы, чтобы он знал, что я чту его память. А еще нотариус известил меня о том, что мне причитается некоторая сумма денег.

Он не стал лукавить и честно сказал и об этом.

— Да-да, — откликнулся Даррен, — об этом я тоже хотел с тобой поговорить. Мне кажется, для всех будет лучше, если ты не станешь тратить эти деньги попусту.

Гертруда сразу напряглась и хотела что-то сказать, но Норман сжал ее руку.

— Я сумею распорядиться ими разумно, дорогой Даррен! Я давно уже не тот мальчишка, которым ты, должно быть, меня помнишь. Но давай пока не будем говорить об этом. Я устал с дороги и был бы признателен, если бы вы позволили мне утолить голод.

— Я распоряжусь, чтобы тебе подали холодные закуски, — сказала Чарри и взяла в руки колокольчик.

Даррен действительно валился с ног от усталости, и как Гертруде ни хотелось с ним поговорить (а она намеревалась сделать это раньше, чем Даррен склонит его на свою сторону), ей пришлось отложить разговор до утра.

И разговор этот состоялся в комнате матушки Табиты. В присутствии младшего сына матушка словно помолодела на несколько лет — ее глаза сияли, а на губах то и дело мелькала счастливая улыбка.

— Даррен велел нам убираться из этого дома, — сообщила Гертруда. — И мне, и матушке, и даже Лорейн. Да-да, я знаю, что дом теперь принадлежит ему, и он может делать тут всё, что пожелает, но как можно выставить на улицу родную мать и сестер? Ты просто обязан с ним поговорить!

Она смотрела на него с надеждой, но он покачал головой.

— Это ничего не даст, Трудит! Ты же знаешь, что мы с ним не сильно ладим друг с другом. С чего бы ему меня слушать? К тому же это решение принято не им одним. А Чарис всегда была слишком злобной и жадной, чтобы кого-то жалеть.

— Пусть так, — согласилась сестра. — Тогда, быть может, ты возьмешь нас с собой? Я слышала, что Лас-Варас, в котором находится твоя академия, очень красивый город. И жить там будет куда приятнее, чем в грязной деревне.

Так вот какой был у нее план! Но у него было слишком много изъянов, чтобы Норман мог с ним согласиться, и я удивилась, что она не понимала этого сама. Впрочем, брат быстро сказал ей об этом.

— Не думаю, что это возможно, дорогая Труды! — вздохнул он. — Мне хотелось бы вам помочь, но путешествие в Лас-Варас трудно назвать приятным. Я проделываю это путь за два с половиной дня верхом на хорошей лошади. Вам же для этого потребуется минимум неделя, и боюсь, поездка по ужасным дорогам окажется для матушки и твоих детей непосильной. А поскольку сам я должен вернуться в академию к строго назначенному сроку, я не смогу вас сопровождать. И это путешествие слишком дорогое, чтобы мы могли его себе позволить. А ведь потребуются еще деньги, чтобы снять в Лас-Варасе квартиру.

Пока он говорил, лицо Гертруды мрачнело всё больше и больше.

— Но ты же получишь сегодня целых двести пятьдесят золотых! — напомнила она. — Разве этого не хватит?

Мне было искренне жаль ее, но она сама должна была догадаться, что у молодого мужчины могли быть на эти деньги свои планы, и он вовсе не обязан был тратить их на нас.

— Если мы распорядимся ими именно так, как ты предлагаешь, то их хватит только на короткое время, — ответил он. — А что мы станем делать потом? Лас-Варас почти такой же дорогой город, как и столица.

— Но ты скоро закончишь академию, — упорствовала сестра, — и будешь получать жалованье.

— После выпуска я получу самый низший чин, и мое жалование будет невелико, его никак не хватит на семерых. А вот если я куплю патент на чин офицера повыше, то смогу быстрее продвинуться по службе и потом уже постараюсь вам помочь.

— Купишь патент? — переспросила Гертруда. — И много ли денег на него потребуется?

— Боюсь, что всё, что я сегодня получу, — брат окончательно разбил ее надежды.

А прежде, чем она успела сказать что-то еще, вмешалась матушка.

— Разумеется, ты должен купить этот патент! — заявила она без тени сомнений. — Ты заслуживаешь хорошей офицерской должности, но вряд ли сможешь получить ее просто так, учитывая твоё происхождение, — темные мутноватые глаза ее снова заволоклись слезами. — Простите, мои хорошие, что именно я оказалась вашей матерью и так вас подвела!

Мы дружно бросились ее обнимать и заверять, что она ни в чём не виновата. И после этого даже Гертруда не решилась уже возобновить прежний разговор.

А потому после обеда (довольно сытного, почти праздничного) карета для нас была подана ко крыльцу, и слуги водрузили на нее все наши сундуки. Предстоящее путешествие радовало только моих племянников, и они сели на лавки с радостным гвалтом.

Норман помог подняться в карету матушке, а она еще обернулась и долго смотрела на дом, который вынуждена была оставить, возможно, уже навсегда. Гертруда всё-таки притащила в карету свою шляпную коробку и сжимала ленту, которой та перевязана с такой силой, что едва ее не порвала.

А когда в карету села я, к ней подошла Корнелия с кувшином в руках.

— Возьмите, мадемуазель! Я подумала, он тоже может вам пригодиться.

Эта забота была столь трогательна, что я не удержалась и расплакалась.

Стоявший на крыльце Даррен недовольно хмыкнул и подал кучеру знак трогаться. Карета медленно покатила по ведущей к воротам аллее.

Глава 5

За всё то время, что я провела в Арвитании, я ни разу не выезжала за пределы поместья Ревиалей, а потому сейчас смотрела в окно кареты с большим любопытством. Собственно, в окно сейчас смотрели только я и дети. Матушка Табита, закрыв глаза, дремала, прислонившись к плечу Гертруды. А сама Гертруда сидела, буравя взглядом шляпную коробку, которую по-прежнему держала в руках.

— А что находится за тем лесом, мама? — спросила восьмилетняя Стефани.

Но Труды даже не услышала ее вопрос — так была поглощена своими мыслями. За нее ответил старший сын Ален.

— Там будет река со старым деревянным мостом, а за ней начинается уже другое герцогство — Клермон.

— Там есть горы? — еще больше заинтересовалась его сестра. — Или даже море?

В поместье Ревиалей была книга о географии Арвитании, и я постаралась изучить ее как можно подробнее. Да, горы в герцогстве Клермон действительно были (пусть и не очень высокие), а вот моря там не было.

Мы въехали в лес, и пейзаж за окном стал более однообразным — по обеим сторонам дороги росли высокие деревья, похожие на наши дубы, кедры, сосны. Наверняка здесь должны были водиться и грибы, и ягоды, и полезные травы. А учитывая, что денег у нас почти не было, такой подножный корм стал бы большим подспорьем.

Мне было интересно, был ли похожий лес в той местности, куда мы направлялись. И я спросила об этом матушку Табиту, когда та открыла глаза.

— Да, дорогая, лес там есть. Когда я была еще ребенком, мы с братом часто собирали там землянику и разные грибы, из которых наша мать варила вкусный суп.

В этом вопросе мы могли положиться только на нее. Я понятия не имела, какие ягоды и грибы здесь росли и какие из них можно было употреблять в пищу, а какие были ядовитыми. Память Лорейн ничего мне не подсказала — у дочери благородного шевалье не было

необходимости ходить с корзинкой по лесу. Ничего не знала про растения и Гертруда. Похоже, во всём придется разбираться на собственном опыте.

После пары часов пути дети захотели есть, и Табита достала из приготовленной Корнелии корзинки пироги с мясом и рыбой. Корзинка была немаленькой, но я понимала, что этого провиант надолго не хватит.

Помимо одежды и утвари, мы везли с собой еще и небольшой мешок с продуктами на первое время — там были мука, крупа, немного овощей и вяленого мяса. О столь щедром подарке Чарис сообщила нам утром за завтраком. По ее мнению, этого должно было хватить на несколько дней, а уж дальше нам следовало покупать продукты у кого-то из местных. На что мы должны были их покупать, она не уточнила.

Хотя у нас был с собой и кошель с серебряными монетами, которые у Табиты остались с тех времен, когда еще был жив Карл Ревияль. Но ведь нам нужны были не только продукты, а и постельное белье, и семена для огорода, и многое другое. Как купить всё это на столь малые средства, я не представляла.

— Как называется наша деревня? — продолжала любопытствовать Стефани. — Там красиво? Там есть лошадки?

— Она называется Шатель, дорогая, — сказала Табита. — Когда-то она казалась мне очень красивой — тогда мне было примерно столько же лет, сколько сейчас тебе. Но с тех пор многое изменилось, и я боюсь, что вы будете разочарованы.

— А дом? — вмешалась я. — Дом там большой? И сколько лет в нём уже никто не жил?

Табита сейчас была куда разговорчивей, чем обычно — словно в присутствии Даррена и его супруги у нее отнималась речь, и теперь, вырвавшись на свободу, она торопилась вдоволь наговориться.

— С особняком Ревиялей он, конечно, не идет ни в какое сравнение, но в нём есть кухня, кладовые и несколько комнат. А пустым он стоит уже не меньше десяти лет — с тех пор, как умер мой старший брат, что был там прежде хозяином. А еще там много хозяйственных построек — брат держал овец и коз. Но я давно там уже не была, тау что многого не знаю.

Гертруда не принимала никакого участия в нашем разговоре. Сама мысль, что мы едем в деревню, внушала ей ужас. Интересно, умела ли она что-то делать своими руками?

До Шатель мы добрались только к вечеру. Сумерки уже сгустились, и всё, что мы увидели, когда возница остановился, были темные очертания какого-то дома.. И даже просто добраться до него сейчас оказалось невыполнимой задачей. Участок вокруг дома зарос травой, и я не решилась нырнуть в нее, боясь наступит на злею.

Да и что нас ждало в доме, где никто не жил уже больше десяти лет? Сырость? Плесень? Провалившаяся крыша? Всё это лучше было изучать на свету.

Я ругала себя за то, что не подумала об этом раньше. Хотя меня оправдывало то, что я не знала, сколько часов потребуется на дорогу. Но всё равно должна была догадаться, что выехать из поместья Ревиалей нам следовало на рассвете, а то и ночью, чтобы еще засветло добраться до деревни. И почему об этом не подумала матушка, я не знала.

— Это наш дом? — удивилась Стефани. — Но почему никто не зажжет тут свечи? И где мы будем спать?

Это был хороший вопрос. Ответить на него помог возница.

— Если изволите, ваша милость, — обратился он к Табите, — то я могу отвезти вас к своей двоюродной сестре, что живет на другом конце деревни. Я потому и вызвался поехать сюда, что хотел ее навестить. Но не знаю, устроит ли вас ночлег на сеновале.

При этих словах он заметно смутился.

— На сеновале? — охнула Гертруда. — Что ты такое говоришь?

Но я подергала ее за рукав, призывая к молчанию. Ночь была теплой, и ночлег на сеновале жилого дома, где нас могли еще и накормить, был куда лучше ночлега на улице. А потому я велела кучеру везти нас к его кухне.

На месте мы оказались через десять минут. Хозяйка явно уже спала, потому что после нашего стука она вышла на крыльцо с таким сонным видом, что мне стало ее жаль. Начинаясь посевная, и бедняжка наверняка трудилась в поле с раннего утра и до поздней ночи.

— Ваша милость??? — изумилась она, когда разглядела, кто к ней приехал.

Но брат быстро привел ее в чувство:

— Ее милости с семейством требуется место для ночлега. Я сказал, что ты не откажешься пустить их к себе на сеновал.

Хозяйка кивнула и повела нас к высокому сараю, что стоял за домом.

— Я не пойду ни на какой сеновал! — возмутилась Гертруда. — Я не привыкла спать на сене!

Я усмехнулась. Похоже, моя сестричка еще не понимала, куда попала. Но объяснять ей это сейчас я не собиралась. Я валилась с ног от усталости, и когда через несколько минут я опустилась на душистое сено, то почувствовала такое облегчение, словно легла на пуховую перину.

— Разве здесь можно спать? — спросил Ален.

— Конечно! — заявила я. — Устраивайтесь поудобнее, положите ладошки под головы, а я укутаю вас плащом.

Хозяйка принесла нам кувшин молока и мягкого хлеба. Это был не пшеничный хлеб, а ржаной, и Трудя отказалась от ужина. То же самое собиралась сделать и Стефани, но надолго ее гордости не хватило. Глядя, как старший брат Ален и младший Сэмюэль уплетали хлеб за обе щеки, она не выдержала и тоже протянула руку за хлебом.

На сеновал Гертруда всё-таки пришла, но легла спать голодной, и я, засыпая, слышала, как она беспокойно крутилась с боку на бок. Я же быстро провалилась в сон. Нам нужно было набираться сил. Утром мы, наконец, должны были увидеть наш дом.

Глава 6

Проснулись мы с первыми петухами. Курятник находился совсем рядом, и петушиные крики показались мне громче будильника. Дети вскочили первыми, желая непременно «посмотреть птичек». Для них всё это было пока игрой. Весёлым приключением, в котором они принимали участие.

А вот Гертруда, стряхивая с платья соломинки, едва не плакала.

На завтрак нам принесли напиток, похожий на ягодный квас, а также по толстому ломтю хлеба с тонким кусочком сыра. На сей раз даже Труди не отказалась от еды.

Мы снова забрались в карету и поехали по деревне. Теперь, при свете дня, мы уже могли ее разглядеть. И впечатление она производила удручающее.

Нет, тут были и вполне добротные дома — каменные, выкрашенные чем-то белым, то ли краской, то ли известкой. И крыши у них были черепичные. Но большинство построек были сделаны из глины, смешанной с соломой, или даже земли. Изредка попадались и деревянные дома — именно таким и был дом, построенный родителями матушки Табиты, находившийся в некотором отдалении от деревни.

Деревянные стены потемнели от времени и непогоды, но всё же казались еще довольно крепкими. А вот доски на крыше на правой стороне дома прогнулись в нескольких местах. И стёкол в окнах не было, и казалось, что дом смотрел на нас темными глазами. А потому прежде, чем мы вошли внутрь, я уже примерно знала, что мы там обнаружим.

Полы были завалены сухими листьями, налетевшими в дом через зияющие дыры окон. Наверняка прежде в доме была хорошая мебель, но теперь от нее почти ничего не осталось — возможно, какие-то вещи забрали соседи, но сейчас думать об этом было уже бессмысленно. Следовало использовать то, что осталось.

Всю левую часть дома занимала большая кухня с массивным столом посередине, лавками вокруг него и печью в углу. Здесь

сохранились деревянные полки на стенах и даже красивый буфет, в дверцах которого, правда, стеклов тоже уже не было.

В правой части дома выделялось помещение, должно быть, служившее гостиной. Здесь был камин, но из мебели остались только хромоногие табуреты. Из этой комнаты три двери вели в маленькие комнатунки-спальни. В них стояли кровати, но лежавшие на них пуховые подушки и перины полуистлели и выглядели устрашающе.

— Прикажете выгрузить вещи, ваша милость? — обратился к Табите наш возница Том.

Матушка замешкалась с ответом, а Гертруда взвизгнула:

— Нет, Том! Мы едем обратно! Этот дом не пригоден для жилья!

Табита вздохнула, а плечи ее опустились еще ниже. Она не могла вернуться домой. Старший сын ясно дал ей понять, что не желает терпеть ее в своем особняке. Он намеревался влиться в местное общество, а не имевшая благородных корней мать сильно мешала ему в этом. Неужели Труды не понимала этого сама?

— Выгружайте, Том! — велела я.

Если Гертруда желала вернуться в дом Даррена, то ей придется поехать туда без нас с матушкой. Я не хотела больше выслушивать оскорбления старшего брата и его жены.

Возница торопливо кивнул, из двух наших распоряжений выбрав то, которое согласовывалось с приказом его хозяина, и бросился выгружать сундуки из кареты.

— Лорейн, ты с ума сошла! На чём мы будем спать? Что мы будем есть?

Что я могла ей ответить? Ответов я не знала и сама. Но у нас была крыша над головой. И мешочек серебряных монет. И шесть пар рук, пусть даже никогда и не знавших тяжелой работы.

В Аквитании стояла осень — теплая, яркая. И наверняка в лесу было много ягод и грибов. Нам только следовало разобраться, какие из них были съедобными, а какие — ядовитыми. А за домом я заметила несколько фруктовых деревьев. На них тоже могли быть плоды. И именно осенью у местных жителей наверняка можно было задешево купить овощи и зерно.

И нам следовало, не теряя времени, заняться огородом, сделать несколько грядок, чтобы весной можно было засадить их теми семенами, которые нам удастся добыть. Сама я умела и копать, и сеять

и не сомневалась, что сумею научить этому старших племянников. А Табита могла помогать нам советами.

— У нас нет даже постельного белья! — зарыдала Гертруда.

А вот это было моей большой ошибкой. Я совершенно о нём забыла! Я могла положить несколько наволочек и простыней вместо пары платьев, но не подумала об этом. А теперь сожалеть об этом было уже поздно.

— Мы что-нибудь придумаем, — пообещала я. — А пока нам следует привести дом в порядок. Скажите, матушка, нет ли тут поблизости какого-нибудь водоема? Прежде всего, нам требуется вода.

— На заднем дворе был колодец, — вспомнила Табита. — Но не знаю, сохранился ли он. А вон там, в овраге, раньше тек ручей.

Я взяла на кухне изрядно запылившееся деревянное ведро и, позвав с собой четырнадцатилетнего Алена, отправилась во двор. По дороге мы изучили и хозяйственные постройки, находившиеся под той же крышей, что и жилые помещения.

Здесь была кладовая с несколькими полупустыми ларями. В них была мука и что-то вроде овса, но в пищу всё это было уже совершенно не пригодно. А на широких деревянных полках стояли глиняные крынки и горшки, по большей части колотые, а также сплетенные из лозы корзины. Возможно, здесь можно было найти и еще что-то полезное, но в помещении было довольно темно. И тут я вспомнила еще о двух важных вещах, которые мы с собой не взяли — о свечах и огнive.

В Арвитании рано темнело, а без освещения мы вынуждены будем большую часть дня проводить в потемках. Я едва не расплакалась от досады. А ведь я хвалила себя за то, что так разумно собрала сундук.

Дальше шли хлев, сеновал, курятник, сарай (в котором я нашла несколько ржавых лопат и вил). Отдельно во дворе стояла крохотная кабинка, в которой я признала туалет. По сути, это была выгребная яма с настилом над ней.

Каменный колодец мы тоже нашли, вот только вода в нём была где-то глубоко, а у нас не было длинной веревки, чтобы спустить туда ведро. Поэтому пришлось дойти до ручья. И вот тут мы умылись и вдоволь напились чистой и вкусной воды.

— За водой придется ходить тебе, Ален, — сказала я. — Ты единственный мужчина в доме.

Он молча кивнул. Я видела, что ему было не по себе, но он изо всех сил старался казаться взрослым.

От ручья нам пришлось бежать, потому что начался не просто дождь, а настоящий ливень. Глина на тропинке размокла, стала скользкой, и мы испортили обувь, а я еще и испачкала подол платья.

Мы принесли воды, но от этого атмосфера в доме не стала лучше. Небо заволкло тучами, и в комнатах сразу потемнело. А мы не могли даже разжечь огонь.

— Ну, что? — закричала Гертруда. — Ты довольна теперь?

Стефани и Сэмми захныкали. Они уже были голодны и хотели спать. Это приключение уже не казалось им забавным.

Чтобы не поссориться с сестрой, я сбежала на кухню. Но там отчаяние завладело и мной. Я села на лавку у стола и заплакала.

Глава 7

Раскаты грома раздались внезапно, и в гостинной испуганно закричали дети. А спустя минуту я услышала во дворе ржание лошади.

— Эй, хозяева! Найдется ли тут место для моего Ветерка?

Я выбежала на крыльцо, боясь поверить своим ушам.

Это был Норман!

— Что ты тут делаешь? — спросила я, стараясь перекрыть шум дождя.

Я взяла под уздцы его коня, повела его на задний двор, в сарай. Там было сухо и не так страшно, как на улице. А Норман тем временем нарвал травы.

— Я сама! — закричала я. — Ты испачкаешься!

А он только рассмеялся в ответ. Его плащ уже промок насквозь.

В сарае я увидела деревянную бочку и сразу же решила ее использовать. Конечно, была вероятность, что она иссохла и протекала, но попробовать всё же стоило.

— Помоги мне выкатить ее на улицу! — попросила я брата. — Мы поставим ее на углу дома. Такой сильный дождь может наполнить ее до краев. А нам нужна вода.

Вдвоем мы легко поставили ее в нужное место, и струйка с крыши сразу же забарабанила по дощатому дну.

— Так как же ты всё-таки здесь оказался?

Вместо ответа Норман протянул мне увесистый мешок. Я развязала его и ахнула. Там были свечи и огниво!

— Я подумал, что вы наверняка про них забыли.

Я взвизгнула и бросилась ему на шею. Он не был моим родным братом, но сейчас он для всех нас сделал столь много, что это невозможно было не оценить.

— Ну, что ты, глупышка? — он поцеловал меня в лоб. — Пойдем скорее в дом! Ты же совсем замерзла.

Я шмыгнула носом и сообщила, что в доме ничуть не теплей.

— Ничего, — отмахнулся он. — Надеюсь, там хотя бы есть печи. А дрова мы сейчас найдем.

В углу сарая мы отыскивали старый сухой валежник. А еще Норман разломал несколько досок, лежавших у стены. С этой добычей мы и вернулись в гостиную.

— Норман???

Его обступили со всех сторон, даже не дав подойти к камину.

— Ты не опоздаешь в академию, сынок? — забеспокоилась Табита. — Ты говорил, у вас там строгое начальство.

— Не беспокойтесь, матушка, Я совсем чуть-чуть отклонился от дороги. Но задержаться у вас надолго я действительно не смогу. Хотя выпить с вами горячего чая я не откажусь.

Его слова заставили меня взяться за дело. Чтобы выпить чаю, нужно было согреть воды!

Все наши сундуки стояли в гостиной, и я быстро отыскала тот, в котором была собрана посуда. Норман с Аленом перенесли его в кухню, а потом занялись разжиганием огня в плите.

Что такое огниво, я знала только по книжкам и теперь наблюдала за мужчинами с большим интересом. Это было полезное умение, которым и мне следовало овладеть.

— Вот, смотри, — объяснял племяннику Норман, — это железное кресало. А это — кремень. Я уже положил в печь сухую кору. Теперь нужно поднести кремень к коре и с силой потереть о него кресалом. Видишь? Искры падают на кору и поджигают ее. Остается только хорошенько раздуть огонь.

За процессом наблюдали не только мы с Аленом, но и четырехлетний Сэмюэль. И когда в печи вспыхнул огонь, мы все захлопали в ладоши. Но огонь в печи разгорелся не сразу. А когда разгорелся, кухня наполнилась дымом. Печь не топили несколько лет, и этого следовало ожидать. Но через четверть часа всё пришло в норму. Потом мужчины переместились в гостиную, чтобы растопить еще и камин.

Но и нам расслабляться не следовало — на всей кухонной мебели лежал толстый слой пыли и нужно было для начала отмыть хотя бы стол и лавки. В доме было много ветоши — старого белья, одежды, так что за тряпками для мытья дело на стало. Я разорвала на несколько частей посеревшее от времени длинное полотенце и одной сухой частью велела Стефани смести сор со стола.

Поначалу у девочки мало что получалось — пыль закружилась в воздухе, и мы долго чихали. Но потихоньку она приспособилась, и дело пошло на лад. Я же в это время сполоснула котелок и налила в него чистой воды, поставила на огонь. И только в этот момент я сообразила, что выпить чаю нам не удастся — у нас не было заварки. Всё-таки я оказалась удивительно беспечна, а еще мнила себя хорошей хозяйкой! О скольких важных вещах мне следовало подумать до того, как мы уехали из поместья Ревилей!

Но я решила, что когда я справлюсь с уборкой, то схожу в сад на заднем дворе. Возможно, на деревьях еще остались какие-то плоды. Фруктовый напиток мог оказаться ничуть не хуже обычного чая. Хорошо бы к тому времени закончился дождь!

Я налила воды в большую глиняную миску со сколотым краем и принялась отмывать столешницу. Грязи было много, и воду пришлось менять несколько раз, но зато после получаса моих трудов стол выглядел почти прилично. Потом мы со Стефани взяли за лавки. Пол тоже был грязным, но я решила, что займусь им уже после обеда. Норман торопился, и нам не следовало задерживать его дольше необходимого.

Признаться, я надеялась, что Гертруда присоединится к нам и постарается хоть чем-то помочь, но сестра так и не вышла из гостиной. Когда я заглянула туда, то увидела, что она сидела на колченогой табуретке перед камином рядом с братом и сыновьями. А вот Табиты в комнате не было.

Причина отсутствия матушки выяснилась довольно скоро. Табита появилась на кухне мокрая от дождя, но очень довольная.

— Смотрите, что я принесла! — сказала она, и в голосе ее я впервые услышала что-то похожее на гордость. — Это — мята. А вот листья вишни. И спелые яблоки! Из всего этого получится превосходный чай!

Я не удержалась и обняла ее. А она мягко улыбнулась и занялась чаем. Тонкие пальцы ее с неожиданной ловкостью отщипывали листочки от веток. А когда она бросила в котел травку и яблочные дольки, по кухне разлился восхитительный аромат.

Мы вымыли руки, достали из сундука глиняные кружки, вяленое мясо из мешка, а из корзинки — хлеб и остатки пирогов. Накрыли на стол.

А на улице как раз закончился дождь, и на голубом небе показалось солнце. И в кухне сразу стало светлей и уютней.

— Я позову всех обедать! — воскликнула Стефани и бросилась в гостиную.

Мы расселись за большим столом, и впервые за этот день я увидела улыбки на лицах детей. И пусть наша трапеза была скромна, мне показалось, что я никогда не ела ничего вкусней.

— Вам следует закрыть чем-то окна в гостиной, — сказал Норман. — Может быть, старыми одеялами или даже досками. Да, там будет темно, но зато тепло. И поговорите с соседями — наверняка среди них найдется кто-то, кто сможет помочь вам по хозяйству. В первую очередь нужно заняться крышей и окнами. Близится зима, и на улице станет холодно.

— Нам не на чем спать, — вздохнула Гертруда.

Брат кивнул:

— На первое время купите белье у кого-нибудь в деревне. Конечно, оно будет самое простое и грубое, но и на нем можно спать. До выпуска из академии мне осталось всего полгода, а потом я куплю патент, получу офицерский чин и стану присылать вам часть своего жалованья. Постарайтесь продержаться до того времени.

— В конце осени в городке Альенде, что всего в нескольких лье отсюда, бывает большая ярмарка, — вспомнила матушка. — Мы сможем прикупить там самое необходимое. Цены во время ярмарки бывают очень дешевы.

Перед отъездом Норман попытался вручить Табите пять золотых монет, но она отказалась их взять. Она была уверена, что ему эти деньги были куда нужней, и стояла на своем, как он ее ни убеждал. Наконец, он сдался, взяв с нее обещание непременно написать ему, если мы окажемся совсем без средств.

А потом, уже во дворе, я увидела, как он сунул эти пять монет в руку Гертруде, и она положила их в карман. Меня же он посчитал слишком молодой, чтобы разумно распорядиться деньгами.

Глава 8

Поставленная под потоком бочка за время дождя наполнилась на треть. И это дало нам воду хотя бы для хозяйственных целей. Как только Норман уехал, мы занялись гостиной и спальными комнатами. Выгребли весь мусор, вымели пыль. Гертруда сначала снова попыталась остаться в стороне, но я заявила, что спальню для себя ей придется готовить самой. В этом доме слуг у нас не было. С этим следовало смириться и научиться делать хоть что-то своими руками.

В двух спальнях не было окон. Но если прежде это было существенным недостатком, то теперь казалось почти преимуществом — в них было теплее. Изначально я полагала, что одну спальную комнату займут Гертруда со Стефани, другую — мальчики, а третью — мы с Табитой. Но Алэн с Сэмом захотели поселиться в комнатке на втором этаже, из окна которой открывался прекрасный вид на перелесок и красивый луг за ним. И хотя я попыталась объяснить им, что зимой там может быть очень холодно, они настояли на своем. А раз так, то во второй спальне без окна разместилась Табита, а я заняла ту, которая была с окном.

Когда весь сор из дома был вынесен, я занялась мытьем полов. Табита готова была взять эту работу на себя, но она была уже не молода, чтобы долго работать внаклонку. А вот Гертруда заниматься столь грязным делом категорически отказалась. Она и так уже сокрушалась от того, что запачкала пылью свое платье. Но и отправить ее варить нам ужин я тоже не могла — она не умела готовить. А поскольку продуктов у нас было не так много, мы не могли позволить себе их портить.

Так и получилось, что матушка отправилась на кухню, я мыла полы, а Гертруда просто сидела на пустой деревянной кровати и сокрушалась, что ей не на чем будет спать.

Впрочем, в этом вопросе я была с ней согласна — нам очень нужны были матрасы и постельное белье. Если бы у нас была ткань, я сама могла сшить всё это. А в качестве наполнителя для подушек и матрасов можно было использовать сено — я еще с детства помнила,

что на нём прекрасно спалось. Но ткани у нас не было, а значит, нам следовало купить всё необходимое у кого-то из местных.

Табита родилась и выросла в этой деревне, но за те несколько десятков лет, что она была женой шевалье Ревиаля, тут многое изменилось. Она уже не помнила почти никого из соседей. А к тому же я понимала, что ей было неловко с ними встречаться. Она столько лет вращалась в дворянском кругу, что уже стала здесь чужой. А ее неожиданное возвращение в старый дом для многих здесь наверняка послужит поводом позлорадствовать.

Но и совсем без помощи местных жителей мы обойтись не могли. Нам нужно было починить крышу и заколотить окна хотя бы досками. Но для этого у нас не было ни умений, ни инструментов, ни материалов.

Единственным человеком в Шатель, которого я знала, была Розин Булон — сестра Тома, у которой мы останавливались на ночлег прошлой ночью. И хотя она жила на другом конце деревни, я направилась именно к ней.

По дороге я встретила только стайку босоногих мальчишек лет десяти, которые разглядывали меня с большим любопытством. Моя одежда (хоть я и выбрала самое простое платье) была слишком непохожа на одежду деревенских женщин.

Мадам Булон встретила меня приветливо, но было видно, что она не знала, как ей следовало держаться со мной. По меркам Арвитании между нами была пропасть. Но, с другой стороны, мы теперь были их соседями, и выдерживать прежнюю дистанцию было уже трудно.

— Не знаю, ваша милость, устроят ли вас наши грубые холсты? — засомневалась она. — Вы, должно быть, привыкли спать совсем на другом белье. Но ничего другого в нашей деревне вам никто не предложит. Но скоро в Альенде будет большая ярмарка, и вот там вы уже сможете купить то, что вам придется по душе.

— Пока я возьму то, что есть, — сказала я без особых раздумий. — А еще мы готовы купить у вас воз свежего сена. И кое-что из продуктов — масло, сыр, хлеб и немного мяса.

Она торопливо кивала на каждое сказанное мной слово. Здесь, в Шатель, у нее было мало возможностей заработать, и эту она не хотела упускать. Я еще плохо ориентировалась в ценах и боялась, что она запросит с меня больше, чем стоило на самом деле, но она попросила

всего две серебряные монеты: одну — за белье, другую — за всё остальное.

— А еще нам требуется плотник, — спохватилась я. — Может быть, нам сможет помочь ваш муж, сударыня?

— Ох, нет, — она покачала головой, — мой Эмиль в таком деле не мастак. Вам нужно обратиться к Квентину Меридо — лучше него мастера в наших краях и не сыщешь. Его дом как раз рядом с вашим, ваша милость. Только пока его нет в деревне, уехал на несколько дней на старую мельницу месье Крюшона — там сломался какой-то механизм, и уж никто кроме Квентина в этом не разберется. Вот только гвозди и стекла вам придется купить самим и тоже в Альенде. И все это стоит весьма недешево.

Я уже обратила внимание, что окна в большинстве здешних домов были маленькими, и теперь стало понятно, почему. Стекла больших размеров были слишком дороги, чтобы крестьяне могли их себе позволить. А в некоторых домах вместо стёкол и вовсе была слюда.

Заручившись обещанием Эмиля Булона, что он привезет все мои покупки в течение пары часов, я отправилась домой. Дорога после дождя была грязной, и я с сожалением посмотрела на свои размокшие башмачки.

Но вскоре мысли мои устремились совсем в другом направлении. Уже когда я почти подходила к нашему дому, я увидела вдали, за перелеском, то, чего не заметила ранее.

Там, на холме, стоял особняк. В сумерках я смогла различить только его очертания, и судя по ним, это было весьма внушительное здание. Правда, ни в одном из его окон отчего-то не горел свет, и от этой странной мрачности мне стало не по себе.

Интересно, чья усадьбы там была?

Глава 9

— Это усадьба герцога Клермона, — сказала Табита, когда мы сели за стол.

На ужин у нас была пшенная каша на воде. Месье Булон еще не привез нам продукты. Но каша показалась мне вкусной даже без молока. И не мне одной.

— Старый герцог, отец нынешнего хозяина, очень любил это поместье — он проводил здесь почти весь год, кроме бального сезона, на который всё семейство уезжало в столицу. А вот герцогиня терпеть не могла провинцию. Она была намного моложе своего супруга, и тут, в глуши, ужасно скучала. И когда ее муж скончался, она вовсе перестала сюда приезжать. А ее сын и вовсе бывал тут только в раннем детстве, когда еще был жив его отец. Но, возможно, что с тех пор что-то изменилось.

После ужина я спросила Гертруду, не вымоет ли она посуду, пока нагретая на печи вода еще не остыла. Но выражение лица сестры стало таким обреченным, что матушка быстро вмешалась и сказала, что прекрасно справится с этим сама.

Настроение Труды мне совсем не нравилось. Она пребывала в унынии, и это действовало и на всех остальных. Но серьезный разговор с ней я отложила до утра, потому что телега Эмиля Булона уже въезжала к нам во двор.

Ален, Стефани и даже маленький Сэмми с удовольствием перенесли на кухню продукты, а в гостиную — несколько стопок постельного белья. Молока, масла и мяса оказалось гораздо больше, чем я ожидала — Розин была щедра и вовсе не обманула нас.

— Если вам будет угодно, мадемуазель Ревиль, — обратился ко мне Эмиль, — то свежий хлеб и молоко мой сын мог бы приносить вам каждое утро по дороге на пастбище.

Это было хорошее предложение, и я с радостью за него ухватилась. Но оно стоило нам еще одной серебряной монеты. Впрочем, за целый месяц такого снабжения это было совсем немного. И всё-таки деньги таяли, а никаких новых поступлений ожидать не приходилось. А ведь нам нужно было еще купить стекла, гвозди, доски

и еще множество полезных для хозяйства вещей. Но на это я надеялась потратить одну из полученных Гертрудой золотых монет.

Месье Булона я тоже спросила про герцогское поместье.

— Всё так и есть, как сказала ваша матушка, — подтвердил он. — За последние двадцать лет молодой герцог не приезжал сюда ни разу. А поскольку содержание особняка обходилось слишком дорого, то ее светлость вынуждена была уволить почти всех слуг. Там остались только старый дворецкий, экономка и садовник. Но что они могут втроем? Поместье приходит в упадок, и нам всем больно на это смотреть. А ведь какие роскошные луга и сады были тут в прежние времена! Какие устраивались балы — на них съезжались дворяне со всей провинции!

Он говорил об этом с такой гордостью, словно сам принимал в них участие, и я невольно улыбнулась.

Когда месье Булон уехал, я собрала всех в гостиной.

— Нам нужно набить сеном матрасы и наволочки. Конечно, мы все устали, но без этого спать будет затруднительно.

— Сеном? — простонала Гертруда. — Но оно же колючее! И оно пахнет!

А стоило ей взять в руки простыни из домотканого холста, она нашла новый повод для стенаний.

— Оно такое грубое, что сотрет нам всю кожу!

Но мне уже надоело ее слушать, и я, захватив с собой детей, отправилась в сарай, куда месье Булон сгрузил сено. Его оказалась целая гора, и пока мы с Аленом набивали им матрас и наволочки, Стефани с Сэмми просто кувыркались в нём, отчего их одежда покрылась трухой.

И подушки, и матрасы вышли высокими, упругими, и когда мы уложили их на кровати, те стали выглядеть вполне прилично. А уж пахло сено так свежо, что дом сразу наполнился каким-то удивительно летним ароматом.

Я застелила кровати бельем и полюбовалась плодами наших трудов. Мне уже захотелось спать.

Нашей основной проблемой на данный момент были разбитые окна. Но поздним вечером с этим мы уже ничего не могли поделать. Окно в гостиной я завесила старым грязным одеялом, которое отыскалось в одной из спален — оно было дырявым в нескольких

местах, но всё равно в какой-то мере служило преградой холодному воздуху.

Я зашла в комнату сестры, чтобы пожелать ей спокойной ночи, но Гертруда уже спала и, кажется, не испытывала никакого дискомфорта из-за того, что ее нежное тело касалось такой грубой материи.

Да я и сама провалилась в сон, едва моя голова коснулась подушки.

А утром проснулась в прекрасном расположении духа и, пока все спали, решила прогуляться на территорию поместья герцога Клермона. Никогда прежде я не бывала в таких старинных дворянских гнездах и не хотела отказывать себе в удовольствии полюбоваться на такую красоту.

И то, что я там обнаружила, превзошло мои самые смелые ожидания!

Глава 10

Перелесок служил границей герцогских угодий, и когда я миновала его, мне открылся восхитительный вид на огромный луг с коротко подстриженной травой, озеро с голубой гладью воды и красивое трехэтажное здание на пригорке.

Даже если месье Булон был прав, и нынешний герцог Клермон не уделял внимания своему поместью уже много лет, посмотрев на его имение издалека, я ни за что бы такого не подумала. Особняк был выкрашен в нежно-голубой цвет и почти сливался с утренним небом. А белоснежные колонны на его фасаде делали его изысканным и величавым.

И наверняка возле дома было много цветочных газонов, а позади него был сад с фруктовыми деревьями или парк с ровными аллеями и фонтанами. И внутреннее убранство, должно быть, было под стать внешнему.

И сейчас, глядя на особняк со стороны, я чувствовала себя Элизабет Беннет, впервые приехавшей в Пемберли. Вот только с владельцем поместья я знакома не была.

Я не знала, можно ли было разгуливать по территории частных угодий, но надеялась, что запрета на это нет. И я не удержалась и пошла по дорожке к озеру.

Вода в нём была такой чистой, что я могла разглядеть плававших там рыб. Мои мысли сразу устремились в этом направлении. А не могли ли мы позволить себе тут порыбачить? Но подумав хорошенько, я сама отрицательно ответила на этот вопрос. Это было бы большой наглостью с нашей стороны. И из окон дома озеро было как на ладони. Даже если в поместье не было сторожа, то тут наверняка были собаки.

Хотя вопрос о рыбалке был слишком важен для нас, чтобы я могла так просто о нём забыть. И я решила, что должна расспросить об этом сына Булонов. Быть может, он подскажет нам, где можно выловить рыбу, не нарушая закон. А возможно, это знала и Табита.

В озере плавали лебеди, но они находились в другой части водоема, ближе к особняку. А поскольку у меня не было с собой хлеба, я не стала их подзывать.

Когда я уже собиралась вернуться домой, я увидела в стороне небольшой домик, почти полностью скрытый деревьями — видна была только макушка крыши и печная труба. Он находился не в деревне, а на земле поместья. Возможно, там жил егерь или садовник. И я повернула не влево, к своему дому, а вправо.

Мне было любопытно поговорить хоть с кем-то из поместья, но сделать этого не удалось. Окна дома были закрыты ставнями, а на дверях висел большой навесной замок. И ведущая к дому дорожка заросла травой так, что камней, которыми она была вымощена, почти не было видно.

Среди травы я с трудом различила и высокие грядки, на которых, должно быть, прежде росли овощи. Это мог быть домик огородника, поставлявшего к столу его светлости свежую зелень. Но сейчас тут явно никто не жил. Хозяева в поместье не приезжали, и овощи и фрукты никому не требовались.

За домом что-то ярко сверкнуло, и я отправилась туда. Сверкали стекла в стенах и крышах теплиц! Тут были три больших теплицы! Я не знала, что выращивали в них прежде — сейчас они были пусты.

Две теплицы были целыми, пусть и изрядно грязными, а вот на третью, должно быть, во время бури, упало дерево, и там не осталось ни одного целого стекла. Дерево так и лежало на крыше теплицы, проломив ее своими ветвями — никто не удосужился его убрать. То ли происшествие случилось недавно, и дворецкий просто не успел на него отреагировать, то ли он вообще не бывал в этой части поместья и не знал, какой беспорядок тут творился.

Восстановлению теплица явно не подлежала, и даже если огородник когда-то вернется в этот дом, ему придется ее снести. И раз теперь она всё равно никому не была нужна, то почему бы нам этим не воспользоваться?

Нам нужны были эти стекла! Развешанные на окнах одеяло и плащи не могли защитить дом от холода. К тому же, из-за них в комнатах было темно. Да и выглядело всё это ужасно неряшливо. А на кухне в окнах и вовсе ничего не было. И кто знает, сможем ли мы позволить себе купить стекла на ярмарке в Альенде? Вдруг они окажутся слишком дорогими? Или разобьются по дороге в Шатель?

А стекла из теплицы вполне бы нам подошли. И я не собиралась портить целые теплицы! Я собиралась взять битые стекла — ни

герцогу Клермону, ни его дворецкому они точно не пригодятся!

Я присмотрелась повнимательней. Стекла с крыши были разбиты вдребезги, а вот на передней и задней стенках — там, где были двери, — из потрескавшегося материала можно было выбрать то, чем мы могли застеклить свои окна. Да, возможно, наши рамы придется разделить на более мелкие сегменты, но хороший мастер легко сделает это. И у нас будут настоящие окна, и в доме будет тепло и светло!

У дверей я нашла старый нож с деревянной ручкой и ржавым лезвием. Одно из стекол я хотела взять с собой прямо сейчас. Но когда я достала его из пазов, совесть всё-таки замучила меня. Брать чужое без спроса было нехорошо, и я, подумав немного, отправилась к герцогскому особняку.

Казалось, что он был совсем недалеко отсюда, но мне потребовалось обогнуть озеро, и дорога заняла не меньше получаса. И когда я оказалась вблизи здания, то хотя и не имела к нему никакого отношения, невольно испытала разочарование. Краска на его фасаде местами облупилась, а лепнина с колонн облетела. А окна были мутными от высохших дождевых капель. На всём тут были видны следы запустения.

Я поднялась на крыльцо и постучала в двери. Мне потребовалось сделать это трижды, прежде чем я услышала чьи-то шаркающие шаги внутри.

— Кого там принесло с утра пораньше? — голос был не мужским, а женским.

И когда дверь распахнулась, я увидела пожилую женщину. Наряд ее, несмотря на то что не был ни новым, ни дорогим, всё-таки отличался от платьев женщин из деревни. И голова ее была надменно поднята, а плечи горделиво расправлены.

— Что вам угодно, мадемуазель? — спросила она и поднесла к лицу лорнет.

Глава 11

Наверно, это и была та самая экономка, про которую говорил месье Булон.

— Доброе утро, мадам! — улыбнулась я. — Я — Лорейн Ревиаль, из дома, что находится вон там, за перелеском, — и указала направление рукой. — Мы приехали в Шатель только позавчера, и я подумала, что было бы неплохо познакомиться с соседями.

Я понятия не имела, как должна была с ней разговаривать. С одной стороны, я была дочерью дворянина, а значит, стояла гораздо выше нее по положению. С другой стороны, сейчас мы были обычными жителями деревни и нуждались в помощи этой женщины. В итоге я решила просто быть вежливой.

— Вы — младшая дочь ее милости? — спросила она. Холодный взгляд ее ни на мгновение не стал теплей.

— Именно так, сударыня! — подтвердила я. — Простите, я не знаю вашего имени.

— Мадам Шабри, — назвалась она. — Я имею честь быть экономкой его светлости герцога Клермона.

— Очень приятно познакомиться, — я улыбнулась еще шире.

— Передавайте поклон вашей матушке, — моя собеседница тоже снизошла до некоего подобия улыбки, — мы были знакомы когда-то очень давно.

Она наверняка уже знала о нашем приезде, потому что ничуть не была удивлена, когда услышала мое имя. А матушку Табиту она наверняка знала по тому времени, когда обе они были еще девчонками. Возможно, мадам Шабри тоже была родом из этой деревни.

— Непременно, сударыня! — пообещала я. — Простите, что я потревожила вас. Мне всего лишь захотелось полюбоваться чудесным озером и таким красивым особняком.

При последних словах я чуть покраснела. Особняк, должно быть, когда-то и в самом деле был прелестным, но теперь мои слова могли показаться ей издевкой.

Кажется, она подумала о том же самом, потому что сказала:

— Видели бы вы наше поместье в прежние времена, мадемуазель! Вот тогда оно действительно было великолепно, и даже короли Арвитании не чурались здесь останавливаться. К сожалению, сейчас сам его светлость редко появляется в своем родном имении. Но мы не оставляем надежду, что однажды всё может перемениться.

Это был подходящий момент, чтобы перевести разговор в нужное русло.

— Я только что проходила мимо теплиц, что стоят по другую сторону озера, — сообщила я. — Быть может, вы не знаете, мадам, но на одну из них упало дерево, и она почти совсем развалилась. Там повсюду валяются осколки стекол, и если в поместье есть собаки, то они могут порезать ими себе лапы.

— Да-да, я знаю, — женщина горько вздохнула. — Но, к сожалению. Мэнсфилд отбыл к его светлости в столицу с докладом, а наш садовник Уилсон из-за приступа подагры уже два дня почти ни на что не способен. На прошлой неделе в этих местах была сильная буря, и пострадала не только теплица, но и наша оранжерея.

— Вы будете их восстанавливать? — осторожно спросила я.

— Оранжерею, да, несомненно, — при этих словах она заметно смутилась. Должно быть, вспомнила, что их хозяин не считает нужным выделять средства для поддержания порядка в своем имении. — А вот теплицу следует просто снести. Уилсон займется этим, как только будет в состоянии приступить к работе.

— Стекла оказались выбиты и в нашем доме, — сказала я, вплотную подойдя к волнующему меня вопросу. — И раз уж вы решили эту теплицу сносить, то, может быть, вы не будете возражать, если я возьму несколько стёкол, которые еще можно использовать? Они бы очень намгодились.

Она усмехнулась. Кажется, моя просьба сильно польстила ей. Наверно, ей приятно было осознавать, что Табита, так долго находившаяся на недосягаемой для местных жителей высоте, теперь просила ее о помощи.

— Почему бы и нет? — она пожала плечами. — Возьмите, если они вам так нужны. Для нашей оранжереи всё равно требуются стёкла куда большего размера. Но я надеюсь, вы будете действовать осторожно и не повредите другие теплицы.

— Разумеется, сударыня! — заверила ее я.

Обратно к теплице я почти бежала. Мне не терпелось принести домой хотя бы одно стекло. Потом, после завтрака, мы вернемся сюда с Аленом и возьмем все стекла подходящего размера. Нам нужно было сделать это до возвращения дворецкого из столицы. Кто знает, возможно, по этому поводу у него будет мнение, совсем отличное от мнения мадам Шабри.

А вот путь от теплицы до дома мне пришлось проделать очень медленно. Я боялась упасть, разбить стекло и пораниться. Но зато когда я ввалилась с ним на кухню, где за столом уже сидела вся моя семья, моё лицо сияло от гордости.

— Я нашла стёкла для окон! Нам не придется их покупать!

В кухне пахло свежим молоком, а на столе дымилась золотистая от расплывшегося по поверхности масла каша. И пока мы ели, я рассказывала им о своем походе в особняк герцога Клермона.

— Но я не знаю никакой мадам Шабри, — удивилась Табита. — Хотя, возможно, когда мы были знакомы, она носила другую фамилию. Но как бы там ни было, нам следует поблагодарить ее за такую доброту.

— Жаль, что герцог Клермон сейчас не бывает в своем поместье, — с тоской протянула Гертруда. — Если бы здесь собиралось общество, было бы куда веселей.

Я вздохнула. Кажется, она упрямо не хотела понимать, что если бы здесь собиралось знатное общество, ей самой было бы куда тяжелей. Потому что мы в это общество ни при каких раскладах не были бы приглашены. И кому, как не ей, было это знать?

Наверно, матушка подумала о том же, потому что предпочла перевести разговор на другую тему.

— Жаль что месье Меридо в отъезде и не сможет застеклить нам окна в ближайшие дни.

— Мы с Аленом можем попробовать сделать это сами! — заявила я. — Не уверена, что у нас получится, но попытка — не пытка. Только для нарезки стекол нам потребуется, матушка, ваш перстень.

Я еще в поместье Ревилей обратила внимание на перстень на пальце Табиты с бриллиантом с заостренным кольцом. Когда-то в доме бабушки я пользовалась алмазным стеклорезом. Возможно, это кольцо могло нам его заменить.

Глава 12

Конечно, с первого раза у нас ничего не получилось. Мы с Аленом принесли в дом несколько стекол из тех, что были размером побольше. Но попрактиковаться решили не на них.

Начали мы с кухни. Ножом я аккуратно отделила от рамы приколоченные на маленькие гвоздики тоненькие реечки, которыми крепилось стекло — штапики. Я старалась не сломать и не погнуть гвозди, потому что других у нас не было. И провозилась с этим до самого обеда.

Из свежего мяса Табита сварила вкусный суп, названия которого я не знала — она положила в него понемногу всех овощей, которые у нас были, и бросила туда еще и перловки. А я напекла тонких блинчиков, которые с жирным домашним маслом вышли красивыми, румяными.

Всё то время, что я была на кухне, матушка не сводила с меня удивленного взгляда. Настоящая Лорейн просто не могла быть такой. Она выросла в дворянской семье и никогда прежде не стояла у плиты и, уж тем более, не могла знать, как стеклят окна. Возможно, мне не помешало бы проявить некоторую осторожность и уподобиться Гертруде, но я не могла себе этого позволить. Нельзя было взваливать всё на одну Табиту.

За эти два дня я составила уже немаленький список вещей, которые были нам нужны. Из кухонной утвари нам не хватало тарелок, глиняных кувшинов, вилок, ножей. А еще следовало купить садовые и плотницкие инструменты, которые должны быть в любом доме.

Алену было еще только четырнадцать лет, и я надеялась, что он сумеет научиться всему тому, что должен уметь делать по хозяйству настоящий мужчину. Хотя пока особого интереса к делам он не проявлял, просто выполнял то, что я ему велела. А сегодня перед обедом и вовсе взбрыкнул, сказав, что не станет ходить больше к ручью за водой, потому что тропинка была узкой, и забираться на угор с тяжелым ведром было неудобно. И только когда я объяснила ему, что без воды не будет и никакого обеда, он нехотя сделал то, о чём его просили.

Мне совершенно не понравился этот бунт на корабле, но я прекрасно понимала, чем он был вызван. Гертруда продолжала вести себя как отправленная в изгнание королева — так с чего бы ее детям было вести себя по-другому? Нам с сестрой давно следовало откровенно поговорить, но каждый день я откладывала этот разговор на завтра, боясь, что он совсем нас рассорит.

После обеда я приступила к резке стекла. И вот этот процесс уже вызвал у Алена неподдельный интерес.

Тренироваться я стала на тех обломках стекол, что мы достали из кухонного окна. Освободила стол, выбрала из всех реек самую прочную, взяла у Табиты перстень. Для замеров я использовала обычную веревку — ею был перевязан один из наших сундуков.

Но всего этого поначалу оказалось мало. Резать стекло острым концом бриллианта оказалось не так-то просто. Стекло трескалось, ломалось, а когда я порезала им руку, то почти взвыла от отчаяния. Похоже, до приезда мастера Меридо нам придется ночевать в доме с незастекленными окнами. Хорошо еще, что дни пока стояли теплые. А вот ночью не спасал уже даже теплый плащ. Да и дров на обогрев дома требовалось слишком много.

— Позволь попробовать мне! — попросил Алел.

Я отступила от стола, радуясь тому, что он не остался безучастным. И как ни странно, но у него дело пошло гораздо лучше. Мы с Табитой замороженно следили за тем, как он разделил стекло на тонкие полоски.

Но с большим стеклом с первого раза не получилось даже у него. И когда оно лопнуло, он досадливо стукнул по столу. Я боялась, что он всё бросит, но нет — он взялся за другое стекло, и через полтора часа мы всё-таки застеклили первую раму. Молотка у нас не было, и гвозди пришлось забивать гладким камушком, который Сэмюэль притащил с дороги.

Полюбоваться плодом наших трудов пришла даже Гертруда. Начало было положено, и по этому случаю мы устроили себе праздничный ужин. Табита запекла в печи мясо с овощами, добавив туда какую-то травку со двора, и по всему дому разлился такой аромат, что у меня потекли слюнки. А еще у нас были свежий сыр и чай с молоком.

Мы пировали, но глядя на это изобилие на столе, я не могла не думать о том, что если у нас не появится какой-то источник дохода, то скоро мы не сможем позволить себе покупать продукты у Булонов. Нам нужно было что-то придумать до того, как мы потратим те деньги, что у нас были.

А пока стоило подумать хотя бы о сохранности продуктов. В детстве, когда у нас с бабушкой сломался холодильник, а денег на новый не было, она вырыла в дровеннике яму и поставила туда ведро с крышкой. Так же сейчас поступили и мы, вместо ведра использовав старый чугунок с треснутым дном.

Наработавшись за день вдоволь, мы рано легли спать. А на следующий день рано встали. Нам с Аленом нужно было застеклить еще четыре окна. И пока племянник разбирался со стёклами, я помогала Табите чистить для обеда овощи.

— А есть ли здесь, матушка, места, где водится рыба? Я видала ее в озере, что находится перед герцогским особняком, но там, я думаю, ловить ее нельзя.

— Конечно, нельзя, — подтвердила она. — Там всегда можно было рыбачить только гостям его светлости. А мой брат обычно ловил рыбу в реке Дордоне — она течет за деревней. Там раньше водились и сиги, и сазаны, и шуки.

— А как вы ее ловили? — не унималась я.

— Неводом ловили, — с улыбкой вспоминала матушка, — и на удуду тоже.

— А леску? Из чего делали леску?

— Из конского волоса или из шелка.

Я не удержалась и довольно потерла руки. Как только мы разберемся с окнами, нам следует заняться рыбалкой. Наверняка это будет интересно не только мне и Алену, но и Стефани, и Сэмми. А уж от свежей рыбы на обед или ужин наверняка не откажется даже Гертруда.

Глава 13

На следующее утро Ален застеклил и второе окно в кухне и взялся за окно в моей спальне. А вот на гостиную принесенных из теплицы стекол уже не хватило — часть из них просто не подошли по размерам, а часть сломались во время резки. Я решила не отвлекать племянника от дела и за новой партией отправилась в поместье герцога одна.

Погода в эти дни стояла довольно теплая, но Розин Булон сказала, что по всем приметам получается, что скоро грядет похолодание, а это значило, что нам следовало поторопиться с обустройством нашего дома. Она же сообщила, что мастер Меридо возвращается в Шатель нынче вечером — ее муж узнал об этом, потому что ездил на мельницу Крюшона, чтобы смолоть пшеницу.

Это была хорошая новость. Правда, мадам Булон предупредила нас, что вряд ли мастер сразу возьмется за ту работу, что мы хотели ему поручить — через три дня в Альенде должна состояться большая осенняя ярмарка, и Меридо наверняка туда поедет.

— Если вы тоже собираетесь на ярмарку, ваша милость, то, возможно, вам стоит поехать вместе с мастером, — посоветовала мне Розин. — Он и подскажет вам, где лучше купить гвозди и инструменты. Я предложила бы вам место и на нашей телеге, но боюсь, что его попросту не будет — мы везем а Альенде много товаров, и даже сами будем вынуждены идти до города пешком. А мастер обычно едет туда порожняком, а уже обратно что-то везет. Так что дорогу туда вы можете проделать с ним, а вот назад уже поехать с нами.

Так я и собиралась поступить. Конечно, вряд ли месье Меридо повезет нас бесплатно. А это значит, что нам придется потратить еще одну серебряную монету. А сколько еще он запросит с нас за ремонт крыши и колодца? Чтобы не расстраиваться, я старалась пока об этом не думать.

Но список ярмарочных покупок, который я пополняла каждый день, уже выглядел устрашающе. Время от времени я вычеркивала из

него то, без чего мы пока могли обойтись, но даже не то, что осталось, денег нам могло не хватить.

В Альенде мы собирались поехать вместе с Гертрудой и племянниками. Только Табита оставалась дома. Я изначально не хотела брать с собой и сестру, но у нее были золотые монеты, без которых поездка на ярмарку могла оказаться бессмысленной. К тому же, я надеялась, что это путешествие немного встряхнет ее. А уж лишить племянников удовольствия побывать в незнакомом городе я и вовсе не могла.

На сей раз к теплицам я пошла другой дорогой. Сделала небольшой крюк, чтобы посмотреть на реку Дордону, про которую говорила матушка. Она действительно текла неподалеку от нашего дома. Я не заметила ни одного рыбака, но это вовсе не значило, что в ней не водилась рыба. Местные жители наверняка ставили тут сети. А поскольку сетки у нас пока не было, я решила показать Алену, как делают «морды». В деревне, где я выросла, такие приспособления были в каждом дворе. И сплести их из ивовых веток было нетрудно. Выглядело это как продолговатый мешок из прутьев. Рыба заходила в него и уже не могла выбраться обратно.

А потом мы сделаем и леску для удочек. Или купим ее ярмарке, если она окажется недорогой. А уж сколько вкусных блюд можно приготовить из свежей рыбы, и не перечесать!

Спускаться к реке я не стала, пошла через перелесок к имению Клермонов. И вот здесь, на угоре, я вдруг увидела что-то необыкновенно знакомое. Это были огурцы! Их ветви опутывали стоявшие на высоком берегу деревья, поднимаясь чуть не до самых их макушек.

Но как они попали сюда? Поблизости не было ни домов, ни огородов. Возможно, летом ветер принес сюда их семена, и они выросли тут сами по себе, безо всякого ухода.

Плоды были разных размеров — и совсем маленькие, похожие на корнишоны, и довольно большие. У меня не было с собой никакой емкости, и я ограничилась тем, что сорвала несколько штук, распихав их по двум карманам платья.

К теплицам я подбежала почти вприпрыжку. Мне не терпелось принести огурцы домой и похвастаться перед Табитой. Из них можно

было приготовить вкусный салат со сметаной. А потом, когда мы купим на ярмарке достаточно соли, я могу засолить их в бочке.

Я уже почти чувствовала их вкус на своих губах и так увлеклась собственными ощущениями, что не сразу увидела у теплиц незнакомца.

Я, как и прежде, взялась за нож и принялась вынимать из пазов очередное немного поломанное стекло, когда почувствовала чей-то взгляд. Подняла голову.

В нескольких шагах от меня стоял пожилой мужчина — седовласый, импозантный. Наверно, он произвел бы на меня вполне приятное впечатление, если бы в его взгляде так явно не читались надменность и презрение.

— Добрый день, сударь! — поприветствовала я его. — Я — Лорейн Ревияль. А вы, должно быть, месье Мэнсфилд?

Если он и счел нужным наклонить голову, то всего на пару сантиметров.

— Именно так, мадемуазель, — холодно подтвердил он.

Он продолжал стоять на том же месте, и я почувствовала себя неловко и едва не выронила стекло из рук.

— Надеюсь, сударь, вы не будете против, если я возьму отсюда еще несколько стекол? — вежливо спросила я. — Теплица скоро совсем рухнет, и они всё равно сломаются. А нам они очень пригодятся.

— Мадам Шабри говорила мне о вас, — хмыкнул он. — Но если вы хотите забрать эти стекла, то вам следует сделать это именно сегодня. Потому что завтра в поместье придут работники, и они займутся приведением усадьбы в порядок, в том числе и сносом этой теплицы.

— Вот как? — неприятно удивилась я. С чего бы им братья за обустройство именно сейчас, если столько лет они не вспоминали об этом? Я даже подумала, что, возможно, он мне просто соврал.

Наверно, эти сомнения отразились и в моем взгляде, потому что дворецкий вдруг торжественно произнес:

— Усадьба Клермонов должна обрести прежнее величие, потому что скоро сюда придет сам его светлость! Да-да, мадемуазель! Герцог Клермон намерен жениться, и свадьба, которая состоится через несколько месяцев, пройдет именно здесь!

Глава 14

Я не хотела рассказывать домашним новость о возможном приезде герцога Клермона в свое поместье, но оказалось, что они узнали об этом и без меня. Деревня уже гудела, предвкушая возрождение былого величия старинной усадьбы.

Здесь в каждом доме держали кур, коров, поросят, вот только продавать яйца, молоко и мясо было некому. Везти в Альенде скоропортящиеся продукты было не с руки.

А приезд в поместье герцога с семейством и слугами означал закупки к хозяйскому столу всего того, что могли предложить местные крестьяне. А если сюда станут приезжать еще и гости! Поэтому не удивительно, что новость была встречена жителями Шатель с большим воодушевлением.

Я ожидала, что это встряхнет и Гертруду. Но она лишь впала в еще большую депрессию.

— Они будут смотреть на нас так же, как на здешних крестьян — как на грязь под ногами. А ведь наш отец тоже был дворянином, и мы тоже имеем право носить красивые наряды и танцевать на балах.

Всё это мы могли сказать только одному человеку — нашему старшему брату, который выкинул нас из дома, поправ законы родства. А сейчас я не видела смысла пережевывать всё это снова и снова. Так я и заявила Гертруде, на что она откликнулась со вздохом:

— Ты еще слишком молода, Лора, и ничего не понимаешь!

Ну, что же, если ей угодно было пребывать в тоске, то я не могла ей этого запретить. У меня было много других забот.

Ален прекрасно справился с остеклением всех окон, и в доме стало светло и тепло. Правда, в некоторых стеклах были трещины и сколы, но с этим мы уже ничего не могли поделать — других стекло подходящего размера не было. Эти трещины к зиме можно будет заклеить бумагой или замазать глиной. Пока же следовало радоваться тому, что мы имели.

Мы со Стефани намыли рамы до блеска и за обедом, сидя за кухонным столом, любовались на яркую огненно-рыжую картинку осенней природы за окном. А потом мы увидели, как к соседнему дому

подъехала телега, с которой спрыгнул коренастый мужчина средних лет. Должно быть, это и был мастер Меридо.

Мы с Табитой к вечеру, дав ему возможность отдохнуть с дороги, собирались пойти познакомиться с ним, но он нас опередил.

— Приветствую вас, ваши милости! Я подумал, что только-только смолотая мука с мельницы Крюшона не будет для вас лишней, — он пришел к нам не с пустыми руками, а с мешочком муки.

Матушка поблагодарила его за подарок и усадила пить чай. Оказалось, что они были знакомы еще в то время, когда она не была замужем, и потому она попросила его обращаться к ней запросто, безо всяких церемоний. Услышавшая это Гертруда гневно фыркнула, но я просто выставила ее из кухни. Если она не хотела принимать действительность, то это были ее проблемы.

— Не возьметесь ли вы, месье Меридо, за ремонт нашей крыши? — спросила я. — А еще нам нужно почистить колодец, а то пока нам приходится ходить за водой к ручью.

— Сделаем! — коротко ответил он, отставив в сторону пустую кружку. — Только уже после ярмарки.

Он сказал, что покажет нам в Альенде лавку, где можно недорого купить гвозди и другие необходимые нам для ремонта материалы. А я с тоской подумала о том, что поездка на ярмарку, кажется, лишит нас последних серебряных монет.

Составленный мной список покупок был настолько внушительным, что я уже понимала — половину позиций придется вычеркнуть еще до поездки.

Я хотела повесить на окна красивые шторы, а значит, нужно было купить ткань. Но в нынешних условиях это казалось почти роскошью, без которой мы пока могли обойтись. А вот зимняя обувь для детей была необходима. А еще я выяснила, что маленький Сэмми не умел читать, а Гертруда не позаботилась о том, чтобы взять с собой из отчего дома хотя бы букварь. А это значило, что нам придется покупать и его.

Нам просто необходим был хоть какой-то источник дохода! И тут я вспомнила про огурцы, которые выложила на тарелку и оставила на буфете. Теперь я похвасталась ими перед матушкой и месье Меридо. Но они неожиданно подняли меня на смех.

— Можете смело выбросить их, мадемуазель Ревиаль, — улыбаясь, сказал мне наш сосед. — У нас их не станет есть даже скотина.

Я посмотрела на него с недоверием, но матушка подтвердила его слова:

— Хорошо, что ты не стала пробовать его! Он ядовит, Лорейн!

— Ядовит? — еще больше изумилась я. — Но разве это не огурец?

— Да, — кивнула Табита, — огурец. Один из диких плодов, что растут сами по себе. Его плети обвивают любое дерево, до которого смогут добраться. Но в пищу он не идет. Он ужасно горький на вкус.

— Горький — возможно, — согласилась я. Я прекрасно знала, что если огурцы не поливать, то в плодах появляется горечь. И если лето здесь бывает засушливым, то не удивительно, что огурцы горчат. — Но почему вы думаете, что он ядовит? Кто-то здесь им отравился?

— Ну, не то, чтобы прям отравился, — задумчиво протянул мастер, — но никто никогда и не мог съесть такой плод целиком. Достаточно разжевать лишь кусочек, чтобы сразу выплюнуть его.

Я была разочарована, но не готова была выбросить огурцы на помойку. Возможно, местные жители просто не умели с ними обращаться. В любом случае, следовало попробовать получить от них пользу. Даже если для этого придется ставить эксперименты на себе самой.

В этот день мы пораньше легли спать. Месье Меридо собирался выехать в Альенде на рассвете.

Дети предвкушали веселое путешествие. На ярмарках бывало много развлечений, на площадях выступали циркачи и кукольники и продавались вкусные сладости. И даже Гертруда, как мне показалось, несколько воспряла духом.

Глава 15

Альенде оказался небольшим и довольно приятным городом. В нём были преимущественно двух- и трехэтажные фахверковые домики — белые, с коричневыми балками. На их фоне особенно величественным казался стоявший на холме монастырский комплекс с мощными стенами и высокими шпилями церквей.

Улицы в центре города были широкими, вымощенными каменными плитами и булыжником, и несмотря на то, что ярмарка еще не началась, уже прибывшие в город торговцы устанавливали на них свои лотки и палатки. Каждый старался занять место поближе к Ратушной площади, где должна была развернуться основная торговля.

— Здесь можно просто торговать где хочешь? — спросила я месье Меридо.

К следующей ярмарке мы должны были постараться тоже приехать сюда с товаром.

Но мастер покачал головой:

— За торговое место нужно платить, и чем ближе к Ратушной площади, тем больше. На самой площади палатки могут поставить только весьма состоятельные торговцы. Их много приезжает из других городов.

Месье Меридо остановился на постой на постоялом дворе на самой окраине города. Это было тихое, спокойное, но очень скромное заведение, и Гертруда заявила, что для себя мы должны выбрать что-то более респектабельное.

— Лора, здесь ночуют только крестьяне! Здесь пахнет сеном и кислой капустой. Не забывай, что мы дочери шевалье и нам следует заботиться о своей репутации.

Мы въехали в город на обычной крестьянской телеге, и нам следовало радоваться даже этому, потому что это было лучше, чем проделать весь этот путь пешком. Но несмотря на то, что мы ехали, сидя на сене, моя сестра надела нарядное платье. А самое лучшее платье и шляпку взяла с собой, решив покрасоваться в них на ярмарке.

— У нас нет денег на хорошую гостиницу, Труды, — напомнила я.

— У меня есть деньги, — призналась она. — Норман дал мне немного. Так что об этом ты можешь не беспокоиться — за постой в гостинице я заплачу.

— Мы можем потратить эти деньги на что-то более полезное, — возразила я. — Нам нужно купить кучу вещей для нашего дома. А твоим детям нужна обувь.

Она небрежно взмахнула рукой:

— Не беспокойся, там хватит на всё.

Мы остановились в лучшей гостинице прямо на Ратушной площади. При мысли о том, сколько нам придется заплатить за эту роскошь, всё во мне протестовало против такого решения. Но Гертруда была непоколебима. Она сказала, что если я хочу, то могу вернуться на постоянный двор к месье Меридо, но она сама и ее дети не двинутся с места. Мне ничего не оставалось, как остаться с ней — так я могла надеяться хотя бы удержать ее от других бессмысленных трат.

Дорога была утомительной, и когда мы пообедали, сестра заявила, что отправляется отдыхать. Я же хотела пройтись по торговым рядам еще до того, как они наполнятся бесчисленными толпами покупателей — чтобы прицениться и знать, куда идти за покупками. Кроме того, месье Меридо обещал мне показать скобяную лавку, где можно было купить товар дешевле, чем на ярмарке.

— Трудн, ты должна дать мне хотя бы немного денег, — я решила, что имею права об этом попросить, ведь я собиралась потратить их не на себя. — Серебряные монеты матушки почти закончились. И нам нужно оставить мелкие деньги на покупку продуктов в деревне.

Сестра не стала спорить и дала мне золотую монету. Ну, что же, с этим уже можно было идти в город.

Младшие племянники отправились гулять вместе со мной, но скоро я пожалела об этом. Им было скучно ходить по скобяным и суконным лавкам, и они тянули меня совсем в другую сторону — к лоткам со сладостями и игрушками. Мне было ужасно неудобно перед мастером, который вынужден был слушать наши перепалки. Впрочем, мы довольно быстро купили гвозди, прочную веревку для колодца и еще кое-что по мелочи. Покупки были тяжелыми, и месье Меридо сказал, что отнесет их к себе на постоянный двор, чтобы мне не нужно было таскать их по городу.

После этого я пошла на уступки Стефани и Сэмми и купила им по большому леденцу, а потом повела их посмотреть на цирковое представление, что развернулось на набережной. Мастерство бродячих артистов неожиданно захватило и меня саму, и я, как и дети, громко хлопала в ладоши. Это заслуживало поощрения, и без сожаления опустила в шляпу владельца цирка медную монету.

По пути в гостиницу мы проходили мимо начищенной до блеска витрины кукольного магазина. За стеклом на самом видном месте сидела красивая кукла с огромными голубыми глазами и длинными светлыми волосами. На фарфоровом личике застыла улыбка, словно кукла и сама понимала, насколько хороша она была. А пышное шелковое платье с оборками и изящные туфельки делали ее похожей на принцессу.

— Это самая красивая кукла, которую я когда-либо видела! — воскликнула Стефани. Она не могла заставить себя двинуться с места, и мне пришлось взять ее за руку и потянуть за собой.

— Да, она очень красива, — согласилась я. — И когда-нибудь мы непременно тебе ее купим. Но только не сейчас, дорогая.

Кукла стоила три четверти золотого — невысказанные деньги в нашем положении. Купить своим детям такую игрушку могли позволить себе только очень богатые горожане. Наверняка она провела в этой витрине уже немало времени.

Пока мы любовались куклой, Сэмюэль уже присмотрел игрушку и себе — коробку с деревянными солдатиками. Это стоило гораздо дешевле, но всё равно было слишком дорого для нас.

В глазах детей появились слёзы, и мы вернулись в гостиницу в расстроенных чувствах.

— Как хорошо, что вы пришли, Лора! Нам уже пора отправляться на ужин. Я ужасно проголодалась. И непременно надень свое лучшее платье! Надеюсь, ты взяла его, как я и советовала? Возможно, сегодня мы познакомимся с весьма важной персоной! Хозяин гостиницы сказал мне по секрету, что по дороге в свое поместье здесь остановится на ночлег сам герцог Клермон!

Глава 16

— Герцог Клермон? — переспросила я. — И какое отношение он имеет к нам? Не думаешь же ты, что если мы познакомимся с ним, то станем вхожи в то общество, что будет собираться в его поместье? Или что он пригласит нас на свою свадьбу?

— Конечно, нет! — сказала Гертруда. Хотя по ее задумчивому виду я поняла, что именно так она и думала. — Вельможи, которые бывают при дворе короля, и не посмотрят в нашу сторону. Но раз уж мы будем соседями, то почему бы не выказать ему уважение? Да, наверняка он не станет приглашать нас в гости, но если после свадьбы они с супругой уедут в столицу, то, возможно, он позволит нам занять домик его егеря или садовника. Это без сомнения лучше, чем находиться в деревне.

Это было сомнительное заявление, но я не стала с ним спорить. Прогулка по городу вымотала меня, и даже есть мне хотелось меньше, чем спать. Но когда я легла на кровать, Труд и не подумала замолчать.

— И мы могли бы быть полезны его светлости. Возможно, его будущей супруге будет скучно в глуши, и она будет рада и нашему обществу. А я, как ты знаешь, неплохо рисую и музицирую. А еще я слышала, что библиотека в поместье герцога сильно пострадала, когда во время ливневых дождей протекла крыша. Ты могла бы заняться ею. Составить перечень книг, которые серьезно пострадали и нуждаются в новом переплете или даже в замене. Подготовить список новых покупок — в отличие от меня, ты много читаешь и знаешь, каким книгам надлежит быть в каждой приличной библиотеке. И ты могла бы расставить их все так, чтобы хозяину было удобно их искать.

Идея была неплоха, но я сильно сомневалась, что герцогу Клермону была нужна именно наша помощь — наверняка у него были секретари, лакеи, а может быть, даже и библиотекарь.

И хотя сначала я отбросила предложение сестры, чем больше я над ним думала, тем больше склонялась к тому, что нам всё-таки следовало предложить его светлости свои услуги.

Я не хотела спускаться к ужину в столовую залу, но Труд настояла на этом. Она надеялась встретить там герцога Клермона, но

этим надеждам не суждено было сбыться. То ли его светлость еще не прибыл в Альенде, то ли предпочел отужинать у себя в апартаментах.

— Посмотри, на кого ты похожа, Лора! — попеняла мне сестра, когда, полакомившись уткой, мы перешли к чаю с пирогом. — Тебе следовало взять сюда платья, которые больше подходят дочери шевалье. А тот наряд, что сейчас на тебе, наверно, не надела бы даже экономка его светлости.

Я представила себя в светлом шелковом платье в лавке жестянщика или в кожаном ряду на ярмарке, и улыбнулась.

На следующий день я отправилась на Ратушную площадь одна. Когда я проснулась, Гертруда с детьми еще спали, и я не стала их будить. За окном уже был слышан шум толпы — ярмарка началась!

Начать я решила с овощных рядов. Я до сих пор не могла поверить в то, что огурцы считались в Арвитании несъедобными. Возможно, так было только в Шателе, а здесь, в Альенде, думали по-другому?

К тому же мне нужно было купить хотя бы немного специй и растительного масла. И прицениться к овощам, которыми тут торговали, чтобы знать, что стоит посадить на своем огороде, а что будет выгоднее купить на рынке.

Ряды со специями я нашла очень быстро — от них по всей площади шел такой аромат, на который трудно было не обратить внимание. И чего здесь только не было! И разные виды перцев, и корица, и имбирь, и мелисса, и горчица. Вот только стоили они так дорого, что от покупки пришлось отказаться. Я решила прежде поговорить с Табитой и мадам Булон — возможно, какие-то из этих трав росли и в Шателе.

По овощным рядам я прошла несколько раз, но огурцов так и не встретила. А все торговцы, которых я спрашивала о них, смотрели на меня с удивлением.

— Кто же станет есть такую гадость? — лицо торговки зеленою от моего вопроса перекошило так, словно она проглотила лимон. — Они даже на корм скотам не идут.

Я даже не знала, обрадовал меня такой ответ или расстроил. Будет жаль, если обнаруженная мной дикая плантация огурцов окажется бесполезной. Но если вдруг мне всё-таки удастся доказать, что эти овощи вполне съедобны, то на них можно было неплохо заработать.

Квашенные огурцы могли бы стать изюминкой даже на столе аристократа.

Я купила растительное масло, а потом отправилась в обувной ряд, чтобы прицениться к теплым ботинкам. Обуви тут было много, но такие покупки следовало совершать не в первый день ярмарки, когда цены были высоки, а ближе к ее завершению. И обувь нужно было мерить, а значит, мне следовало вернуться сюда вместе с сестрой и племянниками.

— Ты не представляешь, Лорейн, кого я встретила сегодня на улице! — такими словами поприветствовала меня сестра.

— Герцога Клермона? — фыркнула я.

Но это имя, прежде производившее на Гертруду почти магическое впечатление, на сей раз не возымело того же эффекта.

— Антуана Уилсона! — выпалили она и чуть покраснела.

Это имя мне ничего не говорило. И сестра сразу это поняла.

— Ну, как же, Лора? Уилсон жил в поместье по соседству. Он ухаживал за мной, когда я была в твоём возрасте! Как ты могла его забыть? Впрочем, тогда ты была еще слишком маленькой.

Она старалась говорить с беспечностью, но я видела, как она волновалась. А потом мой взгляд переместился на висевший на спинке стула новый шерстяной плащ, отороченный мехом, и заволновалась уже я сама.

— Ну что ты хмуришься, Лора? — она проследила за моим взглядом. — Моя теплая одежда давно потеряла свой прежний вид. Мне было даже стыдно стоять рядом с месье Уилсоном. Ты должна понимать, что мнение общества о нас зависит и от того, как мы выглядим!

— Прошу тебя, Трудит! — я схватила ее за руки. — Перестань транжирить! Пока мы не можем позволить себе вести тот образ жизни, к которому привыкли. Нам следует быть экономными!

Сестра поморщилась при этом слове и, кажется, собиралась мне возразить, но тут на улице раздалось ржание лошадей, и мы, подбежав к окну, увидели, как ко крыльцу подъехали несколько всадников, а следом за ними и карета. И лошади, и экипаж были изящными и дорогими, и Гертруда просто прильнула к стеклу.

— Я уверена, Лора, это — герцог Клермон! Немедленно переоденься! Мы должны спуститься вниз. И улыбайся, если мы

встретимся с ним на лестнице. Ты достаточно красива для того, чтобы он обратил на тебя внимание. И если он скажет нам хоть пару слов, это даст нам возможность завести полезное знакомство.

Но я и не подумала переменить платье, и она, смирившись с этим, всё-таки схватила меня за руку и потянула к дверям.

Глава 17

Хозяин гостиницы крутился юлой, стараясь угодить высоким постояльцам. Альенде был маленьким городом, и здесь нечасто бывали столичные гости. И теперь месье Дижо только и успевал что кланяться каждому, что прибыл вместе с герцогом Клермоном.

Ни я, ни Гертруда никогда прежде не видели нашего влиятельного соседа, но сестра полагала, что узнать его не составит никакого труда — он непременно должен выделяться среди прочих особой статью и роскошью наряда. Но она ошиблась.

Первый мужчина, с которым мы повстречались на лестнице, был одет именно так, как, по ее мнению, и подобало одеваться герцогу, занимавшему важный пост при королевском дворе — под накинутым на плечи плащом был виден парчовый камзол, украшенный тонкими кружевами, а пучок перьев на широкополой шляпе был скреплен украшением с большим рубином. А в том, что это был именно рубин, а не какая-то подделка, сомневаться не приходилось. Но эта роскошь не произвела на меня того впечатления, что на Гертруду. Напротив, в такой обстановке она показалась мне неуместной и вызывающе-крикливой.

Он не понравился мне. У него было пугающе-хищное выражение лица, а от взгляда, которым он окинул нас, мне стало страшно.

— Добрый день, сударь! — проворковала Труди.

Его взгляд задержался на ее лице, потом спустился ниже. Но одета сестра была весьма целомудренна, и он, должно быть, не увидел того, что хотел, и губы его дрогнули в усмешке.

— Добрый день, сударыни, — голос у него тоже был неприятным.

Он чуть приподнял свою шляпу, приветствуя нас, и Гертруда улыбнулась ему так широко, как только смогла.

А я даже подобия улыбки выдавить из себя не смогла.

— Прошу вас, ваше сиятельство, вот сюда! — подлетел к гостю месье Дижо.

Ваше сиятельство! Так обращались не к герцогам, а к графам. Значит, это был не наш сосед, а кто-то из его друзей или свиты.

Признаться, я вздохнула с облегчением, а на лице сестры появилось разочарованное выражение.

Но облегчение я испытала напрасно, потому что сам герцог Клермон понравился мне еще меньше, чем его спутник.

Он вошел в здание чуть позже, и вот тут-то сразу стало понятно, что это именно он — по той почтительности, с которой обращались к нему все остальные. И для того, чтобы выделиться в толпе, ему вовсе не потребовались ни яркий наряд, ни вопиюще-дорогие украшения.

Его дорожная одежда была черного цвета. И мне показалось, что таким же темным и мрачным было его загорелое лицо. Он был высокого роста, и от всей его фигуры веяло силой и властью.

Он поднимался по лестнице нам навстречу и не посчитал нужным посторониться, чтобы нас пропустить. А когда Гертруда с ним поздоровалась, он сделал вид, что этого не заметил. Он ничего не сказал ей в ответ, не наклонил голову и даже не приподнял шляпу, как того требовал этикет. Он просто не счел нас достойными своего внимания. И по сравнению с этим поведение его спутника-графа теперь уже казалось мне образцом учтивости.

— Ну что, теперь ты довольна? — спросила я сестру, когда мы вернулись в нашу комнату.

Но тут же пожалела о своих словах, потому что щеки Труди и так пылали от стыда.

— Ох, Лора, — вздохнула она, — неужели ты думаешь, что мне нравится так заискивать перед этими вельможами? Конечно, нет! Но что нам остается делать? Я слишком рано поняла, что сильные мира сего никогда не сочтут нас равней. Когда я была чуть моложе тебя, я была уверена, что выйду замуж по любви. Я любила Антуана Уилсона, а он любил меня. Так что же могло нам помешать? Но так было только в моих мечтах. А действительность оказалась совсем другой. Но его отец не разрешил ему жениться на мне, так же, как и отец Клода Дэвиса не счел тебя равней своему сыну.

В ее голосе звучала боль. И когда сестра села на кровать, я опустилась рядом, обняла Труди за плечи.

— Нам ясно дали понять, что общество никогда не забудет о низком происхождении нашей матери. Возможно, если бы наш отец был очень богат и был бы не простым шевалье, а хотя бы графом, всё было бы совсем по-другому. Но я и сама совершила ошибку. Когда

Антуан женился на другой, я в отместку ему приняла предложение Шарля Сандерса, который занимался торговлей лесом. Тогда он был богат, и я хотела найти утешение хотя бы в красивом доме и дорогих нарядах. Но сделала только хуже. Если в нас с тобой дворянской крови хотя бы половина, то в моих детях их только четверть, и они будут еще более презираемы светским обществом, чем мы с тобой. А Шарль не сумел сберечь даже того, что имел. Он проиграл всё свое состояние, и у него не нашлось денег даже для того, чтобы заплатить врачу, когда он заболел холерой. Я вернулась в дом отца как побитая собака. Что я могу дать своим детям?

— Поддержку? Любовь? — подсказала я.

Она грустно улыбнулась:

— Какая же ты еще глупышка, Лора! Любовь в нашем мире ничего не стоит. Разве ты еще не поняла? Мне становится страшно при мысли о том, за кого может выйти замуж моя дочь. За мельника? За кузнеца? Спать на набитом сеном матрасе. Есть грубый хлеб с отрубями. Стирать белье своими руками. Я вижу, дорогая, как ты стараешься, и мне бывает стыдно, что я никак тебе не помогаю. Но я не могу! Правда, не могу! Всё это выше моих сил.

Труди замолчала, когда раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула я.

Дверь распахнулась. На пороге стоял хозяин гостиницы.

— Простите, сударыни, что вынужден вас потревожить, но дело в том..., — он замялся, и на губах его появилась виноватая улыбка. — Дело в том, что его светлость герцог Клермон пожелал занять весь третий этаж. А он — тот человек, которому я не могу отказать. Поэтому простите великодушно, но я вынужден просить вас переселиться этажом ниже. Комнаты там скромней, но надеюсь, что вам в них тоже будет удобно. И платить вам за них придется меньше.

Это было еще одно унижение, которое мы вынуждены были стерпеть. И оно оказалось той последней каплей, что могла вынести Гертруда. Сестра закрыла лицо руками и зарыдала. Но даже это не смягчило сердце месье Дижо.

— Я вынужден настаивать, мадемуазель, — теперь он обращался уже ко мне, — чтобы вы начали собирать вещи прямо сейчас. Его светлость настаивает, чтобы все помещения освободили немедленно.

Я сжала кулаки. Я уже ненавидела герцога Клермона!

Глава 18

Номер, в который мы переселились, был довольно скромным и состоял из двух маленьких комнат. И если я сама была этому даже рада (он будет обходиться нам куда дешевле, чем прежний), то Гертруда из-за этого сильно переживала. Она долго не могла заснуть. Я слышала, как скрипела ее кровать, когда сестра ворочалась с боку на бок.

Поэтому когда мы утром проснулись, Труди еще спала, и я не стала ее будить. Мы не стали даже завтракать в гостинице (я была еще слишком зла на месье Дижо, хотя и понимала, что отказать герцогу он не мог). Зато полакомились вкусными пончиками у палатки сладостей на Ратушной площади. А потом отправились в обувной ряд.

У меня самой были зимние сапожки, зато не было прочных ботинок, которые можно было бы носить по осенней грязи. И такие я нашла довольно быстро. Они были сшиты из толстой кожи и хорошо сидели на ноге. Они были на низком каблуке, и на них не было никаких украшений — Труди ни за что не позволила бы мне их купить, и сейчас я порадовалась, что она не отправилась за покупками вместе с нами.

А вот обувь для племянников я выбирала долго. На ярмарке было мало детской обуви, да и та, в основном, предназначалась вовсе не для деревенских дорог. И если Алену ботинки мы всё-таки подобрали, то Стефани и Сэму пришлось купить обувь большего размера, чем требовалась. Но их ножки быстро росли, так что это было даже хорошо.

Когда висевший на плече Алена мешок был уже полон от наших покупок, наступило время обеда, и мы отправились в маленькую уютную таверну на улице Королевских пажей. Мы заказали луковый суп, мясной пирог и по кружке кваса. И всё оказалось сытным и вкусным.

— Наверно, вы уже устали гулять по ярмарке? — спросила я, когда мы вышли на улицу.

Видно было, что младших уже клонило в сон.

Стефа кивнула, а Сэмми ничего не ответил, но глаза его уже были закрыты.

— Тогда идите в гостиницу и отдохните.

Я довела их до Ратушной площади, потому что боялась, что одни они могут заблудиться, а потом отправилась изучать лавочки с товарами для рукоделия на близлежащих улочках. У меня еще оставались две серебряные и несколько медных монет от того золотого, что дала мне Труди, и я решила потратить их на ткани и нитки.

Мы уже привыкли спать на грубом постельном белье и пока могли обойтись без пуховых подушек и тонких простыней. Но нам нужны были полотенца и хотя бы самые простые занавески на окна. Тут я порадовалась тому, что матушка взяла с собой из имения Ревиаблей набор для рукоделия, где были иголки, булавки и ножницы. Хотя бы это нам пока не нужно было покупать.

Я купила красивую ситцевую ткань в мелкий цветочек на занавески, а еще простую, но приятную на ощупь белую ткань, которая могла пригодиться для пошива нижнего белья. Всё это заняло у меня не один час, и в гостиницу я вернулась, когда на город уже стали опускаться сумерки.

— Желаете отужинать, мадемуазель? — поприветствовал меня месье Дижо.

Больше, чем есть, мне хотелось отдохнуть, но, возможно, Труди и дети были голодными.

— Я спрошу у сестры, — ответила я.

— Вот как? — лицо хозяина гостиницы отчего-то вытянулось. — Но разве она не сказала вам? Она съехала пару часов назад.

— Что? — не сразу поняла я. — Как съехала? Куда?

— Не знаю, мадемуазель, — месье Дижо развел руками, — она не стала со мной разговаривать. Мне показалось, что она была еще сердита на меня из-за вчерашнего. Но я был уверен, что она предупредила вас об этом.

Наверно, в моем взгляде отразилась растерянность, потому что он обеспокоенно спросил:

— Надеюсь, это не станет для вас проблемой, мадемуазель? И если это вас не затруднит, то я хотел бы нынче же получить от вас плату за номер.

Я торопливо кивнула и бросилась вверх по лестнице. Гертруда не могла уехать, не поговорив со мной! Даже если она посчитала

унизительным для себя оставаться в том номере, куда нас переселили, она должна была дожидаться меня, чтобы всё обсудить!

Я распахнула дверь. Номер был пуст. Значит, она уехала вместе с детьми? Но куда? И почему она не сочла нужным меня предупредить?

Ответ я обнаружила довольно скоро. На столе у окна лежало письмо. В заклеенном конверте был сложенный вдвое листок, исписанный мелким почерком.

Мои руки дрожали, и строчки прыгали перед глазами, поэтому мне потребовались несколько секунд, чтобы успокоиться и разобрать хоть слово.

«Дорогая Лорейн!

Прости, что я не решилась поговорить с тобой лично, а рассказываю тебе обо всём именно так. Да, я оказалась слишком слаба и труслива, чтобы посмотреть тебе в глаза. Но надеюсь, что рано или поздно ты поймешь меня и простишь. Впрочем, обо всём по порядку.

Я уже говорила тебе, что встретила в Альенде Антуана Уилсона. Но я не говорила, что он признался, что любит меня по-прежнему. Много лет назад отец вынудил его жениться на другой, но этот брак не принес ему счастья. Родные его жены утаили, что в их семье было много случаев безумия, переходящего по наследству. К сожалению, это коснулось и мадам Уилсон. Она лишилась рассудка через несколько лет после свадьбы, и все его усилия хоть как-то ей помочь не увенчались успехом. Теперь она находится в их родовом имении под присмотром доверенных слуг. Он не может с ней развестись — законы Арвитании не позволяют этого сделать.

Думаю, ты уже поняла, к чему я всё это говорю. Да, Антуан предложил мне скрасить его унылые будни. Он остается связанным узами брака с женщиной, которую никогда не любил, но они уже много лет живут отдельно, за сотни лье друг от друга. Он сейчас снимает особняк в одном из предместий столицы. И именно туда он и предложил мне отправиться вместе с ним.

Да, я согласилась стать его любовницей! Понимаю, это ужасно звучит, но прошу тебя, не осуждай меня за это. Я постараюсь, чтобы никто не узнал о том, что я совершила, дабы не опорочить имя Ревиаблей. Ты же знаешь, сколь мало у меня знакомых в высшем свете. Никто не будет знать моей настоящей фамилии, и я не буду появляться в обществе вместе с Антуаном. Мне достаточно будет просто быть

рядом с ним в его доме. Потому что все эти годы я тоже не забывала о нём.

И даже несмотря на тот позор, которым я себя покрою, это лучший вариант для меня, чем прозябание в грязной деревне, где всё приводит меня в трепет.

Наверно, ты спросишь меня, как я смогла расстаться с детьми? Как могла сама обречь их на то, что вызывает у меня отчаяние? Но думаю, ты понимаешь, что я не могу взять их с собой. Они никогда не должны узнать о том, на что я решилась. Прошу тебя — сохрани это в тайне. Я не хочу, чтобы они стыдились своей матери.

И не говори об этом матушке. А письмо сожги. Скажи ей, что я отправилась в столицу, чтобы найти там место компаньонки у какой-нибудь знатной дамы. Она не усомнится в твоих словах.

А я постараюсь как можно чаще присылать вам деньги. Так я смогу помочь вам куда больше, чем если бы я осталась в Шатель.

Не думай, что это решение далось мне легко. Я обливаюсь слезами, пока пишу это письмо. И мне невыносимо думать, что я оставляю вас там, в грязном холодном доме. Но поступить по-другому я не могу. Надеюсь, однажды ты меня поймешь — тогда, когда полюбишь кого-то сама.

Я не расплатилась с хозяином гостиницы. Мне неприятно даже разговаривать с ним. Но я оставляю тебе золотой — этого как раз хватит, чтобы заплатить за номер и стол. А еще оставляю серебряную монету, чтобы ты купила на нее игрушки для Стефы и Сэмми. Деньги лежат на столе под письмом. А больше у меня и у самой ничего не осталось — я всё потратила на платье и шляпку. Если бы я знала, что всё так случится, то была бы более экономной.

Целую вас всех и крепко обнимаю!»

От злости я скомкала письмо в тугой шарик. Как она могла так поступить?

И только потом я посмотрела на стол, где под письмом, согласно утверждению сестры, должны были лежать деньги. Их там не было!

Глава 19

Может быть, Гертруда забыла оставить деньги? Учитывая, в какой спешке она собиралась, это было бы не удивительно.

Комнаты запирались на ключ, который был у хозяина, а значит, войти сюда, кроме самих постояльцев, мог только он или кто-то из слуг. Но если месье Дижо взял эти деньги, он ни за что не признается. Да и чтобы обвинить его в этом, нужны хоть какие-то доказательства. А что у меня есть, кроме письма сестры?

Само письмо, сложив его вчетверо, я уже сунула в карман платья. Сестра просила сжечь его, но я не стала этого делать. В памяти настоящей Лорейн не сохранилось никаких воспоминаний об Антуане Уилсоне. Когда старшая сестра невестилась, младшая была еще слишком мала. И тот факт, что Труди уехала с совершенно незнакомым мне человеком, меня пугал.

Она доверилась ему, но были ли у нее для этого основания? Наверно, если бы я родилась в Арвитании, меня, в первую очередь, шокировал бы сам факт нарушения приличий, и я оплакивала бы сейчас погубленную репутацию сестры. Но меня больше волновало, чтобы с Труди не случилось чего-то худшего. Возможно, этот Антуан, получив от нее то, чего не смог получить пятнадцать лет назад, просто выкинет ее на улицу.

Всё то время, что я размышляла об этом, я нервно ходила по комнате. Но потом меня пронзила совсем другая мысль, и я мигом забыла и о Гертруде, и о деньгах.

Дети! Где они? Труди ясно написала, что оставляет их здесь. Но когда я вернулась в гостиницу, их тут не было! И хозяин ничего про них не сказал!

Могли ли они прочитать письмо матери и броситься вслед за ней? Сэмми читать еще не умел, а Стефа ни за что не разобралась бы в витиеватых закорючках Гертруды. А вот если всё это прочел Алэн...

Мне стало плохо от этой мысли. Что он должен был подумать о матери после такого признания? И сможет ли когда-нибудь ее простить?

Но я почти сразу же отвергла этот вариант. Если бы он прочитал это письмо, то ни за что не оставил бы его здесь. Он бы сжег его или взял с собой.

Я бросилась к дверям, собираясь расспросить месье Дижо о племянниках. Но этого не потребовалось. Потому что спустя мгновение Стефани и Сэм вошли в комнату. И когда я увидела их, то всё поняла.

В руках девочки была та самая кукла со светлыми кудрями и голубыми глазами, что недавно мы видели в витрине магазина. А Сэмми заботливо обнимал коробку с солдатиками.

— Вы ходили по городу одни? — испугалась я. — А где Аллен?

Стефа виновато улыбнулась:

— Лора, извини нас, пожалуйста. Я знаю, мы не должны были. Мама велела нам сидеть здесь и ждать тебя. А Аллена она отпустила посмотреть на турнир силачей в цирке. А еще она сказала, что оставляет две денежки, чтобы одну ты отдала хозяину гостиницы, а на другую купила нам игрушки. И мы так ждали тебя, так ждали! А ты всё не приходила и не приходила. А мы ужасно боялись, что ты придешь поздно, и магазин с игрушками уже закроется. Или что наши игрушки кому-то продадут. И мы же не заблудились, правда? Я хорошо запомнила дорогу. И вторую денежку я не потеряла. Вот она!

И она положила мне в ладонь серебряную монету.

Она явно гордилась со мной и ждала похвалы. Ведь она поступила как взрослая. Она сама ходила в магазин за покупками и нашла дорогу. А в стоимости денег она не разбиралась и не могла понять, какую ошибку совершила.

И ругать ее за это у меня не повернулся язык.

Я погладила ее по голове и спросила, не голодны ли они. Но думать о еде они сейчас не могли, им не терпелось рассмотреть свои покупки.

Когда дети скрылись в другой комнате, я вернулась к своим невеселым мыслям. Интересно, можно ли вернуть игрушки назад? Наверняка нет. Эта кукла слишком дорогая и, должно быть, хозяин счастлив, что, наконец, продал ее.

Месье Дижо мы должны были семь серебряных монет за номер на третьем этаже и одну серебряную и пять медных — за те комнаты, что мы занимали сейчас. В сумме это составляло почти целый золотой,

которого у нас не было. Вместе с деньгами, которые дала мне Табита, у меня было всего четыре серебряных монеты. И где мы могли взять остальные, я не представляла. Вряд ли хозяин гостиницы согласится дать нам отсрочку до следующей ярмарки. И занять в долг мне было не у кого. И Булоны, и мастер Меридо наверняка уже потратили все свои деньги на нужные им товары. Но попытаться всё же стоило.

Я взяла с детей слово, что на сей раз они не высунут из номера даже носа, и решила дойти до постоянного двора, где остановился месье Меридо.

Но когда я спустилась вниз, хозяин гостиницы преградил мне путь.

— Простите, мадемуазель Ревиаль, но я вынужден просить вас сначала расплатиться за номер. Ярмарка заканчивается, и я уже не могу и долее давать вам отсрочку. Обычно с незнакомых постояльцев я беру плату вперед, но вы вызвали у меня доверие. Теперь же, когда ваша сестра уехала так внезапно, я весьма обеспокоен, не вздумается ли и вам поступить так же.

— О чём вы говорите, сударь? — возмутилась я. — Я не стала бы бросать тут детей!

Но он поцокал языком:

— И тем не менее, ваша сестра именно так и поступила.

Возразить на это мне было нечего.

— Я оплачу номер сегодня же вечером, — я постаралась произнести это как можно уверенней, но, кажется, это у меня плохо получилось.

— У вас нет денег, не так ли? — догадался он.

Ответ, похоже, был написан у меня на лице.

— Позвольте мне всего лишь дойти до моих знакомых, — попросила я. — И как только я вернусь, я заплачу.

— Ну, уж нет, мадемуазель! — заявил он. — Я не такой дурак, чтобы позволить уехать еще и вам. Если вы не заплатите мне прямо сейчас, я вызову полицию, и вас посадят в долговую яму.

Я вздрогнула. В серьезности его намерений у меня не было ни малейших сомнений. И он всё еще стоял в дверях, не давая мне выйти из гостиницы. Мне стало страшно.

Но еще страшнее мне стало, когда я услышала голос за своей спиной.

— Ну зачем же обращаться в полицию, дорогой месье Дижо? Это слишком жестоко садить в долговую яму такую прелестную барышню. Не беспокойтесь, я оплачу ее счет! Если, конечно, она согласится дать мне кое-что взамен.

Я обернулась. У подножия лестницы стоял тот разодетый как павлин граф, что так не понравился мне накануне. И выражение его лица ясно давало понять, что именно он от меня хотел получить.

— О, ваше сиятельство, — расшаркался месье Дижо, — вы очень любезны! Уверен, мадемуазель будет вам благодарна.

Вот еще! Да за кого они меня принимали?

А хозяин гостиницы, поклонившись, предпочел исчезнуть за дверь, что вела в столовую залу, оставив меня наедине с этим фанфароном.

Моей ошибкой было то, что поначалу я не приняла его всерьез. Я просто обрадовалась тому, что выход на улицу был свободен. Но когда я попыталась сделать шаг в сторону дверей, то у меня ничего не получилось. Ноги словно приклеились к полу.

Я и раньше знала, что есть люди, которые обладают даром гипноза. А возможно, это была какая-то магия, о которой я ничего не знала. И я не могла не только пошевелиться, но даже закричать. Я просто стояла и смотрела на то, как он подходил ко мне всё ближе и ближе.

— Куда же вы собрались, мадемуазель? Разве вы намерены отказаться от моего щедрого предложения? Поверьте, вам не придется о нём сожалеть. Я заплачу не только хозяину этого болота, но и вам самой. Я понимаю, что ласки такой красавицы стоят дорого.

Он коснулся моей щеки, и я содрогнулась. Но по-прежнему не смогла ни отступить от него, ни запротестовать. Он подавил мою волю, подчинил меня своим желаниям. И хотя я осознавала, что происходит, поделаться с этим ничего не могла.

— Я думаю, мадемуазель, нам лучше продолжить наш разговор в более приватной обстановке, — меж тем, продолжил он. — Полагаю, в моей спальне нам будет очень удобно.

Он велел мне подниматься по лестнице на третий этаж, и я сделала это, мысленно ругая себя саму за такую покорность. Каждый шаг давался мне с трудом. Я пыталась сопротивляться его приказам, но

у меня это плохо получалось. Нас словно связывал невидимый канал, по которому он диктовал мне свои желания.

Я шла в паре шагов впереди него, и когда мы поднялись на третий этаж, нам потребовалось пройти по коридору и повернуть за угол. Я сделала это на несколько секунд раньше, чем мой конвоир, и на это время оказалась вне пределов его видимости. И сразу почувствовала, как ослабела связывавшая нас нить.

Я должна была воспользоваться этим! И немедленно! Потому что другого шанса могло и не быть.

Я подбежала к первой попавшейся двери и, когда она отворилась, юркнула внутрь. Я собиралась добежать до окна и попытаться выбраться на улицу. Да, это был третий этаж, но я могла хотя бы закричать, чтобы привлечь внимание прохожих. Возможно, это остановило бы графа. Такие люди, как он, любят делать свои темные дела, не привлекая к ним внимания.

— Что вы здесь делаете, сударыня? — услышала я гневный голос. — Кто разрешил вам сюда войти?

В кресле у камина с книгой в руках сидел герцог Клермон. Его брови были нахмурены, а темные глаза метали молнии.

А дверь за моей спиной уже снова распахнулась, и мой преследователь, тяжело дыша, сказал:

— Простите, ваша светлость, моя птичка залетела в вашу клетку по ошибке. Мы немедленно удалимся и более не побеспокоим вас.

Но герцог уже поднялся, отложил книгу в сторону и теперь смотрел на меня оценивающим взглядом.

— Впрочем, ваша светлость, если пожелаете, то я могу оставить ее вам. Мне кажется, она достаточно хороша, чтобы удовлетворить ваш взыскательный вкус.

И он, стоя за моей спиной, сгреб в пучок мои длинные волосы, полностью открывая мое лицо.

Глава 20

Мое сердце колотилось от страха так, что мне казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Мне неприятны были прикосновения графа, и меня пугало то, что я оказалась в запертой комнате в обществе двух незнакомых мне мужчин.

Но вот, что было странно — я уже не чувствовала той нити, что еще несколько мгновений назад тянулась от графа ко мне. Возможно, он всё еще пытался манипулировать мной, но теперь это получалось у него уже не так хорошо, как прежде.

И этот момент я не могла упустить!

— Ваша светлость, прошу вас, защитите меня от этого человека! — выдохнула я и тут же почувствовала, что мой преследователь пребольно дернул меня за волосы.

— Не слушайте ее, ваша светлость! — тут же вмешался он. — Эта девица получила от меня деньги, а теперь не хочет выполнять взятые на себя обязательства. Я оплатил ее долг перед хозяином гостиницы, а теперь она вздумала воротить от меня нос.

Герцог перевел взгляд с моего лица на лицо графа и покачал головой.

— Кажется, Шортер, вы вновь практиковались в ментальной магии? Разве вы забыли, что в Арвитании она запрещена под страхом смертной казни?

Мой враг тут же выпустил мои волосы и попятился к дверям.

— Это вовсе не то, о чём вы подумали, ваша светлость! Уверю вас, я...

— Вы собираетесь спорить со мной, Шортер? — брови герцога сошлись у переносицы.

— Разумеется, нет, ваша светлость, но эта девица...

Теперь его светлость уже снова смотрел на меня. А на его губах появилась усмешка.

— Никогда не мог понять вашего желания, Шортер, связываться со всяким сбродом. Неужели вам не хватает девиц благородного происхождения? О чём вообще можно разговаривать с такими, как она?

Мои щеки снова пылали. Теперь уже не от страха, а от обиды и стыда. За кого он принял меня? За служанку?

— Простите, ваша светлость, но с девицами на одну ночь я обычно встречаюсь вовсе не для того, чтобы разговаривать.

Кажется, граф ухмыльнулся, но взгляд Клермона от этой шутки не потеплел.

— Ступайте к себе, Шортер! Немедленно!

Я не оборачивалась, но почувствовала, как граф поклонился и мигом удалился. Дверь закрылась, выпустив его в коридор.

— Он действительно заплатил за вас деньги месье Дижо?

Я покачала головой:

— Нет, ваша светлость. Но про мой долг перед хозяином гостиницы он сказал правду.

Отрицать это не имело никакого смысла.

Герцог презрительно хмыкнул.

— С какой стати вы вздумали остановиться в этой гостинице, если у вас нет для этого средств? Надеялись привлечь внимание кого-то из богатых постояльцев? В таком случае вам следовало радоваться, что вы его привлекли, а не сбегать от графа Шортера.

Такого чувства стыда я не испытывала никогда прежде. И я не знала, смогу ли я объяснить Клермону, что случилось на самом деле. Да и нужно ли вообще это объяснять? Он всё равно мне не поверит. И всё-таки я решила попытаться.

— Всё совсем не так, ваша светлость!

Но он взмахом руки меня остановил.

— Избавьте меня от ненужных подробностей, сударыня! Мне нет никакого дела до того, что у вас произошло! И я не желаю, чтобы вы оставались и долее в этой гостинице. Сколько вы должны хозяину? Почти золотой? Я дам вам его, а вы в ответ обязуетесь убраться отсюда немедленно и в следующий раз выбирать гостиницы по своему статусу и достатку.

Он достал из лежавшего на столе бархатного кошелья золотую монету и бросил ее мне. Я не поймала ее на лету, и она упала на пол.

Наверно, я должна была с гневом возразить ему, что я не нищенка, и удалиться с гордо поднятой головой. Но в моем положении гордость была непозволительной роскошью. Я должна была думать не только о себе, но и о детях.

И я наклонилась и подобрала монету с пола.

— Благодарю вас, ваша светлость! — я не смогла посмотреть ему в глаза.

— Ступайте прочь! — приказал он и вернулся к камину.

Я не заставила его повторять это дважды и выскользнула из комнаты.

Я спустилась к месье Дижо и заплатила по счету, получив от него сдачу в одну серебряную монету и пять медяков. А после этого вернулась в свою комнату и велела детям собирать вещи. К счастью Ален уже вернулся из цирка, и они все дружно играли в солдатики.

— Мы переезжаем на постоянный двор к месье Меридо, — сообщила я. — Завтра ярмарка заканчивается, и мастер поедет домой. Нам не следует заставлять его ждать.

Я старалась говорить как можно спокойнее, чтобы не напугать хотя бы детей. Мне хотелось убраться из этой гостиницы как можно скорее. И я надеялась, что никогда больше не встречу ни с графом Шортером, ни с герцогом Клермоном.

Вот только моим надеждам не суждено было сбыться.

Глава 21

— Вот подумай, Стефа, — я сидела рядом с ней на кровати и видела ее полные слёз глаза, — если мы оставим куклу, то не сможем купить бабушке тёплые сапоги, и зимой ей будет холодно.

— А у нас совсем-совсем не осталось денежек? — она цеплялась за соломинку.

Несколько серебряных монет у меня еще были, но я не хотела возвращаться домой с пустыми карманами. Зимой нам нужно будет чем-то питаться, и эти деньги потребуются, чтобы заплатить Булонам за молоко, яйца, мясо. А когда закончатся мука и крупа, что мы взяли из усадьбы Ревиалей, нам придется покупать еще и их.

Месье Меридо уже сказал мне, что если у нас пока не будет денег, чтобы заплатить ему за ремонт крыши, то он готов подождать до лета и даже осени, когда мы сможем вырастить что-то на своем огороде.

Он встретил нас накануне очень радушно. Мы были напуганы и голодны. Чтобы добраться до постоянного двора, где он остановился, нам потребовалось пройти половину города. Мастер разместил Алена и Сэмми на ночлег в своей комнате, а мы со Стефани сняли крохотную каморку под самой крышей. Здесь было тесно и не особо чисто, но зато из маленького окна открывался прекрасный вид на Альенде. А перед тем, как заснуть, мы долго любовались звёздами.

Я вздохнула и покачала головой. Я понимала, что ставить ребенка перед таким сложным выбором было жестоко с моей стороны. Но чем раньше девочка поймет ценность денег, тем меньше разочарований будет у нее в дальнейшем.

— Хорошо, — она тоже вздохнула, — давай вернем куклу в магазин. Я уже всё равно в неё поиграла. Только, пожалуйста, Лора, давай оставим Сэмми солдатиков! Он же еще совсем маленький. Он сильно расстроится, если мы отдадим их обратно.

Теперь я плакала уже и сама.

Впрочем, жертва от Стефани в итоге не понадобилась. Когда я пришла с куклой в магазин, хозяин наотрез оказался взять ее обратно.

— Простите, сударыня, но это слишком дорогая и изящная вещь, и сильно рисковал бы, принимая ее назад. Вдруг ваша дочка роняла ее,

и новый покупатель увидит трещинки на фарфоре, которые не заметил я. К тому же, если бы все покупатели возвращали игрушки, в которые уже поиграли их детки, я бы давно разорился.

Он был в своем праве, и я вынуждена была смириться с таким ответом. Но и оставить Табиту без теплой обуви я не могла. Когда она была женой шевалье, она не сильно нуждалась в крепких сапогах, потому что мало ходила по улице пешком. Но деревня — дело другое. И я потратила одну из серебряных монет. И еще несколько медных монет я потратила на всякие мелочи для кухни.

Мне было жаль, что я не могу позволить себе купить ничего из посуды, но мадам Булон, с которой мы в это утро вместе бродили по рынку, успокоила меня. Глиняную посуду мы могли купить и в Шатель — там был свой гончар. А мастер Меридо, оказывается, делал деревянные ведра и плоски, а еще плёл берестяную посуду и корзины из лозы. Так что покупать всё это в городе не было никакой необходимости.

Зато как обрадовалась Стефани, когда я вернула ей куклу! Теперь у нее была и любимая игрушка, и право гордиться собой.

Почти всю обратную дорогу я проспала в телеге месье Меридо. Поездка в Альенде сильно вымотала меня. Проснувшись я только тогда, когда мимо нас на большой скорости пронеслись всадники, а вслед за ними и карета, запряженная четверкой лошадей.

— Его светлость возвращается домой, — сообщил мне мастер, когда я открыла глаза.

Я почувствовала тревогу. Знакомство и с самим герцогом Клермоном, и с одним из его сопровождающих было трудно назвать приятным. Но я успокоила себя тем, что такие высокие особы вряд ли наведаются к нам в деревню. А уж сама я постараюсь обходить имение его светлости стороной.

А чем ближе мы подъезжали к Шатель, тем больше я думала совсем о другом. Мне нужно было как-то объяснить Табите отсутствие Гертруды. Письмо сестры я так и не сожгла, решив, что спрячу его в сундуке.

Племянники ни о чём меня не спрашивали. Им всё объяснила сама Труди. Они были уверены, что их мама поехала в столицу, чтобы наняться там на службу и потом, когда она соберет достаточно денег, она поможет и нам перебраться туда.

Но Табита была не так наивна, как они. И она слишком хорошо знала свою дочь, чтобы понять, что та никогда отнюдь не стремилась к работе. С чего бы ей перемениться? Но и сказать правду матушке я не могла. Это было бы слишком жестоко.

Табита и так винила именно себя в том, что с нами случилось. И взвалить на нее дополнительный груз я не решилась.

Она вышла встречать нас к воротам. Долго обнимала внуков и восторгалась их новыми игрушками. Потом поцеловала меня.

— А Труды, должно быть, приехала с Булонами? — предположила она.

Ален носил с телеги на кухню наши покупки, а мы раскладывали вещи и продукты по полкам и сундукам. И у нас не было времени, чтобы сесть и просто поговорить.

— Нет, матушка, Труды отправилась в Валье-де-Браво, чтобы наняться там на работу.

— На работу? — изумилась Табита. — С чего бы ей пришло такое в голову?

Я постаралась улыбнуться как можно беспечнее.

— Она встретила в Альенде давнюю знакомую, которая сказала ей, что ее сестра скоро выходит замуж и оставляет службу компаньонки в доме пожилой богатой дамы. И эта дама станет сейчас искать себе другую компаньонку, а сестра Гертрудиной знакомой как раз могла бы составить ей, Труды протекцию. Она решила, что такое место ей вполне подойдет. Всё, что от нее требуется, это читать хозяйке вслух книги перед сном, сопровождать ее на выездах да писать письма под ее диктовку. Ну, а если служба окажется сложнее, чем она предполагала, то она вернется в Шатель.

Я говорила так уверенно, что сама почти поверила своим словам. А вот поверила ли им Табита, я так и не поняла. Матушка сухо кивнула и уже более не возвращалась к этой теме.

А вечером к нам пришла мадам Булон, которой не терпелось рассказать Табите о поездке на ярмарку.

— А главную новость, вы, должно быть, уже слышали и сами? — спросила Розин, с удовольствием потягивая ароматный травяной чай. — Герцог Клермон вернулся в имение! Там уже вовсю идет ремонт! Его светлость желает, чтобы к приезду его невесты всё тут было безупречно! И мадам Шабри — его экономка — уже объявила, что они

станут ежедневно закупать к столу большое количество всяких продуктов.

Услышав фамилию Клермона, я едва не вышла из-за стола. Но последняя фраза соседки не могла меня не заинтересовать.

Заработать на продаже продуктов в имение мы пока не могли — у нас не было ни коров, ни кур, ни даже грядок на огороде. Но что, если мне предложить экономке малосольные огурчики? Быть может, я смогу найти плоды, которые не сильно горчат, и отмочить их в воде? Правда, ставить эксперименты мне придется на себе самой, но зато если огурцы окажутся съедобными и придется потом по вкусу гостям герцога, то мы сможем на этом хоть что-то заработать. А если у самого Клермона или у графа Шортера случится из-за них расстройство желудка, то сильно я не огорчусь.

Глава 22

Мастер Меридо оказался для нас самым замечательным соседом, какого только можно было пожелать. Он отдал нам бесплатно несколько самолично сплетенных корзин (да еще и сокрушался, что они не новые), большую «морду» для ловли рыбы и два деревянных ведра. А теперь они с Аленом занимались ремонтом колодца, и судя по тому, как продвигалась работа, можно было надеяться, что нам уже не нужно будет ходить за водой к ручью. А это сильно облегчало домашнюю работу.

Табита полностью взяла на себя кухню. Оказалось, что за больше чем три десятка лет, что она была хозяйкой поместья, она вовсе не забыла кулинарное искусство, и блюда у нее при весьма скромном наборе продуктов выходили не хуже, чем у Корнелии. А Стефани нравилось мыть посуду, так что хотя бы за эту сторону нашего хозяйства я могла не волноваться.

Самую большую из подаренных месье Меридо корзин я приспособила под белье, а самую маленькую — под лоскутки, нитки и иголки для рукоделия. Табита сказала, что она умеет и вязать, и если мы купим у мадам Булон овечьей шерсти, то она спрядет ее и свяжет нам теплые носки.

А со средней корзиной я отправилась на сбор огурцов.

— Стоит ли это делать, дорогая? — покачала головой матушка. — Даже если они окажутся съедобными, их тут всё равно никто не станет есть. Может быть, лучше сходить в лес и поискать грибов? Пока еще не начались холода.

Да, за грибами нам тоже нужно будет сходить. Я хотела, чтобы Табита показала нам, какие из местных грибов можно было употреблять в пищу, а какие следовало обходить стороной. Но несмотря на то, что из грибов можно было приготовить много вкусных блюд, заработать на них у нас вряд ли бы получилось. Грибы к столу герцога наверняка уже кто-то поставлял. А вот огурцы — дело другое.

Я взяла с собой маленький нож, чтобы сразу попробовать огурцы на вкус. Возможно, горькими у них были только кончики. Но даже если они горчили и внутри, эту горечь можно было попробовать убрать. Я

знала аж несколько таких способов. Им научила меня бабушка, когда однажды выдалось жаркое лето, и мы не справились с поливом.

Во-первых, можно было разрезать огурцы напополам и потереть половинки срезами друг о друга. А потом смыть белую жидкость, которая выделится на этих срезах.

Во-вторых, можно было очистить их от кожицы. Но этот способ подходил, если мы будем использовать овощи в салатах. А вот засолить огурчики мне хотелось бы всё-таки с кожурой, чтобы они потом аппетитно хрустели.

Помогала избавиться от горечи и соль, которой можно было натереть плоды. Но здесь, в Арвитании, она была дорогой, и нам следовало ее экономить.

Поэтому я решила, что воспользуюсь самым простым и дешевым способом — я замочу их в прохладной подсоленной воде на полсутки. И пару раз сменю воду. А при засолке добавлю побольше привычных для арвитанцев специй — укропа, перца, вишневого листа.

Так, размышляя об этом, я и принялась собирать огурцы. Большинство плодов были настолько горькими, что мне приходилось сразу выбрасывать их. В пищу они точно не годились. Но некоторые горчили совсем чуть-чуть. За пару часов я набрала таких почти полкорзины. Для эксперимента этого было вполне достаточно.

Пробовать их я пока собиралась только сама. Съем пару штук свежими и понаблюдаю за своим состоянием. Если организм нормально примет этот овощ, то можно будет сделать салат и для своих домашних. А за это время часть огурчиков уже станут свежепросольными.

Дома я часто использовала рецепт быстрой засолки, при котором огурцы со специями и солью складывались в целлофановый пакет, интенсивно встряхивались и оставлялись на несколько часов. Вуаля — уже через полдня их можно было подавать к столу.

Но здесь целлофанового пакета у меня не было, и я решила заменить его сплетенным из коры какого-то дерева туеском, который тоже подарил нам месье Меридо. Туес плотно закрывался, и я надеялась, что огурцы в нём просолятся так же хорошо, как и в пакете.

Я так увлеклась собирательством, что не замечала ничего вокруг. И когда рядом вдруг раздался чей-то голос, то испугалась и выронила из рук корзину.

— Простите, кажется, я напугал вас, мадемуазель?

В нескольких шагах от меня стоял светловолосый молодой человек. Аристократичные черты лица и дорогая одежда не оставляли сомнений в том, что он был одним из гостей герцога Клермона.

Чуть в стороне, на лужайке, я увидела переносной мольберт и только после этого разглядела в правой руке мужчины кисть для рисования.

На холсте были еще только наброски пейзажа, но они были весьма хороши. Река, деревья на другом берегу и видневшийся над кронами шпиль церкви были переданы очень похоже.

— Маркиз Мартин Абеляр к вашим услугам, мадемуазель! — меж тем, представился художник. — А как вас зовут, прелестная лесная нимфа?

Девушка благородного происхождения не могла позволить себе знакомиться подобным образом. Такие представления должно было осуществлять какое-то третье лицо, равно знакомое обоим.

Но сейчас я была в его глазах простой крестьянкой, которая обязана была ответить на вопрос, заданный человеком куда более высокого происхождения.

— Лорейн, ваше сиятельство, — сказала я.

Я надеялась, что он вернется к своей картине, но он только отнес к мольберту кисть, а потом снова подошел ко мне и стал помогать собирать мне рассыпавшиеся по траве огурцы.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, но я справлюсь и сама, — смутилась я.

Я предпочла бы, чтобы он просто оставил меня в покое, но мое занятие сильно его заинтересовало.

— Зачем вам эта гадость, мадемуазель? — удивился он. — Я помню, что пробовал их когда-то в детстве. Они ужасны на вкус.

— Они на любителя, ваше сиятельство, — коротко ответила я.

Огурцы были собраны, и я подняла корзину с земли.

— Давайте мой слуга поможет вам донести их до дома, — предложил маркиз и взмахом руки подозвал лакея, который терпеливо дожидался его в стороне.

Пожилой слуга держал в руках еще два холста. На одном была изображена парящая в небе большая птица, похожая на ястреба. А на другом — рыжеволосая девушка с букетом цветов в руках.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — я замотала головой, — корзина вовсе не тяжелая.

— Ну, что же, как вам будет угодно, — развел руками мой новый знакомый. — Тогда, быть может, вас заинтересует другое мое предложение. Не согласитесь ли вы попозировать мне, мадемуазель Лорейн? Разумеется, я заплачу вам за потраченное на это время.

Глава 23

Нам нужны были деньги, но я ответила не сразу. Больше всего меня смущало то, что он был гостем герцога Клермона. Я собиралась держаться подальше не только от нашего влиятельного соседа, но и ото всех его друзей и знакомых. И хотя сам маркиз Абеляр произвел на меня приятное впечатление, оно могло оказаться обманчивым.

К тому же, я не знала, что именно он вкладывал в понятие «позировать». Возможно, он придавал этому глаголу куда более пикантный смысл, чем я сама.

А потому на его вопрос я ответила уклончиво:

— Я спрошу разрешения у матушки, сударь!

— Разумеется, мадемуазель, — кивнул он. — Если завтра будет хорошая погода, то я буду ждать вас здесь в это же время. А если будет дождь, то — в ближайший погожий день.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я приду не одна, а с кем-то из своих племянников? — на всякий случай уточнила я.

Он рассмеялся:

— Как вам будет угодно, мадемуазель. Но могу заверить вас, что я не собираюсь покушаться на вашу честь.

Я тоже не могла не улыбнуться. И домой вернулась в отличном настроении.

Огурцы я замочила в большой кастрюле. Вечером уже можно будет их солить. И хотя было жаль, что здесь не было ни стеклянных банок, ни жестяных крышек, ни закаточной машинки, я полагала, что смогу обойтись тем, что есть. Может быть, засоленные в кадке огурцы окажутся ничуть не менее вкусными.

Несколько огурцов я отобрала на салат. Один я съела еще по дороге домой. Горьким у него был только кончик. С тех пор прошла пара часов, и если бы овощ оказался ядовит, то я уже должна была почувствовать недомогание.

Я покрошила огурцы, добавила к ним зелень, заправила салат густой свежей сметаной. Аромат на кухне стоял такой, что у меня потекли слюнки.

Но матушка есть это блюдо категорически отказалась и детям тоже попыталась запретить. А когда они не вняли ее совету, то потребовала, чтобы они заели огурцы большим количеством хлеба.

Вечером я приступила к засолке. Самые маленькие огурцы я положила в сплетенный из коры туесок, насыпала туда соли. У меня не было весов, поэтому мерить приходилось не весом, а объемами. Я прикинула, что в туес поместилось не больше половины килограмма огурцов, и соли взяла чуть меньше столовой ложки. Добавила туда укропа и вишневых листьев. Закрыла туес деревянной крышкой и принялась его трясти. А потом отнесла туес в сарай, где было холоднее, чем на кухне.

На укладку огурцов в деревянную кадушку потребовалось больше времени. Сначала я натерла стенки кадки чесноком, потом застелила дно вишневыми листьями. Потом настал черед самих огурцов, меж слоями которых я добавляла укроп и дубовые листья — для хруста. Боялась ошибиться с количеством соли, но сыпанула примерно — выбирать не приходилось. Растворила соль в ведре воды, залила огурцы. Накрыла всё чистой белой тряпочкой, положила сверху деревянный кружок, а на него — хорошо отмытый камень.

Кадушку Ален вынес в сарай. Готовы к употреблению огурцы будут только через месяц. Как раз к предновогодней ярмарке в Альенде.

Но если рассчитывать на продажу огурцов, то одной кадушки нам будет мало. Месье Меридо сказал, что может отдать нам под это дело старую деревянную бочку. А это значило, что нам нужно будет собрать еще несколько корзин огурцов.

Этим я и была намерена заняться со Стефани и Сэмми на следующий день после завтрака.

На ужин же у нас был жареный карп, которого принесли с реки Ален и месье Меридо. Алена просто распирало от гордости, и я, стараясь поддержать в нём это чувство, хвалила его изо всех сил. Мы пригласили к столу и нашего соседа, который так много нам помогал.

— В карпе много мелких косточек, — предупредил мастер, когда дети принялись за еду. — Будьте осторожны!

У карпа оказалось вкусное мягкое, чуть сладковатое мясо, и мы все ели его с большим удовольствием. Меня же особенно радовало то,

что это была еда, за которую нам не приходилось расплачиваться монетами.

А на завтрак к нам неожиданно пришла гостья — Дебора Шабри, экономка его светлости! Оказалось, что пока мы с племянниками ездили в Альенде, они с матушкой повстречались случайно в деревне. И Табита узнала в мадам Шабри подругу детства — Дебору Лансье.

В это утро госпожа экономка пожаловала в деревню, чтобы закупить для господского дома еще больше свежих молочных продуктов и рыбы.

— Гости его светлости отличаются завидным аппетитом, — сказала она, садясь с нами за стол. — Привезенный из столицы повар уже валится с ног от усталости. Что и не удивительно, ведь каждый день к столу подаются всё новые и новые блюда. Месье Эндерсон уже не знает чем удивить всех понаехавших к нам вельмож.

Здесь, в нашем доме, мадам Шабри уже не была похожа на ту чопорную даму, какой она показалась мне в первый день нашего знакомства. Словно выйдя за пределы поместья своего хозяина, она снова стала простой деревенской женщиной.

Я не удержалась и предложила ей попробовать малосолевых огурчиков, которые достала из туеска. Их уже можно было есть.

Мадам Шабри надкусила один с большой опаской. Прожевала кусочек, закусила хлебом. Потом еще кусочек. И еще.

— Весьма недурно! — похвалила она и вытерла губы платочком. — Его светлость любит разносолы, и если бы это были не огурцы, я купила бы их у вас, не задумываясь. Но поймите меня — я не могу подать это к герцогскому столу. А ну-как кому из гостей станет дурно? Но я всё же возьму их у вас на пробу — для себя и наших слуг. А еще я стану покупать у вас рыбу, если твой внук, Таби, сумеет ее поймать. Только рыба должна быть крупной и свежей.

Для начала и это было неплохо. И когда мадам Шабри удалилась, мы с матушкой едва не расплакались от радости. Доволен был и Ален — теперь и он мог вносить свой вклад в семейный бюджет.

А потом мы со Стефани, взяв корзину, отправились на берег, где, должно быть, уже занимался своими этюдами маркиз Абельяр.

Глава 24

Его сиятельство нас уже ждал. На мольберте был установлен девственно-чистый холст.

— Рад приветствовать вас, мадемуазель Лорейн! — поклонился он. — А как зовут эту юную особу?

— Это моя племянница Стефани, — сказала я.

А Стефа изобразила что-то вроде книксена.

— Приятно познакомиться, мадемуазель! — учтиво улыбнулся Абеляр. — Может быть, вы тоже желаете попозировать мне?

— А мне вы тоже заплатите, сударь? — спросила она. — Если так, то я согласна!

Мы с маркизом одновременно рассмеялись.

Его сиятельство указал, куда нам следует встать, и попросил нас постоять спокойно хотя бы полчаса. Не знаю, как Стефани, но мне это далось отнюдь не легко. Мне то хотелось поправить съехавшую на лоб прядку волос, то отмахнуться от докучливой мухи, то расправить складку на платье.

И всё-таки мы выдержали не меньше часа. Маркиз поблагодарил нас за терпение и вручил каждой по серебряной монете.

Стефани подбежала к холсту и разочарованно вздохнула. Должно быть, она ожидала увидеть там уже готовую картину. А увидела только контуры наших фигур и некоторые черты лиц.

— Я медленно рисую, мадемуазель, — чуть покраснел его сиятельство. — Нам потребуется провести еще как минимум два сеанса.

— И за каждый вы заплатите нам по монете? — ахнула девочка.

Я легонько ущипнула ее за руку, призывая к молчанию. Такое поведение могло показаться нашему временному работодателю слишком корыстным. Но на самом деле я была даже рада, что она задала этот вопрос и получила на него утвердительный ответ. Будет совсем неплохо, если мы заработаем еще четыре серебряные монеты.

Тут его сиятельство обратил внимание на нашу корзину.

— Неужели вы снова пришли за огурцами? — удивился он. — Что вы собираетесь с ними делать? Они же страшно горькие и не годятся в

пищу.

— А вот и нет! — торжествующе воскликнула Стефани. — Лора умеет готовить их так, что они становятся очень вкусными! Вчера мы ели их со сметаной. А сегодня мы угостили ими мадам Шабри — экономку герцога Клермона. И даже она признала, что у них превосходный вкус. Правда, — тут Стефа вздохнула, — она сказала, что всё равно не решится подать их на стол своему хозяину. Зато купила их для себя!

— Вот как? — заинтересовался маркиз. — В таком случае я бы тоже не отказался их попробовать. И если они в самом деле окажутся так вкусны, как вы говорите, то я с удовольствием составлю вам протекцию и потребую, чтобы в поместье их купили лично для меня. А там, возможно, и другим господам захочется их отведать.

Стефани захлопала в ладоши. А его сиятельство велел слуге помочь нам собрать огурцы с тех плетей, что заползли на самые высокие ветви деревьев. И это тоже было весьма кстати. А потом слуга еще и помог нам донести корзину до дома.

— Я ведь хорошо всё сказала, Лора? — спросила меня Стефани, когда мы занялись замачиванием огурцов.

— Просто замечательно! — ответила я, и она расцвела от похвалы.

А потом я похвалила и вернувшегося с реки Алена. Он был мокрым насквозь, а его рубашка и брюки были испачканы тиной, но это ничуть его не смущало. На губах его играла торжествующая улыбка. Он принес домой почти целое ведро рыбы. Мелкую рыбу мы оставили себе, а крупных карпов и сегов я велела ему отнести месье Булону, который поставлял к столу герцога продовольствие со всей деревни.

На обед Табита приготовила рыбу в молоке, и это тоже было безумно вкусно. Матушка теперь чаще стала улыбаться, но иногда на нее находила какая-то странная грусть, и она садилась у окна и словно отключалась от всего, что ее окружало, погружаясь в свои думы и переживания. Наверно, ее беспокоило отсутствие вестей от Гертруды. Я и сама хотела бы, чтобы сестра послала хоть какую-то весточку. Нам достаточно было бы хоть нескольких строчек в письме без обратного адреса. Об этом время от времени спрашивали и дети, а мы всякий раз

придумывали какие-то отговорки — что почта от столицы до Шатель идет очень долго, и что доставка письма стоит очень дорого.

А наше хозяйство, тем временем, потихоньку налаживалось. В колодце появилась чистая вода, а дыра в крыше была заделана. Месье Меридо сделала особую раму для комнаты мальчиков на чердаке — такую, в которую можно было вставить стекла совсем небольшого размера. И теперь их спальня тоже была с застекленным окном.

А месье Булон пообещал вспахать наш огород на следующей неделе. Конечно, одной вспашки будет мало, но следовало хотя бы начать. А потом, уже по весне, он вспашет его еще раз, а мы уберем все сорняки и засеем грядки семенами, которыми с нами поделилась мадам Булон.

Не забыла я и о семенах огурцов. Я отобрала самые крупные, уже пожелтевшие или даже ставшие коричневыми плоды, отрезала у них ту часть, которая примыкала к плодоножке (из находившихся в этой части семян выросли бы, скорее всего, горькие овощи). Потом разрежала огурцы напополам, достала семена и положила их в глиняную миску вместе с мезгой. Накрыла миску тряпочкой и оставила на пару дней — для брожения,

А через два дня, когда мезга расслоилась, и на поверхности появились пузырьки, я налила в миску воду. Мякоть и пустые семена поднялись на поверхность, и я слила их вместе с водой. А осевшие на дне хорошие семена промыла водой и разложила на деревянный лист для просушки.

Если мы будем выращивать огурцы на своем огороде и вдоволь их поливать не холодной водой, то плоды будут иметь совсем другой вкус. И уж тогда-то и жители деревни Шатель, и обитатели имения герцога Клермона уж точно не смогут перед ними устоять!

Глава 25

Сначала на это обратила внимание матушка и сказала об этом мне. А потом и я стала замечать, что то Алэн, то Стефани, то Сэмми то и дело наведывались на кухню, чтобы прихватить оттуда кусочек хлеба, косточку из супа или корочку сыра.

Прежде к вечеру у нас всегда оставалось что-то из приготовленных за день блюд, и на ночь мы выносили съестное на холод. Теперь же тарелки и чугунки были девственно-чисты, словно у наших деток вдруг проснулся зверский аппетит.

И когда я увидела однажды, как Сэм выходит из кухни с большим ломтем ржаного хлеба, я спросила:

— Ты голоден? Садись за стол, я положу тебе еще и каши.

Но он замотал головой и засунул хлеб в карман.

— Сейчас я не хочу есть. Я на потом, на ночь. Мне вчера захотелось есть, когда мы уже легли спать.

Я не стала настаивать и позволила ему удалиться. Но не поверила ему ни на миг. А потом, когда он уже ушел с кухни, приоткрыла дверь и стала прислушиваться.

Сэмми был еще слишком мал, чтобы просчитывать на несколько шагов вперед. Я знала, что долго таиться он не сможет. Не выдержит, захочет поделиться этим хлебом с тем, для кого он его припас.

Признаться, я думала, что это какой-то мальчишка из деревни. В Шатель было немало бедных семей, которые перебивались с хлеба на воду. Я бы не удивилась, вздумай Сэмюэль подкармливать кого-то из своих новых приятелей. И ничуть не осудила бы его за это. Да, у нас и у самих пока не было того достатка, который позволял бы нам чувствовать себя спокойно, но если бы Сэм решил поделиться с тем, кому было куда хуже, я даже похвалила бы его.

Но дело оказалось вовсе не в соседском мальчишке. Сэм вышел из дома и пошел в сторону кустов боярышника, что росли на заднем дворе. Он нырнул в них, а спустя пару минут оттуда раздался его залихватистый смех. И кто-то вторил ему — кажется, Стефани.

А между тем, на двор уже спускались сумерки, и детям в такое время уже стоило быть дома.

— Что вы здесь делаете? — строго спросила я, тоже подойдя к кустам.

Сэмюэль испуганно пискнул, а Стефани вмиг оказалась рядом со мной и замотала головой.

— Ничего особенного, Лора! Мы просто играем. Мы хотим построить здесь шалаш. Конечно, лучше было бы сделать это в лесу, но ты же не разрешаешь нам гулять на территории поместья его светлости.

Да, это было именно так. Я строго-настрого запретила им навещать в поместье Клермона до тех пор, пока там был его хозяин. Там собралось много гостей, и едва ли не каждый день со стороны леса до нас долетали звуки охотничьих рожков. Его светлость развлекал свои приятели как мог. Они охотились на кабанов и других зверей, и это могло оказаться опасным для случайно забредших в лес детей.

Стефани смотрела на меня большими испуганными глазами и пыталась улыбнуться. Но когда она замолчала, я услышала другой звук — чьё-то рычание.

— Кто у вас там? — вздрогнула я.

При мысли о том, что они притащили из леса волчонка или детеныша еще какого-то дикого животного, мне стало страшно. И не только потому, что он мог их укусить. За этим детенышем к нашему дому могла прийти его мать! И нам было бы сложно объяснить, что мы сделали это из благих побуждений.

— Так кто у вас там? — повторила я, так и не дождавшись ответа.

— Собачка, — жалобно протянул тоже высунувшийся из кустов Сэм. — Ты ведь разрешишь нам ее оставить, правда?

Волка они тоже могли принять за собачку. Поэтому мое беспокойство ничуть не улеглось.

— Откуда вы ее взяли?

— Мы принесли ее из леса, — раздался за моей спиной голос Алена. — Ее сильно поранил кабан.

— А потом ее хотели застрелить охотники! — торопливо, давась словами, добавил Сэмми. — А она уползла от них, а мы ее нашли.

— Охотники? — удивилась я. — С чего бы им стрелять в свою собаку?

Я всё еще не видела зверя, который находился в кустах. И уже даже не слышала его.

— Егерь его светлости хотел ей помочь, — пояснил Ален, — а один из гостей сказал, что от нее теперь не будет толку. Что после того, как ее ранил зверь, она станет трусливой, и что нет никакого смысла тратить на нее время и силы, а нужно просто ее пристрелить. У него был такой противный голос! А мы с Сэмом как раз были у реки, ставили «морды» на перекате. А потом егерь сказал, что собака куда-то отползла, и что он ее уже не видит. А гость ответил, что она подойдет в лесу и сама и поскакал прочь.

— А когда они уехали, мы пошли туда, — тихо сказал Сэмми. — Она лежала под кустом, и ее шерсть была в крови.

— Да покажите же мне ее уже! — не выдержала я. — Если она ранена, то нужно обработать рану.

Тот факт, что это была всё-таки собака, немного меня успокоил. И этот рассказ не сказал мне ничего нового о гостях его светлости — от них не приходилось ждать ничего хорошего. И их обращение с животным, которое преданно служило им, это только подтверждало.

Стефани раздвинула ветви кустарника, и я, хоть и не без труда, разглядела в траве собаку, похожую на гончую. Увидев меня, она приподняла голову и оскалилась. Но сил у нее хватило только на это.

— Нужно перенести ее в дом, — сказала я. — Там будет проще промыть рану и наложить повязку. К тому же, ночью на улице ей будет холодно. Но ты, наверно, не сможешь поднять ее, Ален?

Судя по внешнему виду, она весила не меньше четырех десятков килограмм. А то и гораздо больше.

— Она может немного ходить, — вмешался Сэм. — Если мы скажем ей, она пойдет за нами.

Так оно и оказалось. Собака пошла в дом вслед за детьми, но каждый шаг давался ей с большим трудом. На правом боку у нее была большая рана, правда, уже немного затянувшаяся, со спекшейся кровью.

Мы принесли в коридор сено и в закутке у чулана устроили удобную лежанку, на которую собака и упала. Табита налила в миску остатки супа, но наша питомица была еще слишком слаба, чтобы вылакать его целиком. Мы оставили миску на ночь рядом с ее лежанкой, а в другую миску налили воды.

Табита сказала, что рану лучше пока не трогать — собака уже зализала ее, и этого может оказаться достаточно.

— Теперь ей нужен отдых и хорошее питание, — добавила она.

— Мы же оставим ее себе, да? — взволнованно спросила Стефа.
— Ведь своим хозяевам она не нужна. Если она вернется к ним, они снова ее обидят. А мы назвали ее Дельфиной.

— Это не мы ее так назвали, — уточнил Ален. — Так обращался к ней егерь, когда пытался подзвать ее к себе.

Ну, что же, Дельфина так Дельфина. Я осторожно погладила ее по голове, и собака в ответ лизнула мне руку. Так у нас появился первый питомец.

Глава 26

Мадам Шабри приходила в Шатель по понедельникам — расплачивалась за продукты, поставленные в имение на прошлой неделе, и делала заказы на новую неделю. Как правило, именно в этот день она заходила к нам на чай. А мы старались удивить ее чем-то необычным и вкусным.

На сей раз я приготовила соус тартар, который как нельзя лучше подходил к запеченной матушкой рыбе.

Сначала я сделала майонез — смешала яйца с подсолнечным маслом, добавив чуть-чуть горчицы. Рука устала взбивать, но результат превзошел все ожидания. Из свежих яиц домашних кур майонез получился восхитительного желтого цвета.

Потом смешала майонез со сметаной, мелко-мелко нашинкованными солеными огурчиками и укропом.

Это было невероятно вкусно! Мадам Шабри даже попросила добавки. А глядя на нее, захотела попробовать соус и матушка. До этого она категорически отказывалась есть огурцы в любом виде. И соус пробовала осторожно, с кончика ложки. Но признала, что он недурен.

Кстати, вилок у нас в хозяйстве до сих пор не было. И я уже записала их в список покупок, которые нужно было совершить на предновогодней ярмарке в Альенде.

— Я пришла к вам нынче не просто на чай, а с заказом, — сообщила мадам Шабри, когда матушка поставила на стол пирог с яблоками. — Один из гостей его светлости сказал, что ему очень не хватает на столе огурцов. Кто бы мог подумать, что благородные господа их едят? Как бы то ни было, а повар попросил меня добыть сей овощ, и я сказала ему про вас. А наши слуги уже привыкли, что на ужин к отварному картофелю подают еще и ваши соленые огурцы. Так что теперь мы станем закупать их больше. И думаю, Лорейн, наш повар не откажется от вашего изумительного соуса. Как-как вы сказали, он называется? Тартар? Странное название. А соус вкусный. Завтра на обед мы как раз собираемся готовить рыбу, и соус был бы очень кстати. Нам нужна будет целая миска. Вы сумеете его принести,

скажем, к часу пополудни? А возможно, вы сможете научить нашего повара его готовить? Разумеется, он вам за это заплатит.

К матушке мадам Шабри обращалась как к старой подруге на «ты», а мне отчего-то выкала.

Я кивнула, с трудом скрывая радость. Нам нужно было собрать достаточное количество денег для поездки в Альенде на ярмарку. Возможно, нам удастся продать там соленые огурцы, но быть уверенной в этом я не могла.

И я мысленно сказала себе, что должна поблагодарить маркиза Абеляра за то, что он замолвил словечко за огурцы. А в том, что это был именно он, я не сомневалась.

— Сегодня в имение приезжает невеста его светлости, дочь маркиза Эванса из столицы, — сообщила нам мадам Шабри перед уходом. — По этому поводу вечером будет устроен фейерверк. Как услышите, что будто стреляют из пушки, так и выходите на улицу посмотреть. Помню, отец нынешнего герцога устраивал такие иллюминации, что всё небо было расцвечено разными диковинными узорами.

Поместье уже преобразилось к приезду будущей хозяйки. Стены особняка были оштукатурены и заново покрашены, трава на газонах коротко подстрижена, повсюду высажены цветы. Наверно, внутри дома тоже многое было обновлено, но об этом мы могли только догадываться.

Карета будущей герцогини Клермон проехала в три часа пополудни. Это был красивый экипаж с большими окнами, запряженный четверкой белоснежных лошадей. Он двигался медленно — должно быть для того, чтобы ехавшую в нём девушку сильно не трясло на ухабах. А возможно, его владелица хотела, чтобы ее будущие подданные смогли сполна оценить ее красоту.

Я смотрела на это из окна гостиной, а вот племянники выскочили во двор. И когда они вернулись домой, их восторгам не было предела. Правда, предмет восхищения у каждого был свой.

Стефани особенно понравилась шляпка мадемуазель Эванс.

— Она украшена такими красивыми перьями!

Сэмюэль больше смотрел на лошадей. А Ален — на саму маркизу.

— Я никогда прежде не видел такой красивой девушки! Ее волосы словно из бронзы, а губы цвета спелой клубники, — восторженно

заявил он и вздохнул.

Интересно, как смог он так хорошо рассмотреть ее за те несколько мгновений, что ее карета была рядом.

Но мне была понятна его грусть. При других обстоятельствах он, будучи сыном дворянина, мог быть принят в поместье герцога и имел бы возможность познакомиться с дочерью маркиза не только так, через окно кареты, но и лично. Но теперь нам следовало оставить такие мысли. Если мы накопим достаточно средств, то через несколько лет Ален сможет поступить в военную академию (на платной основе туда принимали даже лиц недворянского происхождения) и стать офицером.

Я не хотела идти любоваться фейерверком. Мне казалось это сродни тому, как если бы мы подсматривали за балом в поместье через окошко в зале. Но младшие племянники никогда еще не видели иллюминацию, и я не могла лишиться их такого зрелища.

Мы вышли на берег реки еще до того, как раздались звуки выстрелов. Чтобы было теплее, Ален разжег небольшой костер. С этого места озеро и особняк герцога были видны как на ладони. Гости уже высыпали на крыльцо и рассеялись по парковым дорожкам.

Мы были готовы к залпам и всё-таки вздрогнули, когда раздался первый из них. В темное небо устремились сотни — нет, тысячи! — разноцветных огней. Всё это шипело, свистело, грохотало.

А потом на лугу перед особняком развернулось целое представление.

Сначала на берегу озера невысоко над землей появились небольшие сияющие солнца. Когда они сгорели, настал черед огненных букетов — красных, желтых, голубых. Потом на балюстраде особняка вспыхнули зеленые пирамиды. И наконец, ввысь полетели белые звезды.

Я не представляла, какая техника использовалась для этого в Арвитании, но выглядело всё это весьма впечатляюще. Стефани и Сэмми прыгали от радости и хлопали в ладоши.

Потом всё стихло. Гости герцога, должно быть, снова скрылись в бальной зале. А мы вернулись домой. Мне следовало лечь спать пораньше, ведь на следующий день я должна была приготовить соус для гостей его светлости. И хотя мне совсем не хотелось лично идти в особняк, обещание нужно было выполнять. Я только надеялась, что не

встречу там никого из тех персон, от которых мне хотелось бы держаться подальше.

Глава 27

Утром, как обычно, старший сын Булонов принес нам свежие продукты — молоко, сметану, яйца. На завтрак матушка сделала в духовке омлет в большой глиняной миске — четыре яйца и два стакана молока. А потом, когда посуда была помыта, я приступила к приготовлению соуса тартар. Снова долго пришлось взбивать растительное масло и яйца, но результат того стоил.

Когда соус был готов, я поставила его в чулан настояться. Я предпочла бы, чтобы в особняк герцога его отнес Алэн, но ведь мадам Шабри просила меня поговорить с поваром, а в этом вопросе племянник заменить меня никак не мог. Я положила соус в крынку, накрыла чистой тряпочкой.

Я надела свое самое простое платье. Но даже оно, будучи слишком скромным для дворянки, было чересчур элегантно для крестьянки. Впрочем, другого варианта наряда у меня всё равно не было. Да и поверх платья я надела плащ — дни становились всё холоднее, и солнце уже почти не грело даже днем. Я решила проскользнуть на герцогскую кухню как можно незаметнее. Но для этого нужно было обогнуть и озеро, и парк по берегу реки и подойти к дому с задней стороны, где находился вход для прислуги.

Я шла по территории усадьбы, и мне казалось, что я попала не в имение герцога Клермона, а в какой-то королевский сад. Еще недавно тут всё дышало запустением, а сейчас, напротив, словно кричало о высоком статусе владельца. Должно быть, на эти преобразования его светлость потратил кучу денег.

Даже домик огородника был приведен в порядок. Рухнувшая теплица была снесена, а стекла двух оставшихся были намыты до блеска. Хотя наверняка в эту часть поместья никто из гостей не заходил. Мужчин куда больше, чем прогулки по парку, интересовала охота. А прибывшие из столицы дамы не захотели бы портить свои туфельки хождением по траве.

Все изменения, произошедшие в поместье, я отмечала на ходу. Остановилась я лишь однажды — когда увидела фонтан с драконом. Он был восхитителен! Льющаяся из пасти вода была красивого

бирюзового цвета, и мне было интересно, что придавало ей такой оттенок — возможно, магия?

Я уже расспросила Табиту об арвитанской магии, но ничего интересного она не сообщила. По ее словам, магические артефакты были разве что у короля да наиболее именитых дворян. Но той магии стихий, о которой я когда-то читала в фэнтезийных романах, здесь, кажется, не было. Прежде имела хождение ментальная магия (которая, как я поняла, была чем-то похожим на гипноз), но и та была запрещена уже не одно столетие назад. Хотя, как я уже имела возможность убедиться на личном опыте, этот запрет не мешал некоторым господам всё-таки ее применять.

Но таким магам-менталистам можно было противостоять. Оказывается, развеять магические чары могли растения, которые росли буквально повсюду — зверобой, полынь и крапива. Когда Табита рассказала мне о них, я тут же нашла их в лесу, высушила и поместила в маленький мешочек, который теперь висел у меня на поясе. Я надеялась, что если еще когда-нибудь вдруг встречу с графом Шортером, то он уже не сможет управлять мной так легко, как тогда, в гостинице Альенде.

До входа в особняк, которым пользовалась прислуга, я добралась без всяких приключений. Встретившемуся мне на пути лакею я сказала, что меня пригласила мадам Шабри, и он немедленно сообщил ей о моем приходе. И уже она сама отвела меня на кухню, где пышнотелый шеф-повар в белоснежном колпаке уже приступил к приготовлению обеда.

Кухня была огромной, с большой печью и несколькими столами, за которыми работали повара рангом пониже. Здесь было жарко и пахло одновременно и вареным мясом, и жареной рыбой, и ванильными булочками.

Шеф-повар взял крынку у меня из рук, зачерпнул немного соуса длинной ложкой, попробовал его, подержал на языке. Потом одобрительно кивнул.

— Это весьма недурно, мадемуазель. Мадам Шабри сказала мне, что вы готовы поделиться со мной рецептом этого соуса.

— Готова, — подтвердила я. — Но отнюдь не бесплатно.

Мужчина снова кивнул.

— Разумеется, мадемуазель! Кому, как не мне, знать, сколь ценными бывают рецепты. Но прежде, чем я соглашусь купить его у вас, мне необходимо убедиться, что он придется по вкусу моему хозяину и его гостям. Как я понял, в его состав входят огурцы. А этот овощ трудно назвать любимым лакомством благородных господ. Поэтому пока я ничего не обещаю. Сначала мы попробуем соус сами, — он обвел взглядом своих подчиненных, которым, должно быть, часто приходилось выступать в роли дегустаторов. — И если всё будет в порядке, то я подам этот соус сегодня к ужину. И если отзывы господ будут благоприятными, то мы вернемся к этому разговору.

— Хорошо, сударь! — согласилась я.

Мадам Шабри проводила меня до выхода и велела передать привет матушке.

Я прошла по дорожке вдоль дворового фасада и намеревалась свернуть на тропинку, по которой пришла от реки, когда услышала женский голос:

— Сударыня, стойте!

Я обернулась и в нескольких шагах от себя увидела девушку примерно моих лет. Одета она была дорого и со вкусом. Широкополая шляпа с длинными страусиными перьями, украшенный кружевами и вышивкой костюм из жакета и юбки из толстой и наверняка дорогой ткани. По одной только шляпке я поняла бы, что это — та самая невеста герцога Клермона, которую так хорошо описал Ален.

У нее было красивое лицо с аристократичными чертами, высокий лоб, гладкая кожа. Завитые пряди волос бронзового цвета спадали на плечи.

И обращалась она именно ко мне!

Я остановилась, пытаюсь понять, что ей от меня понадобилось.

А она подошла поближе, не отводя от меня пристального, словно оценивающего взгляда.

— Кажется, это вы позировали маркизу Абеляру для его новой картины?

И в голосе ее я услышала недовольные нотки.

Глава 28. Герцог Клермон

Его величество потребовал, чтобы свадьба состоялась именно в столице. Он непременно хотел на ней присутствовать, а путь из Валье-де-Браво до моего имения был долог и труден. А потому впервые за много десятков, а то и сотен лет бракосочетание герцога Клермона и его избранницы должно было состояться вдали от родового поместья Клермонов.

Впрочем, меня самого это не сильно волновало. Я давно уже был столичным жителем и редко возвращался в родные пенаты. Отец любил это имение, и я помнил, как в детстве я ходил с ним по этим лугам и полям и слушал его рассказы о подвигах наших предков. В хриплом голосе его при этом всегда звучал благоговейный восторг. Возможно, если бы отец прожил подольше, его любовь к поместью передалась бы и мне. Но он умер, когда я был еще ребенком. А матушка поместье Клермонов считала слишком провинциальным и скучным, и со временем мы вовсе перестали сюда приезжать.

И потому на этот раз я не ждал ничего особенного от визита сюда. В местной церкви всего лишь объявят о нашей помолвке с Жасмин в присутствии многочисленных прибывших из столицы гостей. Хотя бы эту дань уважения предкам я должен был отдать. А спустя несколько дней мы вернемся в Валье-де-Браво.

У Клермонов был еще и особый обряд посвящения невесты. Обычно он происходил накануне свадьбы, но в сложившихся обстоятельствах я решил провести его перед объявлением о нашей помолвке. Обряд заключался в знакомстве будущей герцогини Клермон с нашим дворцом, его историей и тайнами. Конечно, тайны сейчас были уже не те, что в прежние времена — в подземельях уже не хранилось золото (оно теперь лежало в банке), а все потайные ходы были давно нанесены на план здания, что находился в библиотеке.

И всё-таки моя невеста должна была знать, хозяйкой чего ей предстояло стать, а потому на следующий же день после приезда Жасмин я просил ее подняться пораньше. И пока большинство гостей еще спали, мы отправились на экскурсию.

Начал я, как и было положено, с картинной галереи, где с развешанных на стенах портретов взирали на нас мои знаменитые предки.

— Генерал Венсан Клермон, герой битвы при Гальенго. Отличился тем, что с горсткой своих людей смог провести короля сквозь полчища врагов, — мы остановились перед картиной, изображавшей указанного генерала на вороной лошади. — А это — мой прадед Теодор, который женился на принцессе Алессинье, что позволило нам породниться с королевской семьей.

Жасмин восторженно выдохнула:

— О, дорогой Бернард, какой красавицей была ее высочество!

Я не смог сдержать улыбки. Моя прабабушка действительно была хороша, но я понимал, что восторг моей невесты был вызван сейчас не столько внешностью изображенной на портрете дамы, сколько ее высоким титулом.

— Ваша красота, — в тон ей ответил я, — ничуть не менее блистательна.

Она улыбнулась, а я двинулся дальше и остановился перед следующей картиной.

— Мой прапрадед Жером Клермон. Был близким другом и советником короля Максимилиана Десятого, во время правления которого в Арвитании появился запрет на использование ментальной магии. Должно быть, вы знаете эту историю, она широко известна.

Но растерянность во взгляде невесты показала мне, что даже если Жасмин когда-то слышала об этом (а это было написано во всех учебниках истории), то уже успела позабыть.

— При дворе короля тогда одну из ведущих магических должностей занимал некий граф Тизье. Как потом выяснилось, он состоял на службе у Терезии, с которой наша страна находилась в состоянии войны. Используя свою сильную ментальную магию, Тизье подчинил себе сознание его величества и почти заставил того подписать указ о передаче Терезии прав на провинцию Деланже, из-за которой та и воевала с Аквитанией. К счастью, мой прапрадед почувствовал вмешательство менталиста, разрушил чары и не допустил подписания документа о передаче территории. Граф был казнен, ментальная магия запрещена, а мой предок получил наш нынешний титул, ибо маркизат Клермон решением короля был

превращен в герцогство. Письмо, в котором Жером рассказывал своей жене о получении титула, сейчас хранится на почетном месте в здешней библиотеке.

Признаться, рассказывая эту историю Жасмин, кое о чём я вынужден был умолчать. На самом деле граф Тизье был остановлен моим предком уже после того, как король Максимилиан подписал указ о передаче спорных территорий. Формально с этого момента провинция Деланже уже принадлежала Терезии. Но поскольку об этом не знал никто, кроме самого короля, Жерома Клермона и еще нескольких доверенных лиц, то подписанная бумага была уничтожена. И хотя до терезийцев дошли какие-то слухи об этом, никаких доказательств, подтверждающих их права на провинцию Деланж, у них не было.

После картинной галереи мы отправились в оружейный зал. Но надолго мы тут не задержались — доспехи и оружие, как и следовало ожидать, были моей невесте ничуть не интересны. И даже наша роскошная библиотека оставила ее равнодушной. Впрочем, из библиотеки я был рад поскорее уйти и сам. Мой взгляд по привычке упал на ковер возле стоявшего у окна шкафа с самыми ценными предметами — орденскими лентами, старыми письмами и древними магическими книгами.

На этом ковре обычно лежала моя любимая собака — гончая Дельфина. Я привез ее в поместье из столицы, и она сразу будто почувствовала, что именно здесь, в этом шкафу лежат те сокровища, которые особенно нуждались в ее охране. И хотя шкаф и так закрывался, я похвалил ее за стремление оберегать мое имущество.

Сейчас место на ковре было пустым, и мое сердце снова, уже в который раз, болезненно сжалось. Я не должен был брать Дельфину на охоту. Несмотря на то, что она была гончей, выросла она в городских условиях и не обладала необходимыми для охотничьей собаки навыками. Но она была азартна и сразу бросилась в гущу событий и первой же пострадала от клыков кабана. Мне сообщили о ее гибели только вечером, и несмотря на поздний час я отправил слуг в лес на поиски ее тела. Мне не хотелось, чтобы его растащили дикие звери. Домашние животные Клермонов обычно находили последний приют в тихом уголке дальнего сада. Но Дельфина и этого оказалась лишена,

потому что ни в тот вечер, ни на следующий день ее тело так и не нашли.

После библиотеки мы заглянули в художественную мастерскую. В те времена, когда мы еще часто бывали в имении, здесь любила рисовать моя матушка. Сейчас же это просторное светлое помещение было отдано в распоряжение маркиза Абеяра.

Одним из выставленных на мольбертах портретов был портрет моей невесты. Его сиятельству удалось прекрасно передать тонкие черты ее лица и даже свойственную ей некую надменность во взгляде. Не будь Абеяр аристократом, он наверняка смог бы стать известным художником.

Лицо девушки на второй картине тоже показалось мне знакомым. Вот только я не мог понять, где я видел его прежде.

— Кто это? — спросила Жасмин, заметив мой интерес. — Кажется, это рисовалось именно здесь? Это одна из здешних служанок? С чего бы ей была оказана такая честь?

Ни на один из этих вопросов ответить я не мог и предложил переадресовать их самому художнику.

Теперь наш путь лежал в сторожевую башню, которая была построена несколько веков назад. Но по дороге нам попался дворецкий Мэнсфилд, и я остановился ненадолго, чтобы дать ему распоряжения по организации вечерних танцев. Жасмин пошла вперед одна.

А уже через минуту я услышал, как она сказала кому-то громко:

— Сударыня, стойте!

Глава 29

— Это вы позировали маркизу Абеляру для его картины?

Ей пришлось повторить вопрос, потому что я замешкалась с ответом. Наверняка она видела этот портрет, поэтому отрицать это было бессмысленно. Да и я не сделала ничего дурного. Разве что осмелилась позировать художнику, которому до этого, судя по всему, позировала она сама — ведь у маркиза на мольберте был и холст с ее портретом.

— Да, сударыня, — я чуть поклонилась.

— Вы служите здесь? — спросила она.

— Нет, сударыня, — я покачала головой. — Я из деревни Шатель, что находится за тем перелеском. Я приносила продукты на кухню его светлости.

— Но это же земли Клермонов, не так ли?

— Именно так, сударыня! — подтвердила я.

Она продолжала буравить меня взглядом. И я тоже вынуждена была оставаться на месте. Я чувствовала себя неуютно, потому что эта вынужденная остановка могла привести к тому, что в парке появятся и другие обитатели особняка, в том числе и те, встречаться с которыми мне совсем не хотелось.

— Я забыла вчера в парке свой кошель с нюхательной солью. Вон там, в беседке. Надеюсь, вас не затруднит мне его принести? Боюсь, мои шелковые туфли не выдержат прогулки по траве.

Я не была здесь служанкой и не обязана была выполнять распоряжения гостей его светлости. Но любой из крестьян деревни не отказался была сделать то, о чем его просила будущая хозяйка поместья. А пререкаясь сейчас с ней, я только затягивала этот неприятный разговор.

Поэтому я предпочла просто дойти до указанной беседки. На лавке там действительно лежала маленькая бархатная сумочка на длинной ручке.

Она не сказала мне спасибо. Только надменно кивнула и развязала на сумочке тесемки.

— Вы ничего не брали из нее? — она спросила это, когда я уже развернулась, чтобы удалиться.

— Простите, сударыня? — я даже не сразу поняла, о чём она спросила. А когда поняла ее намек, то почувствовала жар на щеках. Она хотела сказать, что я у нее что-то украла? — Когда бы я успела это сделать, ваше сиятельство?

Она пожала плечами:

— Откуда я знаю? Вы же здесь были еще до того, как я пришла!

Я сжала кулаки и едва сдержалась, чтобы не назвать ее дурой. Наверняка на самом деле она не думала ничего подобного, просто хотела позлить и унижить меня. Поставить на место.

— Что здесь происходит? — услышала я мужской голос и вздрогнула, поняв, кому он принадлежал.

Герцог Клермон собственной персоной стоял на дорожке чуть позади своей невесты.

Маркиза обернулась к нему и жалобно проворковала:

— Ваша светлость, у меня пропал золотой браслет, который вы подарили мне в день открытия бального сезона. Он вместе с нюхательной солью лежал в кошельке, который я забыла вечером в беседке во время иллюминации. А сейчас тут только бутылочка с солью. Я уверена, что браслет взяла эта девица!

И она бесцеремонно указала на меня рукой.

Взгляд его светлости остановился на моем лице. Мне показалось, что в этом взгляде промелькнули сначала растерянность, потом удивление. Кажется, он всё-таки меня узнал!

Для полного счастья мне не хватало только, чтобы в парке появился еще и граф Шортер!

— Я ничего не брала! — громко сказала я, позабыв добавить «ваша светлость».

— Но кто еще это мог сделать? — воскликнула маркиза. — Я требую, чтобы ее обыскали!

Меня бросило в жар. Да как она посмела такое предложить? Нет, я не собиралась молчать! Если эта рыжая стерва хочет войны, то она ее получит! И пусть наши силы были не равны, но Лорейн Ревилье тоже была дворянкой, и я собиралась отстаивать свои права!

Но прежде, чем я успела что-то сказать, это сделал герцог Клермон.

— Стоит ли так волноваться из-за какого-то браслета, дорогая? — он поднес ее руку к губам и поцеловал. — Возможно, вы сами положили его в другое место, но позабыли об этом. Или он выпал из кошелька, когда вы любовались фейерверком.

— Но это ваш подарок, Бернард! — даже с такого расстояния мне было видно, как трепетали ее длинные ресницы, когда она смотрела на него.

— Пусть это будет поводом подарить вам новый браслет, Жасмин! — улыбнулся герцог. — Куда более роскошный, чем прежний!

Кажется, такой исход дела ее вполне удовлетворил. Тем более, что эта нахалка наверняка прекрасно знала, где находилось ее якобы утерянное украшение.

— О, благодарю вас, ваша светлость! — ее голос был таким приторно-сладким, что мне стало тошно. — Но я всё-таки настаиваю, чтобы этой девице было запрещено появляться в здешнем парке и приближаться к вашему особняку!

Сказав это, она притопнула ножкой.

Клермон небрежно усмехнулся:

— Как вам будет угодно, дорогая Жасмин! Вы слышали распоряжение ее сиятельства, Мэнсфилд?

Он обращался к своему дворецкому, который подошел к нам так тихо, что я и не заметила его. Тот важно кивнул в ответ:

— Будет сделано, ваша светлость!

Хозяева удалились, а я всё еще стояла на месте, будучи не в состоянии прийти в себя от того унижения, что я испытала. И вроде бы ничего страшного не произошло. Мне всего лишь запретили появляться там, где я и не собиралась появляться. Но это было так обидно, что я не смогла сдержать слёз.

— Вы слышали, что сказал его светлость, мадемуазель? — мне показалось, что во взгляде Мэнсфилда промелькнуло что-то, похожее на жалость. — Я вынужден просить вас покинуть территорию парка. Полагаю, что будет лучше, если вы и в деревне постараетесь не попадаться на глаза ее сиятельству.

Я кивнула. Это было и моим желанием — никогда более не встречаться ни с маркизой, ни с ее женихом. О, они составят прекрасную пару! И будут жить в браке долго и счастливо, если, конечно, эта змея не отравит мужа своим ядом.

Глава 30

Домой я вернулась, кипя от негодования. Мне не хотелось расстраивать матушку, рассказывая ей о том, что случилось, но я понимала, что это всё равно рано или поздно сделает мадам Шабри, которой обо всём наверняка доложит дворецкий. Так что лучше было сделать это самой.

— Бедная моя девочка, — Табита погладила меня по голове, и от этой ласки я расплакалась. — Уверена, невеста его светлости на самом деле ни на миг не подумала, что этот браслет взяла именно ты. Возможно, ей просто не хотелось, чтобы перед глазами ее жениха ходила такая красавица, как ты. Это всего лишь женская ревность и ничего более.

Я понимала это и сама, но менее обидной ситуация от этого не становилась.

Я выросла в мире, где не было сословного общества, и люди не делились по сортам. А потому такое надменно-уничтожительно обращение титулованных особ сильно ранило меня.

А еще было обидно, что я лишилась возможности показать технологию приготовления соуса тартар повару его светлости, если вдруг он всё-таки захочет купить у нас рецепт. В том, что он захочет прийти ради этого на нашу кухню, я сильно сомневалась.

На следующий день к нам пришла мадам Шабри, которая из-за случившегося отчего-то чувствовала себя неловко.

— Не сердитесь на ее сиятельство, дорогая Лорейн! Должно быть, у нее было дурное настроение. Мне кажется, ей не сильно полюбились тут, в провинции. Боюсь, после свадьбы его сиятельство с супругой будут не слишком часто сюда приезжать, — она сказала это с сожалением, даже с некой обидой за то, что такое красивое поместье не пришлось по душе будущей хозяйке. — А что до браслета, то он, возможно, выпал из ее кошелька еще во время иллюминации, а она и не заметила этого. А теперь в траве разве найдешь?

Я не стала обсуждать с ней свою версию этого происшествия. Что бы я ни сказала, она всё равно будет на стороне хозяев. Мне было

довольно и того, что она принесла нам несколько медных монеток за тот соус, что был съеден господами накануне за ужином.

— Очень уж он пришелся им по душе, мадемуазель Ревиаль! — рассказывала она. — Так что теперь всякий раз станем подавать его к рыбе. Я буду отправлять к вам поваренка с заказом поутру, а ближе к обеду или к ужину он же станет забирать у вас соус.

Ну, что же, такой вариант меня полностью устраивал. И пусть за миску с соусом нам платили всего лишь пять медяков, это уже составляло половину серебряной монеты. А чем чаще к столу в имении будут подавать рыбу и наш соус, тем больше мы заработаем.

К тому же у меня появилась и еще одна идея — во время поездки на предновогоднюю ярмарку в Альенде я собиралась пройтись по тамошним гостиницам, харчевням и тавернам и предложить поварам купить у меня рецепт этого соуса. Даже если большая часть поваров откажутся это сделать, уж кто-нибудь-то непременно купит его.

А ведь можно вспомнить и еще какие-то рецепты, которая пока еще не знакомы жителям Арвитании. Да хоть рецепт того же салата «Оливье»! Но основную ставку я собиралась сделать всё-таки на огурцы.

— Скоро ли его светлость собирается возвращаться в столицу? — матушка задала тот вопрос, который вертелся и у меня на языке.

— Мы надеемся, что хозяин пробудет здесь по крайней мере до Нового года. Шутка ли сказать — на ремонт поместья были потрачены несколько тысяч золотых. А еще сколько на закупку продовольствия! — мадам Шабри покачала головой, кажется, одновременно и гордясь щедростью хозяина и поражаясь его расточительности. — Будет обидно, если они уедут в Валье-де-Браво, так тут и не погостив. По моему разумению, так и свадьбу было бы хорошо сыграть именно здесь, но уж это, к сожалению, никак не возможно.

— Отчего же невозможно? — удивилась матушка.

— От того, — пояснила экономка, — что на этом торжестве пожелал присутствовать сам король! Вы же знаете, что его светлость приходится его величеству пусть дальним, но родственником. Да к тому же свадьба состоится только по весне, и судя по тому, что я слыхала, это будет большое торжество. Но хорошо уже то, что хотя бы помолвка состоялась тут, в родовом поместье, где вступали в брак многие поколения Клермонов. Хотя я очень надеялась, что когда его

светлость приедет сюда, то захочет остаться тут подольше. Ведь это поместье так любил его отец! Старый герцог ни за что не променял бы его на столицу.

— Молодым господам здесь, должно быть, скучно, — улыbnулась Табита.

— Да когда же им скучать? — возразила мадам Шабри. — Каждый день то танцы, то охота. Правда, теперь, когда кабан убил любимую собаку его светлости, у хозяина интерес к охоте пропал напрочь. Но гости могут развлекаться этим, как и прежде.

— Собаку? — насторожилась я.

— Да, — подтвердила Дебора. — Хорошая такая была собака, чистых кровей. Трехцветная, черно-рыже-белая. Да что теперь говорить! Его светлость по ней уж очень сокрушается!

Я едва не сказала, что, возможно, эта собака вовсе не погибла, а лежит сейчас у нас в закутке возле чулана.

Дельфина была еще очень слаба. Она уже выходила во двор, чтобы справить свои нужды, но каждый раз со своей постели поднималась с трудом, и аппетит у нее был пока еще очень скромный.

А промолчала я вовсе не из желания досадить герцогу. Я просто боялась, что он тоже, как и один из его гостей, может решить, что больная собака ему не нужна, а значит, все наши старания поднять ее на ноги окажутся напрасными. Вот поправится она, тогда сама решит, останется ли в нашем доме или вернется в поместье. Если хозяин и в самом деле так любит ее, то она непременно, едва у нее достанет сил, убежит к нему. Мы вовсе не собирались удерживать ее силой. Но и возвращать ее в имение сейчас, когда она была слишком слаба, чтобы защищаться, я не хотела.

— А ее сиятельство любит животных? — спросила Табита, которая, похоже, подумала о том же самом.

Мадам Шабри задумалась, а потом вынуждена была признать:

— Не сказала бы. Ее сиятельство, кажется, не жалуется ни собакам, ни лошадям. По крайней мере, я не видела, чтобы она ездила верхом. И с собой она не привезла никаких питомцев. Но я полагаю, что это вовсе не свидетельствует о том, что у нее дурной характер. Вряд ли его светлость выбрал бы себе в жены девушку, которая не отвечала бы всем его чаяниям. Уж он-то может позволить себе быть разборчивым.

На этой весьма лестной для своего хозяина мысли она и закончила разговор.

А когда она удалилась, с прогулки вернулась Стефани.

— Идем же скорее на берег, Лора! Господин маркиз нас уже ждет! Я бегала сейчас к реке и видела его на том же самом месте. Ты разве забыла, что картина еще не закончена?

Глава 31. Герцог Клермон

Помолвка, наконец, состоялась, и большая часть гостей разъехалась по домам. Приближались новогодние праздники, которые каждый старался проводить со своей семьей. Особенно пышные торжества обычно проходили в Валье-де-Браво. Его величество не скупился ни на украшение города, ни на бесплатную раздачу еды для неимущих, ни на устройство балов для знати.

— Я полагала, что мы тоже поедem на праздники в столицу, — в голосе Жасмин я различил жалостливые нотки. — В прошлом году во дворце губернатора состоялся восхитительный бал-маскарад. Было так весело и необычно! Маски снимали уже после полуночи, и было столько сюрпризов!

Этот рассказ не произвел на меня большого впечатления. Я не был любителем ни балов, ни, тем более, маскарадов. И моя невеста, быстро поняв это, выдвинула новый довод:

— И разве поздравить с праздником его величество не является долгом каждого дворянина?

Я покачал головой:

— Вовсе нет, дорогая Жасмин! Многие аристократы, напротив, отбывают на Новый год в свои поместья в провинции, где устраивают праздник не только для своего семейства, но и для своих слуг и крестьян. Так всегда поступал мой отец. И раз уж мы сейчас оказались здесь, то почему бы и нам не поступить подобным образом?

Мадемуазель Эванс от волнения стала покусывать свою нижнюю губу — такую розовую и пухлую, что мои мысли сразу пошли в другом направлении.

— Вы забываете, ваша светлость, — возразила она, — что я еще не ваша жена, и столь долгое пребывание в вашем поместье может повредить моей репутации. О нашей помолвке объявили в местной церкви, как вы того и хотели, и теперь ничего уже нас здесь не держит. Так почему бы нам не вернуться в столицу на сезон балов?

В этом вопросе мы с Жасмин решительно не сходились во мнениях. Она любила праздники и великосветскую суету — балы, приемы, визиты. Я же всегда предпочитал держаться от этого в

стороне. Я любил Валье-де-Браво, но вовсе не за те развлечения, которые там можно было отыскать в любое время года. Мне нравилась изысканная красота столицы, ее длинная Набережная вдоль берега моря, ее сады и парки, в которых можно было гулять целый день напролет. И огромная королевская библиотека, в которой были собраны книги со всего мира. И Академия фехтования, в которой я любил оттачивать свое мастерство.

— Вместе с вами сюда приехала ваша замужняя сестра, — напомнил я, — так что вашей репутации ничто не угрожает.

— Но мне будет особенно приятно появиться при дворе в статусе вашей невесты, — не сдавалась Жасмин. — Это будут совсем новые, непривычные ощущения, и мне уже хочется ими насладиться. Прошу вас, ваша светлость, не лишайте меня такого удовольствия!

— Хорошо, — кивнул я, — я подумаю над этим. Давайте вернемся к этому вопросу чуть позже.

Мадемуазель Эванс удовлетворенно улыбнулась. Должно быть, она уже радовалась первой одержанной надо мной победе. Но на самом деле я еще не принял решение. И если это решение будет не таким, как ей бы хотелось, ей придется смириться с этим или отправиться в столицу без меня. Признаться, второй вариант развития событий устроил бы меня немного больше.

Это вовсе не означало, что моя невеста уже успела мне надоест, но мне пока еще было трудно окончательно смириться с тем, что теперь рядом со мной всё время будет находиться рядом другой человек, за которого я буду нести ответственность, которого поклянусь любить и уважать до конца своих дней.

К выбору невесты я подошел со всей ответственностью в девицах, желающих обзавестись титулом герцогини Клермон, недостатка не было. Я мог выбрать себе любую незамужнюю девушку из благородного семейства и быть уверенным, что не получу отказа.

Младшая дочь маркиза Эванса была красива, достаточно умна и хорошо воспитана. То есть, обладала всеми теми качествами, которые мне и хотелось видеть в своей супруге. И потому когда ее отец стал особенно часто приглашать меня в гости, я решил, что это неплохая партия для нас обоих. И чем дольше я узнавал Жасмин, тем больше убеждался в правильности своего выбора.

Ожидать, что мы с будущей женой полностью сойдемся в своих интересах, разумеется, не приходилось. Да это и не требовалось вовсе. У каждого из нас будет свой круг прав и обязанностей, и важно, чтобы мы соблюдали их и не слишком досаждали друг другу.

Я никогда не был сторонником браков по любви, предпочитая им трезвый расчет. Любовь со временем проходит, и когда пелена спадет с глаз некогда влюбленных супругов, они могут обнаружить друг в друге то, чего раньше не хотели замечать. Сам я предпочел бы от таких сюрпризов воздержаться.

— Я слышала, ваша светлость, как Мэнсфилд распорядился подготовить комнату для прибывающего в поместье ювелира, — голос Жасмин отвлек меня от размышлений. — Правильно ли я понимаю, что это связано с браслетом, который вы хотели мне подарить? Но если так, то не лучше ли было отложить этот подарок до возвращения в столицу? Выбор драгоценностей в Валье-де-Браво не в пример больше, чем здесь.

Я усмехнулся. Кажется, моя невеста боялась, что здесь я не сумею подобрать для ее украшения, достойное ее тонкого вкуса.

— Не беспокойтесь, дорогая! Подарок вас не разочарует. Неподалеку от Альенде есть изумрудный прииск, где добывают весьма крупные камни. И местные ювелиры, поверьте, умеют с ними работать.

Глаза Жасмин восторженно заблестели, и полагаю, она с трудом удержалась, чтобы не захлопать в ладоши.

— О, Бернард, вы так балуете меня!

— Мне всего лишь нравится радовать вас, дорогая! — улыбнулся я в ответ. — А пока ювелир еще не прибыл, почему бы нам не прогуляться по парку? Сегодня превосходная погода! Маркиз Абеляр даже снова отправился к реке на свои этюды.

— Между прочим, ваша светлость, — Жасмин снова капризно надула губки, — его сиятельство до сих пор не завершил мой портрет. А я хотела бы, чтобы вы взяли его в столицу. Я надеюсь, что вам будет приятно смотреть на него, пока мы с вами еще не вместе. Я говорила об этом маркизу, но он так увлечен своим новым творением, что не обратил никакого внимания на мои слова. Наверняка как раз сейчас он работает над картиной, где изображена та воровка, которую вы

изволили прогнать со двора, — она сделала выразительную паузу, дабы убедиться, что я понял, о ком она говорила.

Я только вечером вспомнил, почему лицо той белокурой девицы показалось мне знакомым. Я видел ее в Альенде в гостинице, когда граф Шортер так не к месту решил применить свои способности менталиста.

— Между прочим, я справилась об этой девице у вашей экономки, — сказала Жасмин. — Она живет в ближайшей деревне. Ах, я опять забыла ее название! И знаете, что интересно? Оказывается, она крестьянка только наполовину.

— Наполовину? — удивился я.

— Именно так! — почти торжественно подтвердила мадемуазель Эванс. — Ее отец был дворянином, а вот мать не имеет благородных кровей. Но брак ее родителей был заключен официально. Возможно, она полагает, что такое происхождение дает ей те же права, что и у нас, но если она вдруг вздумает заявить об этом, то я быстро поставлю ее на место. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что такие браки не должны заключаться вовсе, а рожденные в них дети не должны иметь никаких дворянских прав.

— Но что же она делает здесь, в Шатель? — не дослушав, спросил я.

— Старший брат выгнал их с матерью из дома, и они вынуждены были вернуться в деревню, где родилась ее мать. И теперь влачат жалкое существование, хватаясь за любую возможность заработать.

Она заявила об этом почти с презрением. Я же не нашел ничего предосудительного в таком стремлении к труду, тем более что эту барышню в детстве наверняка к нему не готовили.

Но спорить со своей невестой по такому пустяку я точно не собирался. Мне не было никакого дела до этой полукровки.

— Мне кажется, дорогой Бернард, нам следует предупредить маркиза о том инциденте с браслетом, — продолжала Жасмин. — Ведь не исключено, что во время этюдов эта девица попытается что-нибудь украсть и у него самого.

— Как вам будет угодно, дорогая Жасмин, — усмехнулся я. — Мы можем прогуляться до Абеяра прямо сейчас. Я хорошо знаю то место у реки, где он обычно рисует.

Глава 32

Мне уже совсем не хотелось позировать для картины, но я понимала, что должна хотя бы объяснить маркизу Абеляру, почему это произошло. Он имел право знать, что эта картина не пришлась по душе будущей герцогине Клермон, и его дальнейшая работа над этим полотном могла вызвать ее неудовольствие. Кроме того, мне было неудобно заставлять его ждать нас на берегу.

— А как же серебряные монетки? — расстроилась Стефани. — Если он не будет нас рисовать, то и не заплатит нам, да?

— Получается, что так, — кивнула я.

Мне и самой было жаль упущенной выгоды, но я не хотела подставлять ни себя, ни его сиятельство. Невеста герцога могла оказаться злопамятной и навредить нам всем, в том числе и ни в чем не повинному художнику.

— Как хорошо, что вы пришли! — воскликнул маркиз, завидев нас издалека. — Я ждал вас накануне, но безуспешно.

— Простите, ваше сиятельство, но вчера мы никак не могли прийти, — мне не хотелось рассказывать об инциденте, который состоялся в поместье, но еще меньше мне хотелось, чтобы он считал меня воровкой. Если он узнает об этом не от меня, то может подумать что-то дурное, а это было бы ужасно неприятно. А в том, что рано или поздно маркиза Эванс представит меня перед ним в невыгодном свете, я не сомневалась.

Кроме того, я понимала, насколько дорога для художника каждая его работа, и мне было бы искренне жаль, если бы маркиз Абеляр думал, что ему не удалось завершить ее исключительно из-за моей прихоти.

— Что-то случилось? — забеспокоился он.

— Уже всё в порядке, — я попыталась улыбнуться. — Но дело в том, что вчера в поместье невеста его светлости обвинила меня в воровстве и запретила появляться на территории усадьбы. Я могу поклясться, что не брала ничего чужого...

— О! — он даже не дал мне договорить. — В этом нет никакой необходимости! Я ни на секунду не подумал бы, что вы можете быть

виновны в чем-то подобном! Уверен, произошло какое-то недоразумение!

Я могла бы сказать, что это недоразумение звалось Жасмин Эванс, но это было бы бестактно по отношению к самому маркизу. Я не собиралась втягивать его в эту историю и просить принять чью-то сторону. Меня он знал всего несколько дней, а невесту его светлости, возможно, уже много лет.

— Если вы расскажете мне, что именно случилось, то я могу поговорить с его светлостью и попытаться ему всё объяснить, — предложил он. — Герцог никогда не принимает поспешных решений.

— Нет-нет, ваше сиятельство! — возразила я. — Это ни к чему! Мне нечего делать в поместье его светлости, и я надеюсь, что никогда более я не встречу ни с ним самим, ни с его невестой.

Но не успела я это произнести, как в нескольких десятках метров от нас на тропинке появились именно эти персоны.

На маркизе Эванс снова была широкополая шляпа, только уже другая — без перьев, но с лентой, украшенной крупным драгоценным камнем. Шляпа была призвана защитить от солнца ее белоснежное лицо, но сейчас ее сиятельство чуть сдвинула ее на затылок. Это помогло ей бросить на меня уничижительный взгляд.

Они подошли к нам вплотную — девушка чуть впереди, а герцог позади.

— Мы так и думали, ваше сиятельство, что вы продолжаете работать над этим портретом, — сказала она тоном, в котором было слышно недовольство. — И мы пришли специально, чтобы предупредить вас о необходимости быть осторожным с этой особой, — и она невежливо указала на меня пальцем. — Потому что не далее, как вчера, она украла у меня браслет.

Это было так глупо и мелочно, что я не смогла сдержать усмешки. Мы находились с ней в разных статусных категориях, и тот факт, что она продолжала вымещать на мне свою злость, характеризовал не слишком выгодно прежде всего ее саму.

— Это вовсе не так! — вступилась за меня Стефани. — Лорейн никогда не взяла бы ничего чужого! А вы — обманщица, раз говорите такое!

Щеки мадемуазель Эванс побагровели, и она, задохнувшись, не сразу смогла рявкнуть в ответ:

— Я велю тебя высечь, дрянная девчонка!

Она вскинула руку, замахиваясь для удара, и прежде, чем я успела спрятать Стефу за своей спиной, эту руку перехватил ее спутник. А в следующее мгновение я услышала, как он сказал:

— Жасмин, это — ребенок!

Маркиз Абеляр побледнел и собирался что-то сказать, но сделать это ему помешало появление еще одного персонажа — слуги, который явно очень торопился. Он прибежал по той же тропинке, по которой пришел его хозяин, и остановившись, вынужден был потратить несколько мгновений, чтобы перевести дыхание. И когда все взоры обратились в его сторону, он, поклонившись, сообщил:

— Ваша светлость, простите, но господин Мэнсфилд велел мне передать вам, что из столицы прибыл гонец с приказом его величества

— Из королевского дворца! — заволновалась мадемуазель Эванс, сразу позабыв про нас. — Чего же пожелал от вас его величество? Возможно, он хочет, чтобы вы вернулись в Валье-де-Браво?

— Кажется, именно так, ваше сиятельство! — слуга поклонился еще ниже. — Когда я уже отправился за господином герцогом, посланник крикнул мне вслед, что его светлость ожидают в столице и как можно скорее!

— Что еще за новости? — нахмурился герцог Клермон.

Мне показалось, что, в отличие от своей невесты, он в восторг от этого известия не пришел. Я же, хоть это и не касалось нас напрямую, не могла не почувствовать облегчение. Если всё было именно так, как сказал слуга, это означало что скоро все эти господа уедут в столицу, а значит в поместье снова станет тихо и спокойно.

Глава 33. Герцог Клермон

Посланник короля ждал меня в гостиной. Он был мне не знаком, и потому, войдя в комнату, я требовательно посмотрел на него, и он, поклонившись, представился:

— Лейтенант Пике к услугам вашей светлости!

Я кивнул и, сев в одно из стоявших у окна кресел, рукой указал ему на другое:

— Прошу вас, лейтенант, садитесь.

— Позвольте мне сначала вручить вам письмо его величества, ваша светлость, — и он протянул мне конверт с сургучной гербовой печатью.

— Я прочту его, — сказал я, — но насколько я понимаю, вам известно его содержание.

Но он покачал головой:

— Никак нет, ваша светлость. Но его величество, вручая это письмо, особенно отметил, что я должен буду сопровождать вас, когда вы отправитесь в Валье-де-Браво. И что сделать это вы должны будете немедленно после прочтения этого письма. Мне не хотелось бы мешать вашему чтению. Поэтому, быть может, мне лучше подождать вас в другом месте?

Сам факт получения письма от короля не показался бы мне странным, если бы не сопутствующие обстоятельства. Его величество мог вызвать меня в столицу по десятку самых разных причин. Например, он мог почувствовать себя дурно и из-за этого поторопить нас со свадьбой. Или, напротив, попросить эту свадьбу отложить. Но в таком случае заставлять лейтенанта Пике сопровождать нас до столицы было вовсе ни к чему. Равно как и требовать, чтобы я отправился в путь немедленно.

— Нет-нет, вы можете остаться здесь, лейтенант, — я поднялся, сжимая в руках письмо. — Я велю принести вам обед. Должно быть, вы голодны.

— Не откажусь, ваша светлость, — на лице молодого офицера мелькнула улыбка. — И благодарю вас за такое радушие.

Я дал распоряжение Мэнсфилду и отправился в кабинет.

— Дорогой, что-то случилось? — Жасмин остановила меня на лестнице. — Что в письме его величества?

Она увидела, что я еще не вскрыл письмо, и разочарованно вздохнула. В кабинет я ее не пригласил.

Я разломил печать, раскрыл письмо и запрыгал взглядом по строчкам.

«Мой дорогой Бернард!»

Первая строка письма немного подбодрила меня. Вряд ли его величество пребывал в гневе, если решил обратиться ко мне столь тепло. В частных беседах он обычно называл меня именно так, по имени, или «дорогим племянником» (хотя на самом деле степень нашего родства была более дальней).

«Прости, что вынужден настаивать на твоём возвращении в столицу и прерывать ваше приятное предсвадебное путешествие, но этого требуют обстоятельства.

Дело в том, что не далее, как вчера, до меня дошли неприятные известия о том, что Терезия намерена возобновить давний территориальный спор относительно провинции Деланже. Не думаю, что есть необходимость напоминать тебе об этих претензиях — ты лучше, чем кто-либо другой, о них осведомлен.

Терезийцы уже много раз пытались оспорить принадлежность Деланже Арвитании, но дело всякий раз завершалось в нашу пользу. Теперь же будто бы у них появилось весомое доказательство того, что мой прадед Максимилиан Десятый всё-таки подписывал указ о передаче Деланжа Терезии.

И этим доказательством является не что иное, как письмо, написанное вашим прапрадедом своей жене, в котором он ясно указывает, что был свидетелем подписания этого указа».

Я снова прервал чтение. Это письмо хранилось у нас дома уже много десятилетий, и я даже представить себе не мог, чтобы кто-то, кроме самих Клермонов, знал о его содержании. Для нашей семьи это письмо имело особую ценность исключительно потому, что в нём говорилось о том, что Жерому Клермону был пожалован герцогский титул. Никто из нас и подумать не мог, что оно может быть использовано терезийцами в ущерб интересам Арвитании.

Это было всего лишь старое письмо, написанное дворянином своей супруге! Разве могло оно быть доказательством передачи

Терезии огромной провинции?

«Так вот, мой мальчик! Мне сообщили, что это письмо попало в руки короля Терезии, и что его передал Его Величеству именно ты!»

И снова я отложил письмо в сторону, потому что мне стало трудно дышать. Кому могло понадобиться ссорить меня с его величеством? А ведь кто-то сделал это намеренно!

«Разумеется, я не поверил этому, Бернард! Но мне хотелось бы, чтобы ты лично подтвердил, что всё это — не более, чем злые наговоры. Если такового письма никогда не существовало, то мне достаточно будет в этом твоей клятвы. А если оно всё-таки есть, и оно по-прежнему в твоём поместье, то привези его в столицу, и я самолично его уничтожу. Надеюсь, ты понимаешь, что хранить такие письма неразумно?

Словом, жду тебя в Валье-де-Браво как можно скорей. Не забудь привезти в столицу письмо, если такое имеется. И будь осторожен, потому что это слишком ценный документ!»

Под текстом шла размашистая подпись его величества.

Я сложил письмо вчетверо и положил его во внутренний карман камзола.

Кому потребовалось затевать такую безумную игру? Кто вообще, кроме меня самого, мог знать о содержании этого письма?

Оно лежало в здешней библиотеке уже больше сотни лет. Как и множество других писем, давно уже покрытых слоем пыли. Да, именно это письмо лежало за стеклянными дверцами в самом массивном шкафу нашей библиотеки, где, помимо него, хранились ордена моих предков и ценные магические книги.

И оно по-прежнему находилось именно там! Я видел его буквально несколько дней назад, когда водил Жасмин по нашему особняку!

Я почти выбежал из кабинета и в коридоре едва не сбил с ног горничную, что несла постельное белье в сторону гостевых спален. А потом распахнул дверь библиотеки с такой силой, что она ударилась о стоявший неподалеку стол.

Шкаф был на том же месте, и его стеклянные дверцы были закрыты. Взгляд заскользил по полкам.

Овальный орден Доблести на зеленой бархатной подушечке. Усеянная бриллиантами звезда Ричарда Храброго, что получил Венсан

Клермон за битву при Гальенго. Трактаты о стихийной магии, о которой до наших дней дошли лишь воспоминания.

В шкафу было всё, что и прежде. Кроме одного-единственного письма, что всегда лежало в серебряной шкатулке на средней полке. Теперь шкатулка была пуста!

Глава 34

Поместье Клермонов опустело за пару дней. Сначала в столицу отбыл сам герцог, а потом и его гости.

В деревне только и разговоров было, что об этом событии. Многие лишились ежедневного заработка от продажи молока, яиц, мяса и рыбы и весьма сокрушались по этому поводу. И хотя мадам Шабри расплатилась со всеми по счетам хозяина, но упущенные доходы компенсировать она, разумеется, не могла. Но она и сама была расстроена отъездом его светлости.

— Теперь-то уж он вряд ли приедет сюда до свадьбы, — вздыхала она, придя к нам на обед. — А может и после свадьбы не скоро соберется. Его невесте как будто бы не сильно тут понравилось. И ежели она, как и матушка его светлости, предпочтет вести дом в столице, то поместье снова придет в упадок.

— Жаль, — согласилась с ней и матушка Табита. — Ведь сколько денег было потрачено на приведение его в порядок.

— То-то и оно, — издала экономка еще более тяжкий вздох. — Оно нынче совсем как новое. И уж с каким вкусом всё было сделано, с каким шиком. Не стыдно было бы принять и самого короля. Да вы ведь, наверно, и не видали еще ничего! А приходите-ка вы завтра ко мне на чай! Я проведу вас и по дому, и по парку.

Мы с матушкой переглянулись, и я покачала головой:

— Нет уж, увольте. Его светлость запретил мне появляться на территории особняка.

— Так ведь это когда было? А теперь он уехал и не известно, когда появится снова. А из всех слуг в доме остались только самые старые, которые работали еще при прежнем хозяине. Те же, что приезжали с его светлостью из столицы, уже отбыли назад. А те, что были наняты здесь перед приездом гостей, уже рассчитаны.

— Тяжело вам будет содержать поместье в порядке, — посочувствовала ей Табита. — В прежние-то времена здесь бывало несколько десятков слуг.

— Ох, и не говори! — глаза мадам Шабри заблестели. — А уж как расстроен Мэнсфилд, словами не передать. Он-то, поди, думал, что его

светлость позовет его в Валье-де-Браво. Но в столичном особняке у хозяина уже есть дворецкий, так что к чему ему другой?

— А отчего же его светлость отбыл в столицу так спешно? — Табита задала вопрос, который интересовал всех жителей деревни. — Мы думали, что он останется тут до праздников.

Мадам Шабри ответила не сразу. Должно быть, долго не могла решить, имеет ли она право говорить об этом с посторонними людьми. Но желание выговориться оказалось сильнее преданности хозяину. Да и моих племянников в кухне не было, а мне и матушке она могла доверять.

— Его вызвал в столицу сам его величество! — сказала она, но голос всё-таки понизила.

— Вот как? — восхитилась Табита. — Это большая честь!

— В другом бы случае я с тобой согласилась, — кивнула наша гостья. — Но в этот раз полученное из столицы письмо, кажется, было не слишком лестным для его светлости. По крайней мере, когда он прочитал его, он стал мрачнее тучи. А потом долго разговаривал с Мэнсфилдом в библиотеке. Приглашали туда и меня, спрашивали, не видала ли я чего подозрительного. Не вел ли себя странно кто-то из гостей. Насколько я поняла, пропал какой-то важный документ, который требовался королю, и его светлость был очень расстроен, что не смог его найти.

— Так что же он так и поехал в столицу без этого документа? — спросила матушка.

— А что ему еще оставалось делать? — вопросом на вопрос ответила мадам Шабри. — Король желал, чтобы он выехал в Валье-де-Браво немедленно по получении письма.

Во всей этой истории меня порадовали два обстоятельства. Во-первых, что я никогда не бывала в библиотеке особняка — а иначе с мадемуазель Эванс стало бы обвинить меня еще и в краже этого неведомого документа. А во-вторых, после отъезда герцога и его гостей мне стало гораздо спокойнее. И пусть мы тоже лишились возможности продавать им мой соус или рыбу, которую ловил Ален, мои нервы уж точно этого стоили.

А что касается заработка, то я возлагала большие надежды на праздничную ярмарку в Альенде, которая должна была состояться уже через неделю. Мы снова собирались отправиться туда вместе с

мастером Меридо, только на сей раз я не могла позволить себе взять туда племянников.

Теперь я ехала на ярмарку не покупать, а продавать, а это означало, что мне придется стоять за прилавком в торговых рядах на протяжении нескольких дней. Огурцы в бочке были уже готовы к употреблению, и пусть я не была уверена, что кто-то из горожан преодолеет свое предубеждение и всё-таки решится их отведать, стоило хотя бы попытаться. К тому же я хотела пройтись по тавернам города и предложить им купить рецепт соуса тар-тар. Вряд ли я смогу заработать на этом большую сумму, но зимой каждая серебряная монета могла пригодиться.

А пока, до ярмарки, мы с Табитой и детьми делали фруктово-ягодные запасы. Собрали с деревьев в саду остатки яблок и груш и высушили их для компотов и пирогов. А в лесу нашли несколько кустарников, похожих на шиповник и засушили еще и этих плодов, из которых получался очень ароматный чай.

Зима в Шатель, по словам Табиты, бывала не слишком холодной, но иногда шел снег, а река всё-таки могла покрыться тонким слоем льда. Теперь рыбы попадалось всё меньше и меньше, и я порадовалась, что Ален чуть раньше принес домой несколько больших рыбин и целое ведерко мелкой. Мы засолили ее в деревянной кадке.

Дельфина почти совсем поправилась и часто ходила с Аленом в лес. Месье Меридо смастерил для него что-то вроде небольшого арбалета, а он оказался весьма ловким стрелком, и теперь время от времени на нашем столе появлялась дичь — рябчики, тетерева, глухари. Вообще-то охотиться в герцогских угодьях было запрещено, но местные жители, пользуясь отсутствием хозяина, иногда позволяли себе это. И даже Мэнсфилд, по словам мадам Шабри, смотрел на это сквозь пальцы.

А если герцог не придет в поместье и летом, то я собиралась воспользоваться и еще кое-каким принадлежавшим ему имуществом. Те чудесные теплицы, что были неподалеку от нашего дома, всё равно пустовали, и я полагала, что не будет большого вреда, если я посажу в них огурцы. Высушенные семена уже лежали в полотняном мешочке, дожидаясь весны и тепла. И даже если огурцы не будут пользоваться спросом на ярмарке, мы могли выращивать их хотя бы для самих себя.

Тем более, что не только дети, но даже Табита уже успели распробовать их вкус.

Глава 35. Герцог Клермон

Большие расстояния я обычно предпочитал преодолевать верхом — это сильно экономило время. Но на этот раз мне многое нужно было обдумать, а делать это удобнее было в карете.

Мы с лейтенантом королевской гвардии выехали из поместья первыми. Мои сборы были недолгими. Об отправке моих вещей в столицу должен был позаботиться Мэнсфилд.

Гостям же нужно было время, чтобы собраться, и большинство из них должны были тронуться в путь только на следующий день.

Жасмин настаивала, чтобы мы поехали вместе, но это предложение я решительно отверг — его величество не привык ждать, и мне не следовало сердить его еще больше. Я так и не рассказал своей невесте о том, что случилось. Она была уверена, что королю просто потребовалось что-то со мной обсудить. Лишняя информация ей была ни к чему.

Ничего не рассказал я и своим друзьям. Это были слишком важные сведения, чтобы можно было делиться ими направо и налево. Тем более, что я и сам еще многого не понимал. А среди тех, кому я привык доверять, судя по всему, мог оказаться тот самый предатель. Правда, поверить в это было очень трудно.

Я снова и снова перебирал в памяти всё то, что происходило в последние несколько дней. Вот день нашей помолвки с Жасмни и наша экскурсия по особняку. Тогда письмо точно было в библиотеке. Шкаф был закрыт, а вот крышка шкатулки привычно поднята, и там, внутри, я видел знакомый с детства свернутый в рулон пожелтевший лист, исписанный мелким почерком моего предка.

Но что же случилось потом? Открыть дверцу шкафа было нетрудно — это можно было сделать тонкой спицей или булавкой. Но зачем кому-то потребовалось это делать? Ведь этот кто-то должен был точно знать, что он пытается там найти.

Кого могло заинтересовать выцветшее от времени письмо первого герцога Клермона? Много ли человек вообще знали, что король Максимилиан подписал тот странный указ, который был уничтожен уже через несколько минут после этого? Ответить на эти вопросы мог

разве только нынешний король. Или старые архивные документы, хранившиеся в тайных комнатах королевского дворца.

Но захочет ли его величество вообще со мной разговаривать? Судя по всему, он уже мне не доверял. И хотя тон его письма был достаточно дружеским, офицер, которого он обязал меня сопровождать, был отправлен ко мне не случайно.

Удастся ли мне поговорить с его величеством приватно? Поверит ли он моим словам?

Мне следовало узнать, откуда поступили сведения о том, что это письмо попало к терезийцам. Кем бы ни оказался тот вор, что выкрал документ, он всё еще оставался в моем поместье. Со дня нашей помолвки с Жасмин никто из гостей не покинул мой дом. И само письмо тоже наверняка оставалось там. У меня были основания на это надеяться. Основания, о которых я и хотел сообщить королю.

Подозревал ли я кого-то конкретно? Нет, никого. Многих из прибывших в Клермон гостей я знал уже много лет и не имел причин им не доверять. Но даже тех, с кем я познакомился через семью моей невесты лишь недавно, я не мог обвинять безосновательно.

Мы прибыли в Валье-де Браво поздно вечером, и я полагал, что аудиенцию его величество назначит мне только на следующий день. Но нет, едва мы спешились с коней у крыльца королевского дворца, как выбежавший нас встретить секретарь короля, сообщил, что его величество велел привести меня к нему в любое время дня и ночи.

Король еще не ложился. Он принял меня в Жемчужной гостиной, часто называемой малой, за накрытым к ужину столом. Как бы там ни было, он еще не видел во мне врага, потому что предложил мне разделить с ним эту трапезу. В дороге мы не останавливались на обед, только меняли лошадей на постоялых дворах, и я был голоден, а потому от предложения не отказался.

— Что ты думаешь обо всём этом, мой мальчик? — спросил король, когда слуги, повинуясь его приказу, оставили нас вдвоем. — Думаю, ты понимаешь, насколько всё это серьезно?

Я покачал головой. Да, я понимал, что это может доставить нам определенное беспокойство, но кто в здравом уме будет полагаться на какое-то письмо спустя столько лет после его написания, когда никого из свидетелей описанной в нём сцены уже не было в живых? Я произнес это и вслух.

Но его величество со мной не согласился:

— Терезийцы намерены обратиться в Третейский суд Альянса. И там будут рассмотрены любые доказательства, которые они захотят представить. Если подлинность письма будет установлена, мы не сможем ничего этому противопоставить. Они вызовут в суд в качестве свидетеля и тебя самого. И на кристалле правды ты не сможешь солгать. Хочешь или не хочешь, но ты вынужден будешь подтвердить, что об этой истории ты знаешь от своего отца, а он — от своего. А уже после этого они вызовут в суд и меня.

В Альянс входили все страны этой части света. Он был создан после того, как окончилась война между Арвитанией и Терезией. Альянс был гарантом мира, и решения его Третейского суда были обязательными к исполнению. И если его решением провинция Деланж будет признана территорией Терезии, то отказавшись отдавать эти земли соседу, мы окажемся в изоляции. И если Терезия вздумает отобрать провинцию силой, на ее стороне выступят и другие страны Альянса.

— Вы не обязаны туда являться, ваше величество! — запротестовал я. — И они сами не посмеют этого требовать! Тот указ король Максимилиан подписал под влиянием ментальной магии! Есть письмо или его нет, правда на нашей стороне.

— Не посмеют без доказательств, мой мальчик! — возразил он. — Но это письмо способно запустить цепь непредсказуемых событий. Пока его нет, Третейский суд не станет реагировать на заявление терезийцев. Они уже столько раз сотрясали воздух, что к этому привыкли все. Но документ — иное дело. Теперь-то ты осознаешь, насколько важно, чтобы он был уничтожен? Надеюсь, ты привез его с собой? Покажи его мне, и мы вместе сожжем его в камине.

Он протянул руку в мою сторону, должно быть, надеясь, что я выну сейчас письмо из внутреннего кармана моего камзола. Но нет, фокусником я не был и нужный документ, к сожалению, предъявить не мог.

Его величество помрачнел, и на лбу его особенно отчетливо выделились несколько морщин.

— Ты разочаровал меня, мой мальчик! — в голосе его величества были слышны гневные нотки. — Я жду твоих объяснений.

Мне потребовалось ровно десять минут, чтобы всё рассказать. Король не перебивал меня, слушал внимательно, и выражение его лица в процессе моего рассказа почти не менялось.

— Правильно ли я понял, что письмо мог взять любой из твоих гостей, Бернард?

— Именно так, ваше величество! — подтвердил я.

— Или слуг, — добавил он.

Я еще раз кивнул, хотя и менее уверенно. Большинство слуг были со мной уже долгие годы. Они служили мне в столице и вряд ли могли знать о содержании одного из шкафов библиотеки. Те же слуги, что находились в поместье, и вовсе были вне подозрений. Если бы они хотели украсть этот документ, то могли сделать это уже давно, пользуясь тем, что я много лет не бывал в поместье.

— Может быть, кто-то кажется тебе особенно подозрительным? — его величество бросил на меня пристальный взгляд. — Если так, то ты должен мне это сказать. Сейчас не до соблюдения политеса. Мы должны найти это письмо раньше, чем это сделают терезийцы.

— Нет, ваше величество, у меня нет ни малейших оснований подозревать кого-либо особо. А что касается письма, то я полагаю, что оно до сих пор еще в моем имении. Дело в том, что у Клермонов есть заклинание, охраняющее те вещи, на которое оно наложено. Оно слабеет со временем, но вернувшись в поместье, я первым делом обновил его, поскольку его накладывал еще мой отец. Оно распространяется на то, что находится в кабинете и в библиотеке, а также в сейфе с фамильными драгоценностями. На большее тратить магию было бы нецелесообразно.

— Но это заклинание не сработало! — рассерженно напомнил мне король. — Раз кто-то смог забрать письмо из этого шкафа!

— Оно работает не так, ваше величество! — пояснил я. — Поскольку предметы, на которые оно распространено, так или иначе перемещаются с место на место, было бы неосмотрительно обращаться к этому заклинанию всякий раз, когда, например, требуется взять из библиотеки в спальню или гостевую комнату какую-то книгу. Поэтому оно начинает действовать только тогда, когда кто-то попытается выйти с этой вещью за пределы дома. Магия просто не позволит ему этого сделать. Вор не смог бы переступить порог, будь при нём это письмо.

— А если он сам — сильный маг? — спросил его величество. — Смог бы он снять заклинание?

— Не уверен, ваше величество! — но нотка сомнений всё-таки промелькнула в моем голосе. — По крайней мере, ему не удалось бы этого сделать, не привлекая к себе внимание.

— Но что же тогда означает заявление терезийцев?

— Возможно, это просто блеф. Злоумышленник пообещал доставить им письмо, но наверняка не сумел этого сделать. И мне необходимо как можно скорее вернуться в поместье, чтобы попытаться его найти — и вора, и само письмо. Надеюсь, вы позволите мне это сделать?

— Да, ты прав, — после минуты раздумий согласился король. — Отправляйся назад завтра же утром. И сделай всё, чтобы найти письмо. Если ты найдешь при этом еще и вора, то будет замечательно. Но прежде всего — письмо! Ты меня понял?

Я склонил голову. Я не хотел ждать утра. Каким бы я ни был уставшим, я готов был отправиться в путь немедленно. Слишком высоки были ставки.

— Я отправлю с тобой отряд сопровождения, — заявил его величество.

— Вы не доверяете мне? — почти оскорбился я.

— Самонадеянный глупец! — рассердился король. — Постарайся думать не только о себе! Если вор не смог вынести письмо из твоего особняка, то если ты найдешь документ и повезешь его в столицу, он наверняка постарается воспользоваться этим и нападет на тебя по дороге. Я знаю, что ты отличный фехтовальщик и хороший маг, но предатель наверняка не погнушается никакими средствами и наймет себе помощников. А отряд королевской гвардии не позволит ему этого сделать.

Это звучало разумно, и мне стало стыдно, что я позволил себе усомниться в отношении ко мне его величества.

— Тогда позвольте мне выехать немедленно, ваше величество! — попросил я. — Чтобы немного отдохнуть, часть пути я могу проделать в карете.

Король кивнул:

— Хорошо! Пока о письме во дворце знаем только мы с тобой да канцлер Бюве. Но ты же понимаешь, что долго держать эту новость в

секрете не получится. И прошу тебя — будь осторожен!

Я поднялся из-за стола и направился к дверям. Но они распахнулись прежде, чем я смог до них дойти. На пороге стоял канцлер Арвитании, и лицо его было белым словно мел.

— Ваше величество! Дурные новости!

Он замер, ожидая разрешения продолжить.

— Говори! — подавшись вперед, велел монарх.

— Письмо герцога Жерома Клермона было доставлено в Третьейский суд Альянса! Уже назначен день проверки его на подлинность!

Канцлер — маркиз Бюве — бросил в мою сторону враждебный взгляд. И я не мог упрекнуть его за это. В его глазах предателем был именно я. В отличие от его величества, он никогда не был со мной дружен и не имел оснований мне доверять.

Впрочем, и доверие короля уже могло пошатнуться.

— Выйдите, маркиз! — хрипло сказал его величество. А когда мы снова остались одни, повернулся ко мне. — Прости, Берnard, но ситуация переменилась. Теперь в твоей поездке в Клермон нет никакого резона. Мне очень жаль, но до тех пор, пока нам не будет известен результат проверки подлинности письма, я вынужден просить тебя оставаться в Эрдене.

Я вздрогнул. Эрден был одним из нескольких королевских замков. Самым закрытым и аскетичным. Обычно там держали узников королевских кровей.

Глава 36

На сей раз мы с Аленом и мастером Меридо остановились не на постоялом дворе, а сняли небольшую, скромную, но чистую квартирку в доме, что находился недалеко от Ратушной площади. Это было очень удобно. Мне нужна была собственная кухня, чтобы я могла готовить соус и для продажи на ярмарке, и для таверн, по которым собиралась пройти со своим тайным рецептом. Накануне открытия ярмарки я заплатила установленный взнос ее распорядителю, и он отвел мне место в ряду, где торговали продовольствием.

Ален и месье Меридо выгрузили с телеги кадушку с солеными огурцами, и я начала обустраивать свой прилавок. Я заметила, что большинство торговых точек здесь ничем не отличались друг от друга. Продавцы явно не были знакомы с основами маркетинга. Я же была намерена привлечь внимание как можно большего числа покупателей.

Прежде всего я купила в текстильном ряду отрез недорогой, но яркой ткани, и застелила им прилавок. Потом порезала тонкими кусочками свежий хрустящий хлеб и огурцы, разложила их на тарелки, а в глиняную мисочку положила соус тар-тар. Я собиралась устроить бесплатную дегустацию. А как еще я могла заинтересовать покупателей своим товаром, если при одном только слове «огурцы» они шарахались от меня, словно я предлагала им мухоморы?

— Зря ты, девка, это добро на ярмарку привезла, — покачала головой моя соседка справа. — У нас от этой гадости даже коровы морды воротят.

Легко ей было говорить! Она привезла несколько мешков овощей со своего огорода — свеклы, картошки, морковки. И несколько корзин фруктов. Ей было чем торговать.

А у меня были только огурцы. И я-то знала, насколько вкусными они могут быть! Теперь нужно было сделать так, чтобы об этом узнали и покупатели.

Первые посетители ярмарки не торопились с покупками. Я уже знала эту тактику — сначала присмотреться, наметить для себя понравившийся товар, а потом, ближе к окончанию ярмарки, дожидаться снижения цены на него.

К тому же большинство из них закупались на зиму и отдавали предпочтение тому, что было способно пролежать в погребе до весны, а то и до лета. А потому корнеплодами и фруктами моей соседки интересовались куда больше народа, чем моими деликатесами.

Сначала я стояла за прилавком молча, отвечая разве что на вопросы случайно подошедших горожан. Но скоро поняла, что такое поведение больших доходов мне не принесет. Требовалось действовать побойчее.

— Мадам, не хотите ли попробовать соус, которые подается в самых аристократичных домах Валье-де-Браво? — спросила я одну зазевавшуюся женщину, которая просто остановилась рядом, перекладывая корзину из одной руки в другую. — Это совершенно бесплатно!

Слово «бесплатно» сыграло свою роль. Уже уставшая от прогулок по ярмарочным рядам дама явно была голодна.

— Прощу вас! Это очень вкусно! — я щедро намазала соусом кусочек ржаного хлеба.

Первый кусочек она откусила совсем маленький и долго жевала его, пытаясь понять, из чего состоит продукт. Но, разумеется, не поняла.

— Недурно, — признала она. — Мой хозяин любит всякие соусы на обед. Но, должно быть, впрок его не купишь?

— Да, — подтвердила я, — его нельзя хранить дольше двух дней.

Не могла же я сказать неправду? Как бы мне ни хотелось заработать, рисковать здоровьем покупателей я не хотела.

Она хмыкнула и пошла дальше.

Примерно так же закончились и пробы еще у нескольких потенциальных покупателей. Они с удовольствием съедали то, что я им предлагала, но покупать не торопились.

Моя соседка, распродавшая уже не меньше четверти своего товара, покачала головой:

— Только замерзнешь тут, девка! Никто у тебя ничего не купит. В другой раз попроще товар привози. Свой-то огород есть ли? Ну, вот, видишь, с чем я стою? То и привози. Это завсегда людям надобно. На такой товар в любой день купец найдется.

С этим было трудно спорить. Так за первый день я ничего и не продала. А вечером, когда ярмарка закрылась на ночь, я отправилась с

горшочком соуса по центральным улицам Альенде, выискивая взглядом вывески таверн.

Я решила, что нужно начать с тех заведений, которые находятся на доходных местах и принимают обеспеченных клиентов. В дешевых едальнях не сильно заботились о богатом ассортименте блюд. А вот повара в тавернах, где останавливались аристократы, могли и заинтересоваться моим рецептом.

Мне повезло в первом же заведении. Оно называлось «Меч рыцаря» и находилось на большой площади, названия которой я не знала. Я попросила разрешения поговорить с поваром, и меня сразу же провели на кухню.

Тут витали такие запахи, что у меня заурчало в желудке. За целый день я съела только несколько кусочков хлеба.

— Чего надобно, мадемуазель? — спросил меня мужчина в белоснежном колпаке.

На этой кухне было чисто и красиво. И хотя здесь трудились сразу несколько человек, никакого шума не было. И я сразу поняла, что попала по адресу.

Я рассказала повару про соус, и он захотел его попробовать. И рецепт основы он, как ни странно, сразу угадал.

— Подсолнечное масло и яйца, сударыня, — сказал он, и я вынуждена была признать, что он прав. — Я тоже иногда смешиваю их, добавляя разные специи. Я назвал этот соус «взбитое масло».

У нас он назывался майонезом, но я не стала утруждать собеседника такими подробностями.

— Но что еще, кроме зелени, вы добавили в него? Это придает ему довольно необычный вкус.

— Я скажу вам это, сударь, если вы согласитесь купить у меня рецепт, — ответила я и покраснела.

Я бы не удивилась, если бы он велел выставить меня за дверь. Но нет, он только рассмеялся.

— Вы же наверняка продадите свой рецепт не только мне? Так какой же смысл мне за него платить?

— Но соус понравился вам, правда? И вы же не захотите, чтобы он был у ваших конкурентов и не был у вас? А вдобавок я дам вам попробовать еще один продукт.

— Милая барышня, я заплачу вам за этот соус, но исключительно потому, что мне жаль ваших стараний, — уголки его губ под седыми усами чуть дрогнули. — Но я не настолько богат, чтобы предложить вам слишком много. Скажем, пару серебряных монет?

Я задумалась. Этого было слишком мало. Я рассчитывала хотя бы на золотой. Но он был прав. Он не мог позволить себе потратить много денег на какой-то соус, без которого он прекрасно мог обойтись. Город Альенде был провинциальным и не очень богатым. Как небогатыми в большинстве своем были и его жители.

— Хорошо, — сказала я, — я скажу вам рецепт соуса, но не раньше, чем вы попробуете еще один продукт.

И я достала из туеска соленый огурец.

— Его следует есть с хлебом. А еще он очень хорош с мясными блюдами и отварным картофелем.

— Что это, мадемуазель? — он покрутил овощ на вилке. — Огурец?

— Именно так, сударь! И он очень вкусен.

Мне повезло, что он оказался лишен предрассудков. Он попробовал огурец сначала без хлеба, потом с хлебом и, наконец, с хлебом и холодной говядиной.

Мое сердце бешено стучало, пока я ждала его ответа. Но он не торопился. Подозвал своего помощника и велел ему попробовать тоже. Тот сделал это незамедлительно, должно быть, не привык сомневаться в словах шефа. Потом они отошли в сторону и о чём-то посоветовались.

— Давно ли вы проделываете такое с огурцами, мадемуазель? — спросил он, наконец.

— Да, сударь, — сказала я, не уточняя, что в этом мире это был мой первый опыт.

— Я всегда думал, что этот плод не может быть таким бесполезным, каким кажется, — вздохнул он. — Полагаю, мы сможем подавать его нашим посетителям. Я не уверен, что он сразу понравится всем, но я сам с удовольствием стану его есть, а потому куплю его у вас хотя бы для себя. Сколько таких огурцов вы привезли на ярмарку?

— Большую кадучку, сударь, — ответила я, боясь поверить, что нашла покупателя.

— Я заплачу вам больше, чем вы сумеете получить, стоя в торговых рядах, — предложил он, — но с одним условием. — Вы

отдадите мне товар полностью и без остатка. Чтобы в эту зиму соленые огурцы подавались только в моей таверне.

— Конечно, сударь! Как вам будет угодно!

— И если соленые огурцы понравятся нашим гостям, я стану покупать их у вас и в дальнейшем. Когда вы приедете на весеннюю ярмарку, загляните ко мне, и мы всё с вами обсудим. И кажется, я уже догадался, — рассмеялся он, — что вы добавили в этот соус. Мелко нарезанные соленые огурцы! Ведь так?

Я подтвердила его догадку. А потом посоветовала добавлять во «взбитое масло» немного горчицы.

За товаром на ярмарку на следующий день месье Корден (а именно так звали моего нового знакомого) приехал лично. Под изумленные взоры моих соседок его помощники забрали у меня кадку с огурцами. А потом вручил мне мешочек.

— Буду ждать вас в Альенде на будущий год, — сказал он.

Я заглянула в мешочек. Там лежали три золотых! Я едва не захлопала в ладоши. Я рассчитывала выручить на этой ярмарке хотя бы один золотой, а получила целых три!

— Кто бы мог подумать! — покачала головой словоохотливая соседка справа. — И что, неужели они на самом деле так вкусны? Может, мне в самом деле стоило их попробовать?

— Конечно, сударыня! — улыбнулась я. — Но теперь вы сможете это сделать разве что в таверне «Меч рыцаря». И отнюдь не бесплатно.

Глава 37

На сей раз я покупала в Альенде не только то, что могло принести пользу в хозяйстве, но и то, что могло порадовать моих близких на новогодних праздниках. Я уже знала, что в Арвитании не ставят ёлку в доме и не наряжают какие-то другие деревья. Но здесь тоже к празднику украшали дом и готовили праздничный ужин.

Поэтому я купила марципан, корицу, цукаты — всё это Табита наверняка сумеет использовать для приготовления праздничного пирога. А еще не пожалела денег на небольшую жестяную коробочку настоящих шоколадных конфет — мне хотелось побаловать домашних вкусным лакомством.

Подумала я и о подарках для своих родных. Матушке я купила красивую и теплую ткань на платье. Алену — новый сюртук. Одежда, в которой он приехал из родительского дома, уже была узка ему в плечах. А Стефе и Сэму — по пакету разноцветных леденцов.

Но про продукты на зиму я тоже не забыла. Я купила сахар, муку, несколько видов круп, растительное масло в большой темной стеклянной бутылки, специи, соль. Купила несколько тарелок (а потом всю дорогу боялась их разбить, когда телега подпрыгивала на ухабах), вилки, простенький канделябр, восковые свечи и красивую льняную скатерть.

А Алена под руководством месье Меридо я отправила купить хотя бы самые необходимые инструменты для нашего хозяйства — топор, пилу, лопаты. Сосед никогда не отказывал нам в них, но просить его об одолжениях всякий раз было не очень удобно. К тому же мастер часто уезжал из деревни, нанимаясь на работу в других деревушках, и хотя на время отъезда он не запирает дом, искать что-то там без хозяина было бы совсем неловко.

А еще я купила жестяную лейку и небольшие грабли. От матушки я уже знала, что холода в Арвитании длятся недолго, и как только наступает весна, все начинают заниматься садово-огородными работами. И мне уже не терпелось заняться выращиванием огурцов. Особенно теперь, когда я нашла на них оптового покупателя.

Конечно, не было никакой уверенности, что соленые огурцы понравятся посетителями таверны «Меч рыцаря», но ее шеф-повар (а как потом выяснилось и хозяин) месье Корден показался мне человеком сметливым. Такой своего не упустит, и если уж взял мой товар, то сумеет его продать. И возможно уже к следующей ярмарке в Альенде появится немало любителей такого пока еще необычного яства.

Всю обратную дорогу я смотрела на лежавшие в телеге покупки и тихо радовалась им. Правда, в этой радости была малая нотка грусти — на них я потратила почти все свои деньги. И хотя ни об одной потраченной монетке я не жалела, я не могла не думать о том, что если зимой нам потребуется купить что-то еще, то у нас просто не будет такой возможности.

Табита и дети встречали нас уже у калитки. Они с радостью носили в дом из телеги пакеты, мешки, коробки. А вот подарки я попросила месье Меридо подержать у себя до праздника. Я хотела сделать всем сюрприз.

День перед сменой года прошел в праздничных хлопотах. Табита с утра обосновалась на кухне, и весь дом наполнился запахами запекавшегося в духовке мяса и фруктовых пирогов.

Стол мы накрыли в гостиной, и он вышел просто шикарным. Матушка превзошла саму себя. Запеченная, с румяной корочкой свинина, пирог с соленой рыбой, отварной картофель с сушеной зеленью, паштет из утки, сладкие пироги, посыпанные сахарной пудрой. От одного только взгляда на эти яства у меня потекли слюнки.

А месье Меридо, которого мы пригласили на ужин, принес вяленую колбасу, сыр и сладкую домашнюю настойку.

Когда мы сели за стол, я вручила подарки. Не забыла я и про месье Меридо — ему я купила в Альенде кожаный ремень с блестящей пряжкой.

А матушка Табита вручила нам всем по мягким теплым перчаткам. И когда только она успела их связать?

Мягкий свет свечей в стоявшем посреди стола канделябре и огонь в камине делали обстановку в комнате очень уютной. А еда была такой вкусной, что от нее трудно было оторваться. Впервые за долгое время я чувствовала себя счастливой. И думаю, не только я.

Не была забыта и Дельфина, которая грелась перед камином — для нее были припасены вкусные косточки.

Но оказалось, что Табита приготовила нам еще один сюрприз. Вернее, не один, а целых два.

— Когда вы были в Альенде, почтовая карета доставила нам два письма, — сообщила она, и разговоры за столом мигом стихли. Даже дети перестали жевать свои леденцы.

Одно письмо было от Нормана из Лас-Вараса. Он сообщал, что, хотя академия еще не окончена, слушателей выпускного курса уже начали допускать к дежурствам в кавалерийском полку, и он уже получил первое жалование, которое и отправляет нам.

И матушка с гордостью показала нам золотую монету, которая была вложена в конверт.

У меня отлегло от сердца. У нас снова были деньги! Но порадовавшись этому обстоятельству, я с грустью подумала о том, что сейчас, когда мы все вместе сидим за таким сытным ужином, Норман, возможно, мерзнет где-нибудь в дозоре.

Достала матушка из кармана платья и другое письмо. И еще до того, как она что-то сказала, я догадалась, кто был его отправителем. Гертруда! И я не ошиблась.

Сестра писала, что дела у нее идут хорошо, что работа у нее не трудная — вести корреспонденцию своей нанимательницы да читать ей книги. И хотя жалованье у нее соответственно работе тоже небольшое, ей всё-таки удалось скопить немного денег, которые она и посылала нам.

И с не меньшей гордостью матушка положила на стол три серебряные монеты.

Слёзы уже застилали мои глаза, и чтобы никому их не показать, я выскочила на кухню, сославшись на то, что нужно было поставить чайник на печь. Ах, как мне бы хотелось знать, каковы на самом деле дела у Гертруды! Но уже одно то, что она не забыла про нас, что смогла поделиться с нами тем, чего наверняка не имела в достатке и сама, не могло меня не тронуть.

Когда я вернулась к столу с горячим чайником, Стефани сказала:

— А вот матушка Луизы ничего не прислала им из города, и Лу утром сказала, что дедушка с бабушкой сказали ей, что они сегодня не будут ужинать вовсе.

Пятилетняя Луиза была внучкой четы Дега — старой супружеской пары, что проживала неподалеку от нас. Отец девочки умер во время эпидемии оспы два года назад. А мать несколько месяцев назад подалась в Валье-де-Браво на заработки. Чтобы насобирать ей денег на дорогу, старики продали последнее, что у них было и теперь перебивались с хлеба на воду.

Мы с Табитой, когда Луиза приходила к нам, чтобы поиграть с Сэмми и Стефани, всегда старались дать ей с собой какой-нибудь еды. Мадам и месье Дега были уже слишком стары, чтобы обряжаться со скотиной, а потому они кормились только тем, что было выращено на их огороде. И потому все трое были худы и бледны.

Когда Стефани произнесла свои слова, я рассердилась на себя. И как я могла не подумать про них? Я должна была отнести им мяса и пирогов, чтобы они хотя бы в праздничную ночь почувствовали себя сытыми.

И при одной мысли о том, что они сейчас уже легли спать на голодный желудок, а маленькая девочка так и не поймет сегодня, что такое праздник, мне стало дурно. И еда, которая лежала в моей тарелке, уже не казалась вкусной.

Я поднялась из-за стола.

— Сиди, Лора! — остановил меня Аллен. — Я сам схожу до мадам и месье Дега. Вы разрешите мне привести их сюда?

— Конечно, дорогой! — Табита уже тоже чуть не плакала.

И всё то время, что он ходил, веселье за нашим столом так и не возобновилось.

Но вот, наконец, ступеньки на крыльце закрипели, и в дом вместе с морозным воздухом вошли гости.

Они чувствовали себя смущенными и сели за наш стол с большой робостью. А маленькую Лу Аллен и вовсе принес на руках. Оказалось, что девочка уже спала, когда он пришел в их дом.

— У них ужасно холодно, Лора, — шепнул мне Аллен на ухо. — У них совсем нет дров.

Это было ужасно. Я не знала, что с этим можно было сделать, но решила, что хотя бы на эту ночь мы оставим их спать у себя. А днем мы непременно что-нибудь придумаем. Пока же следовало их хотя бы накормить.

На тарелку каждому я положила по небольшому кусочку еще горячего мяса (если они голодали уже не один день, то им не следовало сразу есть много жирного) и намазанного паштетом хлеба. А когда я увидела, как тряслась протянутая за хлебом рука месье Дега, я отвернулась, чтобы не расплакаться снова. На лицах у обоих стариков были слёзы.

И только маленькая Луиза, окончательно проснувшись, просто радовалась тому, что ей дали сладкий пирог и леденец.

А в полночь мы дружно спели праздничную песню и вышли на улицу, чтобы полюбоваться звёздами.

Глава 38. Герцог Клермон

Новый год в стенах Эрдена оказался куда менее насыщенным событиями, чем в Валье-де-Браво. Тут не было ни балов-маскарадов, ни фейерверков, ни ярмарок. А весь праздничный ужин свелся к запеченной с яблоками утке и сладкому творожному пирогу. А моими сотрапезниками оказались начальник гарнизона замка граф Бланшар и да пара офицеров, служивших под его началом.

Впрочем, я не был любителем шумных компаний, а спокойной беседы за столом было мне вполне достаточно. И когда офицеры, торопясь поздравить с праздником своих близких, откланялись и удалились, я тоже не был огорчен. Более того, это давало мне возможность обсудить сложившуюся ситуацию с моим главным охранником, который когда-то был лучшим другом моего отца.

— Надеюсь, наши скромные провинциальные развлечения не слишком вас разочаровали? — поинтересовался его сиятельство, когда за столом мы остались одни. — Я слышал, ваша светлость, что вы, в отличие от вашего папеньки, предпочитаете провинции столицу.

— Боюсь, господин граф, — усмехнулся я в ответ, — что хочу я этого или не хочу, но мне придется изменить мои предпочтения. Даже если я буду оправдан и не попаду в тюрьму, полагаю, что его величество не будет в ближайшее время рад привечать меня в Валье-де-Браво.

— Разумеется, вас оправдают, Бернард, — заявил мой собеседник без тени сомнений. На правах друга моего отца он часто обращался ко мне просто по имени. — А что касается запрета на посещение столицы, то это может оказаться даже к лучшему. У вас чудесное поместье, где я сам бывал много раз, и если вы станете уделять ему больше времени, то это непременно принесет свои плоды. К тому же, я слышал, вы собираетесь жениться. И разве не надлежит малышам семьи Клермонов появляться на свет в родовом имении?

Он всегда относился ко мне как к родному сыну и сейчас искренне сожалел, что я попал в замок Эрден под его присмотр. Едва я приехал сюда, он заявил, что предпочел бы встретиться со мной в другом месте. Но он был рад, что его положение может сделать мое

пребывание здесь хотя бы чуточку более приятным. И я был ему за это благодарен.

Но когда он заговорил о моей возможной женитьбе, я покачал головой. Я успел достаточно хорошо узнать Жасмин, чтобы понять, что она не из тех, кто захочет довольствоваться ролью жены попавшего в опалу герцога. Она красива, молода, а ее отец может дать за ней хорошее приданое — так с чего бы ей обрекать себя таким браком на пребывание в глуши?

— Уверен, моя невеста захочет найти себе партию получше, — я заявил это безо всякого смущения.

Я вовсе не пытался делать вид, что мы с Жасмин безумно любим друг друга. К чему скрывать, что и ею, и мной двигал, прежде всего, расчет? И раз ее расчет не оправдался, то наверняка она захочет всё переиграть.

— Что ты такое говоришь, мой мальчик? — приняв бокал горячительного напитка, граф Бланшар вдруг вспомнил, что всегда прежде обращался ко мне на «ты». — Вы помолвлены, а значит, ей надлежит разделить с тобой твою судьбу, какой бы она ни была. И не вздумай играть в благородство и первым освободить свою невесту от данного ею слова! — строго предостерег он и стукнул кулаком по столу. — Сейчас это не в твоих интересах!

— Не в моих интересах? — удивился я. — О чем вы говорите, дорогой граф?

Он придвинулся ко мне ближе и понизил голос:

— Думал ли ты, мой мальчик, что будет, если подлинность письма твоего предка будет доказана Третьим судом?

Я посмотрел на него с удивлением. Конечно, я думал об этом, и не один раз.

— Неужели вы думаете, что провинция Деланж будет передана Терезии???

Он раздраженно взмахнул рукой.

— Разумеется, нет, мой мальчик! Неужели ты думаешь, что на основе какого-то старого письма будет приниматься столь важное решение? Тем более, что в письме, по твоим словам, четко написано, что король Максимилиан подписал свой указ, находясь под влиянием ментальной магии. Терезия ничего не получит!

— Но Третейский суд назначил экспертизу, которая должна установить подлинность письма, — напомнил я. — С чего бы им делать это, если они не воспринимают письмо всерьез?

— Они просто хотят подчеркнуть свою значимость! — важно заявил граф. — Уже никто и не помнит, когда возникала необходимость собирать Третейский суд в последний раз? А тут представился такой повод. Поверь мне, они еще потреплют нервы обеим сторонам. Но в итоге оставят всё как есть, и откажут Терезии. Не случайно же они отложили эту проверку на неопределенный срок, сославшись на праздничное время.

— Но тогда о чём, сударь, вы изволили говорить пять минут назад? — не понял я. — Когда сказали, что сейчас разрывать помолвку не в моих интересах.

Он откинулся на спинку стула, на котором сидел, и довольный моим интересом, ухмыльнулся:

— Прежде всего, мой мальчик, тебе следует думать о том, как отреагирует на подлинность письма не Третейский суд, а наш славный король. Ты не хуже меня знаешь, что иногда его величество принимает решение сгоряча, поддавшись эмоциям.

Уверен, что еще час назад командир гарнизона ни за что не произнес бы такие слова. И наверняка на следующий день он не захочет о них вспоминать. Но сейчас я весь обратился в слух.

— Так вот, Бернард, если подлинность письма будет подтверждена, то его величество будет вынужден примерно тебя наказать. Ведь в глазах общества именно ты будешь считаться тем человеком, который передал это письмо терезийцам. Нет-нет, не протестуй. Сам я прекрасно знаю, что это не ты! В твоей преданности Арвитании я никогда бы не усомнился, мой мальчик! Но двор будет думать по-другому. Если настоящий предатель не будет найден, то его величеству придется сделать что-то, что покажет, что даже родство с самим королем не позволит предателю избежать наказания!

Это звучало жестоко, но я понимал, что он прав. Если вор не будет найден, то все так и будут считать предателем именно меня.

— Да, — согласился я, — именно поэтому я и думаю, что его величество отправит меня в ссылку.

— Несомненно! — кивнул граф Бланшар. — Но этого будет мало. Согласись, что ссылку в собственное роскошное имение двор может

счесть недостаточно суровым наказанием для такого того, кого все будут считать предателем. А это значит, что его величество может принять куда более суровое решение. А по законам Арвитании за измену Родине предатель-дворянин лишается своего дворянского титула.

— Что вы такое говорите, ваше сиятельство? — я с грохотом отодвинул тарелку. — Не может же его величество лишить меня титула на основании ничем не подкрепленных подозрений?

— Это не только подозрения, мой мальчик, — возразил граф, — письмо на самом деле пропало и оказалось у наших врагов. Этого более чем достаточно, чтобы Клермоны перестали быть герцогами.

Я сидел ошарашенный, не в силах осознать полученную информацию. О таком развитии событий я даже не думал!

— Но разве я не смогу вернуть титул потом, когда докажу свою невиновность? — запальчиво воскликнул я спустя несколько минут.

— Вижу, ты расстроился, мой мальчик, — Бланшар попытался улыбнуться. — Но послушай меня — есть способ этого избежать. Всё тот же закон гласит, что если у заговорщика и предателя есть семья, то титула лишается только сам преступник. Он как бы досрочно передает этот титул тому, кто будет наследовать ему. Но насколько я знаю, у тебя нет ни младшего брата, ни сына. А значит, передавать титул просто некому. И его величество будет вынужден передать его за пределы семьи. И в таком случае, даже доказав свою невиновность, назад ты этот титул не получишь — ведь им на законных основаниях будет владеть кто-то другой.

— И чем бы в такой ситуации мне мог помочь брак с мадемуазель Эванс? — хмуро спросил я.

— Дело в том, — продолжил граф, — что в законе есть еще одна лазейка. Если на момент лишения тебя титула, ты будешь женат, то ты можешь заявить, что твоя супруга находится в положении, и тогда решение о передаче титула другому семейству будет принято не раньше, чем истекнут девять месяцев и твоя жена разрешится от бремени. Если на свет появится мальчик, то титул останется в семье, если девочка, то, увы, нет.

— Вот как? — задумался я. — Значит, в моих интересах заключить этот брак как можно скорей?

— Именно так, мой мальчик! — подтвердил граф Бланшар. — Женись как можно скорей, Бернард, и постарайся сделать так, чтобы твоя жена подарила тебе сына. Если хочешь, я могу похлопотать перед его величеством, чтобы твоей невесте разрешили приехать сюда, и мы проведем здесь славную церемонию! Думаю, король и сам будет рад такому решению!

Он снова потянулся к еде, я же предпочел выйти из-за стола и отправиться к себе в комнату, чтобы хорошенько обдумать всё то, что только что услышал.

Глава 39

На время холодов нам пришлось потесниться. У мадам и месье Дега не было дров, чтобы отапливать собственное жилище, и мы уговорили их остаться в нашем доме до весны. Стефа на это время переехала в мою комнату, освободив свою собственную для гостей.

Они считали, что сильно обременяют нас своим присутствием, и каждый день порывались вернуться домой. И только боязнь за здоровье маленькой внучки удерживала их от этого шага. И оба они ни в какую не соглашались просто отдохнуть.

Проспер Дега, хоть и был уже не очень силен, не привык сидеть сложа руки, и за то время, что провел у нас, помог Алену отремонтировать изгородь и сарай. А еще пообещал показать, где живут дикие пчелы. Сам он был уже слишком стар, чтобы ползать по деревьям, но свои знания бортника был готов передать Алену, и это было весьма кстати. Так мы могли добыть полезный для здоровья мёд и воск для изготовления свечей.

А Кандида Дега оказалась опытной огородницей, и долгими зимними вечерами, когда мы втроем сидели за чаем на кухне, она рассказала нам с Табитой немало интересного.

— Прежде мы так не голодали, — вздыхала она, и на глаза ее набегали слёзы, — но прошлое лето выдалось засушливым, и урожай оказался куда хуже, чем обычно. Ржи и картошки собрали вполовину меньше, и теперь у нас в амбаре осталось только то, что пойдет на посев и посадку.

В первые дни, что Дега провели у нас, я заметила, что старики ели совсем мало — буквально клевали по крошкам. И мне пришлось долго убеждать их, что они нас совсем не объедают, и что мы вполне можем позволить себе накормить их тем же, что едим сами. И только после того, как Проспер взялся за нашу изгородь, а Кандида стала помогать мне стирать белье, они перестали чувствовать себя нахлебниками.

А еще мадам Дега заявила, что поделится с нами семенами, что она заготовила прошлым летом.

— Есть и морковка, и свекла, и репа, и лук, и укроп. Нет только картошки да зерна.

И она помогла нам наметить место для грядок под овощи того или иного вида.

— Вот здесь лучше посадить корнеплоды. А здесь — всякую зелень.

Она говорила это со знанием дела, и я старалась запомнить ее советы и сделать именно так, как она говорит.

Зима в этой части Арвитании была не очень суровой. Снег выпал лишь однажды, и ребятишки очень радовались ему. Да и подмораживало всего несколько раз. Но без теплых платков, пальто и перчаток всё же было холодно.

С приближением весны я задумалась о своем основном овоще, которым собиралась торговать. Конечно, картошка, свекла и зелень нам тоже были очень нужны, но исключительно для собственного употребления. Вряд ли с первого раза я сумею получить тут такой урожай, чтобы нам хватило и самим, и на продажу. Да и такой товар был в каждом крестьянском доме, а потому стоил недорого. Иное дело — огурцы.

Я спросила мадам Дега и о них, но она, как прежде и матушка Табита, только презрительно хмыкнула — сорное растение, и не более того. А потому посвящать ее в свои намерения я тоже не стала.

На территории нашего двора мы выделили место под овощи, а еще начали приводить в порядок тот небольшой сад, что тут был. Убрали мусор, сделали скамейку, на которой в летний день будет хорошо посидеть в тени деревьев.

Из всего того, что выращивали на своих полях и огородах местные жители, мы не замахнулись только на зерновые. Конечно, в теории я знала, как растут рожь, овес и пшеница, но на практике никогда ими не занималась. В деревне, где жили мы с бабушкой, зерновые выращивало крупное хозяйство — у него были огромные поля, куда в конце лета я ходила, чтобы полюбоваться спелыми золотистыми колосьями и синими васильками.

Чтобы заниматься пшеницей и рожью, у нас пока не хватало ни знаний, ни умений, ни земли. Выращивать зерновые на огороде было невозможно, а тот надел, который когда-то использовался родителями Табиты, уже зарос кустами и сорной травой и требовал слишком больших сил для обработки. А потому я решила, что мы будем сдавать его под выпас скота. Не за деньги, конечно — их тут почти ни у кого не

было, — а за муку и молоко. У Булонов было много скота, и чтобы его прокормить, требовалось много травы и сена.

Выделила я на огороде место и под огурцы — самый светлый, хорошо прогреваемый солнцем участок. Но я прекрасно понимала, что куда лучше этот овощ рос бы в парнике или теплице. Его и посадить туда можно было на несколько недель раньше, чем в открытый грунт. И мысль о простаивающих без дела теплицах в поместье герцога не давала мне покоя.

И однажды, когда к нам в гости зашла мадам Шабри, я прямо спросила ее об этом.

— Старые теплицы? Конечно, они снова будут пустовать. Как и сам дом огородника. Когда его светлость приехал сюда с невестой, у нас появилась надежда, что скоро всё будет по-старому, и мы снова станем выращивать свои овощи и разведем сазанов в озере. Но, похоже, господин герцог не имеет намерения сюда возвращаться. Кажется, его невесте тут не сильно приглянулось. Да и сам он никогда не имел особой привязанности к родному гнезду. А всё почему? Потому что в свое время его матушка предпочла обосноваться в столице. Вот кабы был жив старый герцог, так всё было бы по-другому. Уж он-то любил, чтобы поместье само обеспечивало себя всем необходимым — и свежими овощами, и фруктами, и рыбой, и дичью, и молоком. Ну, да что об этом вспоминать?

Она сокрушенно вздохнула и подсластила свою грусть большим куском творожного пирога.

— А что, если я посажу что-нибудь в теплицу, мадам? — осторожно спросила я. Даже ей я не сказала про огурцы, не желая нарваться на насмешки.

— А почему бы и нет? — она пожала плечами. — В этой части поместья и не бывает никто. Садовник не справляется даже с газонами и клумбами возле дома. А Мэнсфилд нынче и вовсе потерял ко всему интерес — очень уж его подкосил отъезд его светлости. И до тех пор, пока хозяин не вернется, ничего не переменится. Так что ежели вы желаете использовать теплицы, так используйте их. Только сразу хочу уведомить — если вдруг господин герцог всё-таки приедет на лето в Клермон, то тут уж я не знаю, как дело обернется.

— Если его светлость вернется, я и сама предпочту держаться от поместья подальше, — сказала я. — Так что по этому поводу можете

не беспокоиться.

— Ну, тогда ладно. Мэнсфилда я предупрежу, а никому другому и дела до этого быть не должно.

Конечно, это был риск. Вполне могло оказаться так, что я потрачу кучу времени на обработку и удобрение земли в теплицах, посажу там огурцы, а герцог вдруг некстати вернется. Мне будет жаль своего потраченного впустую труда. Но зато если Клермон предпочтет и это лето (как и десяток предыдущих) провести в Валье-де-Браво, то мы можем снять неплохой урожай огурцов. Разве я могла от этого отказаться?

И я решила принять решение исходя из результата поездки на очередную ярмарку в Альенде. Если шеф-повар «Меча рыцаря» согласится и дальше покупать у меня соленые огурцы, то значит, я воспользуюсь теплицами герцога. Ну, а если нет, и мой товар окажется в Альенде никому не нужен, то удовольствуюсь пока огурцами с собственного огорода.

Но только на Альенде я останавливаться не хотела. У меня появилось желание съездить в столицу. Валье-де-Браво был богатым городом, и его рестораторы наверняка не откажутся заплатить мне за некоторые рецепты. Конечно, можно было попробовать продать там и соленые огурцы, но я боялась, что овчинка выделки не стоит. Транспортные расходы будут слишком велики — расстояние до столицы было отнюдь не маленькое. Поэтому пока я хотела превратить в деньги свою интеллектуальную собственность. Я знала кучу рецептов блюд, о которых тут и не слыхали, и это нужно было использовать.

На письме, что отправила на Гертруда, не было обратного адреса, но я надеялась, что позже будут еще письма, и что в столице мне всё-таки удастся отыскать сестру. Мне хотелось убедиться, что у нее всё в порядке.

Наступила весна, и до ярмарки в Альенде оставалось совсем немного времени. На сей раз я ждала ярмарку с особым волнением, хоть и не могла поехать туда сама. Месье Меридо, с которым мы обычно ездили в город, заранее уведомил нас, что, к сожалению, из Альенде он поедет на в Шарле, а в Маренго — маленький городок на другом конце герцогства, где он подрядился ремонтировать большие часы на Торговой площади. Да мне и не с чем было ехать на ярмарку. А

тратить деньги на дорогу и проживание в гостинице только ради того, чтобы узнать ответ владельца «Меча рыцаря», было слишком большой роскошью.

А потому я договорилась с месье Меридо, что он сам зайдет в эту таверну и поговорит с месье Корденом, а потом, уже по возвращении из Маренго, передаст мне слова шеф-повара.

Месье Меридо уехал, а я каждый раз, просыпаясь поутру, бросалась к тому окну, что выходило на дом соседа, надеясь увидеть повозку у его крыльца. Но один день сменял другой, а мастера по-прежнему не было.

И когда однажды Ален крикнул мне, что месье Меридо вернулся, я не нашла в себе силы дойти до его дома — мне показалось, что от волнения я не смогу сделать ни шагу. И я так и сидела на кухне, пока он не пришел к нам сам.

— Месье Корден, мадемуазель, сказал, что купит у вас столько бочонков огурцов, сколько вы изволите привезти.

Я взвизгнула, вскочила и, подбежав к старому мастеру, поцеловала его в морщинистую щеку.

Глава 40. Герцог Клермон

Подсказанная графом идея показалась мне весьма любопытной. Я не хотел лишиться титула, к которому мои предки шли так много веков и ради которого совершили так много подвигов. Конечно, рано или поздно я докажу свою невиновность, но если это случится уже после того, как титул будет передан кому-то другому, то это принесет мне разве что моральное удовлетворение.

И если для сохранения титула мне нужно было всего лишь вступить в брак, то я готов был это сделать. Правда, я сомневался, что в нынешних обстоятельствах это захочет сделать моя невеста.

Жасмин слишком любила всё дорогое и красивое, чтобы отказаться от торжественной церемонии в кафедральном соборе столицы и пышного свадебного пира, на который наверняка будут приглашена половина Валье-де-Браво. Она ни за что не променяет это на скромный обряд в часовне замка Эрден. И вот это уже было определенной проблемой.

А действовать следовало незамедлительно. Мне нужно было как можно скорее связаться с мадемуазель Эванс и выяснить, готова ли она стать женой опального герцога. Но сделать это было не так-то просто. Я не мог позволить себе торопить ее или требовать, чтобы она приехала сюда. Не хватало еще, чтобы она подумала, что я в отчаянии.

Может быть, стоило написать ей, что я освобождаю ее от ранее данного мне слова? И если она ухватится за это и расторгнет помолвку, то у меня, по крайней мере, будут развязаны руки. А если она заявит, что по-прежнему хочет выйти за меня замуж, ну что же, значит, я должен буду признать, что заблуждался на ее счет, и что на самом деле ею движет не только расчет, но и какие-то чувства.

И я попросил у графа Бланшара писчие принадлежности, дабы написать Жасмин письмо. Но даже с этим возникла проблема.

— Прости, дорогой мой мальчик, но даже ради тебя я не могу нарушить правила. Те, кто находятся в замке Эрден по особому распоряжению его величества, не имеют права обмениваться корреспонденцией с кем-либо, кроме его величества. Я понимаю, как тяжело тебе в разлуке со своей невестой, но вынужден отказать тебе в

твоей просьбе. Если хочешь, можешь передать мне устно то, что ты хотел ей написать, а я, когда отправлюсь в столицу с докладом, заеду в дом маркиза Эванса и передам его дочери твои слова.

Впрочем, он и сам понял, что такое предложение вряд имеет смысл, но пообещал передать от меня Жасмин хотя бы поклон.

Но даже этого делать ему не пришлось, потому что маркиз Эванс сам навестил нас в замке Эрден раньше, чем граф Бланшар отправился в Валье-де-Браво.

Когда мне сообщили о его прибытии, я сразу понял, чем был вызван этот визит. Если уж старый маркиз отправился в столь длительное путешествие, то это могло объясняться только одним — он хотел добиться расторжения помолвки своей дочери. И приехал, чтобы лично меня об этом попросить.

Наш разговор состоялся в маленькой библиотеке замка. Мы сидели друг против друга за большим столом, и маркиз Эванс старательно отводил от меня взгляд.

— Мне искренне жаль, ваша светлость, что вы оказались в такой неприятной ситуации. Поверьте, ни я, ни моя дочь ни на секунду не усомнились в вашей честности!

— Благодарю вас, господин маркиз, за то, что проделали такой путь, дабы сообщить мне об этом, — усмехнулся я.

Он заметно смутился:

— Разве не должны мы, будучи знакомы столь долго, поддерживать друг друга в трудные минуты? Но раз уж я здесь, то я хотел бы заодно обсудить с вами один весьма щекотливый вопрос...

Он замялся и надолго замолчал.

— Должно быть, вы приехали, чтобы поговорить о моей помолвке с Жасмин, — подсказал я.

— Да, да, признаться, именно так. Дело в том, ваша светлость, что в столице о вас ходят весьма нелестные слухи. И хотя мы, как я вам уже сказал, ни на секунду им не поверили, они всё-таки бросают тень и на репутацию моей дочери. Нас уже перестали приглашать на балы и приемы в некоторые дома, и наверняка это только начало. А ведь моя Жасмин ни в чём не виновата.

— И чего же вы хотите, ваше сиятельство? — спросил я напрямую, устав от его витиеватых фраз.

Он, наконец, посмотрел на меня, но почти сразу же снова отвёл взгляд:

— Я полагаю, что в нынешних обстоятельствах было бы весьма разумно расторгнуть помолвку. Разумеется, лишь на время, до тех пор, пока ситуация не прояснится.

Он говорил это и сам не верил своим словам.

— Ваша дочь уже не хочет стать герцогиней?

Маркиз достал из кармана белоснежный платок и промокнул им вспотевший лоб.

— При дворе поговаривают, что этого титула вы скоро можете лишиться и сами. Простите, ваша светлость, мне не хотелось говорить вам эти жестокие слова, но раз уж они произнесены, то думаю, вы понимаете сами, что моя дочь должна быть избавлена от того, чтобы ее имя произносили в связи с делом о государственной измене.

— Чтобы расторгнуть помолвку, сударь, — холодно откликнулся я, — вам вовсе не нужно было ехать в такую даль. Достаточно было написать мне письмо. Любая сторона может это сделать. Разве не так?

Он взволнованно заерзал в кресле.

— Разумеется, ваша светлость, но мне не хотелось бы, чтобы вы затаили на нас обиду. Разве благородные люди не должны решать вопрос так, чтобы как можно меньше ранить чувства друг друга?

Я прекрасно понимал, что это значило. Они хотели отступить, но не хотели сжигать за собой мосты. Должно быть на случай, если мое имя всё-таки будет очищено от обвинения в предательстве.

— То есть вы расторгаете помолвку сейчас, но готовы будете возобновить ее, если с меня будут сняты все обвинения? — уточнил я.

— Именно так, ваша светлость! — радуясь, что я понял его, подтвердил маркиз. — Как только ваше доброе имя будет восстановлено, мы незамедлительно вернемся к обсуждению этого вопроса!

Я кивнул и поднялся:

— Ну, что же, сударь, если дело только в том, что я должен освободить вас от некогда данного слова, то я освобождаю вас от него. Надеюсь, мадемуазель Эванс, вновь став свободной, прекрасно проведет в Валье-де-Браво остаток сезона.

Он не уловил издевки в моих словах и разразился в ответ цветистой речью со многими словами благодарности. А потом не

отказался и от обеда, который предложил ему граф Бланшар.

— Правильно ли я понял, мой мальчик, что его сиятельство приезжал, чтобы расторгнуть помолвку? — хмуро спросил меня граф, когда карета маркиза скрылась за поворотом дороги.

Я подтвердил, что его догадка правильна.

— И что же ты будешь делать теперь? Я надеялся, что этот брак поможет тебе сохранить титул.

— Я всё еще верю, что подлинное письмо Жерома Клермона до сих пор находится в моем поместье. И единственный способ доказать свою невиновность — это его найти.

— Но как ты сможешь это сделать, находясь здесь? — удивился он.

— А вот это, дорогой граф, я и хотел с вами обсудить!

Мое поместье находилось всего в двух десятках миль от замка Эрден. Мне нужны были только сутки — чтобы съездить туда и попытаться найти письмо. Я мог выехать ночью и вернуться тоже затемно, и если Бланшар согласится скрыть мое отсутствие от своих подчиненных, то никто и не узнает, что я куда-то отлучался.

Я не был уверен, что найду письмо, но стоило хотя бы попытаться.

Глава 41. Герцог Клермон

Мое предложение изрядно напугало Бланшара. И я прекрасно понимал, в какое неловкое положение я его поставил.

С одной стороны, он относился ко мне почти как к сыну и искренне хотел мне помочь. С другой стороны, он находился на службе, и эта служба кормила его. В скором времени он должен был выйти на пенсию, а любое происшествие во вверенном ему замке могло лишить его заслуженного пособия.

— Я не сомневаюсь, Бернард, что ты сделаешь всё, чтобы сдержать данное слово. Но может случиться всякое. Тебя может увидеть кто-то в пути или в твоём поместье, и тогда огласки не избежать. Если его величеству доложат, что герцог Клермон, который должен находиться в замке Эрден, вдруг оказался за его пределами, то это перечеркнет все годы моей службы. Меня обвинят в халатности или — что еще хуже — в государственной измене. Только, в отличие от тебя, мой мальчик, под арест меня отправят не в какой-нибудь замок, а в самую настоящую тюрьму. Да и тебе на пользу это не пойдет. Никто не поверит, что ты покинул Эрден всего на один день, намереваясь честно сюда вернуться. Сочтут, что это был побег, и это будет подтверждением твоей вины.

Я понимал, что он прав, но безучастно сидеть под арестом и не предпринимать ничего, чтобы доказать свою невиновность, было невыносимо.

Офицеры замка Эрден пытались развлечь меня как могли — мы играли в карты, устраивали фехтовальные поединки и турниры по стрельбе. Но это не могло отвлечь меня от невеселых мыслей.

— Ты должен надеяться на лучшее, мой мальчик! — подбадривал меня граф. — Третейский суд наверняка установит, что письмо твоего предка — фальшивка.

— Возможно, — соглашался я. — Но это вовсе не значит, что с меня будут сняты все обвинения. Подлинное письмо так и не найдено. А значит, оно может объявиться у наших соседей в любой момент. И до тех пор, пока я его не найду, его величество так и будет во мне сомневаться.

Миновали новогодние праздники, но Третьейский суд так и не состоялся. Проверку подлинности письма всё откладывали и откладывали. А я всё больше и больше мрачнел.

Наконец, когда наступило лето, и луга и леса вокруг замка Эрден стали цветочно-зелеными, граф Бланшар, пригласив меня на прогулку по окрестностям, сказал:

— В воскресенье в доме местного градоначальника состоится бал по случаю именин его супруги. Я тоже туда приглашен, но уже сказался больным. А вот все мои офицеры изъявили желание потанцевать. Развлечений тут мало, и я не могу им отказать.

Он выразительно посмотрел на меня, и я понял его намек. Такие балы обычно продолжаются всю ночь, а потом еще сутки участники отсыпаются от этого действия. А это значит, что в моем распоряжении будут почти полтора дня. Я надеялся, что этого времени хватит для поисков письма.

— Благодарю вас, ваше сиятельство!

Он похлопал меня по плечу:

— Будь осторожен, мой мальчик! В дороге надень шляпу так, чтобы ее поля скрывали твое лицо. И не заезжай на постоянные дворы и в таверны.

О, в этом не было никакой необходимости! До моего имения было всего несколько часов пути. Нужно было только хорошенько подкрепиться перед выездом из замка.

— Когда офицеры отправятся в город на бал, я поеду покататься верхом. Ты выйдешь из замка через потайной ход, мы встретимся у мельницы, и я отдам тебе лошадь. По возвращении ты оставишь ее там же, я договорюсь с мельником, чтобы он подержал ее у себя до утра.

Так мы и поступили. Офицеры отправились на бал, а простым солдатам не было никакого дела до того, что происходило внутри замка — никто из них уж точно не стал бы интересоваться, нахожусь я в своей комнате или нет.

Ночь была лунной, и я хорошо видел дорогу. Правда, на одной из развилок я всё-таки сбился с пути и проделал лишнее лье. Но быстро сориентировался и повернул в нужном направлении.

До поместья я добрался на рассвете. Дом еще спал, и мне потребовалось долго стучать в дверь, прежде чем сонный лакей отворил мне ее.

— Ваша светлость! — едва увидев меня, он мигом проснулся и побежал докладывать о моем прибытии Мэнсфилду.

Я же прошел в свою комнату, переоделся.

— Ваша светлость, если бы вы известили нас о своем прибытии, мы...

Но я не дал дворецкому договорить.

— Я здесь проездом. Побуду только до вечера и снова уеду. Так что давайте обойдемся без лишних церемоний. Но от завтрака я не откажусь.

— Я уже распорядилась о завтраке, ваша светлость, — на пороге рядом с Мэнсфилдом возникла мадам Шабри. — Только, боюсь, он покажется вам слишком скромным. Но об обеде и об ужине я похлопочу особо.

Я кивнул, благодаря ее за заботу. Можно было не сомневаться, что домашняя трапеза окажется лучше того, что подавалось на стол в замке Эрден.

Слуги не смотрели на меня как на привидение, и это уже было хорошо. Значит, досюда еще не дошли слухи о моем предательстве и заточении. Сейчас я предпочел бы обойтись без лишних разговоров.

Я с удовольствием съел поданные на завтрак вареные яйца, гусиный паштет и пару сдобных булочек («вчерашние, ваша светлость!») и приступил к поискам.

Времени у меня было немного, и я прекрасно понимал, что обыскать весь дом вдоль и поперек у меня не получится. Сначала я сосредоточил свои усилия на проверке магической защиты. Мне показалось, что она не была нарушена, и это давало надежду. Если бы вор каким-то образом обошел ее, я непременно бы это почувствовал. Но и в самом доме было слишком много потайных мест, в которых можно было спрятать тонкий лист бумаги.

Я начал с библиотеки. Изначально письмо находилось именно здесь, и тут было огромное количество книг, в которые можно было незаметно его засунуть.

Я вызвал и Мэнсфилда, и мадам Шабри, и всех немногочисленных слуг, что тут остались, и велел им пролистать каждую книгу. Сказал, что мы ищем старое письмо, и всё, что хоть как-то на него похоже, они должны были показывать мне.

За несколько часов мы нашли не меньше десятка писем. Большинство из них имели любовное содержание — библиотека служила прекрасным местом для передачи тайных посланий гостивших в поместье дам и господ. Но того письма, что мне было нужно, мы так и не нашли.

Я вынужден был расширить круг поисков — оружейный зал, галерея, комнаты для гостей. Я исключил из поисков только кабинет (вряд ли кто-то из гостей решился бы войти туда — это могло привлечь внимание других гостей или слуг), столовую и собственную спальню. Признаться, я не хотел проверять и апартаменты, в которых останавливалась Жасмин (не в ее интересах было мне делать меня государственным преступником, ведь из-за этого она сама лишилась возможности стать герцогиней Клермон), но всё-таки зашел в ее спальню.

Это была одна из самых красивых комнат поместья. Здесь всё было выдержано в бело-кремовых тонах. На этажерке возле кровати лежал томик стихов модного нынче столичного поэта Текеренса. Интересно, прочла ли она хоть несколько строчек? Я никогда не видел свою невесту с книгой в руках.

Мне было неловко устраивать обыск именно здесь, но доверить его кому-то из слуг я тем более не мог. Впрочем, мест, где можно было спрятать письмо, здесь было не так много. Картина на стене, которую я тщательно прощупал, кровать (перину я поднял и осмотрел), карнизы да потайной, абсолютно неприметный для посторонних ящичек в той самой этажерке, что стояла у кровати.

И вот там-то я его и нашел!

Но нет, это было не письмо. Когда я нажал на нужный деревянный лепесток в ножке этажерки, и ящичек открылся, я увидел там браслет. Красивый золотой браслет в виде змейки. Тот, который я несколько месяцев назад подарил Жасмин. Тот самый, который у нее якобы украли.

Глава 42. Герцог Клермон

Браслет не мог попасть в тайник случайно. И уж, конечно, положить его туда не мог никто, кроме Жасмин. Даже если бы кто-то другой, кроме нее, знал об этом месте, то он скорее достал бы что-то оттуда, а не положил драгоценность туда.

Я вспомнил день, когда мадемуазель Эванс обвинила в пропаже ту девицу из деревни. Мне хотелось бы надеяться, что в тот момент моя невеста и сама думала, что браслет был украден. Думать о том, что Жасмин могла намеренно солгать, было неприятно. Но даже если она нашла браслет уже после того, она как минимум предпочла об этом промолчать.

Как ни странно, но осознание того, что мадемуазель Эванс оказалась не слишком честна, меня совсем не поразило. Наверно, мне следовало просто порадоваться, что эта девушка так и не стала моей женой.

Впрочем, мысли об этом быстро отошли на второй план. Я снова занялся поисками письма. Я осмотрел еще несколько гостевых комнат, но ничего полезного не нашел. Дом был слишком большим, чтобы можно было тщательно осмотреть его за один день. Конечно, я велю Мэнсфилду продолжить поиски после моего отъезда, но не сильно надеялся на то, что дворецкому удастся сделать то, чего не смог сделать я сам.

Кем бы ни был преступник, сомневаться в его уме и хитрости не приходилось. В особняке было много лестниц, подвалов, потайных ходов, и хотя прятать что-то в любом из этих мест для гостя было довольно опасно (его мог увидеть кто-то из слуг и доложить мне об этом), исключить такой вариант я всё-таки не мог.

Время приближалось к полудню, но когда мадам Шабри спросила меня, не хочу ли я отобедать, я отрицательно покачал головой. Я не мог позволить себе тратить этот день на сидение за столом.

Проверил я и фехтовальный зал, и художественную мастерскую. Первый почти не имел потайных мест, а вот в мастерской спрятать письмо можно было где угодно. И мне пришлось провести тут немало

времени, прощупывая расставленные на мольбертах и возле стен полотна.

Так и не дописанный портрет Жасмин вызвал у меня только усмешку. Пожалуй, стоит отправить его оригиналу — мадемуазель Эванс вышла на нём совсем недурно. У маркиза Абеяра определенно был недюжинный талант.

Портрет белокурой девицы из деревни только подтверждал эту мысль. Она была изображена среди деревьев и цветов, и эта картина вышла у его сиятельства куда более яркой и необычной, чем та, на которую я смотрел минуту назад. Возможно, всё дело было в объекте рисования. Жасмин старалась придать своему лицу какое-то особое выражение, чтобы получиться на холсте особенно хорошо. А эта барышня просто была самой собой. Равно как и ее младшая сестра или племянница, или кем там ей доводилась эта шустрая девочка.

Возможно, следует отдать этот портрет им? В качестве компенсации за несправедливое обвинение, которое наверняка стоило им не одного дня слёз. Мне стоило как минимум извиниться перед ней, и если бы я приехал сюда не на день, а на более продолжительный срок, то я непременно так бы и поступил. Но сейчас я не мог позволить себе терять время на поход в деревню. Я попрошу заняться этим Мэнсфилда. Он передаст ей извинения от моего имени и наверняка обставит всё наилучшим образом. Наверно, стоит присовокупить к портрету и несколько золотых монет. Кажется, семья этой девушки весьма нуждалась.

Тут я вдруг вспомнил о нашей первой встрече. Той, которая состоялась в Альенде. Если ее семья была небогата, то с какой стати ей понадобилось останавливаться в дорогой гостинице? Возможно, она была обыкновенной вертихвосткой, не знающей цену деньгам? Или, напротив, выбрала эту гостиницу специально, чтобы познакомиться там с состоятельным мужчиной?

Кажется, Жасмин говорила, что отец этой девушки был дворянином, и ее семья оказалась в деревне после его кончины. Должно быть, им оказалось непросто привыкнуть к новым условиям. В такой ситуации замужество оказывалось для нее самым логичным выходом из непростого положения.

— Ваша светлость, я проверил чердак! — на пороге мастерской стоял Мэнсфилд.

О результатах поиска его можно было не спрашивать — лицо его было печальным.

— Так быстро? — удивился я. Чердак был большим.

— Простите, ваша светлость, но там много пыли, — дворецкий заметно покраснел. — Мадам Шабри и единственная оставшаяся горничная не успевают наводить там порядок. И если бы кто-то ходил по чердаку, там остались бы следы.

— Да, вы правы, — признал я. — Боюсь, сегодня мы уже не сможем найти письмо. Вам придется продолжить поиски в одиночку.

— Вы уезжаете, ваша светлость? — расстроился он.

Знал бы он, что я ехал не в столицу, а под арест. Но об этом я предпочел умолчать.

Цель не была достигнута, и возвращаться в Эрден я вынужден был с пустыми руками. А это означало, что если меня признают предателем, то я лишусь и своего титула, и своего поместья. И я не видел способа этого избежать.

— Скажите, Меэнсфилд, та девушка, что изображена на этой картине, — я указал рукой на мольберт, — всё еще находится в деревне?

— Да, ваша светлость, — подтвердил он, немного удивленный моим вопросом. — Семья мадемуазель Ревияль вернулась в старый дом, который принадлежит ее матери. Смею вас заверить, ваша светлость, это весьма почтенное семейство, и их уважают в деревне. Когда они приехали сюда, их дом был почти полностью razoren, и я был уверен, что они вынуждены будут сбежать отсюда, когда наступят холода. Но нет, они сумели тут обустроиться и ведут хозяйство весьма разумно. И Лорейн Ревияль заботится не только о матушке, но и о своих племянниках. А тот случай, что произошел с браслетом мадемуазель Эванс... полагаю, что это не более, чем недоразумение.

Это я знал теперь уже и сам.

— Значит, вы говорите, что эта мадемуазель добра и рассудительна? — уточнил я. — А ее отец, кажется, был шевалье?

— Именно так, ваша светлость! — сказал Мэнсфилд. — Когда мадам Ревияль вышла замуж за дворянина, в деревне считали, что ей очень повезло. Но видите, как оно всё оказалось.

— А где именно в деревне находится их дом? Я хотел бы отдать мадемуазель Ревияль этот портрет.

Если дворецкому и показалось странным, что я решил лично озаботиться доставкой картины, то он ничем не выдал своего изумления.

— Их дом — самый ближний к поместью. Но, полагаю, что саму девушку вы найдете совсем неподалеку отсюда — она выращивает огурцы в наших теплицах.

— Что делает? — я не поверил своим ушам. — Огурцы? В здешних теплицах?

Мэнсфил побледнел.

— Простите, я понимаю, что это недопустимо, но...

Я рассмеялся. Нет, решительно эта девица всякий раз находит, чем меня удивить. И мысль, сначала показавшаяся мне абсурдной, всё больше и больше нравилась мне.

Да, общество решит, что я сошел с ума. Но какое мне до этого было дело? На кону стояло слишком многое, чтобы я мог позволить себе сомневаться.

Я вышел на улицу и зашагал в сторону теплиц. Конечно, это будет мезальянс, но если это будет временный брак, то почему бы и нет? Я должен был сохранить герцогский титул — любой ценой.

Глава 43

Огурцы я посадила в теплицу еще ранней весной. Как-то быстро вдруг стало тепло, и всё вокруг зазеленело. А в теплице земля отогрелась еще быстрее, чем у нас на огороде. Ален хорошенько перекопал ее, а я удобрила ее конским навозом.

Я сильно волновалась по поводу семян — прорастут ли? Я положила их в мокрый мох, поставила поближе к печке. Они проклюнулись дружно, а когда я посадила их в землю, дали такие же дружные и быстрые всходы.

Когда на растениях появилось по три-четыре листочка, я протянула под крышей теплицы веревки, а уже от этих веревок спустила к огурцам более тонкие веревочки, чтобы мои подопечные могли цепляться за них своими усам и тянуться вверх. Потом оставалось только обильно поливать их да прищипывать боковые плети.

Хорошо, что возле дома огородника был колодец. Ален утром начерпывал воду в широкую деревянную бочку, она нагревалась до вечера на солнце, и когда жара спадала, я отправлялась на полив.

Иногда в теплицы приходили матушка Табита, Кандида Дега и мадам Шабри. К моей затее они всё еще относились скептически, хотя зимой с удовольствием ели соленые огурцы. Но им казалось странным, что кто-то в здравом уме мог захотеть выращивать то, что столько веков никому не было нужным. И только мой рассказ о том, что владелец таверны в Альенде готов был купить у нас весь выращенный товар, удерживал их от скептических замечаний.

Мы уже не экономили каждую медную монету, и могли позволить себе хорошо питаться, но нам всё еще отчаянно нужны были деньги и на ремонт дома, и на новую одежду (дети уже выросли из тех вещей, что мы привезли из отеческого поместья, да и большинство наших с матушкой платьев потеряли свой прежний вид). А еще у Алена была мечта обзавестись лошадью и повозкой, и я надеялась, что когда месье Корден купит у нас несколько бочек соленых огурцов, мы сможем себе это позволить. В собственном экипаже (пусть даже и самом простом)

мы могли отправиться в столицу и заключить договоры и с тамошними тавернами и постоялыми дворами.

Если бы у нас был большой рынок сбыта, мы могли засадить огурцами весь наш огород. А другие овощи мы стали бы закупать у наших соседей — это было бы куда выгодней. Потому что огурцы, посаженные в открытый грунт, тоже прекрасно росли, хоть и отставали от тех, что сидели в теплице.

А если торговля в Валье-де-Браво окажется успешной, то можно будет нанять и нескольких работников — одной с большим огородом мне будет трудновато. Семейство Дега уже съехало от нас, но Кандида часто приходила к нам, чтобы дать мне советы по выращиванию корнеплодов.

К началу лета я собрала первый урожай огурцов, и на нашем столе появились свежие овощи. Плодов было много, и я быстро заполнила две небольшие бочки, что у нас были. А месье Меридо получил заказ на новую тару. Я надеялась, что к летней ярмарке в Альенде у нас уже будет что отвезти месье Кордену.

Поначалу я беспокоилась о том, не приедет ли в поместье герцог Клермон. Но время шло, а его светлость не появлялся, и я перестала волноваться. Но оказалось, что зря.

Я собирала огурцы в большую корзину, когда в теплицу прибежала запыхавшаяся мадам Шабри.

— Лорейн! Лорейн! — закричала она еще издалека.

Я вышла из теплицы, удивленная тем, что обычно степенная и важная Дебора вела себя так странно.

— Что-то случилось, мадам?

Светило солнце, на деревьях щебетали птицы, а над яркими цветами на лугу порхали бабочки, стрекозы и пчелы. В такой чудесный день не хотелось думать ни о чём дурном.

— Его светлость приехал в поместье! — отдышавшись, сообщила экономка. — Он приехал рано утром без предупреждения. Ох, мне так стыдно, но мне даже нечем было его накормить. Ведь вы же знаете, моя дорогая, что мы с Мэнсфилдом теперь держим весьма скромный стол.

У меня закружилась голова, и мне стало трудно дышать. Герцог не мог выбрать худшего времени для возвращения домой! Если бы он вернулся весной, я не стала бы вкладывать столько труда в эти

посаженные в теплице огурцы. А еще би он приехал ближе к осени, то основная часть плодов была бы уже снята.

Но сейчас! Сейчас, когда на каждом растении было так много огурчиков разных размеров и не меньше желтых цветов!

— Он вернулся один или с супругой? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Один, милочка, один, — мадам Шабри отчего-то понизила голос. — Я хотела поздравить его светлость с браком, но он только отмахнулся. А ведь к этому времени он уже должен был обзавестись супругой. И судя по его дурному настроению, что-то у них с мадемуазель Эванс не сложилось. Но вы же понимаете, я не могу позволить себе расспрашивать его об этом.

Ну вот, он еще и в дурном настроении! Этого мне только и не хватало.

— Надолго ли он прибыл сюда?

— Не знаю, дорогая, не знаю, — торопливо ответила она. — Он сказал, что приехал по делу и уедет сразу же, как только его решит. Насколько я поняла, он ищет какой-то документ, а поскольку эти поиски пока не венчались успехом, кто знает, сколько времени это займет. А до тех пор, дорогая Лорейн, полагаю, вам лучше как можно реже приходить в теплицы. Обещаю, что как только его светлость уедет, я сразу же вам об этом сообщу.

Она вдруг охнула, пригнулась и попятилась. Во взгляде ее, обращенном к особняку, появился ужас. И когда я сама посмотрела в ту же сторону, мне снова стало не по себе — по дорожке меж ровно подстриженных кустов к домику огородника направлялся герцог Клермон.

С неожиданной шустростью мадам Шабри юркнула в кусты, и уже через несколько мгновений я увидела ее убегающей к дому по другой дорожке.

А вот мне скрываться было уже поздно, потому что герцог уже явно заметил меня, и любое отступление выглядело бы как позорное бегство. А потому я, внутренне приготовившись снова услышать что-нибудь оскорбительное, замерла на месте, твердо решив не впутывать в это дело ни экономку, ни дворецкого. Могли же они не знать, чем я занималась тут, в дальней части парка.

— Добрый день, ваша светлость! — сказала я, изо всех сил стараясь улыбнуться.

— Добрый день, мадемуазель Ревиаль! — он снизошел до легкого наклона головы.

Вот как! Он даже запомнил мое имя! И, кажется, мое присутствие здесь его совсем не удивило.

Учитывая слова мадам Шабри, я бы совсем не удивилась, если бы в пропаже документа, который пытался найти его светлость, он тоже обвинил меня. Но даже если он пришел сюда именно за этим, бросаться таким обвинением он явно не спешил.

Он долго смотрел на меня, напряженно думая о чём-то. Я тоже молчала. Мне нечего было ему сказать. Не о погоде же было с ним разговаривать?

— Хотел бы принести вам извинения за слова мадемуазель Эванс по поводу пропажи ее браслета. Браслет нашелся, и нет никаких сомнений, что вы не имели отношения к этому происшествию.

Я хмыкнула. Должно быть, он считал, что этого достаточно — просто сказать, что обвинение было ложным. А может быть, он даже ждал от меня каких-то слов благодарности за то, что очистил мое имя от такого навета? Но если так, то совершенно напрасно.

— Верно ли говорят, мадемуазель, что ваш отец носил титул шевалье? — вдруг спросил он.

Я посмотрела на него с изумлением. Такого вопроса я никак не ожидала. И мне было не понятно, с какой именно целью он его задал. И всё-таки я ответила:

— Да, ваша светлость, это так.

Еще одна пауза, после которой он подошел ко мне еще ближе.

— В таком случае, мадемуазель, я предлагаю вам выйти за меня замуж!

Глава 44

Мне показалось, что я ослышалась. Не мог же он в самом деле произнести эти слова!

— Вы шутите, ваша светлость? — я постаралась вложить в свой голос как можно больше негодования. — Если это шутка, то очень дурного толка. И ваш высокий титул отнюдь не дает вам права...

— Это не шутка, мадемуазель, — он не дал мне договорить. — Мое предложение абсолютно серьезно. Я предлагаю вам стать моей женой.

По его лицу я не смогла прочесть никаких эмоций. Он говорил всё это совершенно безучастным тоном — таким, должно быть, он просит по утрам дворецкого или экономку принести ему чашку чаю.

— Вы предлагаете мне стать герцогиней Клермон? — ни на секунду не поверив в это, уточнила я.

— Именно так! — подтвердил он.

Десятки самых разных мыслей пронеслись у меня в голове.

Может быть, он влюбился в меня с первого взгляда еще там, в гостинице в Альенде, и именно поэтому его свадьба с мадемуазель Эванс так и не состоялась? Но этот вариант показался мне слишком фантастическим.

А может, он поссорился с невестой и решил таким образом ей отомстить? Но даже в этом случае он вряд ли обратил бы свой взор на девушку с таким сомнительным происхождением, как мое. На роль своей невесты в Валье-де-Браво он легко нашел бы множество куда более знатных претенденток.

Куда более вероятным я сочла его внезапное сумасшествие. Невеста расторгла помолвку, его рассудок не вынес этого, и он вернулся домой, дабы не шокировать своим безумием столичное общество. Но в таком случае мне следовало держаться от него как можно дальше. Усыпить его бдительность и бежать от него прочь.

И я сделала маленький шагок назад.

Наверно, в моем взгляде он увидел страх, потому что усмехнулся и тоже чуть отступил.

— Я понимаю, мадемуазель, что мое предложение должно было показаться вам странным. Но поверьте — у меня есть основания поступить именно так.

— Основания? — переспросила я. — Позвольте узнать, какие.

Он покачал головой:

— Это не столь важно, мадемуазель. Разве вам недостаточно того, что вы получите титул и из своего деревенского дома переедете в мой особняк?

Я ничего не понимала. Он говорил совершенно спокойно, и в его глазах я не видела никакого лихорадочного блеска, который мог бы свидетельствовать о его невменяемости. И мадам Шабри наверняка сказала бы мне, если бы что-то в его поведении ее насторожило.

— Мне хотелось бы знать, сударь, на что я соглашаюсь, принимая ваше предложение, — я решила проявить настойчивость.

А может быть, он был садистом, который любил мучить своих женщин, и это стало известно обществу, и теперь ни одна девица из приличного семейства не согласится стать его женой? Эта версия была ничуть не лучше версии с сумасшествием. И уж точно никакой титул не стоил того, чтобы связывать себя узами брака с таким мужчиной.

— Хорошо, — он кивнул, — я вам всё объясню. Дело в том, что меня обвинили в преступлении, которого я не совершал. И обвинение может привести к тому, что меня лишат титула. Разумеется, я всеми силами буду пытаться доказать свою невиновность, но на это требуется время. Пока я одинок, лишить меня титула его величество может одним росчерком пера. Но сделать это будет труднее, если я обзаведусь супругой. Простите, мне не хотелось бы вдаваться в подробности. Полагаю, того, что я сказал, уже довольно, чтобы вы поняли серьезность моих намерений. Я нуждаюсь в вашей помощи, мадемуазель Ревиль, и буду признателен, если вы не откажете мне в ней. И я обещаю, что вам не придется об этом сожалеть.

Значит, он вынужден был жениться, независимо от своего желания. А поскольку его обвинили в совершении какого-то преступления, мадемуазель Эванс наверняка расторгла помолвку. Теперь, по крайней мере, мне стал понятен его мотив.

— Допустим, мы с вами поженимся, сударь, — сказала я, — и вам удастся сохранить свой титул. Но что будет после того, как вы сумеете доказать свою невиновность? Такой брак для вас — мезальянс, и вы

наверняка предпочтете расторгнуть его, дабы составить более достойную партию.

Мне показалось, что он чуть смутился. Значит, я оказалась права.

— Да, я предпочел бы, чтобы этот союз был временный, — он не стал этого отрицать. — Как только надобность в нём отпадет, мы расторгнем его. Вы получите щедрое вознаграждение, которое избавит вас от необходимости заниматься вот этим, — тут он указал рукой на теплицу за моей спиной. — Вы подпишите соглашение, что будете согласны расторгнуть брак, как только я об этом попрошу. В обмен на это я выплачу вам, скажем, пять тысяч золотых.

Пять тысяч золотых! Такую сумму я не могла себе даже представить! На эту сумму мы с матушкой и племянниками могли поселиться в любом городе Арвитании. Купить дом, обзавестись хозяйством.

Ну что же, такой поворот дела ничуть меня не расстроил. Напротив, если его светлость всего лишь хотел заключить определенную сделку, то я готова была это обсудить. Деловой союз с герцогом Клермоном устраивал меня куда больше, чем брачный. Я понимала, что рано или поздно матушка заговорит о том, что я должна выйти замуж, а фиктивный брак позволял мне избежать нежеланного настоящего брака.

— Надеюсь, это соглашение предполагает, что наш брак будет чисто формальным? — мои щеки запылали при этих словах, и кажется, это не ускользнуло от внимания его светлости.

— Как вам будет угодно, мадемуазель, — улыбнулся он.

— Хорошо, — важно сказала я, — я подумаю над вашим предложением, сударь!

Мне казалось, это будет правильным. Согласиться слишком быстро значило обесценить свой ответ.

— Боюсь, мадемуазель, что вам придется решить всё прямо сейчас. Уже сегодня вечером я должен буду вернуться в замок Эрден, в котором я нахожусь под арестом. Я прибыл сюда тайно и тайно же надеюсь вернуться туда. И если вы примете мое предложение, то вам тоже нужно будет приехать в Эрден, и лучше сделать это как можно скорее. Скажем, завтра?

— В Эрден? — это название мне ничего не говорило.

— Это в нескольких часах пути отсюда. Мэнсфилд доставит вас туда в моей карете. Я ни за что не стал бы доставлять вам лишние хлопоты, но обвенчаться здесь, в имении, мы не можем — ведь это будет означать, что я сбежал из-под ареста. Но я компенсирую вам эти неудобства.

— Я приеду к вам в Эрден только для того, чтобы поучаствовать в церемонии? — на всякий случай уточнила я. — А потом я могу вернуться сюда, а вы останетесь там?

Он подтвердил:

— Разумеется, мадемуазель! И когда вы вернетесь сюда, вы и ваша семья переедете в мой дом. Ничто не должно указывать на то, что это — не настоящий брак. И если вас это не затруднит, я попрошу вас еще об одной услуге. Мне нужно будет, чтобы вы нашли в особняке одно весьма важное для меня письмо. Это позволит мне опровергнуть выдвинутые против меня обвинения, а вам — стать богатой и свободной дамой.

Я подумала пару минут. Отказаться от такого предложения было бы безумием уже с моей стороны. Ради пяти тысяч золотых монет можно было сыграть роль герцогини — даже если при этом мне в мужья доставался такой напыщенный индюк, как Клермон.

— Я согласна, сударь! — сказала я и посмотрела прямо ему в глаза.

Глава 45

— Выходишь замуж за герцога Клермона? — матушка смотрела на меня как на сумасшедшую. — Но это невозможно!

И я вполне могла ее понять. Дочь вернулась из теплицы, где занималась выращиванием огурцов, и сообщила, что получила предложение руки и сердца от хозяина поместья. Что еще она могла подумать?

— Почему же? — возразила я. — Его светлость сказал, что влюбился в меня с первого взгляда и твердо решил на мне жениться. Я не могла ему отказать.

Версия про его влюбленность показалась мне наиболее убедительной. О настоящей причине нашего брака я не могла ей рассказать, поскольку была связана обещанием, данным своему неожиданному жениху. Да матушка и не поняла бы, скажи я ей правду. Такой брак показался бы ей унижительным, и она наверняка постаралась бы отговорить меня от него.

— Но у его светлости была другая невеста, — напомнила мне Табита. — И я полагала, что он уже обзавелся женой.

— Когда он познакомился со мной, он понял, что его помолвка была ошибкой, — врала я без зазрения совести, — и расторг ее. Так что теперь он человек свободный и волен жениться на ком угодно.

Я достала из сундука свое самое нарядное платье. Я еще ни разу не надевала его с тех пор, как мы приехали в Шатель — в деревне оно смотрелось бы вызывающе-роскошным, хотя на самом деле было всего лишь элегантным. Но сейчас, собираясь в особняк Клермона на подписание договора, я не хотела выглядеть оборванкой. И пусть этот брак был не настоящим, я не хотела давать его светлости лишний повод для насмешек.

— Но не на тебе же, Лора! — воскликнула матушка. — Такой брак сделает его в обществе изгоем, и он не может этого не понимать. Разница в вашем положении слишком велика, чтобы он мог ею пренебречь! Такого не бывает, понимаешь?

— Ну почему же не бывает? — улыбнулась я. — А разве у вас с папенькой было не так?

При этом напоминании Табита смутилась и покраснела. Кому, как не ей, было знать, на какие смелые (или неразумные) поступки может толкнуть мужчину настоящая любовь?

— Твой отец был всего лишь мелкопоместным дворянином, — всё-таки продолжила упорствовать она. — А герцог Клермон — один из первых вельмож страны. Его супруга будет представлена самому королю!

— Вы полагаете, что я для этого не гожусь? — рассмеялась я, укладывая волосы и закалывая их шпильками.

Я прекрасно знала, что к тому времени, как герцогу Клермону будет вновь позволено бывать в королевском дворце, наш брак уже будет расторгнут. Его светлость докажет свою невиновность, а я получу целых пять тысяч золотых монет.

Тогда и матушка уже будет в курсе всей подоплеки наших с герцогом отношений. Но я надеялась, что она не осудит меня. Вель я же старалась не только ради себя, но и ради нее, и детей, и Гертруды.

Мое воображение уже нарисовало мне красивый дом в каком-нибудь милом городке — пусть даже и в том же Альенде. В нем можно не только разместиться самим, но и устроить что-то вроде маленького уютного кафе, в котором будут подаваться экзотические для здешних мест блюда вроде рыбы (пусть даже и не селедки) под шубой и салата «оливье».

А овощи для нашего кафе мы закупали бы здесь, в Шатель, и та же мадам Дега наверняка не откажется выращивать для нас огурцы, если мы станем хорошо за них платить.

Хотя я ничего не имела и против красивого и добротного дома в деревне, но прекрасно понимала, что после расторжения нашего брака с герцогом будет невозможно оставаться на его землях. Уверена, он не забудет прописать что-то подобное в договоре, дабы мое пребывание здесь не служило ему напоминанием о не самых лучших временах в его жизни.

Я пришла в особняк Клермона к точно назначенному времени. Его светлость уже ожидал меня в своем кабинете. На столе лежал написанный на обеих сторонах листа договор, который я стала изучать с большим вниманием. Не думал же герцог, в самом деле, что я подпишу его, не читая?

У Клермона был красивый почерк. Я не сомневалась, что он написал это сам. Никого другого он не решился бы посвятить в эту тайну.

Договор обязывал меня молчать о подлинной причине нашего брака, а также расторгнуть его по первому требованию моего будущего супруга. В обмен на это на время брака я получала все привилегии, что полагались герцогине Клермон — проживание в особняке, дорогие наряды и право носить фамильные драгоценности, а после его расторжения — ранее оговоренную сумму денег.

— Те платья, что будут вам сшиты, пока вы будете моей женой, вы сможете оставить себе, — важно сообщил мне его светлость, явно гордясь своей щедростью.

— Благодарю вас, сударь, вы очень добры, — усмехнулась я. — Только вы забыли добавить в договор пункт о том, что наш брак будет фиктивным и нам не придется исполнять супружеские обязанности. Без этого договор я не подпишу. И мне хотелось бы получить свой экземпляр договора.

— Как вам будет угодно, мадемуазель, — он оказался на удивление покладист. — Но если этот документ попадет от вас в чужие руки, то вы лишитесь всего того, что он должен вам дать. Это я тоже отмечу особо.

Оказалось, что он уже заготовил два экземпляра документа и теперь быстро внес в них те пункты, на которых настояли я и он сам — благо внизу страницы еще оставалось довольно пустого места.

Потом он пододвинул ко мне чернильницу и остро отточенное перо. Хорошо, что я уже научилась пользоваться этим инструментом, а не то испортила бы столь важный документ какой-нибудь кляксой.

Когда я поставила свою подпись, его светлость удовлетворенно кивнул.

— Я отправляюсь в Эрден прямо сейчас верхом. Вы же, надеюсь, прибудете туда в карете завтра в первой половине дня. Я договорюсь обо всём с начальником гарнизона замка графом Бланшаром, он пригласит священника, и нас обвенчают в замковой церкви. После церемонии вы сможете сразу же вернуться в поместье. Я уже дал Мэнсфилду соответствующие распоряжения, и вас разместят в особняке с подобающим вашему новому статусу комфортом. Надеюсь, что это путешествие не сильно вас затруднит.

Я кивнула. Ради пяти тысяч золотых можно было согласиться на некоторые неудобства. Тем более, что стояла прекрасная погода, и дороги были в хорошем состоянии.

Когда чернила высохли, герцог протянул мне один экземпляр договора. Я сложила его в несколько раз и убрала в карман. Так же поступил и Клермон со своим экземпляром.

В дверь кабинета постучали, и через секунду появившийся на пороге дворецкий сообщил, что лошадь его светлости оседлана. Герцог поднялся из-за стола и, поклонившись мне, вышел из комнаты. А через несколько минут я услышала цоканье копыт на вымощенной булыжником подъездной аллее.

— Карета тоже готова, мадемуазель! — голос Мэнсфилда прозвучал так холодно, что я вздрогнула.

Дворецкий смотрел на меня безо всякой приязни. Он и прежде не отличался особым дружелюбием, предпочитая держать дистанцию, что подчеркивала его высокое положение в поместье. Но сейчас в его взгляде было не просто равнодушие, а явное осуждение.

— Вы не одобряете этого брака, сударь? — спросила я.

Я могла бы промолчать, но именно Мэнсфилд должен будет стать моим спутником в этой поездке, и на протяжении целых суток чувствовать его скрытую враждебность было бы весьма непросто. Лучше было выяснить всё прямо здесь.

— Кто я такой, чтобы одобрять или не одобрять решения его светлости? — теперь его тон стал совершенно ледяным. — Но если вам угодно узнать мое мнение, мадемуазель Ревиаль, то да, я полагаю, что его светлость совершает ужасную ошибку. И скоро он осознает это и пожалеет о столь поспешном браке. А потому для всех было бы лучше, если бы вы, сударыня, прямо сейчас отказались от него и, тем самым, оказали бы услугу и моему хозяину, и себе самой.

Я знала, на что шла, и всё равно его слова меня огорчили. Он не знал, что толкнуло герцога на этот шаг, и причину странного поведения его светлости видел именно во мне. Должно быть, он считал меня интриганкой, вскружившей голову его хозяину. И наверняка точно так же отнесутся ко мне и другие — и слуги Клермона, и его друзья.

И всё равно я не готова была отказаться от этого договора. А потому, когда карета подъехала ко крыльцу, я села в нее с самым

решительным видом.

Я направлялась в замок Эрден, чтобы стать герцогиней Клермон,

Глава 46

Всю дорогу мы с Мэнсфилдом сидели в карете друг против друга и не сказали при этом ни слова. Но поскольку большую часть пути мы проделали ночью, это молчание хотя бы не казалось таким тягостным — в экипаже было темно, и мы предавались сну или просто делали вид, что спали.

Я понимала, что дворецкому было непросто смириться с тем, что его хозяин, кажется, доведившийся родственником самому королю, выбрал себе в жены девушку столь невысокого происхождения. Возможно, если бы он знал, что этот брак временный, он отнесся бы к нему по-другому. Но это была тайна, и если сам Клермон, не поделился ею с Мэнсфилдом, то я тем более не собиралась этого делать.

Интересно, как он будет себя вести, когда мы переселимся в особняк? Я буду герцогиней Кдермон, и хочет Мэнсфилд того или нет, ему придется считаться и со мной, и с моими родными.

Мои мысли переключились на дом моего будущего мужа. Я видела только парадную лестницу да кабинет его светлости, но даже этого было достаточно, чтобы поразить мое воображение. Наверняка в спальнях там огромные кровати с мягкими перинами, а на террасе второго этажа будет приятно пить чай теплым летним утром.

Я уже привыкла к нашему домику в деревне, и мы смогли привести его во вполне приличный вид, но всё-таки мы пока еще не могли позволить себе купить туда новую мебель и милые вещички, которые делают жилище уютным, и я понимала, насколько лучше и матушке, и детям будет в больших и красивых комнатах герцогского особняка. Конечно, после расторжения брака нам придется съехать оттуда, но на те деньги, что обещал мне Клермон, мы постараемся найти себе комфортный дом.

И да, нужно будет не забыть заказать себе новые наряды. Герцог сказал, что потом они останутся у меня, так почему бы этим не воспользоваться? Супруга его светлости должна выглядеть так, как и подобает герцогине. И для Клермона такие траты наверняка являются сущим пустяком. А я потом эти платья смогу продать. Пять тысяч

золотых монет — это большие деньги, но и дополнительные средства нам совсем не помешают.

К замку Эрдэн мы подъехали, когда часы на его главной башне как раз пробили десять. Замок показался мне грозным и мрачным. Его стены были сложены из огромных камней и наверняка способны были выдержать серьезную неприятельскую осаду. А окна были маленькие, и в комнатах, должно быть, не хватало естественного освещения.

Замок был опоясан широким рвом, через который был перекинут деревянный мост, возле которого и остановилась наша карета.

Мэнсфилд выскочил наружу, а потом, пусть и без особой охоты, помог выбраться мне. Причина остановки именно в этом месте стала мне вскоре понятна — мост был чуть приподнят, и экипажу было не въехать на него. А от ворот замка к нам уже направлялся мужчина лет пятидесяти в офицерской форме.

— Мадемуазель Ревиль? — он отвесил мне церемонный поклон, сняв с головы украшенную пером шляпу и теперь смотрел на меня с нескрываемым любопытством. — Позвольте представиться — начальник гарнизона замка граф Бланшар. Мы с его светостью ожидаем вас с самого утра. К сожалению, правила не позволяют нам пропустить в замок вашу карету и ваших слуг. Обитателей Эрде́на не дозволено посещать никому. Исключение может быть сделано только в особых случаях, к каковым как раз относится и ваш.

Тут он улыбнулся самым многозначительным образом, и я почувствовала, что краснею.

— Но как же мой экипаж и мои люди? — торопливо спросила я, желая переключить его внимание на более важный вопрос.

— Они могут скоротать время на постоялом дворе в городке, что находится в получасе езды отсюда, — и он взмахом руки указал нужное направление. — Как только вы будете готовы отправиться в обратную дорогу, я отправлю туда одного из своих солдат. Постоялый двор там только один, так что нам не придется их искать.

Когда Мэнсфилд услышал это, мне показалось, он заскрежетал зубами. Должно быть, ему совсем не понравилось такое с собой обращение. И он явно не рассчитывал на то, что ему не позволят увидеть хозяина. Но что ему оставалось делать?

— Прошу вас, сударыня, — его сиятельство предложил мне руку и помог взойти на мост. — Должно быть, вы никогда не бывали в

здешних местах? А между тем этот замок имеет славную историю. Именно он на протяжении нескольких веков был родовым гнездом будущих королей Арвитании, и только когда предок нашего нынешнего короля взшел на престол, а границы страны сильно отодвинулись от этих мест, Эрден утратил свое былое величие. Ему уже не нужно было служить бастионом, и он стал обычной провинциальной резиденцией его величества. Но поскольку он хорошо укреплен, ему всё-таки нашли применение. Именно сюда ссылают тех, кто слишком знатен, чтобы быть заточенным в обычную тюрьму.

— Так это тюрьма? — охнула я.

В каком же страшном преступлении обвинили герцога Клермона, если его не спасло даже родство с королем? Я ведь до сих пор этого не знала, а между тем собиралась стать его женой.

И что будет, если его признают виновным? Не окажется ли так, что несмотря на этот брак, он всё-таки лишится титула, а то и всего своего имущества? И если вдруг это случится, то как он сможет заплатить мне пять тысяч золотых монет?

Я понимала, что думать так с моей стороны было очень эгоистично. Меня волновали лишь собственные интересы, а ведь у самого Клермона на кону стояло гораздо больше. Но мне совсем не было за это стыдно, и я собиралась серьезно поговорить об этом с его светлостью — он должен позаботиться о моих пяти тысячах прямо сейчас. Наверно, он может написать несколько строк Мэнсфилду, чтобы тот припрятал эти монеты где-нибудь до того времени, как брак будет расторгнут.

Увлечшись своими мыслями, я не заметила, как мы подошли к высокому крыльцу, которое вело к кованым дверям.

— Это замковая церковь, — сообщил мне граф Бланшар. — Священник уже прибыл, так что ничто не мешает начать церемонию прямо сейчас.

Я проделала такой путь от деревушки Шатель до Эрдена именно для того, чтобы выйти замуж за герцога Клермона, но теперь, переступая порог церкви, я впервые почувствовала сильное волнение. И пусть я знала, что на самом деле этот брак будет не настоящим, сама необходимость церковной церемонии уже делала это событие достаточно серьезным.

А ведь я даже не удосужилась узнать, как в Арвитании расторгаются браки! Здесь нет ни ЗАГСов, ни сайта Госуслуг, куда можно было бы подать заявление. Но спрашивать об этом теперь было глупо. Полагаю, его сиятельство был бы сильно изумлен, вздумай я задать ему такой вопрос.

Мы вошли внутрь, и я увидела стоявшего перед алтарем герцога Клермона, к которому граф подвел меня, судя по всему, выполняя роль моего отца.

— Вы восхитительно выглядите, дорогая Лорейн! — проворковал его светлость и адресовал мне широкую улыбку.

От неожиданности я едва не вздрогнула, но вовремя сообразила, что он всего лишь прекрасно играет роль любящего жениха. И даже постаралась ответить ему такой же широкой улыбкой.

Священник — достаточно молодой человек в светлом облачении — начал церемонию. Я мало что понимала из происходящего, просто послушно выполняла то, что мне говорили. Я ответила «да» в надлежащий момент, согласившись с тем, с чем соглашаются все невесты.

Мы обменялись кольцами, и после дозволения священника герцог запечатлел поцелуй на моих губах. Я вовсе не была такой трепетной ланью, какой наверняка была настоящая Лорейн Ревиаль, но в этот момент даже я почувствовала дрожь во всём теле. Надо признать, его светлость умел целоваться. И он так старался показать, что у нас всё было по-настоящему, что мне стало жарко.

Мы вышли из церкви, и только тогда я сумела справиться со своим волнением. Дело было сделано, и ничего уже нельзя было изменить. Теперь я хотела как можно скорее вернуться домой. И я уже сожалела о том, что позволила графу отправить карету прочь от замка. Теперь потребуется время, чтобы она вернулась обратно.

— Поздравляю вас, герцогиня! — его сиятельство поцеловал мне руку.

Было так непривычно слышать этот титул по отношению к себе.

— Благодарю вас, сударь! — пролепетала я.

Мой свежее испеченный муж заметил мое состояние и обратился к графу:

— Моей супруге нужно будет проделать еще обратный путь, — сказал он. — Если она выедет прямо сейчас, то до вечера успеет

добраться до поместья и отдохнуть.

— О чём ты говоришь, мой мальчик? — воскликнул Бланшар. — Разве ты не хочешь, чтобы герцогиня задержалась в замке хоть ненадолго? Нет-нет, мы не отпустим ее светлость так скоро! Я приготовил вам небольшой сюрприз! В зале уже накрыт стол, и офицеры ждут там, чтобы поздравить вас лично!

Мы переглянулись с герцогом. Кажется, для него это в самом деле был сюрприз. Я лишь надеялась, что он сумеет что-нибудь придумать, чтобы отправить меня в свое имение как можно скорее и при этом не обидеть гостеприимного хозяина.

И он попытался это сделать.

— Но разве это возможно, ваше сиятельство? — спросил он. — Разве это не идет вразрез с установленными правилами? Я полагал, что моя невеста будет допущена в замок только на время церемонии.

— Хе-хе, — подкрутил седые усы Бланшар, — мне кажется, не будет ничего дурного, если мы отпразднуем вашу свадьбу как полагается. Кроме того, мой дорогой, мне кажется, вы забыли об одной весьма важной детали — чтобы считаться настоящим, ваш брак должен быть консумирован! А это значит, что ее светлости придется задержаться в Эрдене хотя бы на одну ночь!

Глава 47

Наверно, если бы герцог не поддержал меня под локоть, я бы так и рухнула перед дверями церкви, услышав то, что сказал граф Бланшар. Но он поддержал, и я устояла на ногах и даже попыталась сохранить невозмутимое выражение лица. Хотя внутри меня всё бушевало.

О какой консумации он говорил? Я не собиралась задерживаться в замке Эрден ни на минуту. Как только карета прибудет, я сяду в нее и отправлюсь домой. А Клермон пусть сам объясняется с теми, кто так радуется о его браке. В конце концов он может просто сказать, что всё то, что происходит между мужем и женой в первую брачную ночь, у нас уже было. Конечно, это было нарушением правил приличий, но я была уверена, что здесь, в Арвитании, это случалось так же часто, как и там, где я родилась и выросла. Да и теперь, когда брачная церемония состоялась, о том, что было до свадьбы, вспоминать уже не следовало.

И я, всё еще опираясь на руку герцога, ждала от него решительных слов, которые разбили бы планы его сиятельства. У нас есть договор, в котором нет ни слова о первой брачной ночи. Напротив, всё в нём предполагает, что никакой брачной ночи не должно быть в принципе.

Но его светлость сказала совсем не то, чего я от него ожидала.

— Благодарю вас за заботу, ваше сиятельство! Я и надеяться не смел на то, что такое возможно! И разумеется, мы с супругой с радостью воспользуемся вашим предложением. Не так ли, дорогая!

Я бросила в его сторону уничижительный взгляд, который он предпочел проигнорировать. Он улыбнулся мне и поправил выскользнувший из моей прически локон.

— Хм, — зарделся довольный граф Бланшар, — полагаю, вашей юной супруге еще неловко слушать такие слова в присутствии постороннего человека. А потому давайте пока оставим эту тему. И пока еще идут приготовления к брачному пиру, я приглашаю вас на небольшую экскурсию по нашему замку. Поверьте, ваша светлость, — он обращался уже ко мне, — он стоит того, чтобы узнать его получше.

Я с трудом заставила себя кивнуть. Хотя мне ужасно хотелось, чтобы граф удалился и оставил нас с Клермоном наедине. О, у меня было, что сказать его светлости! И ему бы совсем не понравилась моя речь. Но поскольку мы были не одни, я сдержала свое возмущение и пошла вслед за начальником гарнизона к главной башне замка.

Мы долго поднимались по узкой и довольно грязной лестнице, что привела нас на открытую смотровую площадку, с которой все окрестности были видны как на ладони. Эрден находился на возвышении, а вокруг него раскинулись леса и луга. Поодаль, за лесом, я разглядела небольшой городок — должно быть, тот самый, где была сейчас наша карета. А в другой стороне, вдоль берега неширокой реки тянулись деревенские домики с примыкавшими к ним полями.

Граф остался вполне довольным тем впечатлением, которое произвела на меня эта картина, и мы отправились дальше.

Оружейный зал, танцевальный зал, несколько кабинетов и спален, библиотека, подвалы с продовольствием (от висевших на крюках колбас и окороков исходил такой аромат, что у меня заурчало в желудке) — обо всём этом Бланшар рассказывал со знанием дела, явно гордясь тем, что он теперь первый человек в столь славном месте. Он показал мне даже пыточную, впрочем, сразу заметив, что она не использовалась уже много десятилетий.

Все его истории заслуживали внимания, но я не могла сосредоточиться на его словах. Все мои мысли были заняты совсем другим.

Так, в расстроенных чувствах я и пришла в тот зал, где был накрыт праздничный стол. Там уже дожидались нас несколько офицеров в мундирах. Они подходили ко мне по одному, называли себя, кланялись, целовали руку и говорили комплименты. Но я не запомнила ни их звания, ни их имена. Я просто дежурно улыбалась в ответ и благодарила за теплый прием.

И даже есть мне уже не хотелось. Но нас усадили за роскошный стол, а граф Бланшар так жаждал услышать от меня слова восторга, что я не решилась его разочаровать. И я попробовала и паштет, и тушеное мясо, и рыбу в желе. Пишу трудно было назвать особо изысканной, но она была довольно вкусна. И я понимала, насколько

непросто было порадовать меня такими яствами в месте, которое, по сути, служило пусть и благородной, но тюрьмой.

Я почти не принимала участия в разговоре, а вот герцог с удовольствием общался со своими стражами — шутил, смеялся. Кажется, наша первая брачная ночь его совсем не волновала. Хотя это было понятно. Он же мужчина.

А может быть, он думает, что я и сама буду рада оказаться в его постели? Что я только и жду, чтобы превратить фиктивный брак в настоящий? От этой мысли меня бросило в жар.

Если он в самом деле так думал, то я сумею отрезвить его. У нас есть договор, в котором всё описано до мелочей. И никакие постельные сцены в него не входят. И соблюдать этот договор в его собственных интересах.

Я надеялась, что он и сам это понимал. И что наше совместное пребывание в спальне этой ночью — не более чем сцена в том спектакле, который мы разыгрывали для других. И если так, то я смогу просто спокойно выспаться, а уже утром со свежими силами отправиться в путь.

Немного успокоившись, я позволила себе еще порцию горячего и от десерта тоже не отказалась. Граф Бланшар посматривал на меня с одобрением, а вот герцога, кажется, забавлял мой хороший аппетит. Должно быть, его прежняя невеста клевала по зернышку как птичка.

За едой и разговорами мы и не заметили, как за окнами стемнело. И офицеры всё чаще поглядывали на стоявшие у стены большие часы с боем, должно быть, намекая, что новобрачным пора удалиться в опочивальню. Должно быть, мое присутствие сдерживало их самих, а им уже не терпелось добраться до крепких напитков и обсудить наш с герцогом союз.

Наконец, Клермон поднялся, и я торопливо сделала то же самое. Мы отправились к дверям и удалились под очередную порцию поздравлений и пожеланий.

Герцог вел меня по узким темным коридорам, а я даже не пыталась запомнить маршрут. Я только надеялась, что спальня окажется достаточно теплой, а кровать достаточно широкой. И, к моей радости, так оно и оказалось.

В камине горел огонь, а большая кровать была застелена пахнущим лавандой шелковым бельем.

— Простите, что всё оказалось именно так, — сказал герцог, закрывая дверь на ключ. — Я и представить себе не мог, что Бланшар окажется столь радушным хозяином. Но надеюсь, сон в моем присутствии не сильно напугает вас.

Я с трудом сдержала вздох облегчения. Кажется, в вопросе первой брачной ночи мы с Клермоном были единодушны.

— Вас не шокирует, сударыня, если я в вашем присутствии останусь без камзола?

Вопрос был риторический, потому что он уже расстегивал на камзоле пуговицы. Я фыркнула:

— Ничуть, сударь! Но сама я собираюсь остаться в платье.

— Ну и напрасно, — он бросил на меня насмешливый взгляд. — Оно помнется, и завтра поутру вы будете выглядеть как не слишком добродетельная горничная.

Мне не хотелось признавать его правоту, но с его словами трудно было не согласиться. Не рассчитывая оставаться тут на ночь, я не взяла с собой другого наряда. А значит, следовало сохранить презентабельный вид хотя бы этого.

Под платьем у меня была шелковая сорочка, так что в присутствии малознакомого мужчины я оставалась отнюдь не голой. Но она была тонкой и мало что могла скрыть. Хотя это меня не так чтобы очень смущало. Это в любом случае был куда более пуританский наряд, чем купальник, в котором я когда-то появлялась на пляже или в бассейне.

И я зашла за ширму и сняла платье. Герцог стоял, отвернувшись, и я юркнула под одеяло.

— Я прекрасно устроюсь здесь, в кресле, — заявил он, поворачиваясь ко мне. — Так что вы можете чувствовать себя на кровати совершенно спокойно.

Вот как? Ну что же, это был прекрасный вариант. Пока его светлость вел себя как настоящий джентльмен. Я даже впервые посмотрела на него как на мужчину. Если бы не его великосветская спесь, то он вполне мог быть приятным человеком.

— Благодарю вас, сударь, — вежливо откликнулась я. — Но прежде, чем мы предадимся сну, нам нужно кое-что обсудить!

Глава 48. Герцог Клермон

Как бы я ни злился на Бланшара за такое неожиданное предложение, я понимал, что он прав. Чтобы ни у кого не осталось сомнений в подлинности нашего брака, нам следовало играть по правилам. И даже хорошо, что он подумал о консумации. Упусти мы этот момент, и брак мог быть признан недействительным, и тогда весь наш договор оказался бы напрасным.

Я видел, что девушка была возмущена. И надо признаться, было забавно наблюдать, как она злилась. Злилась внутри, а внешне вынуждена была изображать смущенную новобрачную. Но я не сомневался, что она выскажет мне всё, что она обо мне думает, как только мы останемся одни.

Впрочем, ее возмущение немного улеглось за праздничным столом. У нее оказался недурной аппетит, весьма неожиданный для девушки с такой изящной фигуркой. И что меня удивило еще больше — она не стеснялась его показывать. Ее поведение было решительно не похоже на то, как вели себя в присутствии посторонних моя матушка или Жасмин. Моя мать всегда говорила, что благородная дама должна лишь пригублять напитки и только пробовать те блюда, что ей подают. Но я прекрасно помнил, как она набрасывалась на еду, когда мы возвращались домой с балов и приемов.

На щеках мадемуазель Ревиаль играл румянец, и вся она была такой свежей и красивой, что у меня на мгновение мелькнула мысль о том, что консумация может быть и настоящей. И если моя только-только обретенная супруга подарит мне сына, то наверняка это будет крепкий и здоровый малыш.

Но я прогнал эту мысль как совершенно абсурдную. У такого брака не было никакого будущего. Мы с мадемуазель Ревиаль были слишком разными, и наш союз мог продолжаться лишь до тех пор, пока мы были на большом расстоянии друг от друга. Останься мы наедине на долгое время, нам наверняка даже не о чем будет говорить. Тут я вспомнил о ее теплице с огурцами и усмехнулся. Герцогиня Клермон — огородница! Если об этом станет известно, то это будет главная новость бального сезона в столице.

Хотя сама девушка была очень мила, и вовсе не ее вина, что она родилась в таком странном браке и оказалась без наследства из-за того, что ее отец не оставил завещания. Оставалось лишь надеяться, что ее решительный нрав и пять тысяч золотых помогут ей обустроиться так, как она того хочет.

Когда на замок опустились сумерки, я посчитал, что мы уже можем покинуть общество офицеров и удалиться в спальню. Коридоры Эрдена освещались лишь редкими тусклыми факелами, и мне пришлось взять Лорейн за руку, чтобы поддержать ее, если бы она вдруг оступилась. Ее рука дрожала, и только теперь я в полной мере осознал, насколько тяжело далась эта трапеза моей супруге. Всё это время за внешней улыбкой она вынуждена была скрывать свой страх.

И потому, как только мы переступили порог нашей комнаты, я поспешил ее успокоить:

— Простите, что всё оказалось именно так. Я и представить себе не мог, что Бланшар окажется столь радушным хозяином. Но надеюсь, сон в моем присутствии не сильно напугает вас.

Лорейн храбро кивнула в ответ. И даже согласилась снять платье.

Кровать была достаточно широкой для нас двоих, но я не решился шокировать девушку своей близостью. Всё должно быть в рамках договора. Никаких чувств! Чистый расчет и ничего более.

Кажется, она думала точно так же, потому что как только забралась в кровать и натянула на себя одеяло до самого подбородка, то сказала:

— Благодарю вас, сударь. Но прежде, чем мы предадимся сну, нам нужно кое-что обсудить!

Этот наполненный событиями день изрядно вымотал меня, но она была права — нам было о чём поговорить. Тем более, что пока это была единственная возможность обсудить то, что было важно для нас обоих.

— Слушаю вас, ваша светлость! — сказал я и улыбнулся, заметив, как она покраснела, услышав этот титул.

— Простите за вопрос, который может обидеть вас, сударь, — не очень уверенно начала она, — но я вынуждена его задать. Что будет в том случае, если, несмотря на наш брак, вас всё-таки лишат титула? Вы лишитесь и поместья, и всего своего имущества?

Это действительно был неприятный вопрос. Но я понимал, почему она его задала. Ее беспокоило, получит ли она свои деньги, если я сам лишусь всего. И нет, это вопрос меня ничуть не обидел. Эти пять тысяч монет были для нее так же важны, как и для меня мой герцогский титул.

— Вам не нужно волноваться об этом, сударыня! — спокойно ответил я. — Да, если я лишусь титула, то лишусь и родового поместья. Но у меня останутся дом в столице и то, что находится в нём. И сумма, которую я вам обещал, будет выплачена вам независимо от того, буду ли я на тот момент герцогом или уже нет.

Она кивнула.

В комнате стало еще темнее. Огонь в камине затухал, и свечи в стоявшем на подоконнике канделябре тоже почти догорели.

Нам следовало хотя бы немного поспать. Но, прежде чем погрузиться в сон, я сказал:

— В соседней комнате есть таз с чистой водой для умывания и ночная ваза. Дверь туда открывается бесшумно, так что не бойтесь меня разбудить. Спокойной ночи, герцогиня!

— Спокойной ночи, герцог!

Это было последнее, что я услышал в этот день, потому что как только я опустил в кресло, то тут же заснул.

А когда я проснулся, Лорейн была уже одета. А за окном было уже светло.

Я вскочил и взял в руки нож для разрезания фруктов, который лежал на столе. Графу Бланшару потребуются доказательства того, что мы провели эту ночь в одной постели. Иначе старик будет разочарован.

— Что вы собираетесь делать, сударь? — спросила девушка.

Но я видел по ее взгляду, что она и сама всё поняла.

Я закатал рукав рубашки и полоснул себя по левой руке чуть выше локтя. Рана должна быть в том месте, которое будет скрыто одеждой. Капли крови упали на нужное место на простыни — эти отметки горничная обнаружит, когда будет прибирать постель.

А Лорейн уже отрывала лоскут от своей нижней юбки, чтобы перевязать мне руку. А когда сделала это (и довольно ловко!), принялась тормошить вторую подушку, дабы ни у кого не возникло сомнений, что на ней лежала моя голова. Умная девочка!

Не успели мы справиться с этим, как в дверь постучали, и когда я открыл ее, на пороге появился граф Бланшар.

— Надеюсь, я вас не разбудил? Стол уже накрыт к завтраку.

От его внимательного взгляда щеки Лорейн стали пунцовыми, но это смущение было именно таким, каковое и должна была испытывать новобрачная.

Когда мы закончили завтракать, карета уже стояла у подъемного моста. Мадемуазель Ревиаль явно не терпелось уехать домой, и я поспешил проводить ее к экипажу, прежде чем Бланшару придет в голову еще какая-нибудь затея.

И пока мы шли по двору, я коротко рассказал ей о письме, которое нам нужно было найти.

— Как оно выглядит, вам опишет Мэнсфилд.

— Что я должна буду сделать, если найду его? — спросила она. — Привезти его вам? Ах нет, я же не смогу вынести его из особняка!

Я усмехнулся:

— Именно вы как раз сможете. Брачный обряд был совершен, и теперь вы — одна из Клермонов. Так что действие заклинания, которое наложено на письмо, на вас уже не распространяется. Но несмотря на это, если вы найдете документ, ни в коем случае не выносите его наружу. Это может быть слишком опасно. На вас могут напасть по дороге.

— Но я должна буду хоть как-то сообщить вам о находке! В письме? Но если вы считаете, что кто-то может наблюдать за помещьем, то письмо тоже могут перехватить.

— Да, — подтвердил я. Она оказалась на удивление сообразительной. — К тому же корреспонденцию просматривают и здесь, в Эрдене на вполне законных основаниях. Так что в вашем письме не должно быть и намека на находку. Давайте условимся, что если вы найдете его, то вы напишете мне о каком-то событии. Скажем, о том, что вы полагаете, что находитесь в положении.

При этих словах она снова мило покраснела. Но не стала возражать.

— Я всё пойму, когда прочитаю его, и найду способ оказаться дома.

Мы приблизились к экипажу, и я, ответив на приветствия кучера и Мэнсфилда, обнял супругу и крепко ее поцеловал. За нами наблюдали,

и если бы я не сделал этого, то это показалось бы странным.

Ее губы были мягкими и сладкими, а сам поцелуй оказался восхитительно приятным, и он продлился несколько дольше, чем я изначально предполагал. Мы оба были немного ошарашены, и когда я разжал свои объятия, мадемуазель Ревиль поспешила заскочить в карету.

Я подал кучеру знак, и карета тронулась. И только когда она скрылась из виду, я вспомнил, что не дал дворецкому никаких распоряжений касательно моей супруги. Но понадеялся, что Мэнсфилд и сам поймет, что нужно делать.

Глава 49

— Мы будем жить в доме господина герцога? — глаза Стефани стали круглыми от удивления. — Он пригласил нас в гости?

— Лора вышла замуж за господина герцога, — пояснила Табита с явным неодобрением.

Матушке не понравилось мое решение, и она этого не скрывала. Когда я вернулась из Эрдена и сообщила ей о том, что я стала герцогиней Клермон, она поздравила меня с этим событием весьма сухо.

Я прекрасно понимала, почему она вела себя именно так. Кому, как не ей, было знать о том, сколь больно бывает в одночасье лишиться всего того, к чему ты привыкла. Она боялась, что Клермон быстро пожалеет о таком союзе и поспешит расторгнуть его. И нам снова придется вернуться в свою избушку.

— Думаю, дорогая, тебе следует перебраться в особняк его светлости одной, — сказала она. — А мы останемся здесь. Вряд ли твой муж обрадуется, увидев нас в своем доме.

Я и сама уже думала об этом. Но вовсе не потому, что заботилась о чувствах господина герцога. Нет, я беспокоилась о своих родных. Каково им будет, если через месяц, а то и через пару недель наш с Клермоном брак действительно окажется расторгнутым?

Но и наслаждаться прелестями пребывания в красивом особняке одной мне тоже не хотелось. Я не смогу заснуть в мягкой пуховой постели, если буду знать, что матушка и дети ворочаются на набитых сеном матрасах.

— Об этом не может быть и речи, матушка! — бодро улыбнулась я в ответ. — Его светлость будет просто счастлив, если в его особняке будет звучать детский смех. К тому же он сам еще не скоро вернется домой, так что вы можете чувствовать себя там совершенно свободно.

— Но..., — кажется, Табита снова хотела мне что-то возразить.

Но я не дала ей договорить.

— Ты же не хочешь скомпрометировать его светлость? — нахмурилась я. — Каково ему будет знать, что родственники его супруги живут в старом покосившемся доме в деревне?

Матушка долго думала и, наконец, вздохнула:

— Пожалуй, ты права, дорогая. Я как-то не подумала об этом. Но это значит, что и ты сама должна забросить свои теплицы. Супруга герцога Клермона не может быть огородницей.

А вот этот вопрос доставлял мне немало переживаний. Я понимала, что уже не могу позволить себе вести себя как прежде. В договоре, который я подписала, был пункт о том, что на время брака я обязуюсь заботиться о репутации герцогини Клермон.

Но и бросить свои огурцы я не могла! Возможно, если бы я уже получила от герцога эти пять тысяч монет, я бы чувствовала себя спокойнее. Но денег еще не было, и кто знает, получу ли я их вообще. Если моего неожиданного супруга признают государственным преступником, то он может оказаться в куда более суровой тюрьме, чем замок Эрден. И тогда ему будет уже не до исполнения своих обещаний.

А ведь на летней ярмарке в Альенде месье Корден будет ждать от меня новую партию бочковых огурцов. И он готов хорошо заплатить мне за этот товар. Так могла ли позволить себе отказаться от такого заработка?

— Мы что-нибудь придумаем, — не очень уверенно сказала я.

В особняк мы брали с собой только ту одежду, которая хоть как-то соответствовала нашему новому статусу. А таковой было немного. А Стефани даже не стала брать с собой свою любимицу-куклу.

— Лора, ты не будешь возражать, если я оставлю ее малышке Луизе? — спросила она меня. — У нас там будет красивый парк. А Лу тут будет не с кем играть.

— Конечно, дорогая! — одобрила я.

Когда знакомая мне карета подъехала к нашему дому, мы были уже готовы. Табита была молчалива, а дети были полны радостного предвкушения. Для них это было очередным приключением.

Но я и сама, когда мы приблизились к особняку, испытала странное волнение. Мне еще не доводилось бывать в таких домах, где всё свидетельствовало о высоком статусе и достатке владельца. И мы поднимались по крыльцу осторожно, боясь, что наши башмаки оставят на ступеньках грязные следы.

Мэнсфилд встретил нас лично, но на лице его было ничуть не больше приязни, чем и в нашу предыдущую встречу. Несмотря на то,

что я стала герцогиней Клермон, он не стал испытывать ко мне больше почтения. Наверно, если бы он мог позволить себе это, он спустил бы нас с крыльца. Но он не мог, а потому поприветствовал нас сухим поклоном и предложил следовать за ним.

Лепнина на потолке, картины на стенах, ковры на полах — даже мне показалось, что я попала во дворец. Чего уж было говорить о детях?

Нас разместили в расположенных на втором этаже красивых светлых комнатах.

— У меня будет своя комната? — ахнула Стефани, когда увидела ту, что была приготовлена для нее — небольшую, но очень уютную.

Здесь была кровать под балдахином, милое канапе, столик со стульями. И даже несколько игрушек, при виде которых у меня вырвался вздох изумления. Неужели Мэнсфилд оказался столь добр, что подумал о детях?

Но нет, оказалось, что деревянную лошадку, фарфоровую куклу и плюшевого зайца спустила с чердака мадам Шабри.

Моя собственная спальня была выдержана в приятных персиковых тонах, из окон открывался чудесный вид на озеро, а в кашпо на стене и в вазах на двух круглых столиках были цветы. В этом я тоже угадала заботу нашей милой экономки.

Ужин, поданный в красивую столовую, был довольно скромным. Но мы были не избалованы, а потому с удовольствием съели и отварную речную рыбу, и ржаной хлеб с молоком.

Дворецкий не искал со мною встречи, но я решила поговорить с ним сама. Если уж я сейчас была герцогиней Клермон, то мне следовало хоть что-то знать о делах поместья.

— Сколько в доме слуг? — спросила я.

Мэнсфилд хмыкнул, но всё-таки ответил:

— Кучер, два лакея, кухарка, горничная. Надеюсь, вы понимаете, ваша светлость, что с таким штатом прислуги мы не в состоянии содержать особняк должным образом.

Он словно заранее оправдывался. Но я не собиралась его ни в чём обвинять. Он не был виноват в том, что его хозяин не слишком любил свое родовое гнездо. Ну а мы сами и вовсе привыкли обходиться без слуг, так что уже то, что у нас были сытная еда и чистые постели, не могло не радовать.

— И простите,... ваша светлость, — произнести титул он смог без труда, — но у нас, как вы могли заметить, очень скромный стол. Разумеется, я уже отдал распоряжение закупать в деревне больше продуктов, но мы не можем позволить себе тратить больше, нежели нам дозволено его светлостью. Я намерен отправлять в Валье-де-Браво ровно столько же денег, сколько и прежде.

— В Валье-де-Браво? — изумилась я. — Но вы же знаете, что ваш хозяин сейчас не в столице!

— Да, я знаю это, — с достоинством ответил он, — но я не могу не следовать прежним указаниям его светлости.

— Хорошо, — согласилась я, — но надеюсь, вы не станете спорить и с моими решениями, сударь? И для начала я хочу, чтобы в домике огородника поселилась семья Дега из деревни. Они будут выращивать для нас свежие овощи, а в обмен на это получают кров и еду.

Это решение пришло ко мне еще тогда, когда мы возвращались из Эрдена. Дом Дега был мало пригоден для проживания, а здесь им будет комфортно и сытно. И потом, когда сюда вернется Клермон, они смогут продолжать заниматься огородом и даже получать за это жалованье. Уж против этого-то он наверняка не станет возражать.

— А через две недели мне потребуется карета! Мы поедем на ярмарку в Альенде.

Он бросил на меня удивленный взгляд, но не возразил. И это уже была маленькая победа.

Глава 50

Нам с матушкой пришлось приложить немало усилий, чтобы семейство Дега согласилось перебраться в новый дом. Их прежнее, пусть и ветхое жилище, было своим. А в принадлежавшем герцогу доме огородника они поселялись на птичьих правах и ужасно боялись, что его светлость по возвращении прогонит их оттуда. Сомнений добавлял и тот факт, что Мэнсфилд не принимал никакого участия в этом деле. Он не осмеливался мне возражать, но и никак не поддерживал меня в этом начинании.

И когда старики с Луизой пришли, чтобы посмотреть на свой новый дом, дворецкий тоже пришел туда и высказал им столько остережений, что еще больше их напугал.

И всё-таки они согласились переехать. Не ради себя, а ради внучки, которой находиться здесь было куда полезней, чем в холодной и мрачной избушке. К тому же деятельная натура Кандиды Дега не могла остаться равнодушной к тем возможностям, что открывал здешний огород и теплицы. И хотя я не могла обещать, что им будут выплачивать жалованье из герцогского кармана, я могла заплатить им за помощь в выращивании огурцов из той выручки, что получу в Альенде.

Кандиде я могла доверить свои теплицы безо всяких сомнений. И это давало мне возможность соблюсти условия договора и самой не заниматься сельскохозяйственным трудом. Тем более, что у меня появились другие обязанности.

Я надеялась, что о нашем браке за пределами поместья не будет знать никто, но, как известно, шило в мешке не утаишь. Герцог обязан был известить о своей женитьбе как минимум короля, и когда эта новость дошла до столицы, она быстро распространилась по домам и салонам, а вскоре добралась и до нашей провинции.

Это привело к тому, что в особняк потянулись визитеры — мелкопоместные дворяне, считавшие своим долгом засвидетельствовать почтение молодой герцогине Клермон. Впрочем, они знали и о том неприятном положении, в которое попал мой муж, а потому не ждали, что я стану устраивать балы и приемы. Они

ограничивались короткими визитами, сводившимися к представлению самих себя и заверению меня в своем глубоком уважении.

Я отвечала им со всей подобающей вежливостью, хотя не верила ни одному их слову. И не напрасно. Однажды я услышала, как после визита барон и баронесса Коуэлл обсуждали меня, дожидаясь на крыльце своей кареты.

— Говорят, его светлость женился на ней, чтобы не лишиться титула, — сказала ее милость, хмыкнув. — Она оказалась единственной, кто согласился на этот брак.

— Вполне понятно, — ответил ее супруг, — что ни одна благородная девица не захотела связывать себя узами брака с преступником.

— А вот я бы на их месте рискнула, — кокетливо заявила баронесса. — Ведь если герцога оправдают, то его супруга окажется в большом выигрыше. Они станут кусать себе локти, когда эта Лорейн будет представлена ко двору.

— Не думаешь же ты, дорогая, — возразил барон, — что если Клермона оправдают, то он захочет сохранить этот брак? Поверь мне, он сделает всё, чтобы расторгнуть его как можно скорее. И его величество охотно поддержит его в этом. Женитьба на мадемуазель Ревияль серьезно компрометирует его светлость, и он это прекрасно понимает.

Подъехавшая ко крыльцу карета прервала этот занимательный разговор. Но я услышала уже достаточно, чтобы укрепиться в мысли, что я не могу себе позволить доверять тем лживым словам, что говорили мне гости. Хотя, собственно, сейчас я не услышала ничего нового. Всё это я знала и сама. И всё-таки слышать всё это было довольно обидно.

А некоторое время спустя я получила письмо от самой мадемуазель Эванс. Бывшая невеста моего мужа сообщала, что мне не следует обольщаться относительно моего нынешнего статуса, который я обрела исключительно потому, что она сама расторгла помолвку с его светлостью.

В письме она упорно обращалась ко мне как к мадемуазель Ревияль, намеренно игнорируя мой нынешний титул.

«Надеюсь, вы понимаете, мадемуазель Ревияль, что это брак бросает тень на его светлость и должен быть расторгнут как можно

скорее, дабы не вызвать гнев его величества. Уверена, если вы не будете противиться этому, то герцог выплатит вам надлежащую компенсацию.

Вы не можете надеяться, что вас станут принимать в свете. Ни одно уважающее себя семейство не захочет знакомиться с такой герцогиней Клермон. Никакой титул не сделает ваше происхождение более благородным, а воспитание — более подобающим. И чем скорее вы поймете это, тем будет лучше».

Сначала я хотела просто проигнорировать это письмо. Но потом решила написать ответ.

«Дорогая мадемуазель Эванс! Благодарю вас за столь любезное предостережение, что вы изволили мне дать. В ответ на это спешу вам сообщить, что титул герцогини Клермон достаточно громкий для того, чтобы скрыть любые недостатки той, что его носит. И я вполне понимаю ваше разочарование от того, что вы сами так его и не обрели».

Я не наносила ответных визитов тем, кто приезжал к нам в особняк, но даже для того, чтобы просто принимать гостей, мне нужно было выглядеть соответственно своему новому статусу. А значит, мне нужны были новые наряды. Я никогда не была любительницей шиковать, но понимала, что не могу себе позволить каждый день надевать одно-единственное приличное платье, что у меня было. И это была именно та проблема, которую стоило обсудить с Мэнсфилдом.

— Вы совершенно правы, ваша светлость, — заявил он, выслушав меня.

Начало разговора было многообещающим, но не успела я помечтать о новых платьях, как дворецкий добавил:

— Но если нам придется выделить некоторые средства на пополнение вашего гардероба, ваша светлость, то я вынужден буду вычесть эти деньги из того, что идет на кухню и на жалованье слугам. Потому что сумму, которую я должен буду отправить в Валье-де-Браво, я не позволю себе тронуть.

— Я сообщу об этом его светлости! — угрожающе пообещала я. — И если над герцогиней Клермон станут смеяться, то в этом будете виноваты именно вы!

Он покраснел и помрачнел, но решения не переменял.

— Мне очень жаль, ваша светлость, но у меня есть определенные обязательства перед моим хозяином, и я не могу о них забыть.

Он часто покидал поместье, чтобы собрать арендную плату с крестьян и тех дворян, что проживали на землях герцога. И он общался с другими дворецкими и их хозяевами, а потому знал о слухах, что ходили в свете. А значит он тоже наверняка прекрасно понимал, что наш брак с Клермоном — временная и вынужденная мера. Так с чего бы ему было принимать меня за настоящую хозяйку?

— На чердаке немало сундуков с одеждой, ваша светлость, — сказал он мне спустя пару минут. — Конечно, фасоны уже несколько устарели, но мадам Шабри, прежде чем стать здешней экономкой, служила здесь портнихой. Уверен, она сможет перешить вам что-то из платья прежних герцогинь.

Мне захотелось запустить в него вазой. Но я сдержала свой порыв и даже поблагодарила его за столь ценный совет. Сейчас я не могла позволить себе быть слишком разборчивой.

И уже на следующее утро мы с экономкой и матушкой Табитой отправились на чердак. Хорошо, что ни у кого из нас не было аллергии на пыль, потому что уж чего-чего, а ее здесь было предостаточно. И из-за этого мадам Шабри чувствовала себя ужасно неловко.

— При прежнем хозяине такого и представить себе было нельзя, — вздохнула она. — Тогда весь дом сиял чистотой. Отец нашего нынешнего герцога не жалел денег на содержание усадьбы. Но что мы можем сделать теперь? Мы с Джанет не успеваем следить за порядком даже в комнатах. Чего уж говорить про чердак или подвалы? А оба лакея уже так стары, что пыль и не увидят вовсе.

Ничего особенного я от этой инвентаризации не ждала, но в одном из больших кованых сундуков мы обнаружили вполне приличные платья. Конечно, кружева на некоторых пожелтели, а местами и порвались, но ткани, из которых были сшиты наряды, по-прежнему выглядели дорого. И пусть мода с тех пор, как эти платья носили, уже много раз сменилась, здесь, в провинции, к ней относились куда проще, чем в столице.

К тому же мадам Шабри заявила, что за то время, что в поместье были гости его светлости, она прекрасно запомнила фасоны платьев гостей, так что постарается перешить старые наряды на новый лад.

И одно из платьев было готово уже на следующий день. Оно было из муслина нежного зеленого цвета. Самое то для поездки в Альенде!

Глава 51

На этот раз на ярмарку в Альенде мы поехали в карете. Мэнсфилд по этому поводу издал несколько неодобрительных вздохов, но ничего не сказал.

Мы отправлялись в город всем семейством. Даже матушка Табита не отказалась от поездки. Правда, я не исключала, что ее сподвигло на это нежелание оставаться одной в обществе хмурого дворецкого.

Я не собиралась снимать номера в дорогой гостинице (особенно в той, где мы с Гертрудой останавливались в наш первый приезд в Альенде), но остановиться в гостинице среднего класса мы вполне могли себе позволить.

Основной целью поездки была продажа огурцов. Во время прежних ярмарок я всегда привозила домой из Альенде много полезных в хозяйстве вещей. Но сейчас я не хотела ничего покупать. Продукты нам пока были не нужны, забота о питании в особняке лежала на плечах Мэнсфилда и мадам Шабри. А от покупок чего-то для дома в Шатель я пока хотела воздержаться. Пока я являюсь герцогиней Клермон, мы должны будем находиться в поместье моего супруга, а когда наш брак будет расторгнут, нам придется уехать из этой провинции и подыскать себе жилище в другом месте. А тащить с собой вещи за сотни лье — не лучшая идея.

Зато я была намерена побаловать детей вкусными сладостями, а еще купить им и нам с матушкой хотя бы по одному парадно-выходному наряду. Конечно, мадам Шабри всерьез взялась за перешив тех платьев, что мы спустили с чердака (а там нашлась и детская одежда!), но каждому из нас следовало иметь и новые вещи. Я заплачу за них из своего кошелька, но потом включу их в счет герцогу Клермону. Разве заботиться об оплате гардероба жены не входит в обязанности супруга? И я вовсе не считала это мелочностью. Финансовые возможности его светлости были куда более солидными, чем мои собственные. К тому же он возложил на меня и дополнительные обязанности по поиску письма, которые не были предусмотрены договором, а значит, требовали дополнительной оплаты.

Хотя письмо я до сих пор не нашла. Я взяла себе за правило посвящать поискам несколько часов в день. Я уже исследовала почти все комнаты второго этажа, особое внимание уделив тем, в которых останавливались гости. Признаться, самый тщательный обыск я устроила в комнатах, которые прежде занимала мадемуазель Эванс. Мне было бы особенно приятно обнаружить украденное письмо именно там. Но нет, изучив всю комнату вдоль и поперек, я ничего не нашла. Разве что узнала чуточку больше о литературных предпочтениях Жасмин. Но книга стихов, что лежала на ее прикроватном столике, меня не впечатлила. Впрочем, как кажется, и саму Жасмин — атласная лента-закладка лежала на десятой странице. Судя по всему, в своем чтении мадемуазель Эванс дальше не продвинулась.

Старое письмо искал и Мэнсфилд, но с тем же успехом. Мы не делили территорию для поисков, решив, что если вдруг тайник пропустит один, то может заметить другой. Но пока эта стратегия результата не принесла. И я всё больше склонялась к мысли, что украденное письмо вор каким-то образом всё-таки смог вынести из дома. Впрочем, и в самом доме было слишком много мест, где можно было его незаметно спрятать.

Я договорилась с мастером Меридо, что бочки с огурцами он привезет в Альенде на своей повозке. А потом сходит вместе со мной и Аленом в таверну «Меч рыцаря». Если месье Корден, как и обещал, купит у меня весь товар, то может выйти неплохая сумма, а мне не хотелось бы разгуливать с большими деньгами по городу одной.

Мы прибыли в Альенде утром, а поскольку месье Меридо должен был приехать туда только после обеда, у нас были несколько свободных часов для того, чтобы пройтись по ярмарке, посмотреть на уличных артистов и попробовать что-нибудь вкусное.

Каждому из детей я дала по медной монетке, и они сами выбирали, что себе купить. А выбор был огромен. И на сей раз они делали его осторожно. В итоге Сэмми купил себе пакет леденцов, Стефани — политый глазурью мятный пряник, а Ален — пирог с мясом. Моему старшему племяннику, кажется, не хватило вполне сытного завтрака в гостинице, и он уже проголодался. Ален рос, вытягивался ввысь и вширь, и мы с Табитой понимали, что скоро ему

захочется не пирогов и не сладостей, а внимания красивых девушек. И это беспокоило матушку.

Ведь Ален, пусть он и провел эти несколько месяцев в крестьянской избе в деревне, имел в себе и дворянскую кровь. Вот только у него не было ни титула, ни денег, которые позволили бы ему посвататься к девушке из благородной семьи. А женитьба на дочери крестьянина или ремесленника окончательно лишит его возможности вернуться в светское общество. По моему разумению, самым лучшим вариантом для него могла стать военная служба. Если он закончит академию и получит офицерский чин, то сможет сделать карьеру в армии. А начав получать приличное жалованье, сумеет обзавестись и семьей. Однажды я разговаривала с племянником об этом и была рада узнать, что он и сам думает именно о поступлении в военную академию. Вот только для этого ему нужны были рекомендации и некоторая сумма денег. И я надеялась, что мой развод с герцогом Клермоном решит хотя бы вторую часть этой проблемы.

Мы с удовольствием посмотрели представление уличного кукольного театра, а потом уставшие Табита, Стефани и Сэм отправились отдыхать в гостиницу. Мы же с Аленом пошли на постоялый двор, куда должен был прибыть месье Меридо.

Мастер уже дожидался нас там. Мы забрались к нему в повозку и поехали в таверну «Меч рыцаря». Месье Меридо уже бывал там весной, а потому мне не требовалось указывать ему дорогу.

Мужчины остались на улице, а я вошла в таверну одна. Деловые разговоры я предпочитала вести тет-а-тет. В зале было много посетителей самых разных возрастов и статуса. Приехавшие на ярмарку со своим товаром крестьяне, купцы, ремесленники. Здесь было шумно и жарко. У девушки-подавальщицы я спросила про месье Кордена и замерла, ожидая ответ. С тех пор, как мы разговаривали с ним, прошло уже несколько месяцев, многое могло измениться. Он мог отойти от дел и уехать из Альенде. Или просто передумать покупать у меня огурцы. Вдруг он не сумел сохранить их в пригодном для еды состоянии. Или они надоели его посетителям, а то и ему самому.

Но нет, когда месье Корден вышел ко мне с кухни, лицо его расплылось в широкой улыбке, и я поняла, что наша договоренность осталась в силе.

— Дорогая мадемуазель, как я рад вас видеть! — воскликнул он и, должно быть, обнял бы меня, если бы не боялся нарушить правила приличия.

Мы прошли в небольшую светлую комнату, где перед окном стоял стол с разложенными на нем бумагами. Должно быть, это был рабочий кабинет хозяина. Кажется, месье Корден сам вел свою бухгалтерию.

— Сколько товара вы привезли, мадемуазель? — спросил он, когда я опустилась на стул. — Я куплю его весь. Мои постоянные посетители за зиму привыкли к вашим огурцам и теперь буквально требуют их у меня. А я распродал остатки еще до наступления тепла.

Я была рада это слышать. Сейчас я привезла в Альенде в пять раз больше огурцов, чем на зимнюю ярмарку. Но основной сезон для засолки еще не начался. Герцогские теплицы были полны свежих плодов. К тому же я не собиралась оставлять без внимания и дикие огурцы. По моей просьбе Ален подвел воду к тем кустам, что росли на берегу реки, и я надеялась, что те плоды уже будут горчить куда меньше.

— Я готов поднять цену, мадемуазель, если вы по-прежнему будет поставлять свой товар только мне.

С его стороны это была правильная постановка вопроса. Эксклюзивный товар способен привлечь в его таверну новых посетителей. Но это было выгодно и для меня. Мне совсем не понравилось стоять с огурцами в торговых рядах на ярмарке, пытаюсь убедить каждого прохожего хотя бы попробовать диковинный овощ.

Потом, по осени, если мы с матушкой Табитой и Кандидой сумеем засолить побольше огурцов, уже можно будет подумать и о поездке с товаром в столицу. Ну а пока я готова была отдать эти бочки именно месье Кордену. Тем более, что в своем нынешнем положении я не могла себе позволить ходить с товаром по другим тавернам и постоянным дворам и особенно продавать его на ярмарке.

По прежней цене месье Корден должен был бы мне пятнадцать золотых. Но он заплатил мне целых тридцать пять. И я поняла, что огурцы действительно пришлись по душе его покупателям, раз уж он так дорожил нашим сотрудничеством.

Повара перенесли бочки с телеги в подвал таверны, и мы расстались с месье Корденом в самом приятном настроении. Один золотой я тут же передала месье Меридо. Мастер замахал руками,

собираясь отказаться от этого вознаграждения. Но я не отступала. Он полностью заслужил эти деньги. Он так много нам помогал, что я была рада наконец хотя бы частично отплатить ему за это. И ведь я знала, как пригодятся ему эти деньги именно сейчас, на ярмарке, где ему наверняка нужно будет купить себе много всяких вещей.

На следующий день мы отправились в магазин готовой одежды. Выбор нарядов здесь был не слишком большой, но мы всё-таки сумели подобрать себе кое-что для обновления гардероба.

Матушке мы купили платье из бордовой тафты — строгое и элегантное. А еще шляпку и перчатки. Она тоже долго отнекивалась, и только мои слова о том, что она сейчас — теща герцога Клермона, смогли убедить ее не возражать против этой покупки. Подобрали нарядную одежду и для племянников, и для меня самой. Я позволила себе купить платье, которое, по словам хозяйки магазина, «только-только прибыло из Валье-де-Браво». Оно было дороже других, но вполне стоило своих денег. Оно было сшито из светло-бежевого муара и украшено вышивкой. Вместе с ним в комплекте шли и шляпка, и перчатки.

Расплачивалась за покупки я уже после того, как Табита и дети вышли из магазина. Я боялась, что матушка придет в ужас, узнав, что мы оставили здесь целых четыре золотых. Впрочем, я попросила хозяйку выписать мне квитанцию, что она незамедлительно и сделала, ничуть этому не удивившись. Должно быть, решила, что мне нужно отчитаться перед строгим супругом. Ну, что же, в этом она была права — я собиралась предъявить квитанцию герцогу Клермону. Ведь по сути это были представительские расходы, и если бы я не стала его женой, мне не потребовалось бы покупать такие дорогие наряды.

Коробки с платьями и шляпками нам должны были доставить прямо в гостиницу, и это дало нам возможность на обратном пути зайти еще и в лавку со сладостями. Мы купили пряников и конфет не только для себя, но и для Дега, и для мадам Шабри.

Поскольку других дел в Альенде у нас не было, пообедав, мы отправились домой. Запряженная хорошими лошадьми карета проделала путь до имения Кдермона куда быстрее, чем это сделали бы повозки месье Меридо или Эмиля Булона. А в дороге мы еще и подремали, так что выгрузились из кареты у крыльца герцогского особняка необычайно довольными.

Меня удивило, что Мэнсфилд не вышел, чтобы нас встретить. Как бы он к нам ни относился, своими обязанностями он никогда не пренебрегал.

А когда я увидела, что на крыльцо выбежала мадам Шабри с покрасневшими от слез глазами, мне стало совсем тревожно.

— Что-то случилось? — спросила я дрогнувшим голосом.

— Мэнсфилд, ваша светлость! — в отличие от дворецкого, экономка употребляла это обращение по отношению ко мне легко и непринужденно. — У него сильный жар со вчерашнего дня! Утром он еще пытался держаться бодрячком, но к обеду слег, а сейчас, заслышав карету, даже не смог подняться с постели.

— Надеюсь, вы вызвали доктора?

Но она замотала головой:

— Никак нет, ваша светлость! Мэнсфилд и слушать об этом не хочет! За доктором нужно ехать в Труа, а это стоит не дешево.

Труа был небольшим городком в нескольких лье от поместья.

— Господин лекарь возьмет за свой визит не меньше серебряной монеты, — продолжала торопливо объяснять экономка, — а Мэнсфилд говорит, что мы не можем себе этого позволить!

Я вздохнула и велела мадам Шабри проводить меня в комнату дворецкого.

Глава 52

Комната Мэнсфилда была чистой, светлой, но с очень простым убранством. Вот уж кого трудно было заподозрить в злоупотреблении служебным положением!

Сам Мэнсфилд лежал на стоявшей у стены кровати — бледный, изможденный. На лбу его лежала смоченная водой тряпица.

При моем появлении он попытался приподняться, но тут же снова рухнул на подушки, болезненно застонав. Я даже пожалела, что пришла сюда — не потому, что боялась заразиться, а потому, что мне показалось, что именно мое присутствие заставляло дворецкого чувствовать себя особенно неловко.

— Мы поим его горячим травяным чаем и ставим холодный компресс на лоб, — доложила мадам Шабри, когда мы вышли в коридор. — Только пока это не сильно помогает.

— Отправьте карету за доктором, — велела я. — И не беспокойтесь о расходах. Я оплачу визит врача из своего кармана.

Экономка поклонилась и торопливо отправилась выполнять мое распоряжение. Уже через несколько минут я услышала скрип колес отъезжавшего экипажа. Прежде, чем карета вернется с доктором, пройдет не меньше нескольких часов. Будет уже поздний вечер, а то и ночь, и в это время суток жар у Мэнсфилда наверняка усилится.

— Присмотрите за ним, — попросила я одного из старых лакеев. — И нужно, чтобы он хоть чего-нибудь поел. Может быть, куриного бульона?

Поскольку с питанием в особняке было не всё в порядке, я лично отправилась на кухню, чтобы поговорить с кухаркой.

— Куриный бульон, ваша светлость? — затрепетала она. — Но господин Мэнсфилд на этой неделе купил задешево рыбу в деревне и не велел готовить ничего, кроме нее и овощей.

Я не собиралась с ней спорить. Я просто выразительно на нее посмотрела, и она смутилась и закивала:

— Как вам будет угодно, ваша светлость!

Я настояла на сытном ужине и для нас, и для слуг. Кто знает, чем болен дворецкий, и если это было что-то заразное, то нам всем

следовало хорошо питаться, чтобы укрепить иммунитет.

В такой невеселой обстановке я не стала раздавать слугам те сладости, что мы привезли из Альенде, решив отложить этот приятный момент до выздоровления Мэнсфилда.

Я не собиралась ложиться спать до приезда доктора, а потому не раздевалась на ночь. И всё-таки я задремала, сидя в кресле у себя в спальне, и только услышав шум подъехавшей кареты, вскочила и спустилась на первый этаж.

Я не стала отвлекать врача, предоставив ему возможность прежде осмотреть больного, и только когда спустя полчаса он вышел из комнаты Мэнсфилда, приступила к нему с расспросами.

— Это простуда, сударь, или какая-то инфекция?

Доктор — мужчина средних лет с рыжей окладистой бородой — поспешил меня успокоить:

— Полагаю, что обычная простуда, ваша светлость! Насколько я понял, господин Мэнсфилд накануне много времени провел в холодном подвале — он сказал, что составлял список находящегося там продовольствия. А там наверняка не только холодно, но еще и сыро. Этого оказалось достаточно, чтобы он заболел.

Я догадывалась, чем занимался Мэнсфилд в подвале. Он искал письмо! Не удивительно, что он увлекся и не заметил, как замерз.

— Я дал ему жаропонижающую микстуру, — продолжал доктор, — и объяснил вашей экономке, как ее следует давать больному в течение нескольких следующих дней. И разумеется, ему следует находиться в тепле.

Я пообещала, что мы в точности выполним все его указания, и заплатила ему за визит. Поскольку было уже миновала полночь, доктор предпочел остаться у нас на ночлег, и мадам Шабри разместила его в одной из гостевых комнат.

Он уехал на рассвете. Я не услышала бы этого, если бы как обычно спавшая возле моей кровати Дельфина не зарычала, когда услышала под окном голоса. Я выглянула в окно как раз тогда, когда доктор садился в карету. Лакей подал ему чемоданчик и захлопнул дверцу экипажа.

Кухарка оказалась сообразительной дамой и без дополнительных указаний с моей стороны постаралась на славу, и завтрак, и обед в этот день оказались куда лучше, чем прежде.

На улице зарядил дождь, и в доме сразу стало холодней. Я велела мадам Шабри передать слугам, чтобы в комнате Мэнсфилда растопили печь.

А когда снова вышло солнце, я отправилась к Дега, чтобы передать им привезенные с ярмарки конфеты и проследить за засолкой очередной партии огурцов. Несмотря на то, что это мало соответствовало статусу герцогини, я не могла совсем уж забросить свое занятие. Клермон не оставил мне выбора — нам нужны были деньги хотя бы для того, чтобы нормально питаться.

Вернувшись в особняк и пообедав, я принялась за поиски письма. На сей раз моей целью была мастерская, где повсюду стояли портреты и пейзажи. Часть из них находились там явно давно и, должно быть, были написаны кем-то из прежних поколений Клермонов. Они уже изрядно запылились, а их краски выцвели под воздействием солнечных лучей, что пробивались в просторное помещение через неплотно задернутые шторы. Другая же часть была написана недавно рукой маркиза Абеяра, а возможно, и кого-то еще из гостей.

Увидела я здесь и свой собственный портрет. В отличие от портрета мадемуазель Эванс, уже помещенного в красивую массивную раму, мой скромно притулился в сторонке. Но это ничуть не обидело меня.

Я долго смотрела на изображенное на холсте лицо Жасмин — красивое, но чересчур надменное. Уголки ее тонких губ были чуть приподняты, и мне показалось, что она смеется надо мной.

Интересно, почему его светлость оставил ее портрет здесь, а не отправил в столицу, дабы отдать его своей бывшей невесте? Возможно, он всё еще любил ее и хотел иметь перед глазами ее лицо?

Я осмотрела стены в комнате, перевернула каждую картину, заглянула под подоконники, но письма так и не нашла.

Когда я шла обратно в свою комнату, то с удивлением увидела в коридоре Мэнсфилда. Он брёл в сторону кухни, держась за стены. Несмотря на то, что выглядел он неважно, одет он был безукоризненно.

— Зачем вы встали, сударь? — возмутилась я. — Доктор сказал, что в ближайшие несколько дней вам следует находиться в постели.

Он поклонился мне, а потом отвел одну руку за спину и почти незаметно стал опираться ею на стену. Еме было тяжело стоять.

— Простите, ваша светлость, но мне решительно необходимо поговорить со Сьюзан.

Так звали нашу кухарку, и я прекрасно понимала, о чём именно он собирался с ней поговорить.

— Если вы хотите обсудить наше нынешнее меню, — усмехнулась я, — то вам не обязательно идти для этого на кухню. Сьюзан всего лишь выполняет то, что я ей велела.

Он тяжело задышал, и потребовалась пара минут, чтобы он мог собраться и ответить мне.

— Но мы не можем позволить себе такие траты на еду, ваша светлость! Нам просто не из чего будет платить слугам жалованье!

— Не беспокойтесь, сударь, — сказала я, — дополнительные продукты я покупаю на свои средства, раз уж его светлость оказался столь скуп, что не захотел позаботиться о своем семействе и своих слугах.

Он снова едва не задохнулся — то ли от кашля, то ли от возмущения.

— Полагаю, вам следует вернуться в постель, — посоветовала я.

Кажется, он и сам понял, что переоценил свои нынешние возможности, потому что безропотно повернул в противоположную от кухни сторону. Но когда он сделал несколько шагов, то остановился и обернулся:

— Благодарю вас за то, что позвали господина доктора, ваша светлость! И хотя сам я по-прежнему считаю, что в этом не было необходимости, я крайне признателен вам за эту заботу.

Я лишь кивнула в ответ. Мне показалось, что теперь он называл меня «ваша светлость» уже без прежней натужности.

Я так вымоталась за этот день, что попросила принести ужин в спальню. Я разделила хлеб и жаркое с Дельфиной и только травяной чай выпила сама. И заснула, едва добравшись до кровати.

А ночью я проснулась от того, что собака вскочила и подбежала к окну, радостно повизгивая. Она то пыталась запрыгнуть на подоконник, то неслась к дверям, требуя, чтобы я их открыла.

С улицы донеслись ржание лошади и чьи-то голоса. Было темно, и я не рассмотрела, кто подъехал ко крыльцу, но догадалась, кто это был, по поведению Дельфины.

Кажется, герцог Клермон вернулся домой!

Глава 53. Герцог Клермон

Из Валье-де-Браво граф Бланшар вернулся в превосходном расположении духа. Он пригласил меня к себе — в комнату, служившую ему кабинетом.

— Мой мальчик, у меня есть, чем тебя порадовать! Третейский суд, наконец, провел экспертизу того письма, на основании которого терезийцы пытались отсудить себе провинцию Деланже. Экспертами выступали многоуважаемые маги, почерковеды и антиквары. И они единогласно заявили, что это письмо было написано совсем недавно и не имеет никакого отношения к тому периоду, о котором в нём идет речь. Похоже, что его написал тот самый вор, что стащил подлинник. Должно быть, он не сумел вынести настоящее письмо из твоего особняка и пошел на хитрость.

Его сиятельство вызвал слугу и велел ему накрыть роскошный стол, собираясь отпраздновать такую замечательную новость.

— Вот только я не понимаю, на что надеялся этот человек, передавая терезийцам подделку? — продолжил он, когда за лакеем закрылась дверь. — Он не мог не понимать, что документ проверят на подлинность.

— Возможно, у него не было другого выхода, — предположил я. — Наверняка он пошел на преступление не просто так, а за огромное вознаграждение. А уж Терезия не поскупилась бы за то, что могло помочь ей завладеть Деланжем. Он получил деньги, украл письмо, но не смог вынести его из моего дома. Что ему оставалось делать? Он должен был признаться в своей неудаче и вернуть полученные от них деньги. Но что, если часть денег он уже потратил? Терезийцы — не те люди, с кем можно шутить. К тому же он мог и не знать о том, что принадлежность документа к тому или иному веку можно установить экспертным путем. Он переписал письмо слово в слово и надеялся, что этого будет достаточно. А быть может, он понадеялся на то, что Третейский суд вовсе не примет этот документ в качестве доказательства, и тогда о том, что он подделка, вовсе никто бы не узнал.

Бланшар выслушал меня с самым серьезным видом и кивнул:

— Пожалуй, ты прав! Но всё это теперь уже не так важно. Кем бы ни был этот вор, теперь ему придется несладко. Он обманул терезийцев, и теперь они потребуют от него сатисфакцию. Ну а ты наконец можешь вздохнуть спокойно. Я разговаривал с его величеством, и он сказал мне, что никогда в тебе не сомневался. Именно поэтому он и ограничился всего лишь отправкой тебя в Эрден, а не помещением в тюрьму в Валье-де-Браво. А теперь его величество ожидает тебя в столице.

Слуга сообщил, что стол накрыт, и разговор мы продолжили уже в столовой зале.

— Но прежде, чем ехать в столицу, мой мальчик, я посоветовал бы тебе решить вопрос с твоим поспешным браком.

Он поднял бокал и внимательно посмотрел на меня. Но я в ответ лишь недоуменно нахмурился:

— Не понимаю, о чём вы говорите, ваше сиятельство?

Я доверял графу Бланшару как никому другому, но слишком хорошо понимал, что даже у стен есть уши. Я не готов был откровенничать даже с лучшим другом своего отца.

Его сиятельство укоризненно покачал головой:

— Не думай, Бернард, что я не догадался, чем был вызвано твое желание жениться на этой прелестной мадемуазель! Да, твоя супруга очень красива, но не думаю, что одного этого факта оказалось бы достаточно, чтобы сподвигнуть тебя на такой мезальянс. Нет-нет, я не упрекаю тебя. В тех обстоятельствах, которые были на тот момент, ты поступил совершенно правильно. Но поскольку обстоятельства изменились, полагаю, тебе следует пересмотреть свое решение.

— Письмо еще не найдено, — напомнил я. — И кто может гарантировать, что вскоре терезийцы не предъявят в суд еще один его вариант?

Бланшар промокнул губы салфеткой и возразил:

— Полагаю, что Третейский суд уже не примет от них никакого письма. Их сторона уже слишком себя скомпрометировала. К тому же то, что письмо оказалось поддельным, уже само по себе снимает с тебя все подозрения. Ты-то как раз был единственным, кто мог передать в Терезию именно подлинник. И слова его величества свидетельствуют, что он не намерен в тебе сомневаться. А вот твой брак, как я понял, короля весьма разочаровал. И если ты не хочешь лишиться

расположения его величества, тебе следует как можно скорее его расторгнуть. И даже если у тебя есть какие-то чувства к этой барышне, вряд ли они столь же важны, как хорошее отношение монарха. Позволь мне дать тебе совет — немедленно отправляйся в Клермон и договорись со своей супругой. Дай ей хорошие отступные, подари что-то из фамильных драгоценностей (женщины как сороки — любят всё блестящее) и уговори ее согласиться на расторжение брака.

Я не сказал ему, что мы с мадемуазель Ревраль договорились об этом изначально. Знать об этом старому графу было не обязательно.

И я не собирался забывать об истории с письмом, даже если на данный момент она и казалась почти завершенной. До тех пор, пока я не найду оригинал письма, угроза быть снова обвиненным в предательстве так и не отступит. И то обстоятельство, что в Третейский суд была представлена подделка, говорило лишь об одном — что настоящее письмо до сих пор было в Клермоне. Кем бы ни был этот вор, он не сумел унести его с собой. И теперь, когда правда открылась, и терезийцы уже знают, что он их обманул, его единственная возможность избежать их мести — это вернуться в мое имение и еще раз попытаться вынести письмо. И когда он предпримет эту попытку, я должен быть там, в Клермоне!

И именно поэтому сразу же после ужина с графом Бланшаром я отправился в путь. Его сиятельство пытался уговорить меня остаться в Эрдене хотя бы до утра, но я настоял на своем. Уже дважды я проделывал это расстояние именно ночью и хорошо знал дорогу. И на этот раз я уже мог позволить себе не гнать лошадь, а ехать не спеша, чтобы обдумать всё хорошенько.

Я обнялся с его сиятельством и поблагодарил других офицеров за компанию, что они составили мне в этом замке, и выехал за ворота Эрдена.

Мыслей было много и, пустив коня рысью, я пытался привести их в порядок. Я вспоминал каждого, кто гостил у меня в особняке в то время, когда пропало письмо, но не мог выбрать среди гостей того одного, кто вызвал бы у меня особые подозрения. Я даже не знал, что именно толкнуло это человека на такой подлый шаг. Было ли это желание разбогатеть на предательстве интересов Арвитании или ненависть лично ко мне?

Мне казалось, что ни у кого из приглашенных на нашу с Жасмин помолвку не было явных причин для такой злобы ко мне. Но я слишком хорошо понимал, что иногда причиной для вражды становится какой-то поступок, о котором ты сам уже забыл, или даже неосторожное слово, которому ты не придал значения.

Один мог позавидовать тому расположению, которое оказывал мне его величество. Другой — воспылать ревностью из-за адресованной мне улыбки его дамы сердца. Но могли ли такие причины заставить человека пойти на столь опасную авантюру? У меня не было ответа на этот вопрос.

Когда я подъехал к своему дому, в окнах не было света. Все спали, и мне пришлось несколько раз постучать в дверь. Наконец, я услышал шаркающие шаги, и сердитый голос Мэнсфилда спросил, кого принесло в такой час.

А едва я ответил, как услышал собачий лай. Мне показалось, что я схожу с ума — это был лай моей погибшей собаки!

— Дельфина? — ошеломленно пролепетал я, глядя на отворившего мне дверь дворецкого.

— Именно так, ваша светлость! — подтвердил Мэнсфилд, вытянувшись по струнке. — Ваша собака оказалась в доме мадемуазель Ревиаль. Дети подобрали ее раненую в лесу. Полагаю, они не знали, что она принадлежит вам. А для всех нас было большой радостью узнать, что она жива.

Дальнейших объяснений уже не требовалось, потому что сама Дельфина уже неслась ко мне. Она едва не сшибла меня с ног, а когда я наклонился, чтобы обнять ее, принялась лизать мое лицо с таким восторгом, что я не сумел сдержать слёз.

А когда я снова выпрямился, свечи в холле были уже зажжены, и на ступенях лестницы я увидел свою мадемуазель Ревиаль.

Она явно только что проснулась. На ней было надето простое платье без корсета и фижм, и именно его простота позволяла подчеркнуть все достоинства ее фигуры. А не собранные в прическу разметавшиеся по плечам длинные волнистые светлые волосы делали ее похожей на лесную нимфу.

— Доброй ночи, ваша светлость! — сказал я и сделал шаг в ее сторону.

Глава 54. Герцог Клермон

— Доброй ночи, ваша светлость! — откликнулась она.

Как я и думал, она не поспешила мне навстречу, и в целом, как мне показалось, была не слишком рада моему прибытию домой. Да я и сам подустал в дороге и предпочел бы просто пройти в свою спальню и предаться сну. Но в холл вышли слуги, и нам с законной супругой нужно было постараться изобразить хоть какую-то радость от нашего воссоединения.

Я подошел к лестнице и, стоя на несколько ступеней ниже, чем мадемуазель Ревиаль, взял руку супруги и запечатлел на ней поцелуй. Сама девушка, наконец, обратила внимание на то, что у этой сцены были свидетели, и заулыбалась мне в ответ.

— Как я рада вас видеть! — проворковала она.

— Я распоряжусь накрыть стол, ваша светлость! — раздался за моей спиной голос Мэнсфилда.

Сначала я хотел отказаться, но мой желудок запротестовал против этого громким урчанием.

Я поднялся к себе, сбросил дорожную одежду, наскоро умылся принесенной лакеем теплой водой.

На улице было лето, но эту неделю стояла холодная погода, и в спальне было ощутимо прохладно. Но это было понятно — Мэнсфилд не знал, что я вернусь этой ночью, и не позаботился о том, чтобы здесь растопили камин.

Но вот то, что холодно было и в столовой зале, изрядно меня удивило. Когда я спустился туда, мадемуазель Ревиаль уже сидела за накрытым столом. Я окинул взглядом выставленные на тарелках яства и поморщился. От здешней кухарки я ожидал гораздо большего, и насколько я помнил свои предыдущие визиты сюда, она на это большее была вполне способна. А паштетов, отварных овощей и холодного копченого мяса я вдоволь наелся и в замке Эрден.

Моя супруга, кажется, заметила мой недовольный взгляд, потому что сказала:

— Поверьте, ваша светлость, это поистине роскошный ужин. Мясо на этой неделе подано впервые.

Я нахмурился, не понимая, что это значило. Я не был стеснен в средствах, и если в Эрдене я обязан был довольствоваться тем, что готовил гарнизонный повар, то в своем доме хотел бы есть то, что было мне по вкусу.

— Ваш дворецкий заботится о ваших финансах как о своих собственных, — усмехнулась девушка, поняв, что я ожидаю пояснений. — Он не позволяет себе потратить на здешнее имение ни единой лишней монеты. Надеюсь, вы не сочтете меня транжирой, если я скажу, что, когда мы жили в деревне, наш стол был более питательным и разнообразным.

Это прозвучало как упрёк, и, судя по этому ужину, я понимал, что он вполне справедлив.

— Вам следовало быть с Мэнсфилдом пожестче, — я не смог сдержать улыбки. — Он всего лишь дворецкий, а вы — герцогиня Клермон.

Она небрежно взмахнула рукой.

— Прошу вас, ваша светлость, давайте воздержимся от этих пафосных речей хотя бы тогда, когда мы в комнате одни. Вы не хуже меня знаете, что титул герцогини для меня — не более, чем фикция. Насколько я понимаю, раз вы здесь, дома, то обвинения с вас уже сняты? — она сделала паузу, а когда я кивнул, продолжила: — Тогда, полагаю, вы приехали, чтобы уведомить меня о расторжении брака? Наш развод потребует какого-то особого обряда или достаточно будет поставить подпись в документах?

Она подошла к этому вопросу настолько спокойно и по-деловому, что я не мог не восхищаться. И конечно, я понимал, что ее волнует судьба пяти тысяч золотых монет, которые она должна была получить в результате нашей договоренности.

— Пока об этом рано говорить, сударыня, — я едва не обратился к ней с привычным «мадемуазель», но вовремя спохватился. — Письмо, о котором я вам говорил, до сих пор не найдено, а значит, в любой момент обвинения против меня могут быть выдвинуты снова. И пока мы не найдем его, я предпочел бы сохранять видимость нашего брака.

Ее ответный взгляд был полон недовольства.

— Но ведь может так случиться, сударь, что это письмо не будет найдено вовсе!

— Не беспокойтесь, Лорейн, я не собираюсь удерживать вас подле себя сверх необходимого. Я полагаю, что человек, который украл письмо, скоро снова попытается им завладеть. А для этого ему потребуется сюда вернуться. Так мы, по крайней мере, будем знать, кто это.

— Но что, если он вернется не один? — с тревогой спросила она. — Он может нанять для этой цели каких-нибудь разбойников. И как мы сможем им противостоять? Помимо вас, из мужчин в доме только трое старых почти немощных слуг да мой пятнадцатилетний племянник, который едва ли умеет обращаться со шпагой.

— Предоставьте подумать об этом мне, — сказал я. — Нападение на дом ни к чему не приведет — никто из них всё равно не сможет вынести отсюда письмо. К тому же, как я подозреваю, подлинная цель всего этого — компрометация моего доброго имени. А нападение на особняк развеет без следа так тщательно придуманную версию о моем предательстве. Нет, подлинный преступник будет действовать иначе. Он наверняка найдет убедительную причину для возвращения сюда. Что же касается мужчин в доме, то тут вы правы. И я еще днем из Эрдена отправил письмо в свою столичную резиденцию, так что моя прислуга из Валье-де-Браво скоро будет здесь. И это нужно не только в целях безопасности, но и для того, чтобы обеспечить здесь хотя бы маломальский комфорт.

На это мадемуазель Ревияль кивнула с явным одобрением.

— Новость о моем возвращении в имение скоро станет общеизвестной, и будет странно, если мы не устроим по этому поводу хотя бы небольшой прием. Я должен буду официально представить вас местному обществу как свою супругу.

Я не знал, сколь долго еще нам потребуется продолжать эту игру, но раз уж мы ввязались в нее, то следовало играть по правилам. Если мне снова потребуется прикрыться этим браком, дабы сохранить свой титул, то мне не хотелось бы, что хоть у кого-то были доказательства того, что он фиктивный.

— Не думаю, ваша светлость, что это хорошая идея, — девушка нахмурилась. — К чему весь этот фарс? Поверьте, здешнее общество прекрасно осведомлено о том, что послужило причиной нашего брака.

— Вот как? — я рассмеялся. — Ну что же, тем лучше. Но давайте всё же продемонстрируем им нашу семейную идиллию. Думаю, это

будет даже забавно. Впрочем, сейчас не лучшее время, чтобы это обсуждать. Я и без того поднял вас с постели посреди ночи. Давайте вернемся к этому вопросу утром. А сейчас нам следует отдохнуть.

Она не стала возражать и поднялась из-за стола. И я поднялся следом.

Мэнсфилд ожидал нашего выхода из столовой и сразу же подал знак лакею, чтобы тот убирал со стола. Мне нужно было серьезно поговорить с ним, но я предпочел отложить разговор до утра. Сейчас мне хотелось только одного — хорошенько выспаться.

Мы поднялись на второй этаж. Мне было интересно, в каких комнатах разместились Лорейн, и когда она остановилась у дверей «бежевой» гостевой комнаты, я хмыкнул. Как и некогда комнаты, отведенные Жасмин, эта гостевая находилась от моих собственных апартаментов на довольно большом расстоянии. Но если в первом случае такое размещение мадемуазель Эванс было вызвано необходимостью соблюдать правила приличия, то чем руководствовался Мэнсфилд, выбирая для мадемуазель Ревиль именно эту комнату, мне было непонятно. Для герцогини Клермон он мог бы подобрать куда более удобный вариант.

— Нет-нет, сударыня, — возразил я, когда девушка, пожелав мне спокойной ночи, хотела открыть дверь. — Полагаю, что хотя бы эту ночь нам следует провести в одной спальне. Боюсь, никто не поймет, если мы поступим по-другому.

Глава 55

Его приезд оказался для меня полной неожиданностью. Не скажу, что он меня расстроил, но обеспокоил — да. Одно дело изображать из себя герцогиню Клермон, когда твой официальный супруг находится за много лье от тебя, и совсем другое — когда он тут, рядом.

Я понятия не имела, как мне следовало себя с ним вести, а потому растерялась, увидев его в холле. Впрочем, тот факт, что я застыла на лестнице как статуя, можно было объяснить поздним временем и тем, что я еще не вполне проснулась.

Надо признать, что сам герцог довольно ловко вышел из положения, и мне оставалось лишь чуточку ему подыграть.

А во время ночного ужина я и вовсе почти успокоилась. Если с герцога сняли все обвинения, то это значит, что он уже более не нуждается в фиктивной жене, и мы можем расторгнуть наш брак ко взаимному удовольствию.

Но всё оказалось совсем не так просто, как я предполагала. И потому из-за стола я поднялась в весьма противоречивых чувствах. И поднимаясь по лестнице на второй этаж, я решила, что все размышления стоит отложить до утра.

Я уже взялась за ручку двери своей спальни, когда услышала:

— Нет-нет, сударыня. Полагаю, что хотя бы эту ночь нам следует провести в одной спальне. Боюсь, никто не поймет, если мы поступим по-другому.

Мне захотелось наговорить ему кучу дерзостей, но в глубине души я понимала, что он прав. Муж возвращается домой после долгого отсутствия и не спешит уединиться со своей молодой супругой. Это кто угодно счел бы необычайно подозрительным.

И я вздохнула и послушно отправилась в спальню Клермона. Устраивать разборки в коридоре было бы глупо. И мне ужасно хотелось спать. Да и в апартаментах его светлости (это я уже знала, потому что успела поискать пропавшее письмо и там) состояли из трех смежных комнат, так что нам даже не нужно было спать в одной кровати.

Сам герцог подумал о том же самом, потому что сказал, как только мы переступили порог его спальни:

— Кровать я уступаю вам, сударыня! Меня вполне устроит тот диван, что находится в моем кабинете. Все двери я запру и попрошу Мэнсфилда не беспокоить нас утром. Приятных вам сновидений!

Он отправился в другую комнату, на ходу снимая рубашку. А я слишком медленно отводила от него взгляд, поэтому успела заметить его мускулистую спину. Странно, но под одеждой эти мускулы трудно было даже предположить. Должно быть, во время своего пребывания в Эрдене он не терял времени даром.

Его светлость обернулся, и я смущенно потупила взор. Какая глупейшая ситуация!

Но стоило только мне коснуться подушки, как я забыла об этом. Мне следовало выспаться и подняться раньше герцога, дабы до его пробуждения успеть сбегать в дом огородника, предупредить Дега о возвращении хозяина и дать кое-какие советы по засолке огурцов.

Так я и поступила, поднявшись с первыми лучами солнца. Я выскользнула из дома, не замеченная даже вездесущим Мэнсфилдом. Кажется, он еще не вполне оправился от болезни, и это сказывалось на его бдительности.

Обе теплицы меня порадовали. Огурцов было много, и растения еще всю цвели. А несколько бочек были уже полны, и хотя процесс брожения еще продолжался, кладовая, в которой они стояли, уже была наполнена пряным ароматом тех специй, что мы в них добавляли.

Кандида перепугалась, когда я сказала ей, что его светлость приехал домой, но я поспешила заверить его, что обсужу с ним их пребывание здесь еще за завтраком. И когда я вернулась в особняк, дворецкий как раз шел к его светлости, чтобы сообщить, что стол накрыт.

Ни матушка Табита, ни дети не решились присоединиться к этому завтраку, предпочтя потрапезничать у себя в комнатах. Для них герцог Клермон был слишком большой величиной, и они не могли представить себе, что будут делить с ним один стол.

— Ваши родные не спустятся к нам? — спросил его светлость, когда мы сели друг против друга.

Я покачала головой. Полагаю, он и сам догадался о причинах этого. Но я понимала, что рано или поздно их встреча должна

состояться, и решила, что постараюсь представить их друг другу еще до обеда.

— Кажется, вы имеете обыкновение просыпаться очень рано? — заметил Клермон, ловко расправляясь с пышным омлетом.

Он бросил на меня внимательный взгляд, и я почувствовала, что краснею. Наверняка Мэнсфилд уже доложил ему о моих визитах в теплицу, и теперь мне следовало найти разумное объяснение тому, что я до сих пор не бросила заниматься тем, что совсем не к лицу герцогине Клермон.

— Простите, ваша светлость, что я приняла это решение, не посоветовавшись с вами, — начала я, отложив в сторону нож и вилку, — но я подумала, что раз дом огородника всё равно пустует, то будет полезно для всех, если там поселятся люди, которые смогут обеспечивать особняк свежими овощами и фруктами. Дега — весьма уважаемое в деревне семейство. И они нуждаются в этой работе, потому что у них на руках оказалась маленькая внучка. Я не решилась назначить им жалованье без вашего дозволения, но...

Он прервал меня взмахом руки:

— Сейчас вы здесь хозяйка, Лорейн! И в отношении такой мелочи, как жалованье огородника, вы можете принять решение без меня.

Как легко он об этом говорил! А ведь Мэнсфилд был готов сражаться за каждую его монету!

— Я слышал, что вы и сами, сударыня, не чураетесь земледельческого труда, — меж тем, продолжал Клермон. — Я не стану упрекать вас за это. Всякий труд почетен и уважаем, и сам виноват, что на время своего отсутствия не обеспечил вас средствами к существованию. Но я был бы вам признателен, если бы вы пока воздержались от визитов в эти теплицы. И кстати, Мэнсфилд сказал, что вы выращиваете там огурцы в огромных количествах. Позвольте полюбопытствовать, что вы делаете с ними?

Прежде, чем ответить, я посмотрела на него. Кажется, он не шутил и не старался меня задеть. Ему действительно было интересно.

— Я продаю их солеными в Альенде. Вы можете не поверить, ваша светлость, но они пользуются там большой популярностью.

Тут я вспомнила о нашей с ним первой встрече в этом городе, и смутилась окончательно. Это были не самые приятные воспоминания.

— Ну, что же, когда вы перестанете быть герцогиней Клермон, то полагаю, это занятие окажется для вас весьма полезным. Но до тех пор я прошу вас забыть об огурцах. Переложите все эти обязанности на плечи нанятых вами людей. Я готов платить им достойное жалованье. И если вы сами любите эти ваши огурцы, то я ничуть не возражаю, если они будут и на нашем столе. Надеюсь, по этому вопросу мы договорились?

Этот вариант вполне устраивал и меня саму. Кандида уже неплохо разобралась в технологии выращивания огурцов и в теплице, и в открытом грунте, а теперь управлялась и с их засолкой. А месье Меридо наверняка согласится отвезти в Альенде еще несколько бочек с товаром. Так что мое участие в нашем бизнесе можно было на время ограничить. Но совсем бросать его я, разумеется, не собиралась.

— Мы хотели вернуться к обсуждению приема для наших арендаторов и соседей, — напомнил его светлость. — Полагаю, сейчас для этого самое время. Речь не идет о пышном торжестве, но обозначить наше присутствие в имении всё-таки стоит.

— Хорошо, — согласилась я без особого энтузиазма. — Когда вы хотите его устроить? Недели через две, не раньше?

Я плохо представляла, что должна делать при организации приема хозяйка поместья. Наверно, в этом вопросе следовало положиться на Мэнсфилда и мадам Шабри.

— Нет-нет, — с улыбкой возразил Клермон, — Прием состоится уже послезавтра. Я решил, что с этим не стоит тянуть, и уже отправил несколько приглашений. Да-да, сударыня, я сегодня тоже рано встал.

Теперь я смотрела на него почти с ужасом. Но это было немыслимо!

— Вас что-то беспокоит? — заметил он. — Впрочем, я понимаю. Это ваш первый прием в качестве хозяйки поместья, но уверяю вас, что вам не стоит волноваться. И чтобы отвлечься, скажите мне, какого цвета будет ваше бальное платье, чтобы мы могли подобрать к нему драгоценности.

Платье! Он спрашивал про платье! Но в этом-то как раз и была проблема!

— У меня нет бального платья, ваша светлость! — тихо сказала я.

— Нет бального платья? — изумился он.

А я разозлилась. Такие, как он, ничего не знают о жизни простых людей. Да и не хотят знать! Ему, должно быть, и невдомек, что в деревенском доме бальные платья не нужны.

А герцог, между тем, перевел взгляд на стоявшего у дверей Мэнсфилда. И дворецкий, как мне показалось, сник, съежился под этим строгим взглядом.

— Простите, ваша светлость, но я не думал, что...

А мои глаза наполнились слезами. Какая ужасная глупость — плакать из-за какого-то платья! Я вела себя как маленькая обиженная девочка, но ничего не могла с этим поделать.

Это был мой первый бал. Ну, пусть не бал, а прием. Но мне вдруг ужасно захотелось хоть ненадолго почувствовать себя настоящей принцессой. Как в сказке. И надеть настоящее бальное платье и похожие на хрустальные туфельки. И много танцевать. А потом... Потом пусть карета превращается в тыкву.

Но за два дня сшить бальное платье было невозможно. И я это слишком хорошо понимала.

Глава 56

После обеда из Валье-де-Браво приехали слуги его светлости, и особняк сразу наполнился шумом и суетой. Одни терли медные и бронзовые канделябры, ограждения каминов и ручки дверей, другие начищали до блеска столовое серебро, третьи мыли стекла в окнах и натирали паркетные полы. Меня изрядно удивляло, что всем этим процессом управлял не Мэнсфилд, а какой-то прибывший из столицы мужчина лет сорока — среднего роста, худощавый и верткий словно уж. Я даже забеспокоилась, не стало ли нашему дворецкому хуже.

— Нет-нет, ваша светлость, — успокоила меня мадам Шабри, — он уже вполне хорошо себя чувствует. А здесь его нет, потому что он еще утром отбыл куда-то в нашей карете. Куда, не знаю, потому что он не имеет обыкновения докладывать мне о своих делах. Но полагаю, он рад был отлучиться, дабы как можно меньше пересекаться с месье Бастьеном.

Так вот как звали этого деловитого мужчину!

— Месье Бастьен, — продолжала экономка, — предпочитает, чтобы его называли не дворецким, а мажордомом. На модный столичный лад. Слуги говорят, что во дворце его светлости в Валье-де-Браво месье Бастьен держит идеальный порядок, и нашего Мэнсфилда это весьма задевает. Но я вам так скажу, ваша светлость, что ежели бы у Мэнсфилда были бы такие же возможности, как у месье Бастьена, так он, поверьте, справился бы со всем не хуже.

Я не стала с этим спорить. Наш дворецкий и в самом деле был достаточно компетентен в этих вопросах, и выделяй ему хозяин побольше средств, здешнее поместье тоже наверняка блесло бы как бриллиант. И не его вина была в том, что Клермон провинции предпочитал столицу.

Но сейчас меня куда больше волновал другой вопрос — как сумею я справиться с обязанностями хозяйки приема, если совсем ничего о них не знаю?

И я отправилась к матушке, которая много лет была женой дворянина и наверняка устраивала немало светских вечеров в своем доме.

— Тебе не следует волноваться, моя милая, — улыбнулась она. — Самое сложное в этом деле — это подготовительная работа, когда нужно определиться, хватит ли тебе слуг на этот вечер, или нужно будет нанимать кого-то дополнительно. И нужно было освободить самую большую комнату в доме для танцев. И убедиться, что закуплено в достатке продуктов. А еще пригласить оркестр и проверить, не слишком ли темно в бальной зале и не требуется ли зажечь еще свечей.

От всего того, что она перечислила, у меня уже закружилась голова. Впрочем, от этих обязанностей его светлость меня любезно избавил. Насколько я поняла, всем этим как раз и занимался месье Бастьен. Герцог Клермон за обедом это подтвердил.

— Вам нужно будет, Лорейн, только приветствовать на лестнице всех прибывающих гостей. Но не беспокойтесь — я буду подле вас. Эта процедура может растянуться на пару часов, но надеюсь, что мы с вами выдержим ее с честью.

— Но я никого здесь не знаю, — честно призналась я, — а потому никого не смогу назвать по имени. Наверняка большинство из тех, кто будет на приеме, уже наносили мне визит, но я не запомнила почти никого из них.

Я не считала нужным их запоминать, полагая, что не продлится слишком долго и мне не придется бывать в здешнем светском обществе.

— Ничего страшного, — усмехнулся герцог, — я тоже никого тут не знаю, хотя с некоторыми из них встречался не раз. Герцог и герцогиня Клермон не обязаны помнить каждого дворянина своей провинции. К тому же месье Бастьен будет исполнять обязанности распорядителя бала. Прибывающие гости будут передавать ему карточки со своими именами, а он будет их объявлять. Так что нам останется только улыбаться и иногда чуть наклонять голову. Никаких важных персон на приеме не будет.

— А потом? — тихо спросила я. — Что я должна буду делать потом, когда все гости уже придут?

— А потом они со всем прекрасно справятся сами, — невозмутимо заметил Клермон. — Главное, чтобы не переставая играла музыка, а в соседней с бальной зале был накрыт стол со сладостями и легкими закусками.

— Мы обязательно должны танцевать? — этот вопрос был для меня необычайно важен.

В той памяти, что осталась мне от настоящей Лорейн Ревиль, было не так много воспоминаний, связанных с танцами. Девушка редко бывала на балах, и хотя она знала все па основных танцев, что были здесь популярны, для меня эти знания имели сугубо теоретический характер. И мне было трудно сказать, сумею ли я на практике повторить все те движения, что иногда картинкой всплывали у меня в голове.

— Вовсе нет, — откликнулся герцог. — Признаться, я предпочел бы вовсе не танцевать. Я не люблю этого дела с самой юности. Но я не стану возражать, если вы примете приглашение кого-то из кавалеров.

О, это было замечательно! И никакие приглашения я не собиралась принимать вовсе. Не хватало еще опозориться на своем первом и, возможно, единственном балу. Достаточно будет и того, что я появлюсь там в слишком простом для герцогини платье. Потому что то платье из бежевого муара, что я купила в Альенде, прекрасно смотрелось бы на семейном обеде или прогулке в парке, но решительно не подходило для светского приема. Оно было слишком закрытым для бального.

А вот в платье из бордовой тафты Табита вполне могла появиться на приеме. Но она всё равно решительно отказалась это делать.

— Всё это у меня уже было, дочка, — сказала она, покачав головой. — И мне не хотелось бы к этому возвращаться. Я не хочу снова слышать полные лжи приветствия в лицо и оскорбительные замечания за своей спиной. А вот тебе нужно к этому привыкать. И проходить мимо этих сплетников с гордо поднятой головой. Ты теперь герцогиня Клермон, и их мнение ничего не должно для тебя значить.

Мне было грустно от того, что я не могла поделиться с ней своей тайной. Да, боюсь, она и не одобрила бы меня. Выйти замуж фиктивно, из-за денег — наверняка, по ее мнению, это было совершенно невыносимо.

Моя семья снова не спустилась к столу, и за обедом мы с Клермоном были одни. Но продолжать играть в эти прятки было глупо, и вечером я настояла на совместном ужине.

Его светлость поприветствовал мою мать и племянников весьма дружелюбно и даже пытался завязать разговор, но не получил

поддержки с их стороны — в его присутствии они чувствовали себя слишком скованно, и ужин прошел преимущественно в молчании. Они даже ели куда меньше обычного. А дети даже отказались от десерта.

И я поняла, что мне следует оставить попытки сделать из нашего узкого круга хотя бы некое подобие семьи — тем более, что этот фарс скоро должен был прекратиться. А потому я решила, что завтракать я буду со своими родными, а обедать и ужинать — с герцогом, раз уж нам нужно было изображать из себя любящую пару.

Вечером вернулся Мэнсфилд. Оказалось, что он ездил в Альенде за портнихой. И он привез и ее, и двух девушек-швей, что должны были помочь ей сшить за день бальное платье.

— Это слишком сложная задача, ваша светлость, — покачивая головой, сказала модистка. — Даже если мы будем работать, не покладая рук, целые сутки, мы не сумеем украсить наряд должным образом, и он будет казаться скромным на фоне туалетов других дам.

— Это неважно, — небрежно отмахнулся Клермон. — Никаких особых изысков и не требуется. Достаточно и того, что оно будет модного фасона и из дорогой ткани. Надеюсь, вы привезли ткань?

— Самую лучшую, ваша светлость! — заверила его портниха.

Мы уединились в моей комнате, и скоро та превратилась в швейную мастерскую. К нам присоединились и матушка, и мадам Шабри, и каждой нашлось какое-то дело. Модистка поступила очень умно, прихватив с собой из Альенде уже готовое бальное платье. Теперь на нем требовалось заменить только верхнюю ткань на более изысканную, уже отделанную серебряной вышивкой, да оторочить его дорогим заграничным кружевом.

— На вашей фигуре, ваша светлость, оно будет сидеть как влитое, — убеждала она меня, пока я неподвижно стояла во время многочисленных примерок.

Она оказалась настоящей мастерицей, и результат превзошел мои ожидания. Нежно-голубой шелк верха прекрасно сочетался с белым шелком белых юбок и широкими нарядными кружевами, каждый метр которых наверняка стоил немислимых денег.

Несколько раз к нам приходил Мэнсфилд, дабы убедиться, что у нас всё в порядке. Мне показалось, что он искренне чувствовал себя виноватым, и я надеялась, что этот урок пойдет ему впрок.

До приема оставалась пара часов, когда мой наряд был полностью готов. И он был великолепен! Я была уверена, что его сочла бы достойной себя даже настоящая принцесса. И тот восторг, что я видела в глазах модистки, ее помощниц, матушки, Стефани и мадам Шабри, говорил, что так думала не только я.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился герцог Клермон. Он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела изумление. Впрочем, он довольно быстро пришел в себя и протянул мне бархатную подушку, на которой лежал самый восхитительный гарнитур, который только можно было себе представить!

В серьгах, колье и украшениях для волос были такие огромные голубые камни, что я готова была счесть их бижутерией. Но нет, судя по всему, это были настоящие драгоценные камни. Вот только какие, я не знала. Сапфир? Аквамарин? Топаз? Я плохо в этом разбиралась. У меня никогда не было дорогих украшений.

— Это синие алмазы, — сказал его светлость, заметив мои сомнения. — И они прекрасно оттенят блеск ваших глаз.

И они как нельзя лучше подходили к моему наряду. Должно быть, его светлость еще накануне узнал у модистки цвет моего платья.

Украшение в прическу мне добавила матушка. Серьги я надела сама. А вот колье на моей шее застегнул сам Клермон.

Мы стояли перед большим зеркалом, и наши взгляды соприкоснулись в отражении. И в его взгляде я снова увидела то, чего никогда не видела прежде — уже не просто удивление, а восхищение и... страсть?

Глава 57. Герцог Клермон

Она была так восхитительно-прекрасна в этом платье, что у меня на миг мелькнула мысль, а что было бы, если бы наш брак вовсе не был фиктивным? Тогда сейчас, в этой самой комнате я мог бы позволить себе не просто надеть колье ей на шею, но и... Я поспешил отогнать от себя эту фантазию, потому что почувствовал жар во всём теле.

Нет, мне не следовало так увлекаться! Мы заключили соглашение и должны неукоснительно его придерживаться. И я, поцеловав руку своей жене, вышел из комнаты.

Чтобы отвлечься, я прошел по особняку в сопровождении Бастьена. Мой мажордом прекрасно знал свое дело, и мне не к чему было придраться. Повсюду были расставлены вазы с цветами, а в люстрах и канделябрах горели свечи, отчего в залах было светло словно днем. И угощений в столовой зале было ровно столько, чтобы восхитить гостей роскошью и разнообразием стола, но не позволить им питаться тут до утра.

— Музыканты уже прибыли, ваша светлость! — сообщил Бастьен. — И полагаю, гости тоже вот-вот начнут прибывать.

Я одобрительно кинул.

— Сообщите нам, как только ко крыльцу подъедет первая карета!

— Непременно, ваша светлость! — он поклонился и удалился, чтобы дать еще какие-то указания слугам.

У лестницы я увидел и Мэнсфилда. Он выглядел как побитая собака. У меня даже дрогнуло сердце, когда я на него посмотрел. И я решил, что он заслуживает хотя бы нескольких доброжелательных слов. Он и без моих укоров чувствовал себя виноватым. Тем более, что в той ситуации, в которой мы оказались, не меньшая вина была и за мной.

— Прошу вас, Мэнсфилд, позаботьтесь, чтобы этим вечером у мадам Ревиль и ее внуков ни в чем не было нужды. Они предпочли не спускаться к гостям, поэтому подайте им ужин в их комнаты. И проследите, чтобы Дельфина тоже оставалась подле них.

Моя любимая собака столь радовалась моему возвращению, что готова была крутиться рядом со мной целый день. Но сейчас я боялся, что она может напугать кого-то из гостей.

Я уже выразил свою признательность Лорейн за то, что они позаботились о Дельфине тогда, когда и сами во многом нуждались. А она сказала, что благодарить следовало не ее, а ее племянников, которые нашли собаку в лесу и привели ее к ним домой. И я немедленно повторил слова признательности Алену, Стефани и Сэмюэлю.

Видеть в доме детей мне было непривычно, но, как ни странно, их присутствие совсем не напрягало меня. Они были хорошо воспитаны, а если им хотелось поиграть и пошалить, то они убегали в парк. Я заметил, что младшие еще побаивались меня, но со старшим мы вполне поладили. Однажды он спросил у меня разрешения взять лошадь для верховой прогулки в конюшне. Оказалось, что он любил ездить верхом, но с тех пор, как они оказались в Шатель, у него не было возможности практиковаться в этом занятии.

Разумеется, я разрешил ему брать в конюшне любую лошадь и весьма одобрил его стремление в дальнейшем стать офицером. Я понимал, сколь сложно ему будет добиться положения в обществе, и решил хоть сколько-то ему в этом поспособствовать. Начальник военной академии в Лас-Варас доводился родственником графу Бланшару, и я надеялся, что он не откажет Алену в протекции.

— Не беспокойтесь, ваша светлость, всё будет сделано как вы желаете! — просиял в ответ Мэнсфилд.

А Бастьен уже спешил ко мне с докладом, что первая карета въехала в ворота.

Я вернулся в комнату Лорейн и спросил, готова ли она отправиться приветствовать гостей. Я подал ей руку, и она вложила в нее свою. Мы спустились по лестнице и остановились на нижней ступеньке. Слуги уже распахнули дверь, впуская первых гостей, а Бастьен громких, хорошо поставленным голосом доложил:

— Шевалье Ревиаль с супругой!

Я почувствовал, как вздрогнула опиравшаяся на мою руку Лорейн. Я знал, что для нее это станет сюрпризом. А вот было ли это сюрпризом и для ее старшего брата, я мог только догадываться. Но судя по тому, как вытянулось его одутловатое лицо, а щеки его жены

покрылись красными пятнами, до этого момента он тоже не знал, на ком именно женился герцог Клермон. И теперь он судорожно пытался понять, как ему следует себя вести.

— Прошу вас, шевадье, не стесняйтесь! — усмехнулся я и незаметно пожал руку своей жены.

— Ваша светлость! — мужчина низко поклонился, а его спутница сделала реверанс.

— Надеюсь, вы не забыли, как выглядит ваша сестра, сударь? Мне показалось, вы ее не узнали!

Он окончательно стушевался, но всё-таки пробормотал:

— Дорогая Лорейн! Ваша светлость! Мы и представить себе не могли, что...

Договорить он не успел, потому что входные двери снова распахнулись. Нашего внимания уже ждали другие гости.

Глава 58

Появление старшего брата стало для меня неожиданностью. Но нет, я не расстроилась, что он приехал. Напротив, было необычайно приятно видеть, как вытянулось от изумления его лицо. И как же долго он подбирал слова, чтобы обратиться ко мне!

Я надеялась, что в этот вечер и он, и Чарис наконец-то поняли, почему не следует плевать в колодец. И пусть я понимала, что титул герцогини Клермон для меня временный, и скоро Даррен снова получит возможность смотреть на меня свысока, этим мигом торжества я хотела насладиться сполна.

Кареты гостей подъезжали ко крыльцу непрерывно на протяжении двух часов, и всё это время мы с его светлостью стояли у лестницы и каждого прибывшего приветствовали так, как это полагалось по этикету. И если в начале вечера я еще пыталась запомнить титулы и имена всевозможных графов, баронов и шевалье, то уже к середине этого действия все они для меня словно слились воедино, превратившись в длинную и плохо различимую галерею лиц.

— И это всего лишь небольшой прием, — шепнул мне на ухо Клермон. — Представьте, что бывает, когда устраиваются торжества с размахом.

Я представила это с содроганием. Должно быть, бедные хозяева в таких случаях весь бал как раз и проводят в холле, так и успевая попасть в бальную залу и насладиться танцами.

А когда я подумала о том, что большинство гостей сейчас наверняка тусуются в столовой у заставленных угощениями столов, мне пришлось сглотнуть слюну. Я уже была голодна, а если мы простоим здесь еще хотя бы полчаса, то со мной случится голодный обморок.

Должно быть, слюну сглотнула я слишком громко, потому что его светлость снова склонился к моему уху.

— Когда мы объявим о начале танцев, то вы сможете выйти из зала и дойти до комнаты вашей матушки. Мадам Табите вот-вот подадут ужин.

Я благодарно улыбнулась в ответ. Мне следовало хотя бы немного подкрепиться. Но я тут же устыдилась того, что подумала только о себе.

— А как же вы, ваша светлость?

— Бернард, — тихо поправил он. — Будет лучше, если вы хотя бы иногда станете называть меня по имени.

— Разве вы сами не голодны,... Бернард? — я всё-таки чуть споткнулась на его имени. — Не беспокойтесь, Лорейн, как только вы вернетесь к обязанностям хозяйки, из залы удалюсь уже я.

За этот вечер я услышала столько разнообразных комплиментов, то будь я хоть чуточку более доверчивой, то уже вообразила бы себе невесть что. Но я слишком хорошо понимала, сколь мало значат сказанные в такой обстановке слова. Сейчас, когда я была герцогиней Клермон, все эти благородные дамы и господа готовы были льстить мне на все лады. Но как только я снова стану Лорейн Ревияль, брошенной женой его светлости, все они тут же заговорят по-другому. И станут говорить обо мне только дурное и примутся осыпать комплиментами уже новую герцогиню Клермон.

Но таковы были правила игры, и мне вольно или невольно следовало с ними согласиться. И я настолько вошла в эту роль, что, даже не поморщившись, сказала пару приятностей барону и баронессе Коуэлл — тем самым, что еще недавно сплетничали у меня под окном.

Но вот, наконец, все гости прибыли, и мы с Бернардом, пройдя в бальную залу, объявили о начале танцев. Его светлость поступил весьма разумно, сразу объявив, что сами мы сегодня не танцуем, но будем рады насладиться созерцанием того, как танцуют другие. Это сразу избавило меня от докучливых приглашений со стороны незнакомых мне кавалеров, а их — от возможной обиды на мой отказ.

Как и предложил Клермон, после этого я постаралась незаметно выскользнуть из залы, чтобы поужинать с матушкой. Но это мне не удалось.

— Лорейн! — услышала я голос Даррена, стоило мне оказаться в коридоре.

Я остановилась, обернулась и увидела, что ко мне спешил не только он, но и его жена.

— Дорогая Лора, ты сегодня выглядишь просто превосходно! — зашебетала Чарис, бесцеремонно обнимая меня.

А когда я отстранилась и даже отступила на шаг, в ее глазах показались слёзы.

— Я понимаю, Лорейн, что у тебя есть все основания сердиться на нас, — вступил в разговор брат. — Мы с Чарри поступили дурно по отношению к вам, но в тот момент мы не могли поступить по-другому.

— Вот как? — изумилась я. — Неужели у того, что вы выгнали из дома старую мать, может быть хоть какое-то оправдание?

— Ты должна понять нас, Лора, — Чарис уже забыла про свои слёзы и теперь как могла помогала своему супругу. — Ты же знаешь, что ваша матушка, к сожалению, не благородного происхождения. И ее пребывание в нашем доме лишало будущего и нас с Дарреном, и наших детей. Наши соседи никогда не приняли бы ее в свой круг. Таковы законы светского общества!

— Значит, это очень дурное общество, если оно заставляет детей отрекаться от своих родителей. Надеюсь, хотя бы, эта жертва была не напрасной? Вы, наконец, обрели уважение соседей и теперь частые гости в их домах?

Выражение, появившееся на их лицах, позволило мне сделать вывод, что этого так и не произошло, и что их надежды стать ровней спесивым аристократам, что прежде отвергали их, так и не сбылись.

— Не зазнавайся, Лора! — вдруг прошипела Чарис. — Ты думаешь, мы не знаем, что всё это — твой титул, эти бриллианты в ушах и твой наряд — не настоящие?

— Да-да, дорогая сестра, — поддержал ее Даррен, — нам кое-что рассказали тут, в бальной зале. Ты стала герцогиней лишь на короткое время. А как только его светлость вернет себе бывшее положение при королевском дворе и наиграется с тобой, он выкинет тебя на улицу, и ты снова станешь той, кем была до этого. Вот только еще и твоя репутация будет испорчена, и тебя не пустят на порог ни одного приличного дома.

Он говорил всё это с такой злостью, что я опешила и не сразу нашла что сказать в ответ. И как раз тогда, когда я подбирала нужные слова, я услышала за своей спиной холодный голос герцога Клермона:

— Вы полагаете, сударь, что брак с герцогом пагубно влияет на репутацию вашей сестры? Мне кажется или вы в самом деле пытались нанести нам с супругой оскорбление?

Даррен сразу сгорбился, побледнел, а Чарри затряслась, словно ее била лихорадка.

— Как вы могли такое подумать, ваша светлость? — воскликнула она. — Мы ничего такого вовсе не имели в виду! Мы всего лишь хотели сказать...

Клермон встал рядом со мной, взял меня за руку и бросил на мою невестку такой уничижительный взгляд, что слова застыли у нее на губах. А Даррену пришлось броситься к ней на выручку.

— Поверьте, ваша светлость, что мы...

— Вы уже сказали достаточно, сударь, — в голосе герцога теперь звучал металл. — И если бы вы не доводились Лорейн братом, я вызвал бы вас на дуэль. А так я просто прошу вас немедленно покинуть наш дом!

— Простите, что, ваша светлость? — по лицу Даррена уже струился пот.

— Вон из нашего дома! — процедил сквозь зубы Клермон. — А не то я велю слугам вышвырнуть вас отсюда.

Даррен и Чарис так быстро пошли к дверям, что при других обстоятельствах мне стало бы смешно. Но сейчас мне было слишком больно, слишком обидно. И я с трудом сдержала слёзы.

— Полагаю, мадам Табите будет лучше не знать о том, что ваш брат был здесь, — сказал его светлость. — И прошу вас простить меня за то, что я вообще пригласил его сюда. Я и подумать не мог, что всё закончится подобным образом.

Я кивнула.

— Да, я ничего не скажу матушке. А вам не за что извиняться. Вы не виноваты в том, что мой брат оказался неблагодарной скотиной и не имеет ни капли жалости к собственной матери. Но, по сути, он не сказал ни слова неправды. Он просто произнес вслух то, о чём мы с вами предпочитаем молчать.

Его светлость развернул меня к себе, заглянул в глаза.

— Мне не нравится ваше настроение, Лорейн! Но я не сомневаюсь, что оно переменится после того, как я вас кое с кем познакомлю.

И он, снова взяв меня за руку, повел меня в сторону малой гостиной.

Глава 59

Там дожидался нас невысокого роста полный мужчина лет сорока. Когда мы вошли, он вскочил и поклонился.

— Счастлив приветствовать герцогиню Клермон! — сказал он, широко улыбаясь.

— Дорогая, позволь представить тебе барона Герена, главного закупщика продуктов для королевского двора, — сказал его светлость.

Я улыбнулась в ответ, чуть наклонив голову и позволив барону поцеловать мою руку.

— Что привело вас в наши края, ваша милость? — спросила я.

Мне было неизвестно, как осуществлялись эти самые закупки, но я понимала, что наше герцогство находилось слишком далеко от Вальеде-Браво, чтобы закупать продовольствие именно здесь. Пока молоко, мясо или зелень будут доставлены к королевскому столу, они уже потеряют товарный вид. А ведь его величеству наверняка подавались самые свежие продукты.

— Вы не поверите, ваша светлость, — чуть смутился гость, — я прибыл сюда ради ваших соленых огурцов.

Услышанное было слишком невероятным, и я вздрогнула. Откуда он мог узнать про мои огурцы? Месье Корден в Альенде знал меня исключительно как мадемуазель Лорейн. Я не называла ему даже своей девичьей фамилии, не говоря уж о нынешнем титуле.

Поэтому я смотрела на него с изумлением и молчала. Я просто не знала, что сказать.

А потом перевела взгляд на герцога, ожидая вспышки негодования с его стороны. Не мог же он спокойно отнестись к тому, что имя его жены связали с какими-то огурцами.

Но, как ни странно, внешне его светлость был невозмутим.

— Должно быть, вы, ваша светлость, спрашиваете себя, как я узнал о вашем столь занимательном развлечении? Если его светлость позволит, я расскажу обо всём по порядку.

Герцог кивнул, и когда мы расположились в креслах, барон начал свой рассказ:

— По долгу своей службы я много езжу по стране, стараясь в кулинарии каждой ее провинции отыскать что-то особенно необычное, что может потрафить взыскательному вкусу его величества. Закупками обычных продуктов, коих полным-полно на каждой ярмарке, я обычно не занимаюсь — на это у меня есть много подчиненных. Меня интересует только то, чем можно удивить его величество. А полагаю, вы прекрасно понимаете, что удивить короля не так-то просто. К его столу каждый день подают десятки самых разных блюд, и многими из них он давно пресытился. А потом он всегда особо отмечает какие-то оригинальные яства, рецепты которых мне удастся раздобыть.

Предисловие оказалось довольно долгим, и я нетерпеливо вздохнула, ожидая, когда же он перейдет к самой сути.

— Некоторое время назад, весной, я проезжал через Альенде, остановился там на ночлег в таверне «Меч рыцаря» и попробовал за ужином блюдо, которое тамошний повар подал мне в добавление к мясу. Это были те самые соленые огурцы. Признаться, я был изумлен. Я никогда не воспринимал огурцы как то, что может быть съедобным. И если бы месье Корден сразу сказал мне, что я собираюсь есть, я бы, пожалуй, от этого воздержался, поскольку полагал их в некоторой степени ядовитыми. Но поскольку проба уже состоялась, и вкус их нашел отменным, то отступать было поздно. И я подумал, что, пожалуй, такое блюдо может прийтись его величеству по вкусу.

— Вы подали огурцы королю??? — я затаила дыхание.

Но он покачал головой:

— Еще нет, ваша светлость. Дело в том, что когда я захотел приобрести у месье Кордена большую партию соленых огурцов, то оказалось, что он преподнес мне остатки. Свежую же партию этого лакомства он ожидал только осенью. Я попытался выведать у него имя его поставщика, но он сказал, что мало что знает о нём и сам. Я выяснил только, что огурцы ему привозит из какой-то деревни молодая барышня по имени Лорейн. Простите меня, ваша светлость, если мои слова кажутся вам бесцеремонными, — барон Герен чуть покраснел. Я купил у месье Кордена всё, что у него оставалось, но это был лишь небольшой туес с огурцами. И я никак не мог подать их его величеству — если бы они понравились ему, он затребовал бы их снова, а мне было нечего ему предложить. Поэтому я решил отложить этот вопрос до осенней ярмарки в Альенде. Когда же я вернулся в Валье-де-Браво,

меня пригласили на ужин в дом маркиза Абеляра, который доводится родственником моей супруге.

А вот теперь пазл начал складываться. И я уже примерно понимала, что он скажет дальше.

— И в качестве небольшого подарка я преподнес его сиятельству за ужином тот самый туес с вашими огурцами. Признаться, я думал его удивить, но он сказал, что уже пробовал нечто подобное в поместье. Разумеется, это весьма меня заинтересовало. Господин маркиз поведал мне, что это лакомство готовила некая мадемуазель Ревиль, которая проживала неподалеку от имения его светлости. И звали эту мадемуазель именно Лорейн! Простите, ваша светлость, — он перевел взгляд с меня на герцога, — надеюсь, мой визит вы не сочтете за оскорбление. Я приехал сюда, чтобы отыскать мадемуазель Ревиль и случайно оказался на этом приеме. Именно тут я и узнал, что речь идет о самой герцогине Клермон!

Клермон небрежно взмахнул рукой.

— Нет-нет, сударь, вы ничуть меня не оскорбили. Напротив, мне приятно, что вы оценили то милое развлечение, которому отдает свое свободное время моя супруга.

Мне показалось, что я ослышалась. Я ждала гнева или хотя бы недовольства, а он сказал это так спокойно!

— Рад это слышать, ваша светлость! — воскликнул барон. — И раз уж я оказался здесь, то позвольте мне набраться наглости и попросить у ее светлости продать мне пару бочек этих огурцов, если они вдруг есть в наличии.

Прежде, чем ответить, я посмотрела на Клермона, и только когда он кивнул, кивнула и я. Вопрос о цене мы отложили до утра — мы и так уже слишком много времени уделили этой беседе в ущерб общению с нашими гостями в бальной зале.

Барон откланялся и удалился, а я, дождавшись, когда за ним закроется дверь, сказала:

— Простите, ваша светлость, что ваше имя вдруг оказалось связано с тем делом, что наверняка вас оскорбляет. Но когда я стала им заниматься, я не могла предугадать, что однажды стану герцогиней Клермон и это может бросить тень на ваше имя.

Меня беспокоило, не сочтет ли он это нарушением нашего договора, и не откажется ли на этом основании выдать мне

причитающееся вознаграждение.

— Вам не нужно беспокоиться об этом, Лорейн. Я понимаю, что это случилось безо всякого умысла с вашей стороны. Вы делали всё, что могли, чтобы помочь вашей семье выбраться из нищеты, и это заслуживает не осуждения, а восхищения. И после того, как мы расстанемся, вам тоже нужны будут средства к существованию. Простите, но я только сегодня, после слов вашего брата, понял, в какую неприятную авантюру я вас втянул. Я думал только о себе и полагал, что солидная сумма, которую я вам пообещал, вполне компенсирует те неудобства, которые у вас возникнут. И я совершенно не принимал в расчет вашу репутацию.

— Благодарю вас, ваша светлость, что подумали об этом сейчас, но уверяю вас, что себя вам совершенно не в чем упрекать. Я подписала этот договор в здравом уме, а значит, сама несу ответственность за свои действия.

Конечно, в Арвитании всё было совсем по-другому, чем в привычном мне мире, но я была уверена, что даже бывшая жена герцога Клермона, тем более хорошо обеспеченная после развода, будет стоять на социальной лестнице выше, чем настоящая жена какого-нибудь бедного шевалье.

Мы вернулись к гостям. Танцы еще продолжались, но сами мы не танцевали. Впрочем, именно поэтому нам и пришлось поучаствовать в нескольких весьма скучных беседах с людьми, имен которых не помнили ни я, ни сам герцог. А потому к двум часам ночи, когда музыка стихла, и гости стали разъезжаться, мы чувствовали себя такими усталыми, словно целый день занимались тяжелой работой.

В эту ночь нам нужно было хорошо отдохнуть, и я обрадовалась, когда его светлость проводил меня до моей собственной спальни.

— Вы выглядели сегодня просто превосходно! — сказал он, целуя мне руку.

Я была польщена, но всё-таки рассмеялась, стараясь перевести всё в шутку.

— Это всё ваши восхитительные синие алмазы, ваша светлость. Или правильнее сказать — бриллианты?

Но он, кажется, был не склонен шутить, потому что ответил совершенно серьезно:

— Вам не следует себя недооценивать, Лорейн! Вы — самая красивая девушка из всех, кого я когда-либо видел.

Его губы вдруг потянулись к моим, и я не успела опомниться, как мы начали целоваться. И это был не формальный, а самый настоящий поцелуй. И это вовсе не показалось мне неприятным.

К чести его светлости, он сумел вовремя остановиться и, еще раз поблагодарив меня за прекрасный вечер, удалился к себе. А я еще долго не могла уснуть, перебирая в памяти каждое мгновение этого вечера.

Глава 60. Герцог Клермон

Обсуждать деловые вопросы с бароном Гереном я предоставил самой Лорейн. Меня это никоим образом не касалось, и я предпочел бы, чтобы закупщик королевского двора к нам не приезжал вовсе. Но я понимал, сколь многое у этой девушки зависело от этой сделки. А что же касается моей репутации, то после того, как меня обвинили в предательстве, уже мало что могло нанести ей более сокрушительный урон.

Да, признаться, мне и вовсе не хотелось возвращаться в столицу. Провинция вдруг заиграла для меня новыми красками. Сейчас, когда в поместье не было гостей, я неожиданно осознал, каким приятным может быть нахождение тут. Мне не нужно было «бывать в обществе», наносить бесчисленные визиты и ежедневно появляться при дворе. Я мог позволить себе быть самим собой — в Валье-де-Браво это была непозволительная роскошь. И здесь, какая бы репутация у меня ни была, я всё равно был первым дворянином герцогства Клермон.

И для того, чтобы оставаться у себя в имении, у меня была еще одна причина — мы до сих пор не нашли письмо Жерома Клермона. И хотя я всё больше склонялся к мысли, что нам не удастся найти его без помощи самого вора, поисков мы не прекращали.

Я усилил защиту дома и теперь уже почти жаждал, чтобы преступник попытался вынести письмо наружу — как только он предпримет такую попытку, на окне или на двери сработает магический маячок. И его услышу не только я, но и мои слуги, которые уже были предупреждены.

Во время приема ничего подобного не случилось. Да, честно говоря, я и не подозревал в совершении этой кражи никого из них — я не бывал здесь уже много лет, и ни у них не было причин меня ненавидеть. Это было сложное преступление, требующее хорошего знания политической обстановки, и большинство из местных дворян, думающих преимущественно о сытном ужине и хорошем урожае, были на это не способны.

Значит, следовало устроить еще один прием — только уже для более важных гостей. У Бастьена сохранился список тех, кого я

приглашал на свою помолвку с Жасмин. Именно их и надлежало пригласить снова — теперь уже на празднование моей свадьбы с Лорейн.

Мне не слишком хотелось использовать девушку в своих планах, но иного предлога для того, чтобы снова собрать тут всю эту столичную публику, я не находил.

— Вам просто следует быть осторожной, — предупредил я ее. — Когда здесь будут гости, никуда не выходите одна. С вами всегда должен быть рядом я или кто-то из слуг. Если вы будете выходить на улицу, пусть даже и в сопровождении, всегда проверяйте карманы своего платья или плаща — письмо вам могут подбросить в надежде, что вы не заметите этого и вынесете его за пределы дома.

Она кивала с серьезным и немного испуганным видом. И тоже, как и я, продолжала поиски письма.

Я снова, уже в который раз перебрал все книги в библиотеке — именно там постороннему человеку, не вызывая подозрений, спрятать письмо было проще всего. Но снова ничего не нашел. Зато обратил внимание на отложенные на столе книги по истории Арвитании, по астрономии, ботанике и географии, по ментальной магии и способах противостояния ей.

— Их читает ее светлость, — сообщил мне Мэнсфилд. — Она много читает, ваша светлость.

Это тоже было удивительно. Ни моя мать, ни Жасмин не увлекались чтением, и если в их руки и попадала какая-то книга, то это бывал обычно или сборник модных стихов, которые обсуждались в свете, или какой-нибудь простенький роман о любви, напечатанный на дешёвой бумаге.

Через три дня после приема я получил ответ из Лас-Вараса от начальника военной академии. Как я и ожидал, тот был рад оказать мне услугу.

И потому за ужином (которые теперь всё чаще проходили в присутствии и мадам Ревиль, и ее внуков) я уже смог сообщить радостную новость Алену.

— Полковник Лабарош написал мне, что при военной академии есть подготовительные классы, в которые принимают юношей с пятнадцати лет. После двух лет обучения в них кадетов переводят уже

в самую академию без дополнительных экзаменов. Если вы захотите, Ален, то сможете отправиться в Лас-Варас прямо сейчас.

На лице мальчишки вспыхнула такая радость, что его ответ был понятен без слов. Он горячо поблагодарил меня, а потом посмотрел на Лорейн и бабушку, испрашивая у них разрешения. Лорейн кивнула сразу, а вот мадам Ревиаль пребывала в сомнениях. И когда дети вышли из-за стола и из столовой залы, она поделилась ими с нами.

— Не рано ли ему уезжать из дома, ваша светлость? — и в глазах ее, и в голосе были слёзы. — Он еще так юн, так неопытен.

— Там будут юноши как раз его возраста, матушка, — мягко возразила Лорейн. — И чем раньше он туда попадет, тем скорее там освоится. К тому же там сейчас Норман — он за ним присмотрит.

— Не станут ли товарищи его презирать? — выдвинула мадам Ревиаль новый аргумент. — Его мать дворянка лишь наполовину, а его отец не был дворянином вовсе. И если там учатся дети из благородных семей, они не сочтут его ровней.

— Начальник академии знает, что за Алена хлопотал я, а потому не оставит его без внимания, — сказал я. — К тому же Лас-Варас находится далеко от столицы, и там не учатся сыновья из особо знатных семей. Обычно туда попадают младшие сыновья из бедных семейств, а уж им-то кичиться перед вашим внуком будет особенно нечем.

— Для Алена это прекрасная возможность стать офицером и выбиться в люди, — поддержала меня Лорейн. — Я полагаю, что нам следует поблагодарить его светлость за то, что он составил ему протекцию.

— Да-да, разумеется, ваша светлость! — спохватилась мадам Ревиаль.

А Лорейн послала мне полный признательности взгляд, от которого мне стало жарко. И я, торопливо заверив их, что это не стоит благодарности, поспешил выйти из комнаты.

Меня тянуло к Лорейн — глупо было бы это отрицать — а потому я старался держаться от нее подальше. Если после приема, на который придут столичные гости, письмо так и не отыщется, мне следует просто забыть о нём и отпустить мою супругу на свободу. Она выполнила все взятые на себя обязательства и имела право на

вознаграждение. Нам не следовало затягивать этот фиктивный брак дольше необходимого.

А проявить сейчас слабость, поддавшись тому чувству, которое оказалось неожиданным для меня самого, значило бы придать нашим отношениям совсем иное значение, а я не хотел этого допускать. Попробуйся мы сделать наш фиктивный брак настоящим, мы столкнулись бы со множеством проблем, в числе которых было и осуждение его величества, и неприязнь светского общества. Пойти на это можно было только по большой любви. А судя по тому, что я видел, Лорейн не испытывала ко мне никаких особых чувств.

Теперь мы спали в разных спальнях — такое положение было характерно для многих дворянских семей — и ни я, ни она не делали попыток к сближению. Именно такой линии поведения я собирался придерживаться и в дальнейшем.

Через два дня после получения письма из Лас-Вараса Ален отбыл в военную академию. Чтобы мадам Ревилье не беспокоилась хотя бы о том, как он доберется до нужного места, я отправил его в нашей карете, хотя сам он всячески противился этому и утверждал, что он уже достаточно взрослый для того, чтобы доехать до Лас-Вараса в почтовой карете. Но бабушка всё-таки уговорила его, заявив, что она хотела бы отправить кое-что и для Нормана. Кроме того, такой вариант путешествия позволял нас сразу же получить и обратную весточку. Кучер должен был подождать в городе пару дней, за которые Ален устроится в академии и напишет нам письмо.

Он отправился в дорогу сразу же после завтрака, а вечером того же дня я услышал ржание лошадей под окном, а когда выглянул на улицу, увидел, что ко крыльцу подъехали незнакомая карета и несколько всадников. В первом спешившемся офицере я узнал лейтенанта Пике, и мое сердце бешено застучало.

Этот офицер королевской гвардии уже приезжал за мной однажды, и судя по тому, что он прибыл сюда не один и с каретой, можно было не сомневаться, что обратно он опять намерен отправиться в моем обществе.

Что могло стать этому причиной? Подлинник письма моего предка всё-таки попал к терезийцам? Я не представлял, как это было возможным. Разве что вор оказался слишком искусным магом и сумел

мои ловушки обойти. Или мой враг (имени которого я пока не знал) придумал что-то еще, чтобы бросить на меня подозрения?

В любом случае это было крайне неприятно. Если меня снова арестуют, Лорейн останется тут одна, а мне хотелось бы этого избежать.

Я надел камзол, велел Дельфине оставаться в моей комнате (хотя она и порывалась пойти со мной) и спустился вниз. Мэнсфилд уже впустил лейтенанта и сопровождавших его солдат, и там, у лестницы, уже стояли и Лорейн, и Табита.

— Добрый вечер, лейтенант Пике! — спокойно поприветствовал я офицера. — Вы прибыли, чтобы снова отвезти меня в Валье-де-Браво? Позвольте полюбопытствовать, на каком основании на этот раз?

Пике смутился, покраснел и замотал головой:

— Нет-нет, ваша светлость! На сей раз я прибыл не за вами, а за вашей супругой, — и он посмотрел на стоявшую подле меня Лорейн. — Герцогиня Клермон, вы арестованы по обвинению в отравлении его величества!

Глава 61. Герцог Клермон

Я ожидал услышать что угодно, только не это. И оказался к этому не готов. Сердце сначала словно остановилось, а потом наоборот застучало быстрее. А разум пытался осознать то, что только что было сказано.

— Его величество скончался? — спросил я

Внешне я говорил почти спокойно, но внутри меня сейчас боролись такие разные чувства. Мы с королем не были близкими родственниками, но именно он после смерти отца особенно заботился обо мне, и я действительно воспринимал его как доброго дядюшку, который мог и пожурить, и пожалеть. И при мысли о том, что с ним случилось что-то серьезное, мне стало больно. А другая мысль — что в этом могут обвинить мою жену — оказалась еще больней.

А ведь смерть его величества неизменно привела бы еще и к серьезным политическим проблемам. У него не было детей, и если он не назначил себе преемника, то за корону развернется настоящая борьба. И в этой борьбе никому не будет дела до судьбы какой-то герцогини Клермон. Лорейн просто перемелют жернова правосудия. И никто не станет разбираться, виновна она или нет.

— Нет-нет! — воскликнул молодой офицер. — Простите, ваша светлость, боюсь, я неправильно выразился! — в глазах его плескался ужас. — Его величество жив! Вашу супругу обвиняют в попытке отравления.

Лорейн сделала шаг вперед, собираясь что-то сказать, но я взял ее за руку и притянул к себе.

Если его величество жив, то это всё меняет! Мне нужно всего лишь с ним поговорить. Теперь я уже не сомневался, что это страшное обвинение — еще один ход в чьей-то жестокой игре, что велась против меня. А мадемуазель Ревиль оказалась замешана в этом лишь потому, что стала моей женой.

— Потрудитесь объяснить, лейтенант, что именно произошло! — потребовал я.

Я прекрасно понимал, что он не обязан был это делать. У него был приказ, и он должен был просто его исполнять. Но он был молод и

еще недостаточно опытен. А я был герцогом и родственником короля.

— Я и сам мало что знаю, ваша светлость, — он выглядел растерянным. — Его величеству, кажется, стало дурно после ужина.

— Но с чего вдруг решили, что в этом замешана моя жена? Она всё время находилась здесь, в поместье и никогда не бывала в столице.

Впрочем, я и сам уже догадывался, на чем наверняка строилось обвинение — на этих злосчастных огурцах, что, должно быть, подали к столу короля.

— Насколько я понимаю, яд находился в том блюде, которое было привезено именно отсюда, — сказал Пике.

— Яд? — охнула мадам Ревиль и схватилась за перила лестницы.

— Все остальные блюда ели гости его величества, и только это ел он один, — продолжал лейтенант. — Когда я уезжал из Валье-де-Браво расследование было еще не закончено, так что после того, как ее светлость ответит на вопросы дознавателя, всё может перемениться.

Лорейн снова собиралась что-то сказать, и я снова предостерегающе сжал ее руку.

— Моя жена не сможет ответить ни на какие вопросы, лейтенант! Потому что она не имеет к этому никакого отношения!

— Но вы же понимаете, ваша светлость, — щеки офицера запылали, — что я не могу не выполнить приказ!

— Разумеется, сударь! — кивнул я. — И вы выполните его. Вы привезете преступника в столицу и передадите его дознавателю. Вот только этот преступник — не моя жена, а я сам!

Рука Лорейн в моей руке задрожала.

— Что вы такое говорите, Бернард? — кажется, она впервые добровольно назвала меня по имени. — Зачем вы наговариваете на себя?

— Вы не оставите нас на пару минут, лейтенант? Даю слово, что не попытаюсь сбежать. Прошу вас, подождите меня у кареты. Я вас не задержу.

Теперь в его взгляде я увидел сомнения. Он судорожно пытался принять какое-то решение, но был еще слишком не искушен в таких сложных вопросах, чтобы настоять на своем.

— Но я не могу не выполнить приказ, ваша светлость! А мне приказано арестовать вашу жену, а не вас!

— Ни я, ни его светлость ни в чём не виноваты, сударь! — вмешалась всё-таки Лорейн, но я сразу же осадил ее взглядом.

— Разве вам недостаточно моего слова, лейтенант? — холодно осведомился я. — Я заявил вам, что настоящий преступник — я, а вы не обратили на это никакого внимания. Вы увезете в Валье-де-Браво мою жену, а я за это время скроюсь от правосудия, уеду за границу, и именно вы окажетесь виновны в том, что меня не задержали.

— Тогда я вынужден буду задержать вас обоих, ваша светлость, — не очень уверенно сказал Пике.

Я усмехнулся.

— Не советовал бы вам этого делать, сударь! Сколько у вас людей? Четверо? А у меня в доме два десятка преданных мне слуг и несколько собак, которые разорвут вас по одному моему слову.

Офицер тяжело задышал. Это была слишком сложная для него задача. И всё-таки он попытался найти достойный аргумент.

— Но это будет означать, ваша светлость, что вы открыто выступите не против меня, а против его величества.

— Разумеется, — согласился я. — Но граница с Терезией совсем рядом. Поэтому, сударь, вам лучше принять мои условия. Подождите, не возражайте. Давайте я расскажу вам, как всё было. Вы прибыли сюда, чтобы арестовать герцогиню Клермон, но она оказалась в отъезде. Разве не могло такого случиться? Вполне могло. И тогда вы решили задержать меня, поскольку в разговоре с вами я признался, что знаю куда больше, чем моя супруга. Вы проявили большую храбрость, не стусевавшись перед человеком с высоким титулом. Ваш командир наверняка похвалит вас за это, — пока я это говорил, на лице лейтенанта отразились все его сомнения. Но он выслушал меня, и я был уверен, что он согласится. — А теперь, прошу вас, дайте мне несколько минут, чтобы поговорить с моей женой, и после этого я буду полностью в вашем распоряжении.

Он всё еще не был уверен в правильности принятого решения, но всё-таки, звякнув шпорами, вышел на улицу.

— Что происходит? — тихо спросила мадам Ревиаль.

Всё это время она молчала, а я почти не смотрел в ее сторону. Но сейчас я увидел слёзы у нее на глазах.

— Не беспокойтесь, сударыня. Всё разрешится в самом скором времени. Обычные дворцовые интриги, не более того.

Я не убедил ее, но она кивнула и удалилась, поняв, что нам с ее дочерью нужно было поговорить наедине.

— Зачем вы сказали, что виноваты в отравлении его величества? — прошептала Лорейн. — Вы же не имеете к этому никакого отношения!

— Равно как и вы, — возразил я. — Но лейтенант Пике не уехал бы отсюда, не арестовав кого-то из нас. Так пусть уж лучше это буду я. И прошу вас, не волнуйтесь! Как только я окажусь в Валье-де-Браво, я сумею добиться аудиенции у его величества и всё ему объясню.

— Но как можно объяснить то, чего мы не понимаем сами? — на сей раз она уже почти кричала. — Я поняла только то, что кто-то подсыпал яд в мои огурцы. И как мы сможем доказать, что это были не мы сами?

Я снова взял ее руки в свои. Ее тонкие пальцы до сих пор дрожали.

— Просто доверьтесь мне, Лорейн! Его величество непременно мне поверит.

— Тогда я поеду в Валье-де-Браво с вами!

Меня умилила ее смелость, но в ответ я лишь покачал головой:

— Это ни к чему, Лорейн! Я — родственник короля, и дознаватель вынужден будет с этим считаться. Если же там окажетесь вы, то, боюсь, с вами обойдутся куда менее гуманно. А я обещаю вам, что сразу же, как только всё решится, я вернусь сюда.

— Хорошо, — выдохнула она, — я буду ждать вас здесь.

Слышать это было необычайно приятно и непривычно. Меня давно уже нигде и никто не ждал. С тех самых пор, как скончалась матушка.

Но я снова возразил:

— Ни в коем случае! Напротив, вам нужно как можно скорее отсюда уехать. Я уже начал рассылать приглашения моим столичным друзьям, приглашая их в Клермон на прием по случаю нашего бракосочетания. В скором времени кто-то из них уже может появиться здесь, а это может быть чрезвычайно опасно.

— Вы думаете, что человек, который украл письмо, вернется за ним сейчас?

— У него нет другого выхода. А потому, когда он окажется здесь, вы должны быть далеко отсюда. Я искренне сожалею, что втянул вас в

эту историю, и не хочу, чтобы вы были здесь одна. Завтра же утром отправляйтесь куда-нибудь — скажем, в Лас-Варас. Полагаю, ваша матушка будет рада увидеть сына и внука. Никто из слуг не должен знать, куда вы держите путь. Вы можете сказать им, что направляетесь в столицу, а потом, когда вы отъедете достаточно далеко от поместья, велите кучеру переменить маршрут. И прошу вас, не экономьте! В верхнем ящике моего стола достаточно денег для такого путешествия. Там же вы найдете мешочек с пятью тысячами золотых монет. Они — ваши. Возьмите с собой и их.

В ее широко распахнутых глазах я заметил страх. Но сейчас я не хотел ее успокаивать. Мне хотелось, чтобы она осознала всю серьезность положения и не рисковала понапрасну.

— Хорошо, — она снова перешла на шепот. — Мы отправимся в Лас-Варас. Но обещайте мне, что сообщите нам, как только всё решится. И прошу вас — будьте осторожны!

— Обещаю, Лорейн! А теперь, простите, но, боюсь, я и так заставил лейтенанта слишком долго ждать.

Мне ужасно хотелось ее поцеловать, но я понимал, что сейчас для этого было не время и не место. А потому я просто обнял ее. Обнял так крепко, что услышал, как стучало ее сердце.

Глава 62

Я понимала, что он был прав — в столице он куда лучше, чем я, сумеет доказать всю нелепость выдвинутых обвинений. Но сердце все равно мучительно ныло. А если он не сумеет? Если король не поверит ему? Если его величеству станет хуже, и решения будет принимать кто-то другой?

Я была не сильна в дворцовых интригах, но понимала, что если кто-то хотел опорочить имя Клермона, то он наверняка основательно подготовился, и опровергнуть этот навет будет непросто.

Он пытался убедить меня, что это нападки именно на него, а я здесь ни при чем, но я всё равно чувствовала себя виноватой. Ведь это случилось именно из-за моих огурцов!

А когда он обнял меня, я с трудом сдержала слёзы. И я позволила бы себе расплакаться, если бы не боялась расстроить его еще больше.

Он быстрым шагом шел к дверям, а я всё так и стояла у лестницы в оцепенении. И только когда я услышала шум отъезжавшей от крыльца кареты, я пришла в себя.

Я ведь даже не поблагодарила его за то, что он спас меня от ареста! Я вообще ничего ему не сказала!

Когда я выбежала на крыльцо, кортеж уже выехал за ворота. Кричать и догонять их было бесполезно. И всё, что мне оставалось, это убедить себя в том, что его светлость сумеет во всём разобраться, и я сумею поблагодарить его, когда он вернется.

— Дорогая, что происходит? — Табита ждала меня в моей спальне. — Что за ужасное обвинение? Кто мог додуматься до такого?

От волнения она не могла усидеть на одном месте и нервно ходила по комнате из угла в угол.

— Ничего страшного не случилось, матушка! — я обняла ее, усадила в кресло и попросила горничную принести нам чаю с мятой. — Его светлость поговорит с королем, и всё разрешится. Они состоят в родстве, и я уверена, что его величество непременно ему поверит.

— Хорошо бы, чтобы всё оказалось именно так, Лора! — вздохнула она. — Но что, если кто-то хотел навредить не его светлости, а именно тебе? Кто-то, кто остался весьма недоволен тем,

что ты стала герцогиней Клермон? Я слышала, что сам его величество был очень разочарован тем выбором, который сделал твой супруг. И если король желает, чтобы этот брак был расторгнут, он не снимет выдвинутые против тебя обвинения.

Да, такая мысль приходила в голову и мне, но я посчитала, что для короля такое поведение было бы слишком мелочным. Для того, чтобы расторгнуть брак своего племянника с недостаточно знатной невестой, ему не нужно было бы прибегать к таким уловкам. Ему достаточно было бы просто этого пожелать.

— Не думайте об этом, матушка! — я попыталась улыбнуться. — Его светлость сказал, что решит этот вопрос, и у нас нет оснований ему не верить. И я думаю, что нам тоже не стоит оставаться здесь. Мы тоже поедem в Валье-де-Браво!

— Валье-де-Браво? — растерянно переспросила Табита. Но уже через секунду она энергично закивала: — Конечно! Ты совершенно права, Лорейн! В минуту столь трудного испытания тебе не следует оставлять мужа одного. Ты должна быть с ним рядом.

Даже ей я не решилась сказать, что мы поедem не в столицу, а в Лас-Варас. Об этом никто не должен знать.

А племянникам я и вовсе просто сказала, что мы отправляемcя в небольшое путешествие. Куда именно, уточнять не стала. Сказать им про Валье-де-Браво и не поехать туда, было бы слишком жестоко, ведь они так скучали по матери.

Стефа отнеслась к этой новости философски — ей нравилось в поместье, но возможность побывать в других местах ей тоже пришлась по душе. А вот Сэмми расстроился. Он успел сдружиться с ребятами из деревни и все дни напролет теперь проводил на рыбалке или в лесу, где они собирали дикий мед, грибы и ягоды.

— Мэтью обещал научить меня стрелять из лука, — он чуть не плакал от досады. — А Калев сказал, что разрешит мне проехаться на его лошади. А его лошадь умеет брать препятствия! Вы бы видели, как она прыгает через изгороди!

Я попыталась его успокоить. Сказала, что мы скоро вернемся в Клермон, и тогда он сможет и поездить на лошади Калеба, и пострелять с Мэтью из лука. Но когда я выходила из его комнаты, Сэмюэль всё еще шмыгал носом.

Эту ночь я провела в спальне его светлости. В своей кровати я так и не смогла заснуть. Но даже там я долго вертелась на постели, то и дело вспоминая сегодняшней вечер, перебирая в уме каждое слово, что было сказано и им, и мной.

Дельфина тоже не спала. Я слышала, что при каждом доносившемся с улицы шорохе она вскакивала с ковра перед камином и неслась к окну. А потом вставала на задние лапы, передними опираясь на подоконник, и вглядывалась в темноту за окном.

Я боялась, что из-за почти бессонной ночи я просплю до обеда, но нет, я встала рано. До отъезда еще нужно было разобраться с кучей дел.

Я не стала дожидаться, пока мне подадут завтрак, и сама спустилась на кухню, где было уже жарко от давно растопленной печи. Выпила кружку молока с ломтем свежего хлеба и отправилась к домику огородника.

Супруги Дега были уже на ногах. Огород был в идеальном состоянии. Грядки прополоты и политы, огуречные плети подрезаны, спелые плоды собраны.

Расстраивать Кандиду и Проспера было ни к чему, и я просто сказала им, что мы уезжаем на две-три недели, а потому всё огородное хозяйство остается на них/ Мадам Дега уже прекрасно освоила засолку огурцов, а потому в этом вопросе я могла на нее положиться.

Поскольку договоренность с месье Корденом пока еще оставалась в силе, я сказала Кандиде, что как только засоленные огурцы будут готовы к употреблению, ей следует сообщить об этом месье Меридо, и тот отвезет их в Альенде.

После этого я отправилась к мастеру Меридо и согласовала с ним транспортировку нашего товара до таверны «Меч рыцаря». Я настояла на том, что он возьмет себе за эту услугу треть того, что заплатит месье Корден. Квентин так много нам помогал, что я готова была заплатить ему и больше, но он и от этого-то пытался отказаться, сказав, что это не доставляет ему особого труда, а значит, и не стоит такого вознаграждения.

Когда я вернулась в особняк, завтрак был уже на столе. А за столом сидели Табита и Стефани. Маленький Сэм еще не выходил из своей комнаты, хотя горничная сказала, что стучала в его дверь.

Похоже, он всё еще сердился, и я решила подняться к нему сама, чтобы еще раз с ним поговорить. Но он не откликнулся и на мой стук. Тогда я открыла дверь.

Его кровать была пуста! Сэмюэля не было в комнате!

— Стефа! Матушка! Вы не знаете, где Сэмми? — я влетела в столовую, едва не сбив с ног лакея, который нес с кухни вазу со свежими булочками.

— Я не видела его со вчерашнего дня, — заволновалась Табита. — Может быть, он вышел в сад?

А вот племянница промолчала, и это показалось мне странным.

— Стефани, если ты знаешь, где сейчас твой брат, ты должна нам сказать! — я села рядом с ней, развернула ее к себе, заглянула в глаза.

Но она замотала головой и едва не расплакалась.

— Это секрет, Лорейн! Я обещала Сэму, что никому не скажу!

— Ну, что за глупости, милая! — попеняла ей бабушка. — Ты же знаешь, что мы вот-вот должны отправиться в путь. Господин Мэнсфилд сказал, что карета будет подана сразу после завтрака. Если Сэмми задержится, он вынужден будет ехать голодным.

Во взгляде девочки появилось сомнение.

— Но он сказал, что отлучится совсем ненадолго! Я уверена, что он вот-вот придет!

И как мы ни уговаривали ее, она не выдала секрет брата. И только когда Сэм не пришел ни через час, ни через два, она забеспокоилась и сама. Карета уже стояла у крыльца, а этот сорванец так и не появился.

— С ним могло что-то случиться, Стефа! Может быть, ему нужна наша помощь, а мы даже не знаем, где он.

— Но он всего лишь хотел сходить в деревню! — прошептала Стефания. — Он сказал, что добежит до Мэтью. Он хотел, чтобы тот показал ему, как стреляют из лука. И он уже должен был вернуться!

К Мэтью — младшему сыну Булонов — мы со Стефани поехали на карете. Проселочная дорога была длиннее, чем тропинка, по которой я ходила в деревню, но в экипаже преодолеть это расстояние можно было куда быстрее.

Но Сэма у Булонов не оказалось. Равно как и самого Мэтью. И Эмиль Булон уже рвал и метал.

— Простите, ваша светлость, но я этому паскуднику все уши оборву, когда он появится. Мы еще час назад должны были выехать на

дальнее пастбище, а его до сих пор нет! А ведь он отпросился всего на полчаса!

— А Сэмми? — почти выкрикнула я. — Наш Сэмми был у вас?

Месье Булон кивнул:

— Я потому только и отпустил Мэта к реке, что к нему пришел ваш племянник, ваша светлость!

— К реке? — похолодела я. — Но что им было там было нужно?

— Мэт, кажется, хотел показать вашему мальчику нашу новую лодку.

Пока мы бежали к реке, в голову лезли самые жуткие мысли. Местные говорили, что неподалеку от деревни был глубокий омут. А что, если ребяташки направили лодку именно туда, и они не выплыли, когда лодка перевернулась? Или они не справились с течением, и их унесло далеко вниз?

На том месте, где Булоны держали свою лодку, ее не было. И я, и Стефа, и Булоны со старшими детьми бегали по берегу и кричали на все голоса. Мы переполошили всю деревню, но мальчишки так и не откликнулись.

— Это я во всё виновата! — рыдала Стефа. — Если бы я сразу сказала вам, где он, его еще можно было бы остановить.

Я, как могла, успокоила ее, а потом отправила кучера в имении за подмогой.

На поиски детей вышли вся деревня и все слуги его светлости, но результата это не принесло. Мэнсфилд с одним из лакеев вызвались поехать верхом по берегу вниз по течению, и у меня забрезжила надежда. Но наступил вечер, стало темно, а они так и не вернулись. И теперь уже продолжить поисковую операцию можно было только утром.

Я не стала возвращаться в особняк. Более того, в деревню приехала и Табита. Эту ночь мы провели в нашем старом доме, а едва забрезжил рассвет, снова отправились к реке.

Стефани плакала, Табита молилась, а я стояла на высоком берегу и смотрела вдаль. И когда на идущей по берегу от леса дороге показались две темные точки, я задержала дыхание.

Точки приближались, и первая из них скоро приняла очертания Мэнсфилда, впереди которого на лошади сидел Сэм.

Стефани бросилась им навстречу, а Табита расплакалась. Когда всадники приблизились к нам, Сэмми спрыгнул на землю и тоже заплакал — наверно, испугался, что его станут ругать (тем более, что месье Булон уже лупил своего Мэтью). Но воспитывать я его собиралась дома. А пока я просто испытала огромное облегчение от того, что он жив.

— Они потеряли весло, ваша светлость, — сказал Мэнсфилд, — и не смогли справиться с течением. А потом лодка налетела на камни. Хорошо, что там было мелко.

— Благодарю вас за помощь! — я пожала бы ему руку, если бы не боялась, что это покажется странным.

— Это было самое меньшее, что я мог для вас сделать, ваша светлость, — ответил он.

После всех этих треволнений нам нужно было отдохнуть, но мы и так уже потеряли полтора дня, а потому я намерена была отправиться в путь немедленно.

Но когда наша карета подъехала ко крыльцу, на него выбежала взволнованная мадам Шабри. Она просияла, увидев Сэмюэля, а потом сказала:

— Ваша светлость, а к вам гости прибыли! Из столицы!

Глава 63. Герцог Клермон

Дорога до столицы в этот раз показалась мне особенно длинной. На раскисшей после дождей дороге карета ехала медленно, время от времени застревая в особо труднопроходимых местах. И хотя я не обязан был этого делать, я выходил из нее и помогал сопровождавшим меня гвардейцам ее толкать — только бы она двигалась хотя бы чуть быстрее.

Внутри экипажа я был один, и никто не докучал мне разговорами. Лейтенант Пике единожды спросил меня, не желаю ли я, чтобы он составил мне компанию, но я поблагодарил его и отказался. Мне нужно было многое обдумать, а делать это лучше было в одиночестве.

Прежде всего, мне нужно было выяснить, что случилось с его величеством на самом деле. Было ли это злоумышленное отравление, или всё произошло случайно? В конце концов, король уже не молод, и его желудок мог просто не принять определенный продукт. Но если так, то доказать это будет практически невозможно. Вряд ли дядюшка согласится принять такое простое объяснение — куда интереснее объявить себя жертвой коварного покушения. Тем более, если в этом покушении можно обвинить женщину, которую ты считаешь неподходящей женой для своего племянника.

Но если его величество знает, что никакого покушения на самом деле не было, то я был уверен, что сумею убедить его снять это нелепое обвинение. Достаточно будет рассказать ему, что наш с Лорейн брак не вполне настоящий. И на это придется пойти, чтобы расследование в отношении герцогини Клермон было прекращено.

Сложнее будет доказать нашу невиновность, если покушение всё-таки было. Тогда для того, чтобы очистить имя Лорейн, нужно будет найти настоящего отравителя.

У короля не было явных врагов — тех, кто открыто был бы к нему в оппозиции. Его величество был добрым и справедливым монархом, его любили и аристократия, и простой народ. И даже терезийцы, которые уже много лет враждовали с нами, не имели ничего против самого короля. Они всего лишь хотели присоединить к Терезии спорную территорию.

Но при внешне спокойной политической ситуации в стране я не мог не понимать, что желающие отправить его величество к праотцам всё-таки были. У короля Дамиана Пятнадцатого не было детей. Он был женат лишь однажды уже в весьма почтенном возрасте, и его молодая жена умерла при родах. Малютка-дочь скончалась в тот же день. И это событие так потрясло его величество, что жениться снова он уже не смог.

Ни младших братьев, ни родных племянников у него тоже не было, а это означало, что после его смерти претендовать на трон смогут дальние родственники или даже представители совсем других династий.

Но думать об этом мне сейчас совсем не хотелось. Я всегда сторонился придворных интриг. Я искренне любил его величество, и хотя я сам мог стать одним из претендентов на корону, я всегда отвергал даже самую мысль об этом.

Поэтому я предпочел сосредоточить свои мысли на другом. На том злополучном письме, которое могло стать причиной и всех последующих событий.

Кто из гостей мог его украсть? Та давняя история с передачей провинции Деланже Терезии не описывалась в дошедших до нас книгах. Это была тайна за семью печатями, знали о которой только участники тех событий. В их семьях она, разумеется, передавалась из поколения в поколение, и наша семья была тому примером.

Тот, кому эта история была не известна, никогда не осознал бы значения старого письма в моей библиотеке. Более того, в библиотеке было множество куда более интересных и ценных вещей и случайно заинтересоваться содержанием написанного от руки текста гость наверняка не мог. Нет, с большой долей вероятия я предполагал, что письмо искали целенаправленно. Человек, который взял его, заранее знал, что он должно быть там.

Моему прапрадеду Жерому было трудно удержаться и не похвастаться дома тем, как остерег своего короля от неосторожного шага и был вознагражден высоким титулом. Разумеется, столь же словоохотливыми могли оказаться и другие придворные, что были в тот момент подле Максимилиана Десятого.

Когда мой предок почувствовал ментальную магию в кабинете его величества, он не сразу решился войти туда без приглашения короля.

Максимилиан был весьма строг к таким вещам. Маркиз Клермон (на тот момент еще действительно маркиз, а не герцог) был вынужден обратиться к начальнику королевской стражи, который был сильным боевым магом и мог противостоять менталисту. А еще им потребовалось привлечь главного мага королевства, дабы снять чары, что наложил на его величество граф Тизье. Таким образом, о подписании королем указа о передаче Терезии нашей провинции знали как минимум трое.

Осталось только выяснить фамилии людей, занимавших в то время должности начальника стражи и главного мага. И в этом, как я надеялся, мог мне помочь сам король. Он был блестящим знатоком истории. Но если даже он не назовет мне их, то придется порыться в старинных книгах. И хотя я понимал, что эти фамилии могут вовсе ничего мне не сказать — их предки в результате приобретения новых земель или многочисленных браков могли сейчас зваться совсем по-другому, — за эту ниточку всё-таки следовало потянуть.

В Валье-де-Браво мы прибыли ранним утром. Рабочий день королевского дознавателя еще только начался, но он пригласил меня к себе в кабинет незамедлительно — как только лейтенант Пике доложил ему, кого он привез.

— Ваша светлость, но как же так? — месье Баруш был явно испуган. — Я не отдавал распоряжения о вашем задержании! Если этот Пике что-то перепутал, я добьюсь, чтобы он понес заслуженное наказание.

— Нет-нет, сударь, — возразил я, — лейтенант здесь совершенно ни при чем. Я сам настоял на этой поездке в столицу. Раз уж моей супруги не оказалось в поместье, и у нее не было возможности оправдаться, я решил, что должен это сделать сам. Полагаю, вы со мной согласны, месье, что защищать доброе имя жены — это законная обязанность ее мужа?

Он, разумеется, согласился.

— Но вы же понимаете, ваша светлость, что теперь я обязан буду задать вам те вопросы, которые я должен был задать вашей супруге?

Но я покачал головой:

— Это будет бесполезной тратой времени, месье Баруш, потому что я не намерен на них отвечать. Вернее, не так. Я не стану отвечать на них, если мне станете задавать их вы.

— Вот как? — растерялся он. — И на чьи же вопросы, ваша светлость, вы готовы отвечать?

— На вопросы его величества, — спокойно сказал я и улыбнулся.

Но месье Баруш сдался не сразу. Он пытался сослаться на то, что время еще слишком раннее, чтобы он мог отправиться с докладом к королю. И только мое напоминание о том, что это — дело государственной важности, и речь идет о жизни его величества, заставило его отправиться во дворец.

Он вернулся через час и объявил мне, что его величество готов меня принять. Я видел, что ему ужасно хотелось бы присутствовать при нашей беседе, но он явно не был на нее приглашен.

И потому я отправился во дворец один. Вернее, в сопровождении всё того же лейтенанта Пике, и чтобы не шокировать встречавшихся нам в коридорах придворных, нам с лейтенантом пришлось делать вид, что мы просто мило беседуем.

Но в кабинет короля я вошел уже в одиночестве. Его величество сидел в массивном кресле за большим столом. Едва я переступил порог, он указал мне рукой на стул напротив и вздохнул:

— Значит, ты решил лишить меня возможности посмотреть на твою супругу?

Глава 64. Герцог Клермон

Я опустился на стул и вздохнул:

— Надеюсь, ваше величество, это обвинение не было лишь предлогом для того, чтобы привезти мою супругу в столицу, дабы вы могли на нее посмотреть. Потому что если это так, то это весьма жестоко с вашей стороны.

Он почти обиделся:

— Конечно, нет, Бернард! Как ты мог такое подумать? Это слишком серьезный вопрос, чтобы с ним шутить.

— Значит, отравление всё-таки было?

Его величество выглядел чуть хуже, чем прежде. У него был нездоровый цвет лица, со щек исчез румянец, а сами щеки ввалились, отчего скулы стали выделяться резче. Судя по всему, это и были последствия неприятного происшествия.

— К сожалению, было, мой мальчик! — теперь тяжкий вздох издал уже он. — И я признаюсь тебе, что ужасно испугался. Ведь до этого момента я тешил себя мыслью, что мои подданные любят и уважают меня.

— Но так оно и есть, ваше величество! — воскликнул я. — Я не могу говорить за всех, но из-за одного дурного человека, что осмелился на вас покушаться, вы не должны думать дурно о своем народе. И уверяю вас, что ни я, ни моя жена не имеем к этому ни малейшего отношения. Если вам будет угодно, я готов буду пройти любую проверку. И моя супруга тоже.

Я полагал, что короля порадует такое предложение, но он отнесся к нему на удивление равнодушно. И это показалось мне странным.

— Ваше величество! Надеюсь, вы не сомневаетесь в моей преданности? Что же касается моей жены, то у нее просто не было ни малейшей причины желать вам чего-то дурного!

— Возможно, она хотела стать королевой? — с грустной улыбкой предположил он.

— Королевой? — нахмурился я. — Что вы такое говорите, ваше величество? Но если вы намекаете на то, что в случае, если бы покушение удалось, я мог бы претендовать на корону Арвитании, то

уверяю вас, что не собирался и не собираюсь этого делать. У меня никогда не было ни малейшего желания становиться королем. Простите, ваше величество, но это слишком ко многому обязывает. Слишком много правил и условностей. А я люблю свободу и привык всегда поступать по собственному разумению. Более того, сейчас я всё больше склоняюсь к тому, чтобы оставить столицу и удалиться в свое имение. Мне, знаете ли, очень полюбились провинциальная тишина и неспешность, и я только сейчас начал понимать, почему мой отец так любил Клермон.

На сей раз мне показалось, что из улыбки короля ушла грусть, и этому я тоже удивился. И хотя на его голове за то время, что мы не виделись с ним, как будто стало еще больше седых волос, он отнюдь не выглядел напуганным или обеспокоенным.

— Я знаю, ваше величество, что вы не одобрили мой выбор супруги, но надеюсь, это не станет поводом для того, чтобы обвинять ее понапрасну в том, чего она не совершала.

Дамиан усмехнулся:

— Знаешь, мой мальчик, сейчас я понимаю тебе куда больше, чем прежде. И я даже начинаю думать, что, возможно, выбрав себе в жены провинциальную и не слишком знатную барышню, ты поступил разумно. Боюсь, что светские девицы из Валье-де-Браво давно забыли, что такое кротость и доброта.

Наш разговор пошел совсем не в том направлении, что я ожидал, и все заготовленные мною заранее фразы оказались не к месту. И теперь, глядя на рассуждавшего о невестах короля, я подозрительно прищурился.

— Ваше величество, вы выглядите слишком спокойным для человека, на жизнь которого покушались всего несколько дней назад.

Он неожиданно рассмеялся и взял в руки колокольчик. Явившийся на зов слуга принес нам напитки и фрукты.

— От тебя ничего не скроешь, мой мальчик! Всё дело в том, что никакого покушения на самом деле не было! Нет-нет, не изливай на меня свое возмущение! На тот момент, когда я отдал приказ о задержании твоей супруги, я сам был уверен в том, что меня пытались отравить. И кого еще, кроме нее, я мог обвинить? За ужином за столом со мной сидели два десятка человек, и никому из них не стало дурно. Но они пробовали все блюда, которые подавались, кроме одного. Да-

да, тех самых злополучных огурцов! А они, надо признать, оказались настолько вкусны, что я съел их сверх всякой меры.

— Значит, именно этим и объяснялось ваше недомогание? — я едва сдержал облегченный вздох. — Тем, что вы оказались невосдержанны и съели слишком много непривычного для вас продукта?

Ну, что же, если так, то это значит, что ничего страшного не случилось, и я смогу вернуться в Клермон в самое ближайшее время. Как только я выйду из дворца и доберусь до своего столичного особняка, я отправлю гонца в Лас-Варас, чтобы Лорейн знала, что все обвинения против нее сняты. И всё-таки я посоветую ей не приезжать пока в Клермон. Так будет безопаснее. Я должен разобраться во всём сам, не подвергая ее опасности.

Но его величество вдруг покачал головой:

— Нет, Бернард, всё не совсем так. Отравление всё-таки было. Мои маги и лекари определили, что была использована лиазея верхоцветная — ты когда-нибудь слышал про такую? Она отнюдь не ядовита, но способна вызвать сильную рвоту и головную боль.

— Но зачем кому-то потребовалось доставлять вам такие неприятности? — это было выше моего разумения.

— Полагаю, меня хотели убедить, что речь идет именно об отравлении, и поскольку было заранее известно, что новое, только-только доставленное во дворец лакомство буду есть только я, отвар лиазеи был добавлен именно в огурцы.

Мое сердце снова забилося чаще обычного. Всё это отнюдь не походило на невинную шалость.

— Кто-то хотел очернить в ваших глазах меня и мою супругу?

— Нет, не тебя, — возразил он, — только твою супругу. Вот только он не учел того, что отвар этой травы имеет очень маленький срок действия — всего несколько часов. А потом он теряет свою силу. И если бы лиазея была добавлена в бочонок еще в Клермоне, то за время пути до столицы она бы стала просто бесполезной.

— Значит, ее добавили уже в Валье-де-Браво! Но зачем кому-то втягивать в это сою жену?

— Подумай сам, мой мальчик! — сказал король и потянулся за спелым персиком. — Иногда люди, которых ты привык считать безобидными, могут оказаться весьма коварными.

— Но как злоумышленник смог проникнуть на вашу кухню и добавить что-то в еду? Я полагал, что это невозможно, и все блюда, которые вам подают, изначально пробует кто-то еще.

— Обычно так оно и происходит, — подтвердил Дамиан. — Но ты же знаешь, как часто люди пренебрегают своими обязанностями. К тому же тот человек, о котором мы говорим, не вызвал ни у кого ни малейших подозрений. Он, а вернее — она, прошла к главному королевскому повару, который долгое время служил в доме ее отца, дабы забрать пирожные, которые тот по ее просьбе испек на именины ее младшей сестры.

— Она??? — ахнул я.

— Именно так, мой мальчик! — хихикнул король. — Ты уже начал понимать, о ком я говорю, правда? Когда ущемляются их интересы, женщины способны на многое. А ревнивые женщины способны почти на всё.

— Вы говорите о мадемуазель Эванс, не так ли? — уточнил я.

Его величество кивнул.

— Когда стало ясно, что лиазею могли добавить в огурцы только здесь, во дворце, дознаватели опросили всех работников кухни. Собственно, изначально подозревали именно их — поваров и поварят. Но когда всплыло имя твоей бывшей невесты, которая вдруг оказалась на кухне как раз в тот день, то приехали с вопросами и в дом маркиза Эванса. А мадемуазель Жасмин оказалась барышней впечатлительной, и когда ей пригрозили арестом, разрыдалась и призналась во всём. Когда мне стало лучше, я побеседовал с ней и сам — она со слезами уверяла меня, что не желала мне дурного. И что прежде, чем решиться на это, она опробовала действие лиазеи на себе самой. Впрочем, это ее ничуть не оправдывает, не так ли? Кажется, она была весьма расстроена тем, что ты так быстро нашел ей замену.

— Простите, ваше величество, что мои действия невольно стали причиной этого, — мне в самом деле было жаль, — но я и представить себе не мог, что Жасмин...

Король взмахом руки прервал меня.

— Тебе вовсе не за что оправдываться, Бернард! Это мне нужно попросить прощения у твоей супруги. Должно быть, всё это здорово ее напугало.

— Что будет с мадемуазель Эванс? — я не испытывал к Жасмин никаких чувств, но всё обязан был задать этот вопрос.

— Формально она заслуживает суда и заточения в тюрьму. Не важно, что ею руководило. Но маркиз Эванс долгие годы служил мне верой и правдой, а процесс над его дочерью стал бы для него слишком сильным ударом. Так что я просто издал указ, предписывающий всему семейству Эванс удалиться в свой маркизат и запрещающий им появляться в столице в течение ближайших десяти лет. Полагаю, что это тоже достаточно суровое наказание.

В этом можно было не сомневаться. Жасмин так любила блистать в светском обществе Валье-де-Браво, что ссылка покажется ей тюрьмой.

— И вот еще что, мой мальчик, — добавил Дамиан, — сейчас я рад, что ваш брак с мадемуазель Эванс не состоялся. Иметь подле себя такую женщину я не пожелал бы и врагу. Так что если в следующий раз ты привезешь в столицу свою супругу, то я, пожалуй, не откажусь с ней познакомиться.

— Благодарю вас, ваше величество! Я непременно так и сделаю. А сейчас, если позволите, я намерен вернуться в Клермон и разобраться-таки с делом о пропаже письма. Я полагаю, что уже близок к разгадке.

Его величество поднялся, и я тоже вскочил. Он обогнул стол, подошел ко мне и обнял меня с той же теплотой, что и прежде.

— Будь осторожен, Бернард! И доложи мне сразу же, как только что-то узнаешь.

Я пообещал ему это и направился к дверям. А потом вспомнил о том вопросе, который собирался ему задать, остановился, обернулся.

— Ваше величество, прошу прощения, но, может быть, вы помните фамилии тех людей, что были вместе с Жеромом Клермоном в тот момент, когда король Максимилиан Десятый едва не передал Деланже Терезии? Кажется, там были начальник королевской стражи и главный королевский маг.

Его величество меня не разочаровал. Несмотря на возраст, его память была безукоризненной.

— Разумеется, я это помню. Я знаю историю нашего рода от его основания до сегодняшнего дня. Главным магом Арвитании тогда был маркиз Абеляр, а начальником стражи — некий Шортер.

Глава 65

Мадам Шабри сказала:

— Ваша светлость, а к вам гости прибыли! Из столицы!

И у меня едва не остановилось сердце. Гости! Из столицы! Нет, ну как же так?

Табита и Стефани начали рассказывать экономке о событиях этого дня. Теперь у них уже не было причин для волнения, и они улыбались. Только сам виновник этого переполоха, получив от бабушки подзатыльник, горько расплакался.

А я смотрела на них и не понимала, что нам делать. Больше всего мне хотелось запрыгнуть обратно в карету и гнать изо всех сил прочь от поместья Клермон. Пока еще гости не знают, что мы вернулись. Пока еще есть шанс уехать, скрыться. То есть, сделать именно то, на чем настаивал мой муж.

Но я уже понимала, что эта идея была утопической. Карета уже уехала в конюшню, и кучер, должно быть, уже распрягал лошадей. Да и любая попытка к бегству наверняка будет пресечена. Если среди прибывших гостей был именно тот, кого нам следовало опасаться, он догонит нас. Здесь, дома, были хотя бы слуги, которые могли нас защитить. А в карете на дороге я окажусь одна со старой матерью и маленькими детьми. И уже не молодой кучер вряд ли сможет нам помочь. Преступник же, взяв детей в заложники, сможет заставить меня вынести из дома злополучное письмо.

В голове моей вмиг нарисовалась сцена из какого-то шпионского детектива, вот только главная роль в ней мне совсем не понравилась. И я понимала, что если под угрозу будет поставлена жизнь близких мне людей, я вынуждена буду сделать то, что мне велят. Да и стоит ли какое-то письмо всех этих треволнений?

Я понимала, что на карту поставлено многое — Арвитания могла лишиться целой провинции. Но я уж точно была в этом не виновата. Пусть сильные мира сего разбираются с этим письмом, раз оказались столь безрассудны, чтобы не уничтожить его за столько времени.

Когда я подумала об этом, я почувствовала вину перед его светлостью. Это было важно не только для короля Арвитании, но и для

герцога Клермона. А ведь он ради меня, не задумываясь, пожертвовал своей свободой.

Может быть, нам бежать ночью, когда гости заснут? Взять с собой нескольких доверенных слуг, выйти через дверь для прислуги. И чтобы карета ждала нас не у крыльца, а у ворот. Эта мысль немного подбодрила меня. Главное сейчас было не показать гостям своего беспокойства, чтобы они не догадались, что я хоть что-то знаю о письме. Мог же герцог не сказать ничего своей супруге, дабы ее не волновать?

Но прежде всего мне следовало узнать, кем были эти гости. Возможно, что я волновалась совершенно напрасно, и это окажутся какие-нибудь почтенные седовласые дамы, которые думают только о том, как бы собрать тут побольше сплетен для светских салонов столицы.

Я вошла в дом, и месье Бастьен вмиг оказался подле меня.

— Ваша светлость! — торжественно возвестил он. — Вас ожидают в гостиной.

Я не стала спрашивать, кто. В любом случае теперь мне следовало пойти и поприветствовать гостей. И постараться сделать так, чтобы они не догадались о моих страхах. Они должны быть уверены, что имеют дело с провинциальной простушкой, которую легко обвести вокруг пальца.

И я нацепила на лицо улыбку и переступила через порог.

Гостей было двое, и когда я увидела их, мне стоило большого труда сохранить внешнюю невозмутимость. Они поднялись с дивана при моем появлении и дружно шагнули мне навстречу.

— Счастлив видеть вас, ваша светлость! — поклонился мне маркиз Абеляр.

Встретясь мы с ним при других обстоятельствах, я тоже была бы рада этой встрече. Но сейчас я с трудом заставила себя пробормотать в ответ пару вежливых фраз. Тем более, что второй гость смутил меня еще больше. Я уже знала некоторые техники противостояния воздействию ментальной магии, но прекрасно понимала, что сильный маг-менталист разобьет в щепки выставленные мною щит за одно мгновение. И теперь мне казалось, что я уже ощущаю его влияние.

— Простите, ваша светлость, что мы прибыли именно сейчас! — сказал граф Шортер, и мне стало не по себе от его пристального

взгляда. — Если бы мы знали, что его светлость в отъезде, и торжества по случаю вашего брака отложены, мы повременили бы с приездом.

— Именно так, герцогиня! — подтвердил маркиз. — Мы получили приглашение от его светлости и сразу же собрались в дорогу. Но мы не будем злоупотреблять вашим гостеприимством более необходимого. Надеюсь, вы позволите нам отдохнуть от дороги до завтра, и на рассвете мы снова отправимся в путь.

— Это наша вина, господа, — пробормотала я. — Его светлость вынужден был уехать в столицу так спешно, что не смог предупредить вас о произошедших изменениях. Он отправил всего несколько приглашений — самым близким друзьям. И надеялся вернуться до того, как гости прибудут. И от себя лично, и от его имени приношу вам свои извинения за доставленное беспокойство.

До завтра? Они останутся тут только до рассвета? Значило ли это, что они не имели отношения к краже письма? Или один из них надеялся провернуть всё за один день? А может быть, преступник не один? Что, если это был сговор? При мысли, что они оба могли быть в этом замешаны, я похолодела.

Наверно, мне следовало сказать, что они могут остаться тут до возвращения герцога, раз уж преодолели такое расстояние, чтобы нас поздравить, но я не смогла заставить себя произнести эти слова. Мне просто хотелось, чтобы они уехали. И как можно скорей.

— Ну что вы, ваша светлость, никакого беспокойства! — сразу откликнулся Абеляр. — Для нас это честь — быть в числе избранных друзей его светлости. И это путешествие стало для нас приятной прогулкой. Не так ли, ваше сиятельство?

— Именно так, — охотно согласился Шортер. — А на обратном пути я собираюсь заехать в свое поместье, так что это в любом случае того стоило.

— Благодарю вас за понимание, господа, — сказала я. — А теперь прошу простить меня, я должна отдать распоряжения по поводу обеда. Надеюсь, вас разместили с подходящим комфортом?

Зная Бастьена, в этом можно было не сомневаться, но я всё же должна была их об этом спросить на правах радушной хозяйки. Они заверили меня, что лучшего нельзя было и ожидать, и я вышла из гостиной. И только оказавшись в коридоре, смогла нормально дышать.

Добравшись до своей комнаты, я заперла дверь и переоделась. Мне нужно было принять какое-то решение, но я не понимала, как мне следует поступить. Может быть, мне стоит намекнуть гостям, что им следует покинуть наш дом еще до вечера? Но если они не были преступниками, то такой намек может рассматриваться как оскорбление. Мы сами пригласили их сюда.

Я оглядела комнату. Она мало подходила для того, чтобы держать в ней оборону. Я могу сослаться на бессонницу и позвать горничную, чтобы она почитала мне книгу. Но чем сможет мне помочь слабая девушка? А если я велю нашим лакеям дежурить возле дверей, то, боюсь, меня сочтут сумасшедшей. Всё это походило на паранойю.

Но прежде всего мне следовало позаботиться о безопасности Табиты и детей. К счастью, они так устали за прошедшие сутки, что отправились в свои комнаты и не собирались выходить оттуда к гостям. И в их крыле я поставила охрану, велев присматривать за ними Мэнсфилду и нескольким лакеям. Я сказала слугам, что не хочу, чтобы Сэмми куда-то сбежал.

Обед на удивление прошел в почти спокойной обстановке. Гости на все лады расхваливали подаваемые блюда и делились столичными новостями. Надо признать, оба были весьма тактично и ничем не дали мне понять, что этот брак вызвал у них какое-то удивление. Я же в ответ рассказала им, что случилось с моим племянником на реке.

— Должно быть, у вас была бессонная ночь, — посочувствовал маркиз Абельяр.

— Именно так, — кивнула я.

— В таком случае, должно быть, вы хотите отдохнуть? — предположил граф. — Или, может быть, напротив, прогуляться по парку?

При мысли о прогулке по парку в их обществе я вздрогнула. Нет уж, увольте!

Шортер обращался ко мне с подобающим уважением и не испытывал при этом никакой неловкости. Конечно, он же не мог узнать во мне ту девчонку, с которой столкнулся когда-то в гостинице в Альенде. А вот я слишком хорошо помнила, как он меня тогда напугал. И то состояние беспомощности, которое я тогда ощутила, до сих пор повергало меня в шок, стоило мне об этом подумать. Человек, который так легко может подавлять волю другого человека, страшен.

— Благодарю вас, ваше сиятельство, но я предпочту просто пораньше лечь спать. Надеюсь, господа, вы не обидитесь на меня, если я не спущусь к ужину?

Они оба заверили меня, что всё прекрасно понимают, еще раз поблагодарили за радушный прием и выразили надежду, что еще вернуться в Клермон на праздник.

А мне пришла в голову отличная идея. Я проведу эту ночь в кабинете его светлости! В отличие от спальни, там крепкая дверь и решетки на окнах. И оттуда есть дополнительный выход — через потайной ход, который ведет в оружейную.

Утром они уедут, и можно будет вздохнуть с облегчением. Нужно будет только убедиться, что они действительно покинут наше герцогство. Пожалуй, стоит отправить следом за ними самого толкового из наших лакеев, чтобы он проследил за ними хотя бы до границы провинции. А после этого можно будет уже уехать и самим.

Я заглянула сначала к Табите, потом — к племянникам. Убедилась, что у них всё хорошо, и пожелала им спокойной ночи.

Потом я вызвала Мэнсфилда и попросила его привести в кабинет герцога Дельфину, которую из-за приезда гостей на время перевели на парню. Рядом с ней я чувствовала себя куда спокойнее.

Я распорядилась принести в кабинет графин с водой и холодный ужин. Гостевые комнаты находились в другом крыле, и я надеялась, что все эти активности не привлекут внимание гостей.

Скрыться в своем убежище я решила, когда маркизу и графу подали ужин в столовой. Я вошла в кабинет, положила на стол большой охотничий нож, который принесла с собой. Помещение было большим, с удобным диваном, на котором я могла поспать. Осталось только дожидаться Дельфину, прежде чем закрыть дверь.

Но раньше, чем в кабинете появились Мэнсфилд с собакой, туда пришел совсем другой человек.

— Простите, ваша светлость, что беспокою вас вновь!

Я стояла спиной к дверям, когда услышала холодный, бесстрастный голос графа Шортера. И я едва смогла заставить себя повернуться.

Глава 66. Герцог Клермон

Его величество был столь любезен, что отправил меня домой в одной из карет с королевским гербом. В моем особняке на Ратушной площади было непривычно тихо. Часть слуг находились в имении, а те, кто оставался тут, без надзора Бастьена не особенно суетились. Но мое появление их быстро всколыхнуло, и уже за четверть часа мне были поданы новый костюм, легкие закуски и писчие принадлежности.

Мне хотелось есть, но начал я всё-таки с письма. Мне нужно было успокоить Лорейн. Я слишком хорошо понимал, сколько волнений ей доставило это нелепое обвинение, чтобы оставить ее в неведении еще хотя бы на день.

Я надеялся, что она благополучно добралась до Лас-Вараса и находится сейчас со старшим братом и племянником. Или, по крайней мере, уже где-то на подъезде к приграничному городу.

Письмо вышло коротким, но так было даже лучше. Каждая дополнительная строчка увеличила бы вероятность того, что что-то в ней могло снова напугать мою жену. Я сообщил ей, что уже имел разговор с его величеством, и ситуация полностью разрешилась. Король не имеет к нам ни малейших претензий. А все подробности я пообещал рассказать ей при встрече.

Потом я сделал приписку, прося ее оставаться в Лас-Варасе до тех пор, пока я не разберусь с тем человеком, что украл письмо моего прапрадеда, о чём непременно сразу же ей сообщу.

В конце я передал поклон мадам Ревиль и детям.

Запечатав письмо, я вызвал самого молодого из оставшихся в доме слуг и велел ему немедленно отправляться в Лас-Варас.

И только после этого я позволил себе подкрепиться и предаться размышлениям.

Фамилии, названные его величеством, повергли меня в шок. Я ожидал услышать знакомые имена, но не думал, что это окажутся те, с кем я сошелся довольно близко.

Джайлса Шортера я знал с детства. Его отец был близко знаком с моим отцом, и их дружба перешла и на нас. Мы вместе посещали

Академию фехтования и хотя бы раз в неделю старались выезжать за город на верховую прогулку. Не сказать, что мы были не разлей вода, но я искренне считал, что могу ему доверять.

К тому же он многим был мне обязан. Я несколько раз выручал его из передряг, в которые он попадал из-за своего непростого характера и владения запрещенной ментальной магией.

Подумав об этом, я вспомнил о нашей первой встрече с Лорейн в гостинице Альенде. И при мысли о том, что она в тот день могла не вырваться из рук Шортера, меня прошиб холодный пот.

Значит, это его предок был начальником королевской стражи в момент раскрытия заговора терезийцев. Род Шортеров был старинным, но не слишком знатным. В отличие от Жерома Клермона, та история не принесла графу Шортеру особых привилегий — всю славу за выявление предателя получил именно мой прапрадед.

Но я полагал, что то происшествие было давным-давно забыто. Мог ли Джайлс захотеть использовать рассказ, передававшийся из поколения в поколение, в личных целях? Наверно, мог. Но что ему это давало? Деньги? Да, безусловно. За столь ценное письмо терезийцы наверняка не поскупились бы заплатить. Высокий титул? Тоже вполне возможно. Быть герцогом в Терезии было куда более привлекательно, чем графом в Арвитании. Но достаточное ли это вознаграждение для того, чтобы пойти на предательство. А ведь ему бы пришлось предать и друга, и короля, и страну.

Абеяра я знал куда хуже, чем Шортера. Я познакомился с ним несколько лет назад, и он произвел на меня хорошее впечатление. И даже его не вполне подходящее для знатной особы увлечение живописью не показалось мне странным.

Куда лучше, чем я, его знала моя несостоявшаяся невеста Жасмин. Их поместья находились неподалеку друг от друга, и насколько я понимал, Мартин Абеяр с юных лет испытывал к мадемуазель Эванс нежные чувства. Но для меня это не было поводом для ревности. Я прекрасно понимал, что между богатым герцогом, доведившимся к тому же родственником самому королю, и небогатым маркизом Жасмин сделает однозначный выбор. Она как сорока любила всё блестящее и ни за что не променяла бы меня на человека, который не смог бы обеспечить ей привычный уровень комфорта.

Поэтому я никогда не воспринимал его как настоящего соперника. Но для него-то я наверняка таковым был! И кражей письма он мог убить сразу двух зайцев — поправить свое финансовое положение, получив деньги от терезийцев, и скомпрометировать меня. Если бы ему удалось передать письмо нашим врагам, его величество мог усомниться в моей преданности, и я до сих пор находился бы за крепостными стенами Эрдена. Моя репутация была бы испорчена, и я лишился бы положения в свете. А это точно заставило бы Жасмин разорвать помолвку. Что, собственно говоря, и случилось.

И вот тогда-то он и предложил бы ей выйти за него замуж. Что, возможно, она и сделала бы, чтобы в свете поскорей забыли о ее помолвке с предателем Клермоном.

Прежде я не видел в Абеляре сильного мага. Более того, я полагал, что он вообще не обладал никакими магическими способностями, но тот факт, что его предок был главным магом Арвитании, решительно менял всё дело. Такой дар обычно не утрачивается за пару поколений. Но значило ли это, что он сумел вынести письмо из моего особняка? Нет, я был уверен, что нет. И если так, то я еще имел шанс его остановить.

Теперь я уже почти не сомневался, что преступником был именно он, и удивлялся, почему не подумал об этом прежде. Наверно, потому что не воспринимал его всерьез. Он всегда казался мне слишком утонченной натурой, погруженной в свою живопись куда больше, чем в светские интриги. И ведь его картины действительно недурны! И портрет Лорейн, и портрет Жасмин вышли у него весьма хорошо.

И почему я до сих пор не поместил портрет жены в достойное его обрамление? Он великолепно смотрелся бы в гостиной. Он заслуживал красивой рамы куда больше, чем неоконченный портрет мадемуазель Эванс.

Так, а почему, собственно, полотно, на котором изображена Жасмин, вообще оказался в раме? Картина едва ли была написана хоть наполовину.

Если бы я обратил на это внимание гораздо раньше, возможно, я нашел бы ответы и на другие свои вопросы. Эта рама нужна была для того, чтобы спрятать там украденное письмо! Он не сумел вынести письмо сам и понадеялся на то, что я отвезу портрет в столицу и

подарю Жасмин. А уж из дома маркиза Эванса он легко сумел бы его забрать.

Теперь я пытался вспомнить, насколько тщательно я осматривал эту раму. Мне казалось, я был внимателен, но если Абеляр был неплохим магом, то он мог скрыть тайник еще и с помощью иллюзорной магии. И хотя такие иллюзии не держатся долго, действия заклинания могло хватить на несколько месяцев. А может быть, тайник сам по себе был сделан настолько искусно, что я ничего не заметил.

Впрочем, пока это были лишь предположения. И хотя я всё больше и больше склонялся именно к этой версии, проверить ее я смогу, лишь вернувшись в Клермон.

А пока же я был намерен навестить Абеяра в его столичном жилище. Он снимал большую квартиру на улице Дворцовых стражников, собственного особняка у него в Валье-де-Браво не было.

Я не собирался ничего с ним обсуждать. Я только хотел убедиться, что он еще в городе и спросить у него, не возражает ли он, если я отправлю нарисованный им портрет мадемуазель Эванс.

Джайлса Шортера я тоже собирался навестить. Но потом — после того, как поговорю с Абеяром.

Я передал карточку привратнику, что сидел на первом этаже. Тот поднялся на этаж, где снимался квартиру маркиз. И уже через минуту ко мне спустился дворецкий его сиятельства.

— Ваша светлость! Большая честь видеть вас здесь! — низко поклонившись, пролепетал он. — Но я полагаю, что вышло какое-то недоразумение. Его сиятельство отбыл из Валье-де-Браво два дня назад. И он поехал, ваша светлость, в ваше поместье после того, как получил от вас соглашение.

Я сжал кулаки так, что порвал перчатки. И как я мог об этом забыть? До приезда лейтенанта Пике я успел отправить всего несколько приглашений, и судя по всему, одно из них было именно маркизу Абеяру. И теперь у него было два дня форы.

Оставалось лишь надеяться на то, что Лорейн успела уехать из поместья.

Глава 67

Граф Шортер стоял на пороге и смотрел на меня. Мне показалось, что распахнулось окно, и в комнату влетел холодный ветер. Я содрогнулась, и мне стоило немалых сил не сделать шаг назад. Я снова ощутила тот страх, что испытала тогда, в гостинице Альенде.

— Вам что-то нужно, ваше сиятельство?

Я чувствовала себя перед ним как кролик перед удавом. Мешочек с сушеными зверобоем, полынью и крапивой лежал у меня в кармане. Я не забыла взять его с собой. Но сейчас, когда Шортер был в двух шагах от меня, это саше уже казалось мне детской забавой.

И техники противодействия ментальной магии, о которых я читала в книгах, надежными были только на бумаге. Я попыталась сосредоточиться и выставить щит, но прекрасно понимала, что граф разобьет его легко и непринужденно.

Правда, пока я вовсе не чувствовала влияния его магии. И это было странно.

— Я хотел поговорить с вами, ваша светлость. Надеюсь, вы сможете уделить мне несколько минут.

Кажется, он тоже волновался. И как ни странно, его волнение позволило мне немного унять свое собственное.

— Я занята, ваше сиятельство! Мне нужно написать несколько писем, — должна же я была объяснить хоть как-то тот факт, что я собиралась задержаться в кабинете в столь позднее время. Мне совсем не хотелось, чтобы Шортер понял, что я пряталась тут от них.

— Я не задержу вас надолго, ваша светлость, — сказал он. — Я всего лишь хотел извиниться за свое недопустимое поведение при нашей первой встрече. Той, что состоялась в Альенде.

При этих его словах мои щеки запылали. Значит, он всё-таки меня узнал! И хотя самой мне стыдиться было нечего, я всё равно испытала чувство неловкости. Право же, я предпочла бы, чтобы он не начинал этот разговор.

Мне показалось, что он вознамерился сделать шаг в мою сторону, и я испуганно отступила к окну.

— О, ваша светлость, надеюсь, я вас не напугал? — он нахмурился. — Я понимаю, сколь неприятно, должно быть, вам мое общество, но посчитал своим долгом принести вам извинения. И уверяю вас, вам не стоит меня опасаться. Вы жена моего друга и покровителя, и я никогда не сделаю ничего такого, что может доставить вам неприятности. В любой ситуации вы можете рассчитывать на мою преданность. Если потребуется, я стану защищать и вас, и вашего супруга до последней капли крови.

Он произнес это без излишней патетики. И когда замолчал, то чуть склонил голову, ожидая от меня ответа.

А я не знала, что сказать. Если бы эти слова я услышала от кого-то другого, то наверно, растрогалась бы до глубины души. Но заверения от человека, который однажды едва не погубил мою честь, звучали не слишком убедительно.

Впрочем, я прекрасно понимала, что побудило его выступить с этой речью. Он понял, что я не забыла ту сцену в гостинице, и счел нужным со мной помириться. Как и тогда, в Альенде, мы были в неравном положении, только тогда хозяином положения был он. А теперь я была женой одного из первых вельмож Арвитании, и Шортер решил, что держать меня во врагах ему не выгодно.

И всё-таки я должна была ему что-то ответить.

— Я принимаю ваши извинения, ваше сиятельство. Предлагаю оставить прошлое в прошлом. Обещаю, что впредь буду воспринимать вас согласно тем поступкам, которые вы будете совершать в дальнейшем.

— Благодарю вас, ваша светлость! — откликнулся он.

А я отчаянно хотела, чтобы, наконец, пришли Менсфилд с Дельфиной. Оставаться и дольше в обществе Шортера мне совсем не хотелось.

Но раньше дворецкого в кабинет вошел маркиз Абельяр. Он низко поклонился мне. Мне показалось, он чувствовал себя немного смущенно.

— Ваша светлость! Ваше сиятельство! Надеюсь, я вам не помешал?

— Нет-нет, всё в порядке! — заверила его я. — Его сиятельство уже уходит. Мне срочно нужно написать несколько важных писем, и простите за бестактность, но я предпочла бы сейчас остаться одна.

При других обстоятельствах я была бы не прочь поболтать с маркизом, но сейчас мне ни с кем из них не хотелось разговаривать. И хотя я понимала, что мои слова прозвучали не слишком вежливо, церемониться с ними я была не намерена. Я надеялась, что они спишут это на мое желание соблюсти все необходимые приличия. Моего мужа не было дома, а значит, я не могла позволить себе слишком долго общаться с гостями мужского пола.

— Спокойной ночи, ваша светлость! — Шортер повернулся к дверям. — Вы идете, Абельяр?

Мне показалось, что маркиз слегка замешкался. Неужели он тоже хотел со мной о чём-то поговорить? Но даже если и так, я не собиралась менять своего решения. Если они не преступники, то в их следующий приезд в поместье я их встречу куда любезнее.

Я подумала об этом и усмехнулась. Если герцог найдет вора и смоем пятно со своей репутации, наш брак незамедлительно будет расторгнут, и принимать гостей в этом поместье будет уже другая герцогиня, куда более подходящая Клермону по знатности и богатству.

Отчего-то эта мысль расстроила меня. Неужели я так быстро привыкла к титулу герцогини? А ведь я изначально знала, что он принадлежит мне лишь на время.

Вдалеке скрипнула дверь, и стало слышно, как по полу коридора зацокали лапы Дельфины. И уже через несколько секунд ее красивая мордочка появилась в дверях.

Собака приветственно замахала хвостом и натянула поводок, стремясь ко мне. И вдруг шерсть ее вздыбилась, а радостное поскуливание сменилось рычанием. И рвалась она теперь уже совсем в другую сторону.

Я помнила, что ее обидел кто-то из гостей. Не захотел помочь, когда она в этом нуждалась. Бросил в лесу.

И сейчас, когда она, хрипя, бросалась на маркиза Абельяра, Мэнсфилд с трудом мог ее удержать.

Неужели, это был маркиз? Всегда такой обходительный и вежливый молодой человек, к которому я испытывала самую искреннюю симпатию! Не воин, не охотник, а талантливый художник, из-под пера которого выходили прелестные картины.

— Простите, ваша светлость, ваше сиятельство! — растерялся дворецкий, пытаясь оттащить Дельфину в коридор. — Не знаю, что на

нее нашло. Обычно она вполне миролюбива. Я сейчас отведу ее назад.

Конечно, это могло не значить ровным счетом ничего. Абельяр мог просто не любить собак, а Дельфина почувствовать это. Но что-то мне подсказывало, что она с пеной у рта набросилась на него не просто так.

И что, если собака на охоте была ранена вовсе не диким кабаном? Мог ли кто-то из гостей поранить ее намеренно? Клермон говорил, что Дельфина особенно любила отдыхать в библиотеке. В той самой комнате, откуда было украдено письмо! Было ли это совпадением? Возможно. Но отчего-то мне казалось, что нет.

— Мэнсфилд, стойте! — почти выкрикнула я. — Оставьте Дельфину здесь! Господа уже уходят в свои апартаменты.

Я не должна была показывать, что паникую, но как я могла скрыть свой страх, если он заставлял меня дрожать?

Я подняла взгляд на маркиза Абельяра и увидела его ответный. И сразу поняла, что волновалась я не одна. Он тоже пытался казаться невозмутимым, но в его глазах была тревога. И это была не боязнь клыков собаки. Это была боязнь разоблачения.

Может быть, это были лишь мои фантазии, но я почти физически почувствовала, что это был именно он! Словно прочитала его мысли.

Я быстро отвернулась, но было поздно. Я поняла, что именно он украл письмо. А он понял, что я об этом догадалась.

Глава 68

И всё-таки я надеялась, что это были лишь мои домыслы. И даже если маркиз когда-то обидел собаку, это вовсе не означало, что он вор, хотя и характеризовало его не самым лучшим образом.

— Ваше сиятельство? — уже переступивший порог Шортер обернулся к маркизу, который по-прежнему оставался на месте.

— Да-да, я иду, — кивнул Абеляр и сделал шаг к двери.

Дельфина снова зарычала, и Мэнсфилду пришлось отвести ее в другой конец комнаты, но даже оттуда она не сводила с гостя взгляда. При этом графа она словно не заметила вовсе.

Наконец, их шаги затихли в другом конце коридора, и я смогла вздохнуть.

— Что-то случилось, ваша светлость? — обеспокоенно спросил дворецкий. — Если хотите, я провожу вас до вашей комнаты.

Но я покачала головой. В своей комнате я не могла чувствовать себя в безопасности.

— Нет, благодарю вас, Мэнсфил, я пока побуду здесь. Мне нужно написать несколько писем.

— Как вам будет угодно, ваша светлость. Но вы уверены, что справитесь с собакой, если вдруг она снова решит наброситься на кого-то из гостей?

— Не беспокойтесь, я сумею ее удержать.

У меня было желание попросить его остаться здесь, в кабинете, но я не хотела сеять панику. И не хотела, чтобы слуги меня приняли за сумасшедшую. К тому же, если преступником был один из наших нынешних гостей, то такие меры предосторожности ясно дали бы ему понять, что я уже всё знаю. Возможно, это лишь подтолкнуло бы его к более решительным действиям, чего мне совсем бы не хотелось.

Мэнсфилд поклонился и ушел. А я торопливо заперла дверь сначала на ключ, а потом еще и на засов. И убедилась, что потайная дверь, находившаяся за отодвигаемым специальным механизмом книжным шкафом, тоже заперта.

Хватиться меня в моей спальне могла разве что горничная, но ее я уже отправила отдыхать. А если кто-то и обнаружит, что я не спала в

своей постели, то я скажу, что засиделась за письмами до полуночи и заснула прямо за столом.

Если утром Абеляр и Шортер просто уедут из поместья, значит, в краже письма они не виновны. А вот если останутся... Но думать о таком варианте сейчас мне совсем не хотелось.

Я достала из шкафа какую-то скучную книгу по истории Арвитании и, не раздеваясь, легла на диван. И задремала после прочтения первых же страниц, хотя до этого была уверена, что из-за страха не сомкну глаз всю ночь.

На случай, если кто-то всё-таки попытается открыть одну из дверей, у меня была Дельфина — она спала куда более чутко, чем я. Но нас никто не потревожил до самого утра. И когда я проснулась, солнце уже поднялось над макушками деревьев, стоявших по другую сторону озера.

День был ясный, за окном щебетали птицы, и всё, что случилось накануне, показалось мне дурным сном. Дельфина уже нетерпеливо поскуливала, требуя прогулки, и я, убедившись, что платье не сильно помялось, открыла дверь. На всякий случай я держала при себе нож. Но по ту сторону дверей, в коридоре, никого не было.

Мне и самой очень хотелось погулять в парке, но прежде, чем сделать это, я подошла к окну. И оказалось, что сделала это не зря. Потому что первым человеком, которого я увидела на грушевой аллее, был граф Шортер.

Я зазвонила в колокольчик так настойчиво, что Мэнсфил появился на пороге комнаты уже через несколько секунд. Он с трудом переводил дыхание.

— Ваша светлость!

— Разве гости еще не уехали? — спросила я, и голос мой дрогнул.

— Еще нет, ваша светлость, — ответил он, всё еще тяжело дыша.

— Выяснилось, что лошадь господина Абеяра потеряла подкову. Я уже послал за кузнецом.

Значит, они остались. Я ничуть не сомневалась, что лошадь потеряла подкову отнюдь не случайно. Пока прибудет кузнец, пока он выполнит свою работу, наступит вечер, и гости не захотят отправляться в дорогу на ночь глядя.

— И где сейчас господин маркиз?

— На конюшне, ваша светлость. Позвольте, я отправлю слугу выгулять Дельфину.

Я отдала ему поводок и отправилась в свою комнату. Мне следовало переодеться.

Сменив платье, я отправилась к матушке, и мы с детьми позавтракали у нее в комнате. Я попросила их пока не покидать это крыло. Сэм попытался возразить, и мне пришлось на него прикрикнуть. Я редко повышала голос, и сейчас не только племянник, но и Стефани, и Табита посмотрели на меня с испугом.

Я могла провести в кабинете и весь этот день, но что бы это изменило? Если преступником являлся Абеляр, и он решил во что бы то ни стало заполучить украденное письмо, то он найдет способ задержаться в поместье. Или уедет отсюда вместе с Шортером, а потом, когда их пути разойдутся, воспользуется каким-нибудь предлогом и вернется сюда. Невозможно было прятаться от него постоянно.

Да и эта игра в кошки-мышки мне уже порядком надоело. Страх сводил меня с ума, и я вздрагивала от каждого шороха. Я уже почти хотела, чтобы Абеляр, наконец, начал действовать.

Попытается ли он заставить меня вынести письмо из дома хитростью или силой? Ах, как мне хотелось бы сейчас, чтобы Клермон был здесь! Рядом с ним я чувствовала бы себя в безопасности. Пусть даже он был бы привычно хмур и молчалив — лишь бы был рядом!

Сердилась ли я на него за то, что он втянул меня в это? Нет, ничуть. Я вступила в этот брак добровольно. И он предупреждал меня, что я должна была уехать из поместья как можно скорей. А я промедлила и теперь расплачивалась за эту ошибку.

Я снова подошла к окну. Маркиз Абеляр неторопливо, поигрывая сорванной с куста веточкой, шел к дому. Он совсем не выглядел как преступник. А возможно, и вовсе им не был. И что он может сделать, чтобы заставить меня выйти с письмом за пределы особняка?

Будет угрожать детям или мне самой? Но в доме полно слуг. И переступив черту, он лишит себя возможности сохранить свое положение в свете. Он станет изгоем, а если его арестуют, то попадет в тюрьму или даже будет казнен. Речь идет о государственных интересах! И оступившись однажды, он уже не сможет всё исправить. Готов ли он будет на это пойти? Если им двигала только жажда

наживы, то вряд ли что-то его остановит. Чтобы обезопасить себя, ему достаточно будет перейти границу с Терезией.

Мне хотелось взвыть от бессилия, но я понимала, что не смогу его остановить. Я была всего лишь слабой женщиной, и Клермон вряд стал бы требовать от меня, чтобы я защищала письмо с оружием в руках.

Разве что обратиться за помощью к графу Шортеру... Эта мысль сначала не показалась мне достойной внимания, но чем дольше я размышляла, тем больше она нравилась мне. Удерживало от этого меня только одно — я не была уверена, что эти двое не были сообщниками.

Учитывая, что я проигнорировала прошлый ужин, не выйти к обеду я не могла. И я спустилась в столовую залу и долго выслушивала извинения маркиза по поводу потерянной подковы. Его сиятельство выглядел как обычно — много разговаривал и казался искренне смущенным из-за того, что их отъезд пришлось перенести.

Я обратила внимание на его руки — белые, тонкие, куда больше привыкшие держать кисть, чем кинжал или шпагу. И это подействовало на меня успокаивающе.

После обеда Мэнсфилд доложил, что кузнец прибыл и уже приступил к работе. Гости заверили меня, что тронутся в путь, как только это будет возможно, и отправились в свои комнаты, чтобы отдохнуть перед дорогой.

— Ваша светлость, могу ли я обратиться к вам с просьбой? — маркиз вернулся в столовую прежде, чем я оттуда ушла.

Я вздрогнула. Но были в комнате не одни. Вокруг стола сновали слуги, унося остатки блюд и грязную посуду.

— Разумеется, ваше сиятельство, — я попыталась улыбнуться. — Что вам угодно?

— Я хотел поговорить с вами о портрете мадемуазель Эванс. Прости, что завел разговор на эту тему, но, если вы не будете возражать, то я хотел бы отвезти его в столицу. Не думаю, что вы хотите, чтобы картина, на которой изображена бывшая невеста его светлости, оставалась у вас дома. К тому же портрет не дописан, а в Валье-де-Браво я сумел бы его завершить. Мадемуазель Эванс уже спрашивала меня про него, а я не люблю оставаться должным. Уверен, она будет признательна вам за такой благородный жест.

Глава 69

Точно! Картина! Так вот почему недописанный еще портрет уже был вставлен в раму!

Но как маркиз рассчитывал вынести этот портрет из дома? И как надеется сделать это сейчас? Даже если я соглашусь на отправку картины в Валье-де-Браво, осуществить это на практике будет очень сложно. Будь это миниатюра, он мог бы под каким-то предлогом попросить меня сделать это лично. Но не думает же он, что я соглашусь тащить на улицу картину в тяжелой раме?! А если ее понесет кто-то другой, кроме меня и Клермона, то столкнется с той же проблемой, с которой столкнулся и сам Абеляр — сработает магия!

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, но я не смогла найти ответы на свои вопросы. Да и не хотела сейчас их искать.

— Почему бы и нет, ваше сиятельство? — я нарочито небрежно пожала плечами. — Этот портрет принадлежит вам, и я не вижу причин, по которым мне следовало бы вам отказать. Наше знакомство с мадемуазель Эванс трудно назвать приятным, и я действительно не хотела бы оставлять в своем доме хоть какое-то напоминание о наших с ней встречах.

— Благодарю вас, ваша светлость! — маркиз с улыбкой поклонился. — Вы очень добры. А сейчас позвольте мне удалиться — мне нужно отправиться на конюшню, дабы убедиться, что кузнец всё сделал как надо.

Он вышел из столовой залы, а через минуту я услышала его голос на крыльце, где он просил лакея проводить его до конюшни.

Я выглянула в окно — маркиз в сопровождении одного из наших слуг направлялся на задний двор.

Медлить было нельзя! Конюшня находилась на довольно большом расстоянии от дома, и этим следовало воспользоваться. Пока он будет разбираться с кузнецом, я должна попасть в художественную мастерскую и найти письмо! Как бы ловко он ни спрятал его в раме картины, теперь, когда я знала, где его искать, я была уверена, что обнаружу тайник.

По дороге я забежала в кабинет и взяла со стола исписанный с двух сторон лист бумаги — я положу его на место настоящего письма. А потом велю как можно тщательнее упаковать картину. Путь до столицы не близкий, и такая забота о сохранности портрета будет вполне естественной. А когда слуга понесет картину на улицу, я буду идти рядом и даже поддерживать ее — чтобы у Абеяра не возникло сомнений, что именно мое участие позволило письму преодолеть магический барьер.

Маркиз выедет из поместья вместе с Шортером. Это не даст ему возможности сразу же распаковать картину и извлечь письмо. Их пути разойдутся только через несколько часов, когда граф повернет в сторону своего поместья. А за это время мы с матушкой, детьми и настоящим письмом сумеем уехать из Клермона. Если Абеяра и вернется, то не раньше вечера следующего дня. А Мэнсфилд уж как-нибудь сумеет поводить его за нос еще несколько часов, заявив, например, что мы отправились в деревню.

И маркиз ничего не знает про Лас-Варас, а значит, не станет искать нас именно там. А там мы могли бы попросить защиты не только у брата, но и у начальника военной академии. Уверена, как только тот узнает, о чём идет речь, то придумает, как остановить Абеяра.

Я оказалась в мастерской уже через несколько минут. Портрет Жасмин стоял на том же месте, что и прежде. Я подбежала к нему и принялась ощупывать каждый сантиметр узорной рамы. Сердце бешено колотилось, а руки дрожали. Ну, где же, где же этот тайник?

Или я приняла желаемое за действительное? А на самом деле в просьбе маркиза нет ничего предосудительного? Всего лишь желание художника завершить портрет красивой женщины и подарить его оригиналу?

Я так увлеклась процессом, что не услышала чужих шагов. И подняла голову, только когда раздался насмешливый голос Абеяра:

— Я был уверен, что вы проглотите наживку! Простите за столь вульгарное выражение, ваша светлость, но оно как нельзя лучше отражает ситуацию. Я знал, что если Клермон рассказал вам о письме, то вы непременно сюда придете. Значит, он всё-таки рассказал. Ну, что же, этого следовало ожидать.

Он произнес это совершенно спокойно. Так, словно речь шла не о преступлении, а о чём-то вполне обыденном, чего ему не следовало стыдиться. Он говорил спокойным тоном и шаг за шагом приближался к портрету.

Путь к дверям был перекрыт, и я стала медленно отступать к окну.

Как я могла попасться на эту удочку? Почему я не подумала, что это может быть ловушкой? Почему не взяла в мастерскую никого из слуг? Так торопилась найти письмо, что ни о чём другом уже не могла думать.

Но здесь повсюду мои слуги, и если я закричу, то кто-нибудь непременно услышит. И Абельяр не может этого не понимать. Так почему же он настолько невозмутим?

Я хочу закричать. И даже открываю рот. Но с моих губ не срывается ни звука.

Я уже чувствовала такое однажды — тогда, в гостинице Альенде. Когда граф Шортер использовал свои способности менталиста.

Значит, маркиз тоже владел этой запретной магией! И он застал меня врасплох и теперь словно опутывал своими невидимыми нитями, постепенно подавляя мою волю. Я должна была об этом подумать! Здесь, в Арвитании, магом может оказаться каждый.

— Вы не нашли письмо, не так ли? Не вините себя. Это можно сделать, только разломав раму. Поверьте, я позаботился о том, чтобы обнаружить его было почти невозможно. Сначала мне пришлось повредить раму, а потом аккуратно склеить ее.

Я не могла позвать на помощь, закричать. Но голос у меня всё-таки еще был. И я спросила, сама едва слыша свой голос:

— Но понимаете ли вы, что, переступив черту, уже не сможете вернуться назад? Еще не поздно остановиться. Если вы оставите всё как есть и просто уедете, я обещаю вам, что ничего никому не скажу. Я просто найду письмо и верну его на прежнее место. Вы всегда относились ко мне по-доброму, ваше сиятельство, и я хочу отплатить вам тем же. Уезжайте, и имя человека, который пытался украсть письмо, для всех останется тайной. Я дам вам в этом слово!

Он усмехнулся:

— Весьма любезно с вашей стороны предложить мне это. Больше всего мне жаль, ваша светлость, что именно вы оказались в это вовлечены. Я испытываю к вам искреннюю симпатию, и мне совсем не

хотелось бы заставлять вас делать то, что противно вашей воле. Но у меня нет другого выхода. Я уже слишком далеко зашел.

Мне показалось, что он произнес это с легкой грустью, и я понадеялась, что всё же сумею его отговорить. А если нет, то немного потяну время — может быть, Мэнсфилд или Бастьен хватятся меня и зайдут сюда?

— Но что толкнуло вас на этот шаг, сударь? Ведь если о вашем участии в этом деле станет известно, вы лишитесь всего — разве вы этого не понимаете? А скрыть это сейчас будет уже невозможно. Даже если вы заставите замолчать меня, вас видели и граф Шортер, и слуги.

— К сожалению, вы правы, ваша светлость, — признал он. — Когда я решился на кражу письма, я надеялся, что всё будет по-другому. Разве я мог подумать, что в доме, где сам Клермон не бывал уже много лет, расставлены магические ловушки?

Когда он подошел ближе, я всё-таки увидела, что он был совсем не так спокоен, как хотел казаться — в его взгляде была тревога, а руки чуть заметно дрожали.

— Вам следовало отступить уже тогда, — сказала я, — и просто вернуть письмо в библиотеку. Никто бы ничего и не заметил.

На сей раз он рассмеялся. Но тоже с горечью.

— Если бы всё было так просто, сударыня! Но слишком многое было поставлено на карту. Не думаете же вы, что я пошел на это просто от скуки?

— Вам нужны были деньги? — предположила я.

— Деньги? — переспросил он. — Да, и это тоже. Я получил от отца поместье в долгах и быстро понял, что громкий титул не может перевесить пустого кошелька. Девушка, которую я любил и люблю, предпочла принять предложение другого мужчины. И я не мог ее за это винить.

— Вы говорите о мадемуазель Эванс? — догадалась я. — Она тоже вас любила?

— Полагаю, что да, — ответил он. — Но какое это имеет значение? Ей с детства прививали чувство долга перед семьей. Она должна была составить выгодную партию. А что ей мог предложить я?

Мне показалось, что мы говорили о разных женщинах. Уж кому-кому, а Жасмин такая жертвенность была не свойственна вовсе. Впрочем, спорить с ним по этому вопросу было бы плохой затеей.

— Если бы я смог продать письмо терезийцам, всё изменилось бы, — маркиз продолжил рассказ уже без моих наводящих вопросов. Должно быть, он хотел оправдаться прежде всего перед самим собой.

— Но это было бы предательством и Авитании, и вашего друга — герцога Клермона. Вы не могли не понимать, что во всём обвинили бы именно его.

Но маркиз покачал головой.

— Нас с вашим мужем нельзя назвать друзьями. Так, приятели. Мы всего лишь бывали на одних и тех же балах и приемах. И ведь он — родственник короля. Я не сомневался, что его величество ни за что не обвинит его в измене. А если бы Клермон попал в немилость к королю, это послужило бы моим интересам — маркиз Эванс наверняка расторг бы помолвку своей дочери с ним. Собственно, так оно и произошло, так что хотя бы этой цели, но я достиг.

— Но что вы намерены делать сейчас? Даже если вы передадите письмо терезийцам и получите от них деньги, вы не сможете вернуться в Арвитанию, а значит, будете разлучены с Жасмин.

Он хмыкнул:

— Ситуация немного изменилась. Вы еще не знаете об этом, но сейчас сама мадемуазель Эванс попала в опалу. Ей запрещено возвращаться в столицу, и я уверен, что уж теперь-то она согласится уехать со мной в Терезию. Прозябать в провинции на родине или блистать в высшем обществе за границей — для нее выбор будет очевиден. Но довольно разговоров, ваша светлость! Сейчас я достану письмо, и вы вынесете его на улицу. Я велел привести мою лошадь к тому входу, которым пользуется прислуга. О, я провел в этой мастерской так много времени, что неплохо тут всё изучил! А потом вы поедете со мной. Как бы вы ни нравились мне, но я не могу позволить вам поднять шум и задержать меня. Если вы будете делать то, что я вам велю, я не причиню вам зла и отпущу вас, как только мы доберемся до границы с Терезией.

Я хотела потянуться к окну, но не смогла даже шевельнуть рукой. Я всё сильнее и сильнее ощущала те магические пути, в которые попала.

— Что здесь, дракон вас раздери, происходит? — раздался с порога голос Шортера.

У меня из глаз хлынули слёзы. Никогда прежде я так не радовалась появлению графа.

Глава 70

— Вы с ума сошли, Абеляр? — темные глаза Шортера метали молнии. — Я почувствовал ментальную магию даже в парке. Кажется, вы забыли, что она запрещена? А уж применять ее по отношению к хозяйке дома, где вас принимают, и вовсе недопустимо.

— Оставьте нас, Шортер! — маркиз отвернулся от меня и смотрел теперь только на графа. — Это дело вас не касается. Даю вам слово, что ее светлость ничуть не пострадает. Нам с герцогиней всего лишь нужно поговорить.

Теперь, когда всё его внимание было переключено на другого человека, его магическое влияние на меня заметно ослабло, и я, пусть и с трудом, но сумела пошевелить рукой. И снова обрела способность говорить.

— Вы лжете, маркиз! — я хотела бы выкрикнуть это, но мой голос оказался таким тихим, что я сама едва услышала его.

— Немедленно отпустите ее светлость и давайте поговорим как мужчина с женщиной! И не советую применять ко мне вашу магию, Абеляр! Как менталист я сильнее вас.

— Вот как? — усмехнулся маркиз. — Но если вы так сильны, то освободите ее светлость сами!

Они стояли друг против друга, и атмосфера в комнате была накалена до предела.

— Не несите чушь, ваше сиятельство! — возразил Шортер. — Если я попытаюсь снять ваши чары, а вы будете мне противодействовать, то ее светлость может пострадать. Вы знаете это не хуже меня. А если вам так хочется поупражняться в своей магии, то направьте ее на меня. Давайте сразимся как мужчина с женщиной. Или, может быть, шпаги? Кинжалы?

Мне стало чуть легче дышать, но я всё еще ни сдвинуться с места, ни закричать. А ведь окно было совсем рядом. А там, во дворе наверняка был кто-то из слуг. И если бы слуги пришли сюда, то Абеляру пришлось бы спасаться бегством. Каким бы сильным магом он ни был, он не сумел бы подчинить себе разум стольких людей сразу.

— Шпаги? — переспросил маркиз. — Вот уж нет! Никакого оружия, сударь! Я не самый умелый фехтовальщик и прекрасно это осознаю. Но раз мы оба владеем ментальной магией, то давайте доверимся именно ей. Вы не против, ваше сиятельство? Если вы окажетесь сильней, то заставите меня сдаться.

Здесь, в особняке, было немало книг по ментальной магии, и некоторые из них я успела полистать. Я знала, что особо одаренные маги были способны манипулировать сознанием десятков людей одновременно. Но такой дар встречался крайне редко, и я надеялась, что маркизу он всё-таки не достался. А вот навредить друг другу такие маги-дуэлянты вполне могли.

И сейчас, когда я почти физически ощущала, как начинал сгущаться воздух между ними, мне стало страшно.

Они еще не обменялись ни единым ударом, а только прощупывали друг друга. Наверняка каждый из них выставил свой собственный защитный щит, и теперь они оба пытались прощупать крепость щита противника.

Мне хотелось думать, что, переключив свое внимание на графа, маркиз хоть ненадолго забудет обо мне, и я смогу вырваться из ослабевших пут. Путь к дверям был по-прежнему отрезан, но я сумела бы выбраться и в окно. Выбраться и привести сюда подмогу.

Наконец, Абеляр вскинул руку для ментального удара, и по тому, как пошатнулся Шортер, я поняла, что удар достиг-таки цели. Я вздрогнула так, словно этот удар коснулся и меня саму.

— Вы глупец, Абеляр! — голос графа был на удивление громок и твёрд. — Я так и знал, что ваши нервы не выдержат. Вы потратили на этот удар слишком много энергии и еще долго не сможете нанести новый. И вы ослабили свой щит, и теперь я легко разнесу его в щепки.

Похоже, что Шортер говорил правду, потому что маркиз побледнел, и в его взгляде я впервые заметила нечто похожее на панику. Сильный ментальный удар мог привести даже к параличу. И он это прекрасно понимал.

Я думала, он попытается хоть как-то укрепить свой щит, но он выбрал другой путь. И граф Шортер, только-только занесший руку для того, чтобы собрать в нее сгусток энергии и направить его на Абеяра, вдруг рухнул как подкошенный на пол.

Я не сразу поняла, что произошло. Сначала подумала, что у маркиза нашлись силы для еще одного ментального удара. А потом увидела, как расплывалось на камзоле графа ярко-алое кровавое пятно, в центре которого был рукоять кинжала.

Нет, удар был не ментальный. Маркиз, в нарушение всяких правил, применил не магическое, а самое обыкновенное оружие. Должно быть, кинжал был у него за поясом или в сапоге, и Шортер не заметил этого. А даже если и заметил, то вряд ли мог предположить, что в честной дуэли кто-то решится поступить столь низко.

Я снова попыталась закричать, но с губ сорвался только стон.

Маркиз сразу обернулся ко мне.

— Может быть, довольно, сударыня? Надеюсь, этого достаточно, чтобы вы убедились в серьезности моих намерений? Стоит ли какое-то старое письмо жизни близких вам людей?

— Вот именно, сударь, — прошептала я. — Неужели вы думаете, что цель, достигнутая таким путем, принесет вам счастье? Даже если об этом не узнает никто другой, сами вы всегда будете помнить о своем бесчестье.

Но он не слушал меня. Он подошел к картине и, схватив ее, изо всей силы ударил ею об пол. Рама раскололась на несколько частей, и из одной из них Абеляр извлек свернутое в тонкий рулончик письмо. А потом попытался освободить от остатков рамы и сам портрет. Но у него не получилось, и он, разозлившись, отбросил его в сторону.

Когда он подошел ко мне, в глазах его я заметила слёзы. И от того, что я увидела его слабость, он, казалось, разозлился еще больше. Он схватил меня за руку именно той рукой, в которой было письмо, и таким образом документ, по сути, оказался в руке и у меня.

— Не вздумайте сопротивляться или звать на помощь, ваша светлость. Если кто-то из ваших слуг попытается мне помешать, мне придется убить еще и их. Во втором сапоге у меня есть еще один кинжал, а к седлу моей лошади приторочена шпага. Поэтому просто делайте то, что я вам велю!

— Может быть, графу еще можно помочь! Прошу вас, ваше сиятельство! Он истечет кровью в одиночестве. Позвольте мне позвать хотя бы горничную!

Но он уже вёл меня к дверям. Я попыталась повернуть голову в ту сторону, где лежал Шортер, но Абеляр не дал мне этого сделать. Я

успела увидеть только холодную улыбку Жасмин с оставшегося на полу портрета.

Получилось ли так случайно или с помощью магии Абеяра, но на заднем дворе не оказалось ни единого человека. Только темно-гнедая лошадь щипала листья со стоявших у дорожки кустов.

Маркиз вскочил в седло, а потом поднял меня и усадил впереди себя. Возможно, мне стоило снова сделать попытку закричать. Но теперь я уже почти боялась, что мой крик привлечет чье-то внимание и приведет еще к одной жертве. А что, если на пути окажутся Табита или кто-то из детей? От одной только мысли об этом мне стало плохо. Никакое письмо не стоило этого.

Мы выехали со двора и направились не к центральным воротам, а к тем, что вели в сторону леса. Я плохо знала географию Арвитании, но на одной из карт видела, что герцогство Клермон на юге как раз граничило с Терезией. Несколько часов пути, и Абеяр будет в безопасности. Обидно ли мне было, что он избежит наказания? О да, еще как! Но сделать я ничего не могла.

Дорога, что вела через лес, была слишком и неразъезженной. Ехать было не удобно, ветви деревьев хлестали меня по лицу, и лошадь, вынужденная везти двойной груз, то и дело пыталась протестовать. Я чувствовала дыхание маркиза за своей спиной, и мне было тошно от того, что он находился рядом.

После получаса пути я сказала:

— Если вы оставите меня здесь, сударь, то сумеете куда быстрее добраться до Терезии. Чтобы вернуться домой, мне потребуется не один час. За это время вы успеете пересечь границу.

— Вы не боитесь диких зверей, ваша светлость? — удивился он. — Впрочем, неважно. Я решил, что вы поедете со мной в Терезию! Возможно, мне потребуются от вашего мужа кое-какие услуги, а желая заполучить вас назад, он окажется гораздо сговорчивей.

Я горько усмехнулась. О, как же он ошибался! Его светлость не испытывал ко мне никаких чувств, и мое похищение вызовет у него разве что досаду. Когда он вернется в поместье, он будет огорчен из-за графа Шортера и взбешен из-за кражи письма. А что касается Лорейн Ревияль... Нет, он вряд ли пожалеет обо мне. Может быть, только испытает раздражение из-за того, что я снова опорочила его имя.

Глава 71. Герцог Клермон

Я менял лошадей на каждой почтовой станции, и всё равно мне казалось, что я ехал слишком медленно. Я не обращал внимания ни на дождь, ни на время суток. И лишь на одном из постоянных дворов я решился потратить четверть часа на обед. И только когда я, задремав, едва не съехал с седла, я осознал, что хотя бы один из перегонов должен проделать в карете. Но проспав пару часов между Лейдингом и Круа, я снова вернулся в седло.

Когда впереди показалась крыша моего особняка, мое волнение стало только больше. Здесь ли Абеляр? И действительно ли он именно тот, кто украл письмо?

И успела ли Лорейн с семьей уехать до того, как маркиз прибыл в поместье? Сначала я был уверен, что это так, но кто знает, что могло случиться в действительности.

Всю дорогу я размышлял о том, на что Абеляр решится, чтобы вынести документ за пределы дома. Попытается сделать это обманом? Если Лорейн уехала из поместья, то для него всё окажется бесполезным. И тогда он наверняка дожидается моего приезда. Будет продолжать разыгрывать из себя хорошего приятеля, надеясь, что сумеет обвести меня вокруг пальца?

Но совершенно положиться на то, что Лорейн в безопасности, я всё-таки не мог. И эта мысль сводила меня с ума.

Я спрыгнул с лошади у самого крыльца и бросил поводья выбежавшему из дома лакею. А ко мне уже спешил Бастьен.

— Ваша светлость! Добро пожаловать домой!

Но я взмахом руки прервал его:

— Где ее светлость, Бастьен?

Я ожидал, что его удивит этот вопрос, ведь все должны были думать, что герцогиня Клермон отправилась вслед за мной в столицу. Но его ответ заставил меня затрепетать.

— Ее светлость долго была в вашем кабинете, ваша светлость. А сейчас она, кажется, в художественной мастерской.

— А гости? — мне стало трудно дышать. — Прибыл ли кто-то из гостей?

— Да, ваша светлость, — подтвердил Бастьен. — Маркиз Абеляр и граф Шортер. Они весьма сокрушались, что не застали вас дома. Я разместил их в гостевых комнатах, окна которых выходят на озеро. Они собирались отбыть сегодня ранним утром, но лошадь господина Абеляра требовалось перековать, и кузнец справился с этим только вот-вот.

— Где господин Абеляр? — снова перебил я его.

— Я видел его сиятельство, когда он шел на конюшню. Полагаю, ваша светлость, что он до сих пор там.

— А где граф Шортер?

— Не могу знать, ваша светлость, — Бастьен выглядел виноватым. — Но я немедленно отправлю людей его разыскать.

Мы уже шли по коридору в сторону художественной мастерской, и я всё сильнее и сильнее ощущал ментальную магию. Кто из них ее применил? Шортер? О его способностях я знал достаточно давно. Или всё-таки Абеляр? А вот он оказался для меня темной лошадкой. Прежде я и подумать не мог, что он тоже маг. Но если его прапрадед был главным магом Арвитании, то это значило, что их род был магически одарен. И почему он так долго скрывал этот свой талант? Предпочитал пользоваться им тайно? Если так, то это было разумно с его стороны, учитывая, что ментальная магия была под запретом.

Я распахнул дверь мастерской и застыл на пороге. А остановившийся чуть позади меня Бастьен издал испуганный вздох.

Шортер лежал на полу в луже собственной крови. Я подбежал к нему, опустился на колени.

— Доктора! — крикнул я Бастьену. — Немедленно отправляйтесь за доктором!

Сначала мне показалось, что граф уже не дышал, но когда я склонился к нему, его глаза чуть приоткрылись.

— Ваша супруга, Бернард! — он говорил так тихо, что я едва разобрал слова. — Абеляр... Он обманул меня.

Глаза его снова закрылись.

— Мэнсфилд! — закричал я. — Да есть здесь кто-нибудь?

Уже через мгновение я услышал топот бежавших по коридору людей. Дворецкий, лакеи, мадам Шабри.

— Пока не приехал доктор, найдите хоть кого-то поблизости, кто может помочь его сиятельству. Знахарку, местную ведьму, повитуху. И

не вынимайте из раны нож, иначе кровотечение усилится. И немедленно найдите маркиза Абеляра!

— Простите, ваша светлость, — сказал кто-то из лакеев, — но его сиятельство недавно выехал со двора. Он попросил привести к дверям его лошадь. А потом я увидел его, когда он уже приближался к лесу.

— А ее светлость? — взревел я. — Кто-то из вас видел после этого герцогиню?

В ответ они лишь покачали головами.

— Мне нужна лошадь! Самая резвая из всех, какие есть! И шпага, Мэнсфилд! И вот еще что — потрудитесь, чтобы мадам Ревиаль не услышала о том, что тут случилось.

Едва я это сказал, раздался лай — Дельфина уже рвалась ко мне с поводка, на котором пытался удержать ее слуга.

— Простите, ваша светлость! Она услышала ваш голос.

— Отпустите ее, — велел я. А когда она подбежала ко мне и, подпрыгнув, дотянулась носом до моего лица, сказал: — След, Дельфи! След!

Она довела меня до заднего двора, где, должно быть, маркиз сел на лошадь. На кусте шиповника я заметил кружевной лоскут, должно быть, оторвавшийся от платья Лорейн, и застонал.

Если Абеляр причинит ей зло, я... Но ни один из вмиг вообразенных вариантов мести не принес мне удовлетворения. Главное, чтобы с ней всё было хорошо.

— Маркиз поехал вон туда, ваша светлость!

Я вскочил в седло, надеясь, что собака возьмет след лошади.

Зачем Абеляр взял Лорейн с собой? Если она вынесла письмо, то его цель была достигнута. Как ни странно, но сам документ меня сейчас ничуть не волновал. Даже если Абеляр передаст его терезийцам, конца света не случится. И почему я не понял этого раньше? Зачем втянул Лорейн во всё это?

Она нужна ему как заложница? На случай, если я или кто-то другой нагоним его, и ему придется торговаться?

Дельфина неслась вперед, и мне оставалось только следовать за нею. Я полностью положился на ее нюх. Но дорога, по которой мы двигались, вела именно туда, куда и должен был поехать маркиз — к границе с Терезией.

Абеляр имел фору как минимум в полчаса, но его лошадь вынуждена была везти двух человек, а потому двигалась медленнее. Возможно, заслышав звуки погони, он поймет, что проигрывает нам в скорости, и предпочтет оставить Лорейн на дороге? Я на мгновение представил, что он просто сбросит ее с седла, и еще пришпорил коня. Я убью этого мерзавца собственными руками!

Дорога вильнула вправо, и Дельфина оказалась за поворотом раньше, чем я. Я услышал, как она зарычала, и понял, что она уже не просто шла по следу, а видела цель. А вскоре эту цель увидел и я.

— Абеляр, стойте!

Он даже не оглянулся. Конечно, он узнал мой голос. Но даже не подумал остановиться.

Я был слишком взбешен, чтобы применить ментальную магию, но всё-таки попытался это сделать. И ожидаемо наткнулся на выставленный маркизом щит. Я мог бы попробовать пробить его, но побоялся навредить Лорейн.

До границы с Терезией было еще далеко, и теперь маркиз наверняка понимал, что ему придется остановиться. Дельфина уже настигла его лошадь и теперь бежала вровень с ней. Ее задача, по сути, была выполнена — она учуяла зверя и нагнала его. Но эта задача выходила за пределы того, что требовалось во время обычной охоты. Здесь рядом с Абеляром находилась и ее хозяйка. Здесь Дельфи становилась уже не гончей, а просто собакой, которая должна была эту хозяйку защитить.

Абеляр уже вынужден был отмахиваться от Дельфины ногой, что еще больше нервировало его лошадь.

— Стойте, Абеляр! — снова закричал я. — Впереди овраг с разрушенным мостом!

Этот овраг во время охоты, что состоялась прошлой осенью, помешал нам догнать кабана, которого подняли собаки. И я вспомнил о нём только сейчас, когда увидел огромный дуб, стоявший слева от дороги. Именно здесь в прошлый раз мы и сделали привал, устав от долгой погони.

Похоже, маркиз тоже вспомнил про это. Или услышал мои слова. Потому что он остановил лошадь и, спрыгнув на землю, спустил с седла и Лорейн и быстро повернулся ко мне.

— Не делайте глупостей, Клермон! — сказал он, тяжело дыша. — Рядом со мной ваша жена. Вы же не хотите, чтобы она пострадала? Велите своей собаке отступить!

Я подозвал Дельфину к себе, и она подошла, хоть и с большой неохотой.

Меня трясло от негодования и страха. Стоявшая рядом с Абеяром Лорейн была бледна и, судя по всему, до сих пор находилась под действием магии. Мне казалось, я даже вижу те нити, что опутывали ее и тянулись к ней от маркиза.

Но я знал, как разорвать их. Нужно было переключить его внимание на меня.

Глава 72. Герцог Клермон

— Надеюсь, ваше сиятельство, вы не собираетесь прикрываться женщиной? — спросил я, изо всех сил пытаюсь казаться спокойным. — Это не достойно мужчины, вы не находите?

Я не делал попыток к нему приблизиться — боялся навредить Лорейн. Я готов был отпустить его даже вместе с письмом — только бы он отпустил ее. Я дал бы ему фору в несколько часов (которые мне потребовались, чтобы довезти жену до поместья и сменить лошадь). А потом всё равно нашел бы его и заставил горько пожалеть о том, что он покусился на то, что было мне дорого.

— Мы в несколько неравном положении, ваша светлость, — ответил он. — У вас есть собака, которая наверняка набросится на меня сразу же, как только я отпущу вашу жену.

— Даю вам слово, что, если вы отпустите ее светлость, ни я, ни моя собака не тронем вас! Я дам вам возможность уехать в Терезию. Не буду лгать — потом я всё равно попытаюсь вас найти, но у вас будет время на то, чтобы скрыться.

Он ответил не сразу, задумавшись над моим предложением. У него не было оснований мне не доверять. В свете я был известен как человек слова, и дав его, не стал бы его нарушать.

И всё-таки он покачал головой:

— Нет, ваша светлость! Я не намерен прятаться от вас, словно трусливый заяц. Давайте решим спор между нами здесь и сейчас. Мне есть за что с вами поквитаться. Именно вы стали причиной того, что я не смог жениться на девушке, которую любил с юных лет.

— Вы говорите о мадемуазель Эванс? Когда я делал ей предложение, я понятия не имел, что на ее руку был другой претендент. Но в любом случае мадемуазель теперь свободна, и вы можете снова попытаться счастья.

— Это уже не ваше дело, сударь! — разозлился он. — Я не желаю, чтобы вы упоминали о мадемуазель Эванс! И поверьте, что я не настолько бесчестен, чтобы причинить вред герцогине Клермон. И я не нуждаюсь в ваших одолжениях. Давайте решим всё в честном споре.

Я чувствовал, что он прощупывал меня своей магией со всех сторон, но не мешал ему делать это. Отвлекаясь на меня, он ослаблял свое воздействие на Лорейн, а именно этого я и добивался.

Никогда прежде я не воспринимал его как мага. Это было ошибкой с моей стороны, но сейчас уже не следовало об этом сожалеть. Тем более, что, судя по всему, выдающимися способностями в области ментальной магии он отнюдь не обладал. Как, впрочем, и я сам.

Ментальная магия в Арвитании с тех пор, как на нее был введен запрет, постепенно вырождалась. Единственным по-настоящему сильным менталистом, которого я знал, был его величество. Он мог позволить себе пренебречь этим запретом и практиковаться в ней, не боясь обвинений в нарушении закона. Что он и делал, не отказывая себе в удовольствии время от времени проникать в мысли окружающих. Во многом именно поэтому он наверняка и поверил мне в истории с письмом.

— Вы предлагаете поединок, ваше сиятельство? Прекрасно! Я как раз захватил с собой шпагу.

Абеляр вдруг рассмеялся:

— Шпагу? О, нет! Вы — превосходный фехтовальщик, а я с детских лет куда больше внимания уделял живописи, чем фехтованию. Вы проткнете меня первым же ударом. Я предлагаю обойтись без оружия. Вы же владеете ментальной магией? К чему скрывать? Ведь именно ваш предок когда-то спас короля Максимилиана от менталиста. Такой дар не мог пропасть всего через пару поколений.

— Ментальная магия запрещена законом, сударь.

— Об этом нарушении никто не узнает, — возразил он. — И нам не обязательно доводить дело до чего-то ужасного. Достаточно будет, чтобы один из нас сумел поработить сознание другого. Если это сумеете сделать вы, то я позволю связать себя и доставить в Клермон для передачи властям. Если поединок выиграю я, то просто оставлю вас здесь, а сам беспрепятственно уеду. Но я требую, чтобы, если победителем из поединка выйду я, вы дали мне слова не преследовать меня более ни в Арвитании, ни в Терезии.

— Как вам будет угодно, ваше сиятельство! — согласился я. — Если вам нужно мое слово, то я вам его даю. Но в ответ требую, чтобы вы тоже кое-что пообещали. Если вы выиграете, то оставите здесь не

только меня, но и мою жену. Я буду для вас уже не опасен, и вам не будет необходимости держать ее в заложниках.

Он тоже не стал спорить:

— Это будет справедливо, ваша светлость. А теперь привяжите к дереву вашу собаку. С нее взять слово не преследовать меня я не могу.

Я снял с себя пояс и сделал то, что он требовал. Дельфина возмущенно заворчала, но сейчас у меня не было другого выхода.

Мы встали друг против друга таким образом, чтобы Лорейн, наши лошади и собака оказались несколько в стороне. Ментальный удар мог оказаться слишком сильным.

Мы оба долго выжидали. Прощупывали друг друга, пытаюсь проникнуть в мысли, сознание. Конечно, ни тому, ни другому это не удалось. Такое могло сработать только с теми, кто от ментальной магии был далек.

Стало понятно, что тот вариант развития событий, что мы обсуждали несколько минут назад, вряд ли возможен. И оба стали готовиться к более решительным действиям. Требовалось время, чтобы собрать магическую энергию в достаточном для нападения объеме.

Я шевельнул правой рукой, и это словно послужило сигналом для Абеяра.

Должно быть, кинжал был у него в рукаве, и он довольно ловко достал его оттуда. Я едва успел заметить это, как оружие уже летело в мою сторону.

— У него нож! — услышал я крик Лорейн.

Я с удовлетворением отметил, что она пришла в себя, и наконец, взмахнул рукой, направляя всю собранную энергию в одну точку. Кинжал отлетел в сторону, а тот пучок, что я направил в него, неминуемо задел и Абеяра.

Когда я подошел к маркизу, он уже лежал на земле — оглушенный, растерянный. Я связал ему руки за спиной тем самым поясом, что еще минуту назад была привязана к дереву Дельфина.

— Я не советую вам пытаться применять магию снова, сударь, — сказал я. — Я больше не намерен с вами церемониться. С бесчестными людьми следует поступать ровно так же, как они поступают сами. Вы повели себя подло и не заслуживаете другого отношения. И если я только почувствую вашу магию, я заколю вас вашим же кинжалом.

Я поднялся и повернулся в другую сторону. Я уже довольно времени уделил этому мерзавцу.

Лорейн стояла, опираясь на дерево, а когда я подошел к ней, она уткнулась мне в плечо и зарыдала. А я гладил ее по золотистым волосам и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Кажется, Абеляр и не догадывался, какую услугу он нам оказал.

— Я так испугалась, что он вас убьет, Бернард, — прошептала она. — Этот трюк уже удался ему с графом Шортером.

Должно быть, она вспомнила сцену в мастерской, потому что плечи ее задрожали еще сильнее.

— Не думай об этом, дорогая, — я впервые обратился к ней на «ты», и это показалось мне на удивление естественным и приятным. — Сейчас нам следует как можно скорей вернуться домой и сообщить властям о том, что случилось.

Я снял камзол и, приложив некоторые усилия, оторвал от него широкую полосу, что служила ему оторочкой. Потом снова подошел к маркизу и этой лентой завязал ему глаза. Если он вздумает снова применить ментальную магию, то сделать это ему будет куда трудней.

— Надеюсь, вы обойдетесь без глупостей, ваше сиятельство. Вы были магически истощены уже после поединка с Шортером. И если вы попытаетесь манипулировать нами, то ничего не добьетесь, только еще больше рассердите меня. И думаю, что вы уже поняли, что в отличие от вас, я особенно внимательно изучал совсем не тот раздел ментальной магии, что вы сами. Вы учились управлять сознанием других людей, я же сосредоточился на телекинезе. Я всегда полагал, что физическое воздействие куда надежнее, чем вмешательство в чужие мысли.

Его камзол топорщился, и я без труда достал из его кармана изрядно помятое письмо Жерома Клермона. Его величество будет рад уничтожить его своими руками.

Я посадил Абеяра на лошадь, примотав его стянутые руки в луке седла. А потом вскочил на свою лошадь и помог забраться на нее же Лорейн. Это были совсем новые ощущения — чувствовать ее рядом с собой, почти сжимать ее в объятиях, наслаждаться ее теплом.

Левой рукой мне приходилось держать узду лошади Абеяра, поэтому ехать слишком быстро мы не могли, и обратная дорога заняла

куда больше времени. Мы въехали во двор поместья, когда уже сгущались сумерки.

Дом был похож на растревоженный улей. В окнах горел свет, а когда мы подъехали ко крыльцу, то на него выбежали все — начиная от мадам Ревиаль и заканчивая всеми горничными и лакеями.

— Лора! — Табита бросилась к дочери.

Но Мэнсфилд успел подойти к нам раньше, и именно и помог мне спустить Лорейн с седла. А уже после этого она попала в объятия матери и племянников.

— Ваша светлость, с вами всё в порядке?

— Да-да, всё хорошо. Заприте господина маркиза в подвале, оставьте ему еду и воду и ни в коем случае не подходите к дверям. Что с графом Шортером? Прибыл ли врач?

— Да, ваша светлость, доктор прибыл два часа назад. Он сказал, что его сиятельство потерял много крови, но надежда на выздоровление есть.

Я удовлетворенно кивнул и попросил Мэнсфилда передать доктору, чтобы он осмотрел и Лорейн. А потом поднялся к себе, переоделся, навестил Джайлса (но тот был без сознания, и я просто постоял у его постели, прислушиваясь к его неровному дыханию) и прошел в кабинет.

Там я достал из сейфа свой экземпляр договора, что мы заключили с Лорейн. Взглянул на написанные моей рукой строки и усмехнулся. Каким же глупцом я тогда был! А может быть, даже тогда, сам еще этого не осознавая, я уже тянулся к ней? Ведь не случайно я так легко доверил ей свое имя?

Если доктор скажет, что она в порядке, я позову ее сюда, в кабинет и предложу забыть о том, что наш брак когда-то был фиктивным. О, с каким удовольствием я брошу в камин этот договор!

И с какой радостью я, наконец, поцелую ее по-настоящему. А потом возьму ее на руки и отнесу в спальню...

— Ваша светлость, могу я войти?

Ее голос заставил меня вздрогнуть. Лорейн стояла на пороге, всё еще бледная, но, кажется, уже вполне пришедшая в себя.

— Да-да, конечно! — я сделал шаг ей навстречу.

Я всё еще сжимал в руках наш договор, и она, тоже заметив его, чуть покраснела.

— Я вижу, вы подумали о том же, ваша светлость!

И прежде, чем я ответил ей, она сказала:

— Ситуация с письмом разрешилась, и вашему доброму имени теперь ничто не угрожает. Полагаю, вскоре вы отправитесь в столицу, чтобы рассказать обо всём его величеству лично. А значит, нам нужно как можно скорее расторгнуть наш брак, что так тяготит нас обоих.

Мне стало трудно дышать. И как я мог подумать, что она хочет быть моей женой? Для нее наш брак был просто выгодной сделкой!

Сердце ухнуло куда-то вниз.

Глава 73

Магия Абеяра превратила меня в безвольную куклу. В марионетку, которой он управлял. Это было ужасное ощущение. Я всё осознавала, но сделать ничего не могла.

И когда я услышала вдалеке лай Дельфины, я не обрадовалась, а испугалась. Если Дельфи была здесь, в лесу, значит, и его светлость был тут. Он вернулся и теперь пытался догнать маркиза. На мгновение я представила, что Абеяр сделает с ним то же, что сделал с Шортером, и слёзы сами потекли из глаз. А я ничем, ничем не смогу ему помочь!

Следующие полчаса стали для меня кошмаром. Сцена в лесу стала повторением той, что случилась в мастерской. Маркиз отказался от дуэли с оружием и предпочел магический поединок, а сам опять держал нож в рукаве

И когда он достал этот нож, всё во мне перевернулось. И я нашла в себе силы закричать.

К счастью, этот поединок закончился по-другому, и когда я увидела, что Абеяр лежал на земле, а герцог был цел и невредим, то снова дала волю слезам — только на сей раз это были слёзы радости.

Его светлость подошел ко мне, я уткнулась в его плечо, а он провел рукой по моим волосам. Это было одно из самых лучших мгновений в моей жизни. И я впервые назвала его Бернардом без малейшего усилия с моей стороны. Это получилось так легко, что мне хотелось звать его по имени снова и снова.

И когда я ехала с ним на одной лошади и слышала его дыхание, и держалась за его сжимающую узду руку, я забыла обо всём на свете. Словно сейчас существовали только я и он. А всё остальное было уже неважно.

Но когда мы приехали домой, этот романтический флёр рассеялся, и я отругала себя за то, что напридумывала в дороге. Его светлость всего лишь беспокоился обо мне, потому что чувствовал себя ответственным, что втянул меня в это. Точно так же он бросился бы спасти любую другую попавшую в беду деву. И даже если Абеяр не

взял меня с собой, герцог всё равно отправился бы за ним в погоню — просто потому, что хотел вернуть письмо.

А теперь письмо возвращено, и у нас нет ни малейших причин сохранять этот брак. И наверняка прямо сегодня его светлость заявит мне об этом. Или, возможно, подождет до завтра, давая мне возможность оправиться от треволнений этого дня.

Я изначально знала, что всё будет именно так. Что наш брак основан на договоренности, которая была выгодна нам обоим, и что как только надобность в нём отпадет, мы подпишем другое соглашение, которое удостоверит наш развод. Так почему же сейчас мне так больно было об этом думать? Почему мне так отчаянно захотелось, чтобы всё закончилось по-другому?

Когда, в какой момент я позволила этому человеку пробраться в мое сердце? Когда разглядела за его холодной маской горячее сердце и ранимую душу? И зачем, зачем вообще я сделала это?

На миг мелькнула надежда, что, быть может, его светлость уже тоже относится ко мне по-другому. Но я тут же покачала головой, отгоняя эту мысль. Даже если он тоже увлекся мною, это вовсе не повод менять исходные договоренности.

Для него это брак стал мезальянсом. И пусть он мог позволить себе не обращать внимание на осуждение света, мнением самого короля он пренебречь не мог. Его величество ясно дал понять, что не одобряет наш союз, и если Клермон не обратит на это внимание, то вызовет его гнев.

Должно быть, именно с этим и было связано то чудовищное обвинение в отравлении его величества. И продолжая оставаться моим мужем, Клермон рискует не только нанести ущерб своей репутации, но и потерять приязнь монарха.

И если он пожертвует всем ради того, чтобы быть со мной, то как скоро он об этом пожалеет? А в том, что это неминуемо случится, я не сомневалась. Он потеряет уважение друзей, его перестанут приглашать в королевский дворец, и рано или поздно, но он задумается о том, а стоила ли этого его любовь ко мне. И начнет тяготиться нашими отношениями.

Нет, я не могла этого допустить! И чтобы он не чувствовал себя виноватым, я сама должна была поставить точку в наших отношениях.

Это показалось мне настолько правильным, что я решила не откладывать наш разговор. Но прежде, чем отправиться в кабинет его светлости, мне следовало сделать еще кое-что.

Я заглянула в комнату, где лежал граф Шортер. Он еще не пришел в себя, но я всё-таки сказала ему спасибо за то, что он пытался меня защитить.

А потом отправилась в апартаменты матушки, чтобы рассказать ей о том, что случилось. Я представляла, какой ужас она пережила, узнав о ранении графа и о моем похищении, и постаралась сделать свой рассказ как можно более беззаботным. Да, маркиз оказался предателем и хотел передать другой стране украденный у его светлости документ. Но всё завершилось благополучно, а потому не стоит об этом и вспоминать. Его сиятельство препроводят в столицу, и уже сам король будет определять степень его вины.

— Но что же его толкнуло на такой шаг? — вздохнула Табита.

— Может быть, любовь, — ответила я. — А может быть, жажда денег и власти.

— Кто бы мог подумать, — матушка покачала головой, — что люди из высшего общества способны совершать такие поступки.

— Да, — сказала я, радуясь, что она завела этот разговор, — это общество оказалось совсем не таким, каким я его себе представляла. Я чувствую себя в нём чужой. Ты была совершенно права, когда остерегала меня от этого брака и говорила, что вельможи никогда не сочтут меня ровней себе.

Она внимательно посмотрела на меня:

— Не понимаю, к чему ты клонишь, дорогая.

— К тому, что наш брак с герцогом Клермоном был ошибкой. Мы оба осознали это и теперь намерены его расторгнуть. Не беспокойся, пожалуйста, я постараюсь сделать так, чтобы наш развод не причинил тебе и детям никаких неудобств. Его светлость выплатит мне некоторую сумму денег, и это позволит нам обустроиться на новом месте. Мы можем поехать в Лас-Варас или в любой другой город, в какой ты захочешь. Прости, если я тебя разочаровала.

— Нет-нет, дорогая, — она грустно улыбнулась, — ты меня вовсе не разочаровала. И ты должна думать не о нас, а о себе! Если ты считаешь, что порознь вам будет лучше, чем вдвоем, то ты вольна принять такое решение. Но прошу тебя — подумай хорошенько!

Ее слова разбередили мне душу, но я была не намерена отступать.

— Я уже подумала, матушка. Мы купим маленькое поместье вблизи какого-нибудь города. Я продолжу заниматься огурцами, и если всё пойдет хорошо, мы ни в чём не будем нуждаться. Нужно только решить, в какой части Арвитании мы хотим обосноваться.

В глазах матушки заблестели слёзы, но она, не желая меня расстраивать, торопливо отвернулась и смахнула их.

— Может быть, Лора, нам поехать в столицу? Ах, я же совсем забыла тебе рассказать! Сегодня днем принесли письмо от Гертруды! Она пишет, что ее положение в Валье-де-Браво сильно переменялось и ей многое нужно нам рассказать. Она надеется, что эти новости порадуют нас, и хочет, чтобы мы приехали к ней. В письмо были вложены три золотые монеты, и оно было доставлено не обычной почтой, а курьером!

Услышать это было удивительно и радостно. Неужели Труди нашла хорошую работу? Нет, только из-за этого она не стала бы приглашать нас в столицу. Быть может, она встретила достойного человека и вышла замуж?

— Хорошо, — согласилась я, — давайте поедem в Валье-де-Браво, а там уже решим, что делать дальше.

Мне важно было уехать подальше от Клермона, и я порадовалась, что письмо Гертруды пришло так вовремя и отвлечет матушку от переживаний из-за моего неудачного брака.

После этого я, наконец, добралась до кабинета герцога.

— Ваша светлость, могу я войти?

— Да-да, конечно! — он сделал шаг мне навстречу.

В его руках был лист бумаги, в котором я без труда узнала наш договор. Ну, что же, значит, я не ошиблась, и он торопился освободиться от нашего брака.

— Я вижу, вы подумали о том же, ваша светлость! — в сердце что-то кольнуло. — Ситуация с письмом разрешилась, и вашему доброму имени теперь ничто не угрожает. Полагаю, вскоре вы отправитесь в столицу, чтобы рассказать обо всём его величеству лично. А значит, нам нужно как можно скорее расторгнуть наш брак, что так тяготит нас обоих.

Глаза Бернарда потемнели, и на миг мне показалось, что он готов был мне возразить. Но нет, уже спустя мгновение он кивнул:

— Как вам будет угодно, Лорейн!

Глава 74

Его светлость составил соглашение о расторжении нашего брака за четверть часа. Там было всего несколько строк о том, что брак между Бернардом Клермоном и Лорейн Клермон (в девичестве Ревильяль) расторгается по взаимному согласию сторон. Стороны претензий друг к другу не имеют. Со дня подписания соглашения я уже не могла именоваться герцогиней Клермон.

Я подписала соглашение первой. Моя рука чуть дрогнула, и я едва не поставила на документе кляксу.

— От меня потребуется что-то еще, ваша светлость? — спросила я.

— Нет, сударыня, — он покачал головой. — Всё остальное священник той церкви, в которой мы сочтались браком, сделает сам. Это обряд он может провести без нашего присутствия.

Я кивнула. Карета уже была готова к отъезду, и в одном из наших чемоданов уже лежала шкатулка с пятью тысячами золотых монет. Идти на попятную было уже поздно.

— Благодарю вас, Лорейн, за то, что вы помогли мне в трудную минуту. И я надеюсь, что наш брак не оставит у вас неприятных воспоминаний.

— Разумеется, нет, ваша светлость! Вы были очень любезны, и наш союз был выгоден и для меня самой.

Всё это прозвучало так банально, что я смутилась и поспешила выйти из кабинета.

Я вышла на крыльцо и увидела выстроившихся в шеренгу слуг, которые хотели со мной проститься. Слезы сами набежали на глаза, и я предательски шмыгнула носом. Хорошо, что субординация изначально препятствовала дружеским объятиям, а не то я наверняка расплакалась бы на плече мадам Шабри или Мэнсфилда.

Карета тронулась, как только я закрыла дверь. Я изначально уговорила кучера, чтобы он остановился у домика огородника. Я хотела еще раз посмотреть на теплицы с огурцами и сказать несколько теплых слов мадам и месье Дега.

Но вот, наконец, мы выехали за ворота, и я смогла сделать вид, что сплю, чтобы матушка и дети не вздумали задавать мне вопросы. Так я и ехала с закрытыми глазами до самого Альенде. Но не спала. Я старалась не думать о его светлости, но все мои мысли, в каком бы направлении я ни пыталась их пустить, неизменно возвращались именно к нему.

Мы остановились на ночлег в таверне месье Кордена, и перед сном мы с хозяином имели долгую беседу. Он заверил меня, что готов и впредь покупать мои соленые огурцы, а я сказала, что теперь он будет иметь дело не со мной, а с месье Меридо и мадам Дега. Что же касается следующего огородного сезона, то тут я вообще ничего не могла обещать. Но я была почти уверена, что супруги Дега продолжают выращивать огурцы, и если этот бизнес позволит им стать обеспеченными, то я буду очень рада.

На рассвете мы уже на нанятой карете выехали в столицу. Дети были увлечены самим путешествием (ведь никогда прежде они не ездили так далеко) и не отрывались от окон, разглядывая мелькавшие за окном деревушки и городки, реки, мосты и горы. А еще они были рады предстоящей встрече с матерью, так что не упрекали меня за то, что мы покинули поместье его светлости, где им было так хорошо.

Табита тоже оказалась достаточно тактичной, чтобы не расспрашивать меня о герцоге, поэтому мы почти всю дорогу обменивались лишь малозначимыми комментариями по поводу обеда и ужина. Лишь раз она решила меня побеспокоить, когда я задремала.

— Ох, Лорейн! Я же забыла письмо Гертруды на столике у окна в моей комнате! — ее взгляд был полон ужаса. — Что мы станем делать без него в Валье-де-Браво? Как мы отыщем Гертруду?

Но я успокоила ее:

— Я хорошо запомнила ее адрес, матушка. Предместье Виллон, улица принца Генриха Арагонского, дом номер десять.

Она облегченно вздохнула, а мои мысли обратились как раз обратились к Гертруде. Что нас ждало в ее доме? Матушка ведь до сих пор не знала, из-за чего, вернее, из-за кого сестра отправилась в столицу. И что сейчас изменилось в ее положении, что она решила позвать нас к себе. Я надеялась, что она встретила достойного человека, который побудил ее забыть о запретной любви и теперь готов принять в своем доме и ее детей.

Что же касалось меня самой, то я не намерена была оставаться у сестры надолго. Я хотела обзавестись собственным домом неподалеку от столицы с большим приусадебным участком, на котором можно было бы выращивать огурцы. Я могла бы поставлять их в какое-нибудь заведение в Валье-де-Браво на эксклюзивной основе. Соваться во дворец я была больше не намерена. И только тут я вспомнила, что так и не спросила Клермона о том, что случилось в столице, когда он отправился туда, чтобы разрешить дело с отравленными огурцами. Но теперь думать об этом не было уже никакого смысла.

Конечно, я могла ограничиться и покупкой дома в Валье-де-Браво и забыть о своем маленьком бизнесе. Но мне не хотелось сидеть сложа руки и просто тратить те деньги, что я получила от герцога. Такой путь вел в никуда. Не имея дохода, через какое-то время можно было остаться ни с чем.

В предместье Виллон мы прибыли вечером. Карета остановилась у двухэтажного дома на довольно широкой улице. На звук дверного колокольчика вышел слуга, который, едва мы назвали себя, повел нас по лестнице на второй этаж. После герцогского особняка здешний интерьер нельзя было назвать роскошным, но и дешевым он отнюдь не был. Этот дом наверняка принадлежал дворянину средней руки или богатому торговцу.

Но подумать об этом я едва успела, потому что как только слуга распахнул дверь в гостиную, я попала в объятия Гертруды.

— Как хорошо, что вы приехали так быстро, сестренка!

Поцеловав меня, она бросилась к детям и разрыдалась. Стефани и Сэмми тоже расплакались, и это было так трогательно, что я тоже пустила слезу.

Гертруда была одета в строгое платье из шерсти вишневого цвета, крашенное по вороту и подолу кружевом и вышивкой. Наряд был элегантным и дорогим.

— Да что же я держу вас на пороге? — спохватилась она, вытирая слёзы шелковым платочком. — Прошу вас, проходите!

Мы оказались в просторной комнате, обставленной с несомненным вкусом. А у одного из больших окон, что вели на улицу принца Генриха, стоял мужчина средних лет — высокий, худощавый, с волосами цвета темной меди. Он поклонился нам, а Труди сказала:

— Это мой супруг шевалье Антуан Уилсон.

— Рад приветствовать вас в своем доме! — его голос мне тоже понравился.

Значит, это был тот самый месье Уилсон, в которого моя сестра была влюблена еще с юности! Но как же получилось, что они оказались женаты?

Но поговорить об этом сразу мы не смогли, потому что в беседу вступил еще один персонаж, и от этого у меня сразу испортилось настроение.

— Лорейн? — мой старший брат Даррен Ревиаль поднялся с кресла, в котором до сих пор сидел. — Не ожидал увидеть тебя здесь! Ты прибыла в столицу без его светлости?

Меньше всего мне сейчас хотелось обсуждать эту тему, но я не собиралась ничего скрывать, а тем более врать.

— Мы с его светлостью развелись, — выдохнула я и гордо вскинула голову, заранее зная, к чему приведут мои слова.

И не ошиблась.

— Развелись??? — протянул Даррен, даже не пытаясь скрыть своего торжества. — А я знал, дорогая сестрица, что именно этим всё и закончится! И если бы ты соблаговолила посоветоваться со мной, прежде чем вступать в этот брак, то я остерег бы тебя от такого шага. Неужели ты думала, что столь влиятельная особа, как герцог Клермон, захочет иметь такую супругу, как ты? Он всего лишь увлекся тобой на какое-то время и позволил этому увлечению зайти достаточно далеко. Надеюсь, ты хотя бы получила хорошие отступные?

— Даррен, что ты такое говоришь? — возмутилась Табита.

— Ваша младшая дочь, матушка, поступила неразумно и дала еще один повод для насмешек над Ревиальями, — отчеканил он. — И поскольку это касается и меня самого, то полагаю, что я имею полное право об этом говорить.

— Я думаю, прежде всего нам следует подкрепиться, — услышала я спокойный голос хозяина дома. — Ужин уже готов, и как только наши гости разместятся в комнатах и переоденутся, мы сядем за стол. А все серьезные разговоры я предлагаю отложить до завтра.

Такое вмешательство выдало в нем чуткого человека, и я порадовалась за сестру.

А вот Даррен, хотя и не стал перечить месье Уилсону, за ужином всё-таки не удержался и отпустил еще несколько колкостей в мой

адрес. Но он не мог сказать мне ничего нового.

А после ужина, уложив детей спать, Гертруда пришла ко мне в комнату. Лицо ее лучилось счастьем, и я искренне поздравила ее с этим браком.

— Должно быть, ты хочешь знать, как всё это случилось? Супруга Антуана умерла восемь месяцев назад. Мы с ним не собирались вступать в брак так скоро, но оказалось, что я в положении, и медлить и долее было уже нельзя.

Это был еще один повод поздравить сестру, что я и сделала совершенно искренне.

— Антуан очень любит детей, и я уверена, что и Стефани, и Сэма он тоже будет баловать. Но что я всё о себе да о себе? А ты совсем ничего не рассказываешь. Лора! Как так оказалось, что вы расстались с его светлостью? И как получилось, что вы вообще вступили в брак?

Но я покачала головой:

— К чему сейчас говорить об этом, Труди? Ты же слышала Даррена? Этот брак изначально не имел никаких шансов на то, чтобы стать счастливым.

— Да что хорошего может сказать наш старший брат? — возмутилась Гертруда. — Мне жаль, что тебе вообще пришлось его слушать. Я написала ему тогда же, когда и вам. Но я вовсе не приглашала его в гости и подумать не могла, что он к нам приедет.

— Как бы то ни было, но в этом вопросе он прав, — вздохнула я. — Я была совершенно неподходящей парой для его светлости. Ему нужна совсем другая жена, которая будет принята в свете и станет настоящей хозяйкой его дома. Наверняка уже скоро он женится снова. Возможно, даже на той самой девушке, с которой когда-то был помолвлен — на дочери герцога Эванса.

Думать об этом было неприятно, но я словно специально травила себе душу.

— На мадемуазель Эванс? — переспросила сестра. — Вот уж не думаю! Ах, да ты же, наверно, ничего не знаешь! Эта девица недавно оказалась замешанной в одном крупном скандале — об этом говорила вся столица! Ее обвиняли чуть ли не в отравлении его величества, и только заслуги ее отца перед королем позволили ей избежать тюрьмы. Но ее выслали из Валье-де-Браво куда-то в провинцию.

Так это Жасмин отравила мои огурцы? Мне было трудно в это поверить. Неужели она решилась на это, чтобы мне навредить? А ведь об этом говорил и маркиз Абеляр, только тогда я не увязала это с огурцами.

— Ах, как же жаль, что ваш брак оказалось так легко расторгнуть! — расстроилась Гертруда. — Вот мой Антуан не смог этого сделать, потому что законы Арвитании разрешают расторгать союз только тогда, когда на это есть согласие двоих, либо когда один из супругов уличен в измене. Уверена, если бы на расторжение брака требовалось время, то этого хватило бы для того, чтобы вы одумались.

— Не терзай меня, дорогая, — попросила я и отвернулась, чтобы она не увидела моих слёз.

Но сестру не так-то легко было провести, и она села со мной рядом и обняла меня.

— Ты не должна ничего скрывать от меня, Лора! Я же вижу — ты любишь герцога Клермона. Так почему ты так легко от него отказалась?

Это стало последней каплей, и я разрыдалась, уткнувшись ей в плечо. Но вслух я всё равно не смогла произнести то, что она ожидала от меня услышать.

— Ну, полно, полно, — она принялась меня успокаивать. — Завтра мы поедem гулять в город, и когда ты увидишь всю красоту Валье-де-Браво, ты и думать забудешь о своих невзгодах.

Я не стала с ней спорить. Я и так уже расстроила ее. Но ехать в город мне совсем не хотелось. Я предпочла бы провести несколько ближайших дней в этой маленькой комнатке, зализывая свои раны.

Глава 75

За завтраком наш старший брат опять не удержался от нотаций. Он напомнил мне, что в моем положении мне не следует заноситься. Ибо бывшая жена герцога Клермона — это не титул, а скорее клеймо, которое говорит о том, что благородный дворянин посчитал меня недостойной себя, а значит, и другие мужчины теперь станут воспринимать меня как второй сорт, и мои шансы снова выйти замуж близки к нулю.

Чтобы не расстраивать матушку, я не вступала с ним в перепалку, но собиралась кое-что сказать ему после того, как мы выйдем из-за стола. А прекратил свои ядовитые излияния он только тогда, когда хозяин дома сделал ему замечание. А вскоре после этого поднялся из-за стола, заявив, что ему нужно написать несколько важных писем.

Шевалье Уилсон всё больше нравился мне, и я надеялась, что и Гертруда, и ее дети будут счастливы, имея такого заботливого мужа и отца.

— Каким ты нашла моего супруга, Лора? — сестра пришла в мою комнату вслед за мной, чтобы помочь мне выбрать платье для прогулки, хотя я полагала, что я могла справиться с этим и сама.

— Он очень мил, — искренне сказала я. — И раз ваша любовь выдержала испытание временем, то полагаю, что и дальше она будет только крепчать.

— Если ты останешься в столице, то я уверена, что у тебя отбоя не будет от поклонников. И не слушай Даррена! Помимо герцога Клермона на свете есть и другие мужчины, и пусть не все они обладают столь высоким титулом, зато они куда более добры и дружелюбны.

Такое заявление показалось мне несправедливым по отношению к его светлости, и я, сама того не заметив, бросилась его защищать.

— Поверь мне, Бернард тоже добр и дружелюбен! Просто он не выставляет свои хорошие качества напоказ, и чтобы разглядеть их, мне и самой потребовалось немало времени.

Гертруда рассмеялась, что показалось мне не совсем уместным в этой ситуации. Но я предпочла сделать вид, что не заметила этого, и

достала из дорожного сундука одно из своих платьев.

Оно было удобным и практичным, неброского цвета и не слишком вычурного фасона — именно то, что нужно для прогулки по городу. Но Трудя решительно замотала головой:

— Ты впервые приехала в столицу, Лора! И ты собираешься гулять по ней вот в этом??? Оно скорее подходит для нашей матушки. Да, тебе уже не шестнадцать лет, но и не тридцать! Тем более, что день сегодня солнечный, и в этом платье тебе будет жарко.

Пожалуй, с последним утверждением я могла согласиться. На свет из сундука было извлечено еще одно платье — то, которое я когда-то купила в Альенде — из светло-бежевого муара, украшенное вышивкой.

— Это уже гораздо лучше, Лора, — кивнула Трудя. — И всё-таки для столицы оно недостаточно модное. Такие тут носили пару сезонов назад.

— Ну, и что? — удивилась я. — Я приехала из провинции и не обязана одеваться по последней моде. А если тебе стыдно гулять со мной, то я пройтись по городу и одна.

Признаться, я даже предпочла бы прогулку в одиночестве. Мне многое нужно было обдумать. Кроме того, я хотела узнать цены на недвижимость в городе и окрестностях. Наверняка в столице было немало риелторов, которые, конечно, назывались здесь по-другому, но выполняли те же функции. Мне нужно было понять, во сколько нам обойдется покупка дома с огородом. Я не знала, захочет ли Табита поехать со мной или предпочтет остаться в Валье-де-Браво с Трудя и внуками, но сама я задерживаться в столице не собиралась.

— Лора, прошу тебя, не сердись! — примирительно улыбнулась сестра. — Я всего лишь хочу, чтобы ты не чувствовала себя неловко. У тебя же наверняка есть более роскошные платья. Почему бы тебе не надеть одно из них?

— Я не собираюсь наряжаться как кукла только для того, чтобы побывать на нескольких площадях и полюбоваться памятниками и фонтанами, — рассердилась я. — Прежде меня к этому обязывал титул, но теперь я уже не герцогиня Клермон и могу позволить себе быть самой собой.

Она вздохнула, но смирилась с моим решением и позвала горничную, велев ей отгладить мое муаровое платье.

Сама Труды вырядилась так, словно мы шли на званый ужин. И ее платье было отнюдь не из легкой ткани, подходящей для такого теплого дня.

— Ну, что ты смеешься, Лора? — попеняла она мне, когда я не смогла сдержать улыбку. — Я уже не молода, и я замужем, и у меня трое детей. Так что я вынуждена соблюдать определенные условности.

Мы отправились в центр города. Пока наш открытый экипаж проезжал по предместью Виллон, по обеим сторонам дороги мелькали только ничем не примечательные домики, всё очарование которых заключалось разве что в большом количестве цветов, которые росли перед ними. И окраины самого Валье-де-Браво тоже не произвели на меня большого впечатления. Это были рабочие кварталы с узкими грязными улочками и потемневшими от дождей и пыли фасадами домов.

Но чем ближе мы подбирались к центральным кварталам, тем чище и красивее становился город. Широкие бульвары, утопающие в тени высоких деревьев. Набережная с роскошным видом на речную гладь и корабли с белоснежными парусами.

Дома здесь были уже совсем другими — трех-четырёхэтажные, с яркими фасадами, ажурными, будто парящими в воздухе балконами и огромными окнами с начищенными до блеска стеклами.

По Набережной мы решили прогуляться пешком. Карета следовала за нами на некотором расстоянии.

— Это памятник Максимилиану Десятому, — сказала сестра, когда мы остановились перед бронзовой скульптурой всадника со шпагой в вытянутой в победном жесте руке.

Так вот, каким был этот король, что едва не отдал Терезии целую провинцию! Это и послужило отправной точкой всей той истории, в которую я невольно оказалась вовлечена. Теперь вспоминать об этом было уже не так больно. Я надеялась, что письмо, которое побудило маркиза Абеляра пойти на преступление, уже уничтожено.

Нет, мне следовало прекратить об этом думать! Всё это уже в прошлом, а я теперь — просто Лорейн Ревиаль, огородница. Вот только мне следовало еще справиться о состоянии здоровья графа Шортера. Но я собиралась это сделать, не прибегая к помощи Клермона. Возможно, муж Гертруды с ним знаком. А если нет, то я узнаю, где находится его дом в столице и поговорю с кем-нибудь из его

слуг. Несмотря на то, что с графом у меня были связаны не самые приятные воспоминания, мне хотелось бы знать, что он оправился от раны, которую получил, когда бросился на мою защиту.

У мальчишки-разносчика мы купили хлеба, чтобы покормить лебедей, и долго любовались красивыми белоснежными птицами.

Я видела, что сестра уже устала, а утомляться в ее положении было совсем ни к чему. И я предложила вернуться домой. Но Труді сказала, что до конца Набережной осталось совсем немного, а такие прогулки на свежем воздухе ей даже полезны.

И мы миновали здание городской Ратуши с помпезными колоннами, над которым развевался флаг Арвитании, а потом оказались на самой красивой площади, которую я когда-либо видела.

Она была квадратной, вымощенной булыжником, и выходила прямо на Набережную. По двум сторонам ее, что шли перпендикулярно Набережной, раскинулись два чудесных парка с цветущими деревьями. В центре стоял огромный фонтан с покрытыми золотом фигурами, которые в солнечных лучах ярко блестели. А вот вдоль четвертой стороны площади располагался прекрасный дворец, будто сделанный не из камня, а из тончайшего кружева.

Я не смогла сдержать восхищенного вздоха и обернулась к Гертруде.

— Должно быть, это королевский дворец? Ты была в нём когда-нибудь?

Я задала этот вопрос и сама же поняла, что он не имел никакого смысла. В резиденцию монарха имели доступ только самые знатные дворяне королевства, а ни шевалье Уилсон, ни, тем более, моя сестра в их число не входили.

— Конечно, нет, дорогая, — подтвердила это и Труді. — Но, если ты хочешь, мы можем попробовать туда заглянуть. Иногда часть помещений дворца открывают и для простой публики.

Я подумала, что вблизи дворец может оказаться вовсе не таким красивым, как издали, но чем ближе мы к нему подходили, тем больше он меня очаровывал. И тем меньше я верила в то, что нам удастся оказаться внутри.

Мы поднялись по ступеням высокого крыльца, и широкие двери тут же распахнулись. И хотя это было глупо, но я почувствовала себя

Золушкой, приехавшей на бал. Вот только ни бального платья, ни хрустальных туфелек у меня не было.

Глава 76

Изнутри дворец был столь же красив, как и снаружи. Здесь не было никакой помпезной роскоши, но каждая деталь интерьера свидетельствовала о хорошем вкусе то ли дизайнера, то ли владельца.

Картины на стенах тех помещений, где мы побывали, отнюдь не превращали их в подобие художественных галерей, где полотна располагались порой в случайном порядке, а создавали уютную атмосферу и прекрасно гармонировали со всем, что их окружало. Каждая комната была выдержана в определенной цветовой гамме, преимущественно благородных холодных оттенков. Ковры были мягкими и пушистыми, а канделябры и дверные ручки были начищены так, что в них отражалось солнце.

До этого момента я была не слишком высокого мнения о короле Арвитании (а с чего бы мне было им восхищаться после того, как он держал под арестом Бернарда и едва не отправил в тюрьму меня саму?), но сейчас я подумала о нём с большим уважением. Хотя и понимала, что вряд ли этот дворец был заслугой его самого. Но ему хотя бы хватило ума не испортить то, что его окружало.

Меня удивило, что во дворце было так тихо и малоллюдно. Мы увидели только нескольких слуг, что распахивали перед нами двери. Но, быть может, его величество находился в сейчас в какой-нибудь из своих загородных резиденций?

Мы посетили столовую с большим овальным столом посередине комнаты, огромную бальную залу и восхитительную библиотеку. О, в библиотеке я с удовольствием задержалась бы подольше, но Труди, которая никогда не имела пристрастия к чтению, потянула меня дальше.

— Мы видели с улицы красивый балкон, что выходит на площадь, — сказала она сопровождавшему нас лакею. — Можем ли мы на него выйти?

Он поклонился и провел нас в еще одну комнату, из которой и был выход на балкон.

Когда я вышла на него, то не смогла сдержать еще одного вздоха восхищения. С него открывался такой чудесный вид, что мне

захотелось потрогать перила рукой, чтобы убедиться, что это не сон. Река была словно на ладони. И белоснежные парусники казались отсюда дорогими игрушками.

— А что находится по другую сторону дворца? — полюбопытствовала Гертруда.

Вместо ответа слуга предложил нам составить собственное мнение. Была распахнута еще одна дверь — в комнату на противоположной стороне коридора. На задний двор (ох, нет, это нельзя было назвать двором!) выходила терраса. Здесь стоял красивый круглый стол на точеных ножках и пара стульев. Должно быть, его величество иногда трапезничал тут. И я вполне могла его понять.

Когда мы подходили ко дворцу, я подумала, что с двух сторон площади находились два автономных небольших парка. Но нет, оказалось, что за зданием они соединялись друг с другом, образуя красивую зеленую ленту, что обрамляла дворец с трех сторон.

Здесь были беседки и фонтаны — но не огромные, а небольшие и словно прячущиеся в этом заповедном лесу.

— Как приятно, наверно, обедать здесь в теплый солнечный день! — воскликнула я.

— Прикажете накрыть на стол, ваша светлость? — услышала я за спиной знакомый голос.

Я вздрогнула и резко обернулась.

У порога собственной персоной стоял Бастьен. Мне показалось, что он с трудом сдерживал улыбку.

— Что здесь происходит? — я переводила взгляд с мажордома на сестру и обратно и ничего не понимала. — Где мы находимся???

А Трудя рассмеялась:

— Кажется, у тебя дома.

Бастьен тактично удалился, дав нам возможность выяснить отношения без свидетелей.

— Потрудись объяснить мне, что происходит? — потребовала я. — Чей это дом? Ты сказала мне, что это дворец короля.

Но сестра покачала головой:

— Ничего подобного я тебе не говорила. Ты сама предположила это. Но смею тебя заверить, что по красоте этот дворец ничуть не уступит королевскому. И да, он принадлежит герцогу Клермону.

— Но как мы оказались здесь? — я уже едва не плакала от досады. — Только не говори, что это вышло случайно.

Всё то, что произошло, казалось мне глупой шуткой.

— Конечно, не случайно, дорогая, — не стала отрицать Труды. — Но, надеюсь, ты не станешь сердиться на меня за то, что я не смогла отказать в просьбе его светлости?

— Его светлости? — еще больше изумилась я. — Он тоже знает, что я здесь? Но как всё это получилось? Ведь ты даже не была с ним знакома! И разве он сейчас не в Клермоне?

Гертруда хихикнула:

— Он приехал в Валье-де-Браво на полдня раньше вас с матушкой. Представь себе мое удивление, когда я увидела его на пороге своего дома! Но, думаю, куда лучше обо всём он расскажет тебе сам, — она бросила еще один восторженный взгляд на парк. — Ох, Лора, ну ты же не будешь спорить, что быть хозяйкой такого великолепного дворца ужасно приятно?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Разве ты забыла, что я больше не герцогиня Клермон?

— Это не так, Лорейн!

А вот от этого голоса мурашки побежали у меня по спине. Слышать его было и волнительно, и горько. Я скучала по Бернарду (к чему было это отрицать?), но вместе с тем я не понимала, зачем он захотел, чтобы я тут оказалась. Чтобы показать мне, чего я лишилась, согласившись на развод с ним? Если так, то это было очень жестоко.

— Прошу вас простить меня, ваша светлость, — сразу засуетилась сестра, — но я вынуждена вас оставить. Мне давно уже пора возвращаться домой.

— Труды! Подожди!

Но она предпочла меня не услышать и уже через секунду исчезла из комнаты.

Теперь мы стояли друг против друга — Бернард и я. Я не знала, о чём думал он, но я сама радовалась тому, что настояла на том, чтобы отправиться на прогулку именно в этом платье. Если бы я приехала сюда в чём-то более дорогом, он мог подумать, что я нарядилась так для встречи с ним.

— Как ты оказался у моей сестры раньше нас? — я обратилась к нему на «ты» прежде, чем осознала это. Но слово не воробей,

вылетело — не воротишь. И в конце концов он сам когда-то первым сделал это. — Как ты вообще узнал, где она живет?

Но прежде, чем он ответил, я поняла это и сама. Письмо! Матушка сказала, что оставила его на столе!

— Только не вздумай упрекать меня в том, что я читаю чужие письма! — улыбнулся он. — Я прочитал только адрес на конверте. А лошади у меня оказались более резвыми, чем те, которые были впряжены в ваш наемный экипаж. К тому же вы наверняка останавливались на ночлег, а я ехал без остановок.

— Но зачем? — спросила я.

Я и хотела услышать ответ, и боялась его. Боялась того, что могла ошибиться. Что, если ему потребовалось меня отыскать лишь потому, что документ о нашем разводе был составлен с ошибкой, и требовалось его переписать?

— Затем, — он сделал шаг в мою сторону, — что я хотел сказать тебе, что я не желаю никакого развода! Что решение жениться на тебе, пусть и принятое столь внезапно, было лучшим решением в моей жизни! Что я почувствовал себя одиноким глупцом сразу же, как только ваша карета выехала за ворота Клермона!

Я пыталась сдержаться, но всё равно расплакалась — от счастья. А в следующее мгновение Бернард уже обнимал меня.

— Я совсем тебе не подхожу, — прошептала я. — И ты почти ничего обо мне не знаешь!

— Всё это неважно, — заверил меня он. — Достаточно того, что я тебя люблю.

Слышать это было невероятно приятно.

— Но мы же подписали документ о разводе, — спохватилась я.

— Я так и думал, что ты про это скажешь, — усмехнулся он и достал из внутреннего кармана камзола сложенную втрое бумагу.

А потом позвал слугу и велел ему зажечь свечи в стоявшем на камине канделябре. Когда слуга ушел, я не без удовольствия поднесла к крохотному пламени тот документ, что так и не был пущен в дело.

— Но к чему было это представление? Почему ты просто не дождался нас в доме у Гертруды?

Он задул свечи и снова сжал меня в объятиях.

— Я подумал, что после того, как ты увидишь мой дом, ты уже точно не сможешь мне отказать.

И прежде, чем я успела возмутиться, он закрыл мне рот поцелуем. А потом подхватил меня на руки и понес в спальню.

И по-настоящему герцогиней Клермон я стала именно этим днём. И когда я лежала рядом с Бернардом на широкой кровати на шелковых и уже влажных от наших разгоряченных тел простынях, я чувствовала себя абсолютно счастливой.

Глава 77

Это был первый бал в нашем столичном дворце, который я организовывала как хозяйка. Требовалось учесть столько всяких мелочей, что у меня шла кругом голова.

Разослать приглашения, не пропустив никого из длинного списка гостей, позаботиться о музыкантах, проследить, составить меню и объяснить главному повару, что именно я хочу, проследить, чтобы было закуплено должное количество свечей, дабы к концу бала не остаться в темноте. Разумеется, большую часть работы взял на себя Бастьен, но многие тонкости должна была знать и контролировать именно хозяйка. А хозяйкой я была пока неопытной.

Да я вообще предпочла бы обойтись безо всяких балов и приемов, но прекрасно понимала, что у одного из первых вельмож страны есть не только права, но и обязанности. И хорошо еще, что сам Бернард вполне разделял мое стремление к тихим и уютным семейным вечерам. Его тоже ничуть не прельщало светское общество, и на этом балу он настоял исключительно потому, что я еще не была представлена в столице как герцогиня Клермон, а это необходимо было сделать.

В Валье-де-Браво я находилась уже почти месяц — вполне достаточный срок для того, чтобы познакомиться с городом и даже его полюбить. И мы с Бернардом каждый день отправлялись в экипаже на прогулки по площадям, бульварам и пригородным паркам. А по вечерам иногда мы посещали светские салоны — где-то тихие, романтичные, а где-то шумные, балансирующие на грани приличия.

Но милее всего мне были простые домашние вечера, когда мы с Бернардом садились у камина с книгами в руках и время от времени обменивались впечатлениями и что-то рассказывали друг другу. Мой муж был прекрасно образован, и мне не хотелось от него отставать. Я просто проглатывала книги по истории, географии Арвитании, о ее народах и животном мире. А вот от магических книг Клермон меня пока остерегал. Он говорил, что если человек не рожден менталистом, то пытаться овладеть этими знаниями с нуля может быть очень опасно.

Несколько раз я порывалась рассказать ему о том, что на самом деле я — вовсе не Лорейн Ревияль, но решила, что еще слишком рано. Кто знает, как он к этому отнесется? Но однажды я непременно ему всё расскажу.

Табита, погостив неделю у Гертруды, перебралась в наш дом. Здесь было больше места, а она ужасно не любила кому-то докучать. Но и у нас она не задержалась. Столица ничуть не прельстила ее, и она решила вернуться в Клермон. Я взяла с нее слово, что она не вздумает остановиться в своем старом доме, а расположится в своих прежних апартаментах в особняке. Я даже написала письмо Мэнсфилду, прося его позаботиться о матушке.

Гертруда навещала нас каждую неделю. Наверно, ей хотелось бы делать это чаще, но она робела перед Бернардом. Иногда она приезжала одна, иногда с детьми. Стефани и Сэмюэль уже вполне освоились в городе. И хотя их нынешний дом сильно проигрывал поместью, в котором они прожили несколько месяцев, они нашли в Валье-де Браво новых друзей и множество развлечений.

Я и сама иногда приезжала в дом Уилсонов. Мне нравилось беседовать с Антуаном и рассказывать племянникам сказки. Но один из визитов к ним оказался крайне неприятным.

Я была уверена, что Даррен давно покинул столицу и вернулся домой, но он всё еще оставался в доме своего зятя, чем весьма нервировал Труди.

— Мне кажется, он сидит здесь исключительно для того, чтобы свести знакомство с твоим мужем, — сказала она. — Ведь другого такого случая ему может и не подвернуться. Вряд ли вы захотите нанести им визит в наше старое поместье.

— Разумеется, нет, — рассмеялась я. — А что касается знакомства с Бернардом, то вообще-то оно уже давно состоялось. И для всех для нас оно запомнилось не с самой лучшей стороны. Но если он надеется, что я приглашу его в наш дом, то он сильно ошибается. Я слишком хорошо помню, какое оскорбление он нанес нашей матушке и всем нам. Тебе и самой следует намекнуть, что ему пора бы и честь знать. Твой муж очень гостеприимен, но полагаю, что и его терпение не безгранично.

Гертруда вздохнула:

— Я уже намекала ему, но он делает вид, что не понимает намеков. Но ты права, мне следует проявить настойчивость. Мне думается, что если он не получит от тебя приглашения на бал, то обидится и непременно уедет.

Приглашение на бал? Что за нелепость? Мне даже разговаривать с Дарреном было неприятно, так с чего бы мне портить такой праздник его присутствием? И помня о том, как он пробрался в наш дом прошлый раз, я уже особо предупредила Бастьена о том, что шевалье Ревиаля в числе приглашенных нет.

Но поговорить со старшим братом мне всё-таки пришлось. В присутствии шевалье Уилсона он не решился дерзить мне и дождался меня на крыльце.

— Если ты думаешь, сестрица, что ты надолго захомутала его светлость, то ты ошибаешься. Я, знаешь ли, тоже вхож в здешнее светское общество, и я успел тут многое услышать.

Он сделал театральную паузу, должно быть, ожидая, что я проявлю любопытство. Но мне были совершенно не интересны эти сплетни.

— Этот брак не угоден его величеству! — так и не дождавшись от меня вопросов, торжественно заявил брат. — И если даже чувства к тебе вскружили его светлости голову, то скоро он придет в себя, одумается и пойдет просить прощения у короля.

Я пожала плечами:

— Я уже слышала это однажды.

Я обошла Даррена и стала спускаться по ступенькам крыльца. Но он пошел за мной следом.

— Ты уже третью неделю находишься в столице. Вполне достаточное время, чтобы получить приглашение в королевский дворец. Но разве тебя или твоего мужа туда пригласили? А между тем, герцог Клермон — племянник его величества, и прежде был вхож во дворец в любое время.

Я не стала ему отвечать. Просто села в карету и уехала. Но его слова, как я ни пыталась выкинуть их из головы, меня обеспокоили. Потому что я и сама уже отметила, что за то время, что мы были в городе, Бернард ни разу не ездил к королю. Но расстраивать мужа вопросами я не захотела.

Гости начали съезжаться задолго до означенного часа. Но это было ожидаемо — длинная вереница карет уже протянулась по всей площади и завернула на Набережную. А каждого гостя требовалось представить.

С большинством из них, разумеется, я не была знакома. С некоторыми из них я виделась на званых вечерах, куда нас с Бернардом охотно приглашали, но этого было слишком мало, чтобы завести с кем-то дружеские или хотя бы приятельские отношения. Поэтому я просто приветствовала их улыбкой и парой вежливых фраз.

— Не беспокойся об этом, дорогая, — подбодрил меня утром супруг. — Я почти всю жизнь провел в столице, но до сих пор не знаю многих из тех, кто будет у нас на балу.

Для меня этот бал был чем-то похож на мой первый бал в Арвитании — тот, что состоялся в поместье. Но на этом балу у меня было всё-таки на один повод для волнения меньше. Я научилась танцевать! Конечно, я освоила отнюдь не все танцы, какие были в моде в Валье-де-Брава, но некоторыми из них я овладела довольно уверенно. Одним из них мы с Бернардом как раз и откроем бал.

И на этот раз у меня тоже было роскошное платье — немислимо красивое и дорогое. Мне было даже немного неловко его надевать. Оно было нежно-салатового цвета, и с ним прекрасно сочетался изумрудный гарнитур.

Я обратила внимание, что многие барышни и дамы тоже старались поразить окружающих своими нарядами, но ни один из этих туалетов всё-таки не смог соперничать с моим.

Когда я увидела на лестнице младшего брата, я едва сдержала себя, чтобы не устремиться ему навстречу. Нет, во время таких церемоний было не принято проявлять родственные и дружеские чувства — разве что моя адресованная ему улыбка была более широкой и тёплой. И пусть мы не были родными по крови, я испытывала к Норману вполне сестринские чувства.

Мы послали ему приглашение раньше, чем другим гостям, учитывая большое расстояние между столицей и Лас-Варасом. Я не была уверена, что брату дадут увольнительную, и он сумеет приехать к нам, а потому видеть его теперь было особенно радостно.

Так же тепло я поприветствовала и Гертруду с Антуаном. Было заметно, что оба они чувствовали себя здесь довольно неловко — до

этого дня они не были вхожи в высшее общество, но я надеялась, что они быстро освоятся.

Прибыл на бал и граф Шортер. Правда, когда он поздоровался с нами и поцеловал мне руку, он предупредил, что вскоре вынужден будет удалиться — он еще не вполне пришел в себя после ранения.

Наконец, заиграла музыка и был объявлен первый танец, и мы с Бернардом вышли в центр зала. Первое па оказалось самым волнительным, но чем дальше лилась музыка, тем свободнее я себя чувствовала. И мы порхали по паркету и не замечали уже ничего вокруг.

И потому когда музыка прервалась, я несколько мгновений не могла понять, что же случилось. Танец еще не должен был закончиться!

— Его величество Дамиан Пятнадцатый, король Арвитании и сопряженных княжеств! — торжественно возвестил церемониймейстер.

А я едва не лишилась чувств.

С какой целью он прибыл сюда? Чтобы познакомиться со мной? Или чтобы ясно дать понять, что он никогда меня не примет?

Но когда король вошел в залу, и я увидела на его лице доброжелательную улыбку, то сомнений у меня не осталось, и когда пошли ему навстречу, я уже почти не дрожала.

— Счастлив, наконец, познакомиться с супругой моего дорогого племянника! — сказал его величество и крепко меня обнял. — И теперь я ничуть не удивлен, что он пал жертвой вашей красоты, — а потом он понизил голос и добавил мне на ухо: — Надеюсь, на сегодняшнем ужине будут ваши знаменитые огурцы?

Мы оба с ним рассмеялись. Снова заиграла музыка. Праздник продолжался.

Эпилог

Наш первенец родился летом. Это время года мы собирались провести в Клермоне, но его величество пожелал принять участие в первом церковном обряде в жизни малыша, то есть стать ему тем, кем у нас становятся крёстные. А потому на этот сезон мы остались в столице.

Приём — исключительно для «своих» — мы решили устроить сразу же, как я пришла в себя после родов. И теперь на этом ужине присутствуют только самые близкие люди, и нам нет нужды натужно улыбаться и говорить вежливые дежурные фразы. Мы можем позволить себе быть такими, какие мы есть на самом деле.

Малыша Джерома я приношу всего на несколько минут. А потом он снова отправляется в свою мягкую кроватку. Я отказалась от услуг кормилицы и решила кормить сына сама. Гертруда была в ужасе. В Арвитании такое еще не принято, и я рада, что Бернард меня в этом поддержал.

Повара постарались на славу, и стол ломится от всевозможных яств. В качестве первого блюда подают солянку — это маленький сюрприз. Гости изумлены, но судя по тому, как брякают их ложки о почти пустые тарелки, это блюдо понравилось им.

А я перевожу взгляд с одного дорогого лица на другое. Прошло вовсе не так много времени с тех пор, как я оказалась в Арвитании, но все эти люди стали близки и дороги мне. Возможно, я привыкла к новой действительности потому, что там, в старом мире, у меня никого уже не оставалось.

Я вдруг вспомнила Сергея Пахомова и усмехнулась. Когда-то я думала, что расставание с ним станет для меня трагедией. А теперь я искренне рада, что тогда всё случилось именно так. И та его измена стала для меня отправной точкой, началом удивительного путешествия, в котором я обрела новую семью, любимого человека и друзей.

Однажды Пахомов приснился мне. И он, и Карина Задорина. Он выглядел изможденным, а она недовольной. Она отчитывала его за то, что они не могли позволить себе купить ей новую норковую шубу. И

пусть это был всего лишь сон, я бы не удивилась, если бы эта сцена была на самом деле. Карина не из тех, кто довольствуется малым. В отличие от меня, она пойдет к своей цели по головам. И нет, я ничуть ей не завидовала. Я была рада, что я — не такая.

А вот с Клодом Дэвисом — человеком, который расторг помолвку с Лорейн Ревиаль — два месяца назад я встретила в реальности. Это случилось на приеме в доме Гертруды, куда он тоже был приглашен, поскольку его отец был хорошим знакомым шевалье Уилсона. Клод был там с супругой — ничем не примечательной и не особо умной особой. И он явно ее не любил, судя по тому, какие грустные взгляды он бросал в мою сторону. А я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться ему в ответ. Мне было страшно представить, что было бы, не откажись он тогда от меня.

Но думать о прошлом мне сейчас совсем не хотелось. И я улыбнулась мужу, который сидел по другую сторону стола.

— Этот суп восхитителен, дорогая! — воскликнула Гертруда, откладывая ложку. — Я должна непременно узнать его рецепт у вашего повара.

О, как она удивилась бы, если бы узнала, что наш главный повар сам узнал этот рецепт лишь вчера!

У Труди тоже родился сын, и шевалье Уилсон был счастлив. Малыш был еще слишком мал, чтобы присутствовать на этом ужине, но остальные мои племянники были тут.

Стефани заметно вытянулась за этот год и уже мнила себя молодой барышней. Она превращалась в настоящую красавицу, и можно было не сомневаться, что, когда она вырастет, она сведет с ума многих кавалеров.

Сэмми тоже повзрослел и стал более серьезным и ответственным. Он увлекся фехтованием, и когда он бывал у нас в гостях, Бернард с удовольствием давал ему уроки.

Приехал из Лас-Варгаса и Ален — у него как раз закончился учебный год в академии, и он был рад провести каникулы в кругу семьи.

А Норман уже обзавелся семьей, и его молодая супруга не была сейчас здесь только потому, что находилась в положении. Но после свадьбы они приезжали сюда, и Амалия показалась мне очень милой.

Она была добродушна и смешлива, и я искренне порадовалась за брата.

Сам же Норман приехал в столицу не только по нашему приглашению. Он был в числе офицеров, которые удостоились чести получить патент на очередной офицерский чин из рук самого короля.

— Это больше твоя заслуга, сестрица, чем моя, — заявил он мне, когда вернулся с документом из королевского дворца. — Я стал быстро продвигаться по службе только тогда, когда стал шурином племянника его величества.

Приехала в Валье-де-Браво и матушка. Ей предстояло впервые увидеть сразу двух своих внуков. Она тоже заметно изменилась за эти месяцы. Именно она взяла на себя ту часть нашего бизнеса, что располагалась в Клермоне.

Теперь уж вся деревня Шатель специализировалась именно на огурцах — часть товара поставлялась в Альенде, а большая часть привозилась в столицу. Мы начали торговать не только солеными, но и свежими огурцами, и у нас отбою не было от покупателей.

Сначала я была против того, чтобы матушка этим занималась. Уж очень хлопотное это было дело. Но Табита не могла сидеть сложа руки и теперь она имела все основания собой гордиться. Этот бизнес пошел на пользу не только ей, но и многим нашим знакомым.

Месье Корден перебрался в столицу и обзавелся здесь большой гостиницей. Он всё так же один из основных наших покупателей. А самым главным покупателем теперь выступает королевский двор, и нам не приходится жаловаться на его скупость.

Супруги Дега построили новый дом. Их дочь, которая прежде была вынуждена искать заработков в больших городах, в родную деревню, и теперь тоже работает в теплицах. И их маленькая Луиза уже не голодает.

В связи с возросшим объемом грузопотока месье Меридо закупил пару десятков лошадей и телег, нанял работников, став в нашей провинции таким транспортным королем. Я была этому очень рада — он был очень трудолюбивым человеком и заслуживал этого как никто другой.

Дарен с Чарис, так и не получив приглашения от нас с Бернардом, как-то приезжали к Табите в Клермон. Но она тоже приняла их весьма

прохладно. Какой бы доброй она ни была, но забыть о той обиде, которую они нанесли всем нам, было трудно.

За сегодняшним столом не было его величества. Мы приглашали и его, но он не слишком хорошо себя чувствовал. А может быть, причина была в том, что он был очень одинок и не хотел портить нам праздник своей печалью. Он так и не оправился после смерти жены и ребенка.

А вот граф Шортер полностью оправился от своего ранения и теперь собирался жениться.

Маркиз Эванс и его семья по-прежнему вынуждены были оставаться в своем провинциальном поместье. Теперь, находясь в опале, Жасмин уже не получала хороших предложений, а на что-то менее блестящее, чем титул герцога или маркиза, она была не готова сама.

А тот единственный маркиз, который готов был бы предложить ей руку и сердце несмотря на то, что она находилась в немилости у короля, был не способен это сделать. За измену Арвитании маркиз Абеляр был осужден на пятнадцать лет тюрьмы. Если бы в свое время мадемуазель Эванс выбрала брак по любви, а не по расчету и стала бы женой того человека, который любил ее всей душой, вся эта история могла сложиться совсем по-другому.

Но я была рада, что всё случилось именно так.

Когда ужин закончился, мы вышли на балкон, и в тот же миг, когда мы оказались на улице, в темное летнее небо устремились тысячи фейерверков, и оно расцветилось множеством ярких вспышек.

Дельфина возбужденно залаяла, и нам пришлось успокоить ее большим мясным пирогом.

Это был первый салют в жизни маленького Джерома. И пусть сам он пока еще не мог им любоваться, за него это делали мы.

С реки подул свежий ветер, и я поежилась. И сразу же почувствовала на своих плечах мундир Бернарда. Муж согрел меня и своим мундиром, и своими объятиями. Теперь он уже совсем не стеснялся показывать свои чувства. А я от всего сердца дарила ему свои.

— Что сказал тебе сегодня его величество? — тихо спросила я.

Бернард ездил днем в королевский дворец, и мы не успели поговорить с ним после того, как он оттуда вернулся.

— Ты не согласишь!

— Надеюсь, он не возобновил разговор о твоём праве наследования на престол? — испугалась я.

Я знала, что Бернард никогда не видел себя королём. Он не жаждал власти. А корона давала не только права, но и кучу обязанностей, которых мы оба с ним хотели избежать. Мы не были рождены для того, чтобы править страной. Нам хорошо было в том маленьком уютном мире, который нас окружал.

— Его величеству сообщили, что его дочь, которая, как всегда считалось, умерла при рождении, на самом деле жива.

— Что??? — я посмотрела на мужа с изумлением. — Но как такое могло случиться?

— Это ещё предстоит выяснить, — так же шепотом ответил он. — Возможно, всё это не более, чем очередная интрига и желание воспользоваться слабостью короля. Но если есть хоть малейший шанс, что это правда, нам нужно сделать всё, чтобы найти эту девочку.

И я горячо поддержала его в этом. Я уже полюбила его величество так же сильно, как его любил и мой муж. И я видела, как он старел и слабел. И как сильно его беспокоило то, что ему некому было передать свой престол.

— Вы обязательно её найдёте! — без тени сомнения сказала я.

И мне действительно хотелось в это верить. Будучи счастлива сама, я хотела, чтобы и все вокруг были счастливы.

Ещё один залп, и снова в небе вспыхнули тысячи разноцветных солнц, образовав сияющее сердце. Я ахнула от восторга и рассмеялась. Всё это было ужасно похоже на какую-то восхитительную магию. И я даже знала, как эта магия звалась.

Она звалась любовь!